РИХАРД ЗОРГЕ

Мария Колесникова,
Михаил Колесников

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Жизнь замечательных людей

Серия биографий

ОСНОВАНА
В 1933 ГОДУ
М. ГОРЬКИМ

ВЫПУСК 12
(500)

МОСКВА
1971

Мария Колесникова,
Михаил Колесников

РИХАРД ЗОРГЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЦК ВЛКСМ

«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

Рихард Зорге

ОТ АВТОРОВ

О замечательном разведчике Герое Советского Союза Рихарде Зорге за короткий срок создана целая литература, и количество книг о нем с каждым годом растет. Это свидетельствует о непреходящем интересе к личности Зорге, к делам его организации, действовавшей на территории Китая и Японии.

Рихард Зорге пришел в советскую военную разведку в годы резкого обострения международной обстановки. Он был коммунистом, патриотом Родины и всегда брал на себя самое трудное, самое ответственное дело. Марксист-теоретик, доктор государственно-правовых наук и социологии Рихард Зорге считал для себя обязательным практическое участие в обороне Советского Союза против агрессии международного империализма.

Свой долг перед Родиной Зорге выполнил до конца. Его донесения о происках врагов Советской страны, о планируемом нападении фашистской Германии на СССР имели огромное значение. Острие деятельности организации Зорге было направлено против гитлеровской Германии, информация о германо-японских отношениях имела превентивный характер. Зорге был другом японского и китайского народов, последовательным интернационалистом, борцом за мир во всем мире.

В предлагаемой книге рассказывается не только о Рихарде Зорге, но и о его друзьях и соратниках, о сложных условиях, в которых им приходилось работать; приводятся некоторые данные из биографии Зорге, неизвестные ранее читателю.

В зарубежной литературе деятельность соратников Зорге обычно характеризуется поверхностно. А ведь это были люди, беззаветно преданные родине трудящихся всего мира — Стране Советов, пламенные антифашисты, сознательно подчинившие всю свою жизнь идее борьбы за мир. Даже постоянная угроза гибели не могла поколебать их убежденности в правоте своего дела.

Они были идейными борцами, рыцарями без страха и упрека, и в этом величие их подвига. Ни пытки, ни голод, ни одиночное заключение в японских застенках не сломили их мужества.

Возникшая еще в 1930 году на территории Китая организация Зорге перенесла свою деятельность в 1933 году на территорию Японии и в условиях беспрестанной слежки активно функционировала до дня ареста — 18 октября 1941 года. Одиннадцать лет борьбы явились хорошей школой для ее членов. Они идейно выросли, закалились, познали высшую радость — радость победы над темными силами зла. Воспитателем, вдохновителем этого своеобразного коллектива был Рихард Зорге.

Видный общественный деятель ГДР профессор Эрих Корренс, который хорошо знал Зорге еще в годы первой мировой войны, сказал о нем: «Влияние Рихарда Зорге на всех людей, с кем ему доводилось встречаться, было колоссальным. И кто знает, может, и я не стал бы тем, кто я есть, не будь Рихарда».

Свою разведывательную деятельность Рихард Зорге считал продолжением партийной работы в особых условиях. Его боевые соратники все свои действия также расценивали как выполнение партийного долга.

Все они были антифашистами и убежденными борцами за мир во всем мире. Этап за этапом складывалась организация единомышленников, готовых на любые жертвы ради великой цели.

Рихард Зорге, Одзаки Ходзуми, Бранко Вукелич, Мияги Етоку отдали жизнь за светлое будущее человечества. Макс Клаузен и Анна Клаузен встретили День Победы.

Положив в основу этой книги записки Зорге, составленные им в тюрьме, мы привлекли и другой документальный материал — воспоминания и записки соратников Зорге и людей, близко знавших его. Достоверность была нашим девизом.

Авторы приносят благодарность коллективу журналистов, переводчиков и работников архивов, оказавших помощь в работе над книгой.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Почему я стал коммунистом

1

ВО МНЕ БЫЛО НЕЧТО ТАКОЕ, ЧТО ОТЛИЧАЛО МЕНЯ ОТ ДРУГИХ...

Отправная точка жизни... Она не обязательно должна совпадать с местом и днем рождения. Но Рихард Зорге всегда придавал особое значение именно тому факту, что родился он на юге России, на Апшеронском полуострове:

«Я родился на Южном Кавказе, и этот факт из моей жизни я всегда помнил».

Первые слова, которым он научился, были русские слова: до четырех лет он не знал немецкого языка. Его мать, Нина Семеновна Кобелева, дочь подрядного рабочего на железной дороге Баку — Сабунчи — Черный город, выросла на Апшероне, была привязана к его мрачной красоте всем сердцем, а очутившись позднее за границей, до конца своих дней тосковала по родине, и эта тоска передалась Рихарду.

В глубинах его сознания навсегда осталось ощущение просторов России, ласкового света зеленого Каспия, снеговых громад Кавказа. Промысловые поселки, пропахшие нефтью,— Сабунчи, Сураханы, Раманы, Балаханы, Бюль-Бюли. Тяжелый зной, который не смягчается даже ветром хазри. Край нефти... Она сочится из-под ног,

пропитала казармы и катухи — убогие жилища рабочих. Черные дощатые вышки, масляно блестящие нефтяные озера, в которых гибнут неосторожные птицы... Русская речь мешается с азербайджанской, армянской, с персидской, грузинской, с английской, немецкой, французской, шведской...

В разговорах и в письмах мать называла Россию родиной; так же привык думать о России и Рихард. Мать и старшие братья Герман и Вильгельм по вечерам пели тягучие мечтательные русские песни.

«Наша семья во многих отношениях значительно отличалась от обычных семей берлинских буржуа,— напишет он потом.— В семье Зорге был особый образ жизни, и это наложило на мои детские годы свой отпечаток, я был непохож на обычных детей... Во мне было нечто такое, что несколько отличало меня от других...»

Вот почему в интимной беседе со своим другом Эрихом Корренсом Рихард Зорге мог воскликнуть:

«Я, может быть, слишком русский, я русский до мозга костей!..»

Нина Семеновна Кобелева была из бедной семьи. Когда ее родители умерли, на руках у двадцатидвухлетней Нины остались шестеро братьев и сестер, которых нужно было кормить, одевать, обувать. В это время к ней посватался сорокалетний немецкий техник с нефтепромыслов Адольф Зорге, красивый, представительный мужчина с роскошной бородой. Он был вдовцом. Где-то в Германии проживали у родственников его дочери Амалия и Эмма. После недолгих раздумий Нина Семеновна согласилась выйти за него замуж. Они обвенчались и стали жить в большом двухэтажном доме в деревне Сабунчи. В своем рабочем кабинете Адольф Зорге повесил портреты предков: некоего пастора Георга Вильгельма Зорге из Бетау и его супруги Хедвиги Клотильды, в жилах которой текла и славянская кровь. Георг Вильгельм был нарисован художником в одеждах священнослужителя; такой портрет в кабинете потомка мог служить лучшим паспортом его благонадежности. А техник Адольф Зорге хотел казаться благонадежным, опорой империи, добропорядочным буржуа. Пастор и Хедвига Клотильда имели десять детей, столько же хотел иметь и Адольф Зорге.

Он всякий раз подчеркивал свое прусское подданство, но никогда не рассказывал ни о своем отце, ни о братьях отца (детях того самого пастора Георга Вильгельма): и

отец, и два его брата были активными революционерами до и после революции 1848 года. Революционная работа была смыслом их жизни. Особую известность на этом поприще завоевал дядя Фридрих. Участник Баденского восстания 1849 года, близкий друг Маркса и Энгельса, он после подавления восстания вынужден был эмигрировать сначала в Швейцарию, Англию, а затем в Америку. Фридрих Зорге стал организатором американской секции I Интернационала, а на Гаагском конгрессе I Интернационала, в 1872 году, его избрали секретарем Генерального совета. Слава дяди, видного деятеля международного рабочего движения, ученика Маркса и Энгельса, автора многих социологических и политических трудов, страшила и угнетала обывателя Адольфа Зорге; этот дядя, которого Адольф и в глаза-то никогда не видал, эмигрировал и жил в Нью-Йорке, писал брошюры о том, что «в Германии социализм уже образует всеми уважаемую силу, которая заставляет дрожать даже великого Бисмарка. Во Франции, Бельгии, Голландии, Дании, Австрии, России, Италии и Испании и теперь в Англии — всюду по всему цивилизованному миру социализм пускает корни... И социализм завоюет весь мир!..» От такого родственника хотелось отгородиться каменной стеной.

Адольф Зорге приехал из Германии в Россию, в Азербайджан, в 1885 году. Это было время Ротшильда, братьев Нобель и других английских, шведских, французских и немецких нефтепромышленников, постепенно вытеснявших с Апшерона русских и местных капиталистов. Царское правительство продавало с торгов частным лицам нефтеносные земли, которые отбирались у крестьян деревень Раманы, Сураханы, Сабунчи, Бибиэйба и других.

Адольф Зорге имел возможность наблюдать, как крестьяне, будучи до крайности возмущены таким отношением властей, прогоняли чиновников горного управления, уничтожали межевые знаки, засыпали или поджигали колодцы и шахты. Вспыхивали бунты, на помощь крестьянам приходили рабочие нефтепромыслов, гремели выстрелы, и Адольфу Зорге казалось, что начинают оправдываться прогнозы дяди Фридриха о шествии идей социализма.

Да, Адольф Зорге прибыл на Апшерон в беспокойное время. Каждую весну здесь вспыхивали эпидемии чумы. Летом свирепствовала холера. Этому способствовали не только антисанитарные жилищные условия рабочих, но и

отсутствие пресной питьевой воды на промыслах. В 1892 году Зорге пережил две эпидемии — чумную и холерную. Он страшился не за себя — за детей. Врачей здесь было мало. Их функции нередко выполняли полицейские. Апшерон дышал карболкой и известью. Полицейские протягивали длинную веревку поперек улицы поселка, и людской поток, нахлынув на веревку, останавливался. Полицейские торопливо хватали всех подряд, а затем увозили в холерные бараки. Если холера считалась «болезнью грязных рук», то чума появлялась неизвестно откуда, подкрадывалась незаметно. Ее словно бы приносили весенние ветры.

Адольф Зорге называл Апшерон «черным адом». Но в этот черный ад продолжали слетаться «рыцари» наживы со всего света. Их не могли запугать ни бунты, ни чума, ни холера. Россия поставляла больше половины мировой добычи нефти, занимала одно из первых мест на мировом рынке, оставив далеко позади такие страны, как Америка, Аргентина, Перу.

Сперва Зорге работал на буровой вышке, потом перешел на нефтезавод. В нефтяном деле он смыслил мало, но был прилежен и исподволь учился у местных мастеров — русских и азербайджанцев, которые по знанию добычи нефти очень часто превосходили иностранных специалистов.

Прикопив денег, он стал скупать нефтеносные участки. Прослужив добрый десяток лет на промыслах, он обрел особую интуицию: стал чувствовать «нефтяную жилу», на торгах, или шантан-базарах, как тут их называли, не кидался, как некоторые его земляки, скупать все соседние с нефтяным фонтаном участки, а выжидал. Он не любил рисковать. Большинство представителей иностранных фирм было занято спекуляцией участками; они не занимались организацией бурения, а лишь продавали и перепродавали все участки, скважины, оборудование. Адольф спекуляцией не занимался, он вкладывал сбережения в участки, нефтяные заводы. И в конце концов он добился своего: в «черном аду» Апшерона он построил свой маленький семейный рай, сделался респектабельным буржуа, многосемейным собственником. Все идеалы были достигнуты.

4 октября 1895 года здесь же, в Сабунчах, родился пятый ребенок в семье Зорге — Рихард.

Великий русский писатель Максим Горький, побывавший в те годы в Сабунчах, оставил нам яркое описание этого промысла:

...«Среди хаоса вышек прижимались к земле наскоро сложенные из рыжеватых и серых нетесаных камней длинные, низенькие казармы рабочих, очень похожие на жилища доисторических людей. Я никогда не видел так много всякой грязи и отбросов вокруг человеческого жилья, так много выбитых стекол в окнах и такой убогой бедности в комнатах, подобных пещерам».

Рихарду Зорге врезалась в память картина: угольно-черные вышки, сотни вышек; все пространство заставлено этими вышками, и они как памятники какого-то странного гигантского кладбища; весь Апшеронский полуостров заселен этими вышками. Даже керосиновый завод в Сураханах напоминал не промышленные предприятия, а некие мазары. Самосознание Рихарда пробудилось в тот день, когда он вдруг увидел эти вышки и маленьких людей в пропитанных нефтью пиджаках, копошившихся у их подножия. Было словно бы озарение: люди, чтобы не умереть от голода, должны все время суетиться у этих вышек, делать что-то таинственное; и вышки показались грозными, одушевленными, они надвигались со всех сторон... Это видение долго преследовало его.

Когда Рихарду исполнилось три года, семья переехала в Германию. Адольф Зорге купил небольшой дом в Вильмерсдорфе, западном пригороде Берлина, на Манизерштрассе, развел сад и зажил обеспеченной старостью. И если до сих пор воспитанием детей он почти не занимался, поручив это дело жене, то теперь, оказавшись на родине, он решил взять воспитание сыновей на себя, дабы привить им истинно немецкий дух, внушить, что «Deutschland über alles!». Его сыновья должны вырасти верноподданными немцами и забыть, что в их жилах течет и русская кровь. Он старался также привить им сугубо немецкую пунктуальность, практицизм, без которого не может быть делового человека. Деловой человек обязан помнить слова философа, что «поборники равенства и справедливости — тарантулы», что «стремление к власти — выше самой жизни», что в мире побеждает сильнейший, а остальным «людям — детям горя и страданий — лучше бы не родиться вовсе или хотя бы поскорее умереть», что надо любить мир, но лишь как средство

к новой войне, так как хорошая война освящает любую цель, о доброте же пусть щебечут девчонки. Мужественными, беззаботными, способными к насилию — такими хочет нас видеть мудрость... Сыновья должны приумножить капиталы отца.

«Отец был националистом и империалистом,— скажет Рихард позже,— он всю жизнь прожил под впечатлением, полученным в юношеские годы, когда в результате войны 1870—1871 гг. была создана Германская империя, он только и знал, что беспокоился о своей собственности за границей и о своем общественном положении».

В кругу семьи Рихард, как самый младший, был всеобщим любимцем, его ласкательно называли Ика. В школе — «премьер-министром». Почему «премьер-министром»? Он был не по годам развит, на каждом шагу проявлялось его стремление к самостоятельности.

«Я прослыл трудным учеником, нарушал школьную дисциплину, был упрямым, своенравным и непослушным».

Ика ненавидел зубрежку. Он любил рассуждать, давать собственную оценку прочитанному. У «премьер-министра» было свое государство, источник силы и мощи — книги. Они раздвигали границы мира в пространстве и во времени. Французская революция, облик «неподкупного» Робеспьера, закончившего свой блистательный путь под ножом гильотины, наполеоновские войны, сражение на улице Сент-Антуан в дни июньского восстания 1848 года, революция в Германии, восстание рабочих в Мюнхене, революционные бои на улицах Нассау, Баденское восстание...

Разглагольствования отца об особой миссии Германии, о «национальной миссии» пруссачества и Гогенцоллернов, о расовом превосходстве немецкой нации Рихард слушал без всякого интереса, не придавал им значения, как не придаешь значения ворчанию старого человека, страдающего от грудной жабы.

У Рихарда был другой наставник — его старший брат Вильгельм. Случалось, они вдвоем шли в центр города и целыми днями бродили по улицам, проходили мимо замка Фридриха Великого, Берлинского собора, университета, прусской библиотеки, уединялись в укромном уголке в Тиргартене. Брат с таинственным видом рассказывал о двоюродном деде Фридрихе, который совсем недавно, 26 октября 1906 года, скончался в далекой Америке.

Фридрих был коммунистом, другом вождей рабочего класса Маркса и Энгельса. Вышла в свет переписка Фридриха Зорге с Марксом, Энгельсом и другими деятелями рабочего движения. Вот она, эта книга! Есть и другие работы Фридриха Зорге, например брошюра «Социализм и рабочий» — здесь очень популярно изложено учение Маркса и Энгельса. Правда, в этом учении брат разбирался слабо, но ему удалось заинтересовать Рихарда личностью их двоюродного деда.

Этот человек принимал участие в Баденско-Пфальцском восстании. Именно тогда встретились впервые двадцатилетний волонтер Фридрих Зорге и молодой адъютант командира корпуса повстанцев коммуниста Виллиха Фридрих Энгельс, обладающий исключительной храбростью и стойкостью. А потом, когда прусская реакция подавила восстание, для Зорге началась жизнь, полная приключений: скитания, эмиграция, занятия музыкой в роли учителя; Фридрих Зорге был свидетелем гражданской войны между Севером и Югом в Америке, и только слабое зрение не позволило ему уйти добровольцем в армию северян. Он прожил почти восемьдесят лет...

И если дела Бисмарка, о которых с упоением рассказывал отец, были чужды Рихарду, то все, что случалось с двоюродным дедом, глубоко интересовало его: дед был по-настоящему смелым, дерзким человеком.

Здесь, в парке Тиргартен, брат рассказывал Рихарду о революции 1905 года в России, о расстреле рабочей демонстрации царем, о всеобщей стачке бакинских рабочих и их столкновении с войсками, о восстании на броненосце «Потемкин». Все это будоражило душу. Баку... Значит, и в Сабунчах стрельба, революция.... Ведь это рядом... И пока отец волновался за свои участки в Сабунчах, сыновья желали полного успеха восставшим.

Брат считал себя сторонником русского анархиста Кропоткина, пытался внушить Рихарду его ортодоксии: анархический коммунизм, взаимопомощь как основной фактор общественного развития, федерация свободных производственных общин, образовавшихся в результате социальной революции... В учениях, взаимно исключающих друг друга, трудно было разобраться, но все это будило мысль Рихарда. Он хотел разобраться. Он сделал для себя открытие исключительной важности: история — это не только то, что прошло; история творится и сейчас, у всех на глазах. Он полюбил историю. Она была ключом к

пониманию всего того, что происходило и происходит с человеческим обществом. К истории примыкала политика. Человек, не ориентирующийся в политике,— слеп. Рихарда удивляли люди, равнодушные к политическим вопросам. Но политика требовала умения анализировать и обобщать. Как говорил великий Гёте:

Чтоб в бесконечном путь найти верней,
Анализировать и связывать умей!

Иногда Рихарду казалось, что у него врожденная способность к таким вещам. Он словно бы интуитивно угадывал, что к чему, и эта проницательность поражала и учителей, и его товарищей. Потому-то и закрепилась за ним кличка «премьер-министр». Ему прощали озорство, нерадение ко всем предметам, находящимся по ту сторону политики, истории и обществоведения, так как угадывали в нем глубокую, серьезную натуру, перед которой открыты неведомые горизонты. Он был развит физически; записался в рабочий спортивный кружок и аккуратно посещал его; его кулаков побаивались самые отчаянные драчуны.

В пятнадцать лет пытался осилить Канта, его трансцендентное учение, «Критику чистого разума» и «Критику практического разума». С точки зрения трансцендентальной философии мир раздваивается, расчленяется на два независимых друг от друга мира: «я» и «не-я»»; но что дает нам право отделять себя от внешнего мира? Не является ли наше «я» также «вещью в себе»? Орешек оказался не по зубам, и тогда Рихард решил начать все с самого начала, с античной философии, с истории философии. Школьный учитель, заметив на парте Рихарда одну из книг Гегеля, был изумлен и заинтересован: неужели пятнадцатилетний паренек в состоянии постичь всю эту ученую премудрость? И спросил, как Рихард понимает историческую схему Гегеля. Зорге ответил шуткой: «Мировой дух зарождается в потенциальной форме в Китае, он там, так сказать, спит. В Индии мировой дух начинает грезить. В Персии он просыпается, в Египте встает и одевается, вместе с финикиянами он прогуливается по Средиземному морю и останавливается в Греции, чтобы позавтракать. В Риме он обедает, с тем чтобы в Римской империи, поужинавши, улечься спать по поводу пришествия варваров. Спячка продолжается в течение всего средневековья. Вторичное пробуждение мирового духа происходит

в эпоху Ренессанса. Потом он воплотился в прусской абсолютной монархии. Так ему и надо!»

«В истории, литературе, философии, обществоведении я был намного сильнее любого из учеников моего класса. По остальным же предметам учился ниже среднего уровня. В течение длительного времени я скрупулезно изучал политическую обстановку. Когда мне исполнилось 15 лет, я стал проявлять живой интерес к таким «трудным» писателям, как Гёте, Шиллер, Лессинг, Клопшток, Данте».

Гёте, Шиллер, Лессинг — эти лучшие представители передового немецкого бюргерства жили в позднюю политическую и социальную эпоху, когда весь народ был проникнут низким, раболепным, гнусным, торгашеским духом; и вот против этого феодально-дворянского общества, прогнившего насквозь, выступали эти писатели. Как зачарованный, повторял Рихард вслед за Фаустом:

Рождается великое во мне:
Что? — угадай!..

Поразили слова Гёте: «В современной буржуазной жизни человек поставлен в очень узкие границы религией, законами, моралью...»

Высокопарный Фридрих Готлиб Клопшток, автор знаменитой четырехтомной эпической поэмы «Мессиада», показался невыносимо скучным. Зато в трактатах, драмах и статьях Лессинга Рихард открыл бездну ума и иронии. Лессинг ставил выше всего свободу мысли и силу разума, он был учителем человечества, одним из наиболее революционных умов Германии XVIII века, выдающимся деятелем немецкого Просвещения. Да и нравственный облик Лессинга импонировал Рихарду. Великий драматург был на редкость щедрым человеком: говорят, он постоянно держал в карманах золотые вместе с мелкой монетой и часто по ошибке подавал нищему золотой. Если нищий возвращал монету, Лессинг смеялся от радости, что есть еще на свете честные люди, и приказывал нищему взять червонец. «Умереть за правду прекраснее, чем обладать ею»,— говорил Лессинг, и эти слова были девизом его жизни. Он ненавидел прусскую монархию, прусского короля Фридриха III, именовал Пруссию «самой рабской страной в Европе».

Говорят, что у Ибсена был удивительный дар направлять разговор на темы, могущие дать ему материал для изучения характеров. Подобным даром обладал и юный

Рихард Зорге. У него была «жажда» на людей. Он их всех помнил, так как обладал исключительной памятью. Он обладал всеми родами памяти: памятью мест, вещей, форм, памятью на чувства, звуки, запахи; он мог буквально воспроизводить раз прочитанное. Под влиянием Гёте, Шиллера и Лессинга он начал писать стихи. Это были аллегории, философские отвлеченности, настроения, выраженные в холодных четких образах.

Умей смирять желания свои,
Прячь и храни и радость, и страданье,
Настойчив будь в минуту испытанья...

Уже в эту пору он старался выработать некое жизненное кредо. Гордые слова Данте стали его девизом: «Segui il tuo corso, e lascia dir le genti!» («Следуй своей дорогой, и пусть люди говорят что угодно!»)

В 1911 году умер Адольф Зорге. Грудная жаба и постоянные волнения скосили его. А волноваться было от чего: в этом году цены на нефть резко упали, Адольф Зорге со своими апшеронскими участками оказался на грани разорения.

...Рихард сделался замкнутым, утратил интерес к озорным проделкам. Он стал взрослее. Юность кончилась. И если раньше он проявлял интерес к чужой душевной жизни, то сейчас занялся самонаблюдением. По-прежнему оставался в нем глубокий интерес к политике, и он узнает, что в мире назревают грозные события. Все чаще стали писать газеты о Марокко, где сталкивались интересы Германии и Франции; французская печать на повестку дня поставила вопрос об Эльзасе и Лотарингии, захваченных Германией; немецкие журналисты и политики в открытую заявляли, что главный враг Германии — Англия и что пора силой оружия вытеснить ее с рынков на Ближнем Востоке и в Африке. Неплохо было бы отторгнуть у России Прибалтику, Финляндию, Украину, укрепиться на Кавказе...

Назревала мировая война.

2

РИХАРД ЗОРГЕ ПОЛЕМИЗИРУЕТ С НИЦШЕ

Со школьной скамьи я пересел на эшафот.

(Из записок Р. Зорге)

Рихард учился в повышенной средней школе в берлинском районе Рихтфильде. Ему шел девятнадцатый год. Летние каникулы он решил провести в Швеции. Эта страна все время манила его. Здесь, в Швеции, и застала его весть о начале войны. После выстрела в Сараеве Австро-Венгрия 28 июля 1914 года объявила войну Сербии. Царское правительство России объявило всеобщую мобилизацию; Германия, используя это как предлог, объявила войну России, а три дня спустя — Франции; Англия — Германии...

Рихард Зорге заторопился домой и с последним пароходом покинул Швецию. Пока пароход медленно тащился из Стокгольма в Киль, Рихард обдумывал все происходящее. Кто виновник войны?.. Кто он, Гаврило Принцип, застреливший в Сараеве австрийского наследника эрцгерцога Франца-Фердинанда? Считалось, что выстрелы этого сербского гимназиста положили начало мировой войне. Гимназист. Мальчишка... Газеты поместили две фотографии: наследник австрийского престола Франц-Фердинанд с супругой в роскошном автомобиле незадолго до покуше-

ния; полицейские и прохожие хватают Гаврилу Принципа. Лица гимназиста не видно — он низко наклонил голову, по-видимому стремясь боднуть полицейского в живот.

Должно быть, этот юноша, поднявший руку на Габсбургов, на Франца-Фердинанда, добивавшегося уничтожения государственной независимости Сербии, считал себя патриотом и вовсе не помышлял о славе Герострата; он был мстителем, а газеты возвели его в ранг величайшего провокатора. Казалось бы, такой человек, спровоцировавший грандиознейшую из войн, должен стать героем века.

Но как ни странно, его вроде бы сразу забыли, тем самым подтверждая, что личность сербского гимназиста, в общем-то, никакого значения не имеет. Зато щедро писали о рынках, о превосходстве немецкой расы, о великой Пруссии, о превосходстве германской армии по численности, боевой подготовке и вооружению над армиями Антанты, о культе силы оружия и войны как «части мирового божественного порядка», о том, что ум немецкого народа со времени Фридриха II всегда был направлен на усовершенствование войны и что к враждебным народам нужно применить свои законы войны. Из нафталина вытащили шестидесятисемилетнего Гинденбурга и поставили во главе 8-й армии. Некто Фриманн пророчествовал: «Война будет иметь целебное свойство, даже если ее немцы и проиграют, ибо наступит хаос, из которого выйдет диктатор». Берлинское правительство, увлекаемое слепой пангерманской партией, явно было опьянено своим могуществом. Сила создает право! Эта немецкая война должна завершить дело Бисмарка и воскресить от долгого сна Священную Римскую империю германской нации. Не может заблуждаться та мораль, за которой стоит сила... и да здравствуют «Великогерманский рейх» и «Мировая империя из государств германского типа».

«В школу я так и не вернулся, выпускные экзамены не сдавал и сразу добровольцем пошел в армию. Что толкнуло меня на это? Горячее желание начать новую жизнь, покончить со школярством, стремление освободиться от жизни, которая 18-летнему юноше казалась абсолютно бессмысленной. Имело значение и общее возбуждение, вызванное войной. О своем решении я не сказал никому — ни товарищам, ни матери, ни другим родственникам».

Старшего брата призвали в первый же день войны и отправили в Восточную Пруссию.

Рихард проходил подготовку в одной из военных школ, находящихся в окрестностях Берлина.

После шестинедельного обучения весь выпуск школы был направлен на фронт, в Бельгию. Здесь, в районе реки Изер, развертывалось ожесточеннейшее сражение. Еще 4 августа немецкие войска вторглись в Бельгию. Бельгийская армия сразу же откатилась к Антверпену; немцы с триумфом вторглись во Францию и скоро подошли к Парижу. Но после сражения на Марне германские войска потерпели поражение и вынуждены были поспешно отойти. Французов и англичан спасли русские, которые в это время перешли в наступление там, в Восточной Пруссии. А здесь, во Франции, фронт растянулся теперь до Северного моря. Обе стороны постепенно переходили к позиционным формам борьбы. Как бы там ни было, но французский шантеклер так и не попал в немецкий суп.

Изер — неширокая река с очень медленным течением и низкими берегами, в которой прилив и отлив заметны даже выше Диксмюда. Здесь Зорге и его товарищам пришлось рыть окопы, и это оказалось нелегким делом. На глубине нескольких сантиметров появлялась вода, так как вся местность находится ниже уровня моря.

24 октября немецкие войска перешли в атаку по всей линии Изера и прорвали линию обороны бельгийцев, французов и англичан. Зорге находился в 4-й армии, состоявшей из свежих корпусов, укомплектованных преимущественно университетской молодежью. Здесь господствовал «германский дух». Уверенность в победе была безусловная. А уверенность подкреплена мощной техникой: гаубицами, минометами, аэропланами, бронемашинами. Нет, обломки бельгийской армии не могут задержать эту грозную лавину, которая покатится в Кале, где должна решиться победа Германии!

Изер форсирован немцами. Но в Ньепоре существуют шлюзы, которым немецкая разведка не придала никакого значения. И вот 28 октября бельгийцы открывают шлюзы. Мутные воды устремляются на германскую армию. Рихард Зорге барахтается в воде, захлебывается от черной жидкой грязи. Тонут солдаты, тонут орудия и минометы. А в сумерки зуавы, пешие егеря, сенегальские стрелки и бельгийские подразделения обрушиваются на ошеломленных наводнением немцев, и те поспешно бегут за Изер. Путь на Дюнкерк и Кале по побережью для германской армии закрыт. Десять дней беспрестанных атак и

контратак. Брошена в бой дивизия эрзаца. Брошена ландверная бригада. Они полностью истреблены. Надежды на молниеносную победу потонули в вязком иле Изера. Немецкое командование намечает прорыв фронта у Ипра, этих ворот во французскую Фландрию. По образному выражению французского маршала Фоша, здесь «встречные усилия обоих противников приводят к столкновению, слепому в своей грубой силе и стремительности, а также исключительному по своей продолжительности. Немцы разыгрывают свою последнюю карту и пытаются провести свою последнюю маневренную операцию на Западном фронте». Это великое столкновение вошло в историю как «свалка во Фландрии». Потери обеих сторон были очень велики. Газета «Франкфуртер цейтунг» писала о немецких потерях: «Эти полки пошли на смерть. В этот день были принесены огромные непоправимые жертвы. Туманные осенние дни воскрешают во многих из нас ужасные воспоминания, живую и безутешную скорбь». Ей вторила «Локаль анцайгер»: «Никогда еще равнины Фландрии так обильно не орошались кровью, и, к несчастью, кровью нашей молодежи...» Гёте, повсюду ищущий и находящий закономерности, определял войну как заболевание целого общества. У каждой эпохи есть своя «основная болезнь...».

Кровь и трупы. Горы трупов. В окопе, в грязи лежит солдат Рихард Зорге. Дождь моросит вторую неделю. Гул канонады не утихает ни днем ни ночью. Равнина, плоская как стол. Ни бугорка, ни рощицы. Низменность, отвоеванная у моря. С незапамятных времен эти места служили районом вторжения из Центральной Европы на Запад. Зорге думает о войне, мысленно спорит с философом Ницше, апостолом культа силы, разбоя и грабежа. «Хорошая война освящает любую цель... Для зла есть будущность, придет время, когда народятся большие драконы...» — утверждает Ницше, кончивший свои дни в психиатрической лечебнице. Он открыто приветствовал все «характерные черты жизни: несправедливость, ложь, эксплуатацию». Откуда у этого человека, родившегося и выросшего в самой мирной стране — Швейцарии, столь воинственные юнкерски-прусские наклонности? А что, если его темный мозг безумца ясно представлял, как выползают эти «большие драконы»: подводные лодки, аэропланы, дирижабли, мортиры, воинственные генералы, государи, президенты, Антанта, Тройственный союз, коалиции?..

«Это кровопролитное сражение внесло в мою душу и в души моих фронтовых товарищей первое, и притом наиболее глубокое, чувство беспокойства. Вначале я был полон желания принять участие в боевых делах, мечтал о приключениях. Теперь же наступил период молчания и отрезвления...»

Таково первое впечатление Рихарда Зорге от войны. Он начинал ее ненавидеть. Но и здесь, на полях Фландрии, в окопах, он сохранил способность анализировать, проникать в сокровенный смысл явления. Он хотел понять войну.

«Я стал перебирать в памяти все, что знал из истории, и глубоко задумался. Я обратил внимание на то, что участвую в одной из бесчисленных войн, вспыхивавших в Европе, на поле боя, имеющем историю в несколько сот, нет, несколько тысяч лет! Я подумал о том, насколько бессмысленными были войны, вот так неоднократно повторявшиеся одна за другой. Сколько раз до меня немецкие солдаты, намереваясь вторгнуться во Францию, воевали здесь, в Бельгии! Сколько раз и войска Франции и других государств подходили сюда, чтобы ворваться в Германию! Знают ли люди, во имя чего велись в прошлом вот эти войны? Я задумался: каковы же скрытые побудительные мотивы, приведшие к этой новой агрессивной войне? Кто опять захотел владеть этим районом, рудниками, заводами? Кто ценой человеческих жизней стремится достичь вот этих своих целей? Никто из моих фронтовых товарищей не хотел ни присоединить, ни захватить себе это. И никто из них не знал о подлинных целях войны и, конечно же, не понимал вытекающего из них всего смысла этой бойни».

Университетская молодежь быстро сделалась офицерами, держала себя высокомерно, замкнуто, считая солдат «серой скотинкой». Сразу образовались две касты: высшая и низшая. Большинство солдат, люди среднего возраста, были из рабочих или из ремесленников, состояли в профсоюзах и разделяли социал-демократические взгляды.

Старый каменщик из Гамбурга почему-то сразу проникся доверием к Рихарду и стал его первым настоящим политическим воспитателем. Он обладал острым умом и много знал. Жизнь основательно помяла его: был безработным, подвергался репрессиям за свои выступления против войны, еще когда война только назревала, и за участие в стачках. Он рассказывал о классовых боях в

Германии, о недоверии рабочих к руководству социал-демократической партии, проголосовавшему в рейхстаге за кредиты, к «военному социализму» Шейдемана. Нет и не может быть классового мира. Главный враг немецкого народа находится в самой Германии — это германский империализм, германская военная партия, германская тайная дипломатия. Этого врага в собственной стране и должен побороть немецкий народ... «Революционный штиль» — лживая выдумка Каутского, Шейдемана, Носке и других социал-шовинистов.

После таких бесед Рихарду многое становилось ясно. Этой логике ничего не мог противопоставить даже сам Ницше — «сверхчеловек», стоящий по ту сторону добра и зла и призывающий покончить с царством черни.

Каменщик из Гамбурга был убит в начале 1915 года, когда французы неожиданно перешли в наступление и овладели германской первой линией.

В одном из этих боев Рихард Зорге получил первое серьезное ранение — в правое плечо. Его отправили в госпиталь, который находился в берлинском районе Ланквиц. Пришли сестры, пришла мать. От них узнал, что в Берлине неспокойно: горожане возбуждены. Уровень жизни понизился до такой степени, что скоро нечего будет есть. Это установленный правительством голодный режим. Процветает «черный рынок», здесь, правда, можно купить все, что угодно, были бы деньги. Но денег нет.

«Воодушевление и жертвенный дух, распространившиеся в начальном периоде войны, исчезли,— пишет Зорге.—Как только потекли баснословные прибыли, начались темные махинации военного времени, так высокие идеалы военного государства стали постепенно отходить на задний план. Вместо них возобладали материальные интересы, в достижении которых стали видеть цель войны, беспрерывно провозглашалась такая сугубо империалистическая цель, как установление господства Германии и прекращение навсегда войны в Европе».

Да, в Берлине никто не говорил больше о духовной энергии германской нации.

И здесь, на госпитальной койке, спеленатый бинтами, Зорге продолжает изучать, анализировать войну. Он много спорит с другим раненым солдатом — двадцатилетним Эрихом Корренсом. Эрих был ранен в июне этого года и отправлен в лазарет, сначала в Восточную Пруссию, затем в Берлин. По ночам они читали стихи, горячо обсуждали

положение Германии, говорили о свободе, о месте человека в обществе, об отношении к жизни, полемизировали с Ницше и Штирнером. Несколько месяцев лежали они в госпитале и успели навсегда привязаться друг к другу. (Переписка между ними будет продолжаться многие годы. Эриху Корренсу суждено стать видным государственным и общественным деятелем — президентом Национального совета Национального фронта демократической Германии, крупным ученым. Но об этом Зорге никогда не узнает.)

«Рихарда интересовало все,— свидетельствует Корренс,— он был живой, увлекающийся человек. Особенно притягивали его политика и литература. Он часто говорил, что не хотел бы «жить только для себя». Он намеревался посвятить себя служению великой цели, которая бы целиком, без остатка захватила все его существо. Рихард страстно искал эту идею, искал свое место в жизни». Но самое главное, о чем они спорили тогда: личное отношение к войне, как понимать войну. Да, Рихард начинал понимать войну как историческое явление. Явление, обусловленное политикой эксплуататорских классов, экономическими причинами, господством частной собственности. Почему возникла вот эта мировая война? Да, видимо, потому, что образовалась мировая капиталистическая система хозяйства. Война подчиняется какому-то более общему закону, она закономерна. Но можно ли обойтись без нее, избежать ее?.. Он понимал, что без посторонней помощи, без изучения специальной литературы не сможет разгадать сущность войны до конца, сформулировать то, что смутно бродит в голове. Пока была лишь ненависть к тем, кто развязал эту бойню.

После госпитального лечения ему дали отпуск, большой отпуск. Он мог не спеша идти по Унтер-ден-Линден, наблюдать за жизнью Берлина. В конце улицы — конная статуя старого Фрица; сейчас она уже не кажется грозной и воинственной. Зеленый купол рейхстага. На первый взгляд в столице ничего не изменилось. Так же бегут трамваи и автомобили, так же стоят на перекрестках полицейские. Швейцары распахивают двери магазинов. Сейчас модный цвет — серый: дамы и мужчины одеваются во все серое; на шляпах носят железные кресты. Железный крест повсюду: и на витрине табачной лавочки, и на детских каскетках, и на календарях. Дети тоненькими голосами поют «Wacht am Rein», им подпе-

вают взрослые. Перед дворцом императора выставлено четырнадцать захваченных французских пушек; возле них всегда людно.

И все же Берлин сделался словно бы более нахальным, развязным и... в чем-то неуверенным.

Рихард, сдав выпускные экзамены в школе, поступил в Берлинский университет на медицинский факультет. Чем был вызван подобный шаг? Слишком много крови и страданий видел он за последний год. На войне он хотел быть не убийцей, а спасителем. Не пропускал ни одной лекции. Особенно стремился к хирургии, но на первом курсе ее просто не было как таковой. Здесь было все с самого начала, от Галена и Везалия, и Зорге вскоре понял, что медицина не его призвание. Он хотел бы лечить не отдельных людей, а общество в целом. Потому-то с медицины переключился на самостоятельное изучение политических вопросов, политической обстановки в стране, политических партий. Здесь все показалось сложным, до крайности запутанным. Но это была родная стихия «премьер-министра» Зорге; должно быть, уж кто для чего рожден! Великие естествоиспытатели, например, часто не способны к языкам. Линней прожил несколько лет в Голландии, но не мог запомнить и десятка голландских слов. Великие математики подчас невежественны в вопросах, лежащих за пределами математики. У каждого есть своя руководящая идея, и направление фантазии на эту идею кладет неизгладимый отпечаток на всю деятельность человека. Идея может вызревать годами. У Ньютона период вызревания идеи, как известно, длился целых семнадцать лет. Прирожденный музыкант Моцарт в три года воспроизводил мелодии на клавесине.

Рихарду исполнилось девятнадцать. А в этом возрасте невольно соизмеряешь свои поступки с деяниями знаменитых, пытаешься определить себя как общественную единицу, угадать себя, хочется принадлежать к умам оригинальным, самостоятельным, способным мыслить независимо от авторитетов. Он вспоминал, с каким интересом там, в окопах, залитых водой, прислушивались солдаты к каждому его слову — ведь в их глазах он был интеллигентом, человеком, учившимся в повышенной школе!

И теперь, когда, как ему казалось, он понял сущность политики, его вдруг снова потянуло на фронт: он должен объяснить солдатам... И Рихард Зорге, даже не дождав-

шись конца отпуска, надел солдатский мундир и вернулся в свою часть. Из его фронтовых друзей уцелели немногие. И эти немногие задавали Рихарду один и тот же вопрос: не будет ли война продолжаться вечно? Пора кончать... Но война только развертывалась по-настоящему. Планы быстротечной войны лопнули, она принимала затяжной характер. В 1915 году главным стал русский фронт. Здесь велись ожесточенные бои. Этот фронт тянулся от Риги, по Западной Двине, через Барановичи, Дубно, до реки Стрыпа. Сюда и перебросили осенью 1915 года артиллерийский полк, в котором служил Зорге.

Рихард ехал по русской земле. Он ни на минуту не забывал, что здесь его родина. Россия... Выжженные снарядами деревни, толпы беженцев. Гигантское пепелище. Нет, не в роли завоевателя хотелось бы Рихарду ступить на русскую землю... Германия за один только этот год потеряла миллион человек. А чего она добилась? Ей не помогло даже секретное оружие — ядовитые газы. Здесь, на Востоке, она вынуждена перейти к обороне. Но и в обороне солдат ранят и убивают.

По ночам он выходил из блиндажа и долго смотрел в яркое звездное небо. В такие часы он как бы возвышался над обыденностью, над своими бесконечными мытарствами по грязным фронтовым дорогам, не чувствовал больше своей затерянности среди людских масс, и в нем с новой силой просыпался интерес к своеобразному явлению, которое зовется войной. Она представлялась теперь единым организмом, внутри которого происходят сложнейшие процессы.

Однажды Рихард проснулся от грохота и грома. Хоть и привык он ко всяким обстрелам, ничего подобного слышать и испытывать еще не приходилось. Дрожала земля и сыпалась через настилы бревен над головой. И вот бревна заходили ходуном, стали опускаться. Рихард бросился к двери, а потолок, бревна со стопудовой насыпкой земли продолжали опускаться на него. Он рвал дверь, толкал ее, наваливался на нее всем телом, пока не понял, что засыпало входную шахточку! Он потерял сознание, а когда пришел в себя, то увидел звездное небо и услышал рядом русскую речь. Позже понял, что случилось: тяжелый снаряд, угодив в настил, поднял бревна. Русские... они поговорили и ушли. А он лежал и боялся

пошевелиться. Через два дня, когда Рихард сидел в окопе, его ранило осколком снаряда.

И снова Рихард в берлинском госпитале. Второе ранение. Смерть обходит его. Февраль 1916 года. На редкость студеная зима. В Берлине — голод, здесь в открытую осуждают правительство и кайзера Вильгельма и тайком передают из рук в руки номера журнала «Интернационал молодежи», где напечатана статья «Антимилитаризм». Статью подписал некто «Непримиримый», но многие знают, что это Карл Либкнехт, что создается фонд его имени для борьбы против империалистической войны. Тайно организована группа «Спартак», борющаяся против войны. Зорге встретился с двумя солдатами, знавшими Либкнехта и считавшими себя его союзниками и последователями.

«Я был знаком с семьями фронтовых товарищей и знал жизнь людей, принадлежавших к самым различным классам. Среди них были обычные семьи рабочих, мои родственники, принадлежавшие к среднему классу, классу буржуазии, были и знакомые из очень богатых семей. Буржуазия все настойчивее прибегала к теории о превосходстве немецкого духа. Я не мог выносить всего того, что делала эта надменная, тупая компания, представлявшая так называемый «немецкий дух»,— среди политических деятелей также появились такие, которые уже начали проявлять беспокойство в связи с войной. В результате подняли голову реакция и империализм. На этот раз мое недовольство было еще большим, чем во время первого отпуска. Я опять попросился на фронт...»

Он еще не пришел к мысли, что может активно бороться против войны. Он пока наблюдал и изучал, прислушивался — и ненавидел тех, кто продолжал вести бешеную пропаганду за войну, кто оплевывал левых социал-демократов, оставшихся верными идеям интернационализма, кто своей демагогией стремился поднять боевой дух солдат, разглагольствуя о том, что должна делать Германия по отношению к каждому государству для установления на вечные времена своего превосходства. Но, как он убеждался всякий раз, солдатская масса больше не верила демагогам, а одобряла действия тех, кто вступил в непримиримую борьбу с германским империализмом, разоблачал ура-патриотизм шовинистов и социал-предателей.

Рихард Зорге словно бы готовил себя к чему-то, но был осмотрителен.

«Я имел привычку молча слушать эти споры и ограничивался лишь тем, что задавал вопросы... Но постепенно приближался момент, когда я должен был отказаться от позиции стороннего наблюдателя и принять окончательное решение...»

Снова бесконечные равнины, леса и болота, сожженные деревеньки, желтые закаты и неумолчный гул канонады... Это север России.

Да, да, Ницше никогда не был на войне, потому и мог выдумывать свои чудовищные теории. А когда сам видишь пробитые головы, все умозрительные теории мигом исчезают, и нервы, хочешь ты того или не хочешь, работают неустанно, дергают, мучают...

Рихард Зорге служит в легкой артиллерии. Батарея на позиции. Ведет стрельбу. Командир с наблюдательного пункта передает по телефону команды. Старший офицер на батарее наблюдает за правильностью работы «номеров». А «номера» — это Зорге и его товарищи. Им неведомо, попадают ли снаряды в цель.

В тот день их батарею обстреляла тяжелая батарея противника. Все кинулись в окопы. Но было поздно. Из всего расчета уцелел только Зорге. Но и он был тяжело ранен. Два осколка перебили плечевую кость, один угодил в колено. Очнулся в полевом лазарете. Он был настолько слаб от потери крови, что его не отважились погрузить в санитарный поезд.

Лазарет в Кенигсберге.

Раненый Рихард влюбляется в сестру милосердия. В своих записках Зорге не называет имя этой сестры. Она успокаивала его, когда он метался в бреду, просиживала ночи у его изголовья. Но и тогда, когда нужда в особом уходе отпала, сестра подолгу сидела возле него. Вероятно, жалела. А может быть, и больше того... Вскоре он узнал, что лечащий врач — ее отец. Они оба, отец и дочь, словно бы приглядывались к Зорге. А когда Рихард попросил принести газеты, оба заулыбались. По ночам он бредил фронтом и боевой линией, выкрикивая бессвязные слова и команды. Тогда сквозь бред он слышал ее тихий голос, уговаривающий уснуть и ни о чем не думать. Лечение затягивалось. Врач сказал, что Рихард навсегда останется хромым. Сделано все возмож-

ное. Так что можно считать — с фронтом покончено! Навсегда.

Сестра милосердия и ее отец оказались людьми необычными. Оба состояли членами революционного, или независимого, крыла социал-демократической партии, были хорошо знакомы с не так давно умершим Бебелем, Карлом Либкнехтом и Розой Люксембург, Кларой Цеткин, Вильгельмом Пиком, Францем Мерингом. Подумать только: с тем самым Францем Мерингом, о котором еще Энгельс сказал: «Он очень талантлив, и у него хорошая голова». Меринг до сих пор бодр и деятелен, выступает против войны. Недавно его бросили в тюрьму.

От своих новых друзей Зорге узнал о Международной конференции социалистов-интернационалистов, проходившей осенью прошлого года в швейцарской деревушке Циммервальд. Он впервые услышал имя Ленина, который во главе революционных марксистов вел на этой конференции ожесточенную борьбу с ренегатом Каутским. Значит, и русский пролетариат не хочет воевать...

«Впервые я услышал о Ленине, о его деятельности во время пребывания в Швейцарии. Я пришел к выводу, что если глубоко вникну в самые главные вопросы относительно империалистических войн, над которыми задумывался в период пребывания на фронте, то ответ на них обязательно найду. Я решил искать этот ответ или несколько ответов постепенно, по мере моего выздоровления. Уже тогда я решил посвятить себя служению революционному рабочему движению...»

В нем с неожиданной силой вспыхнул, казалось бы притупившийся за годы войны, интерес к экономическим учениям, к философии, ко всеобщей истории и истории искусства. Теперь он мог понять все по-иному, глубже.

Друзья охотно снабжали его книгами. И, странное дело: сейчас его интересовала не только суть экономических учений, но и нравственная сторона всего, содержащегося и в философии и в истории. Его поразило утверждение Франца Меринга о том, что пролетариат боролся с капиталистическим способом производства с того самого момента, как почувствовал на себе его удары, но силу для его преодоления он почерпнул из убеждения, что этот способ производства означает крупный исторический прогресс. Против войны мы боремся, говорит Меринг, потому что она навлекает бедствия в первую оче-

редь на рабочий класс. Признавая историческое значение войны, Меринг далек от того, чтобы признавать ее рычагом человеческого прогресса. Социализм относится к милитаризму как раз так же, как и к его близнецу — капитализму: он не поворачивается к нему спиной, бормоча сердитые и банальные фразы по примеру буржуазных пацифистов, но он изучает его слабые и сильные стороны, чтобы с тем большей уверенностью победить его. Он был несколько удивлен, узнав, что еще Энгельс предсказал эту «всемирную войну», в которой «от восьми до десяти миллионов солдат будут душить друг друга и объедать при этом всю Европу». Короны монархов будут валяться по мостовым; Энгельс предвидел «всеобщее истощение и создание условий для окончательной победы рабочего класса». Осудив войну империалистическую, Зорге в то же время разгадал классовую сущность войн, стал понимать войну как одну из форм проявления классовой борьбы. Бороться против войны — значит бороться за ликвидацию социальных причин войны.

Это был политический и гражданский вывод из двух с половиной лет пребывания в чреве войны.

Вернувшись в Берлинский университет, он решительно прекратил занятия на медицинском факультете и целиком посвятил себя изучению политических наук и политэкономии.

Прощание с врачом и его дочерью было трогательным. Здесь давали о себе знать не столько любовь, сколько дружба, взаимный интерес. Они радовались, что он решил встать на путь революционной борьбы, и снабдили его кое-какими адресами в их родном городе Киле, которые всегда могли ему пригодиться. Продолжал числиться в артиллерийском полку, носил солдатский мундир и значился в долгосрочном отпуске. Он-то знал, что в полк больше не вернется. Занимаясь в университете, на политико-экономическом факультете, стал сознательно готовить себя к деятельности революционера-профессионала. По свидетельству Лафарга, родители Маркса мечтали для сына о профессорской карьере; по их мнению, он унизил себя тем, что отдался социалистической агитации. Но разве Маркс мог избрать другой путь? И разве сегодня этот путь менее важен, чем тогда?

«Экономическая система, которой так хвасталась Германия, разрушилась. Вместе с бесчисленными пролета-

риями я узнал, что такое голод, и понял, что значит испытывать постоянный недостаток в продовольствии. Я был свидетелем развала германской империи, которую считали государством, имеющим наипрочнейшую политическую структуру. Ни военщина, ни феодальные господствующие классы, ни класс буржуазии не могли указать путь для государства и найти выход для его спасения от всеобщего разрушения. То же самое было и в лагере противника. Единственная свежая действенная идеология поддерживалась только революционным рабочим движением, в ее поддержку все более развертывалась борьба. Во время пребывания в Берлинском университете я внимательно изучил эти идеи, обратив особое внимание на их теоретическую основу. Я изучил античную философию и философию Гегеля, оказавшую влияние на марксизм, постепенно увлекался чтением работ Энгельса, а потом Маркса. Я изучил и врагов Маркса и Энгельса — людей, сделавших вызов их теоретическому, философскому и экономическому учению, и целиком отдался изучению истории рабочего движения в Германии и других государствах. За эти несколько месяцев я усвоил основы марксизма, уяснил суть диалектического метода, примененного на практике».

Ренегата и оппортуниста Карла Каутского ругали за грубые ошибки еще Маркс и Энгельс. В письме дочери Маркс так характеризовал Каутского: «Он — посредственный, недалекий человек, самонадеян... всезнайка, в известном смысле прилежен... принадлежит от природы к племени филистеров...» И этот филистер жив, здравствует и не так уж стар — ему шестьдесят три года. Зорге видел его несколько раз в Берлине. Каутский еще до войны образовал в германской социал-демократии группу «центра», которая яростно выступает против революционного марксизма. А сколько их, врагов марксизма! Ревизионист в рабочем движении Эдуард Бернштейн, провозгласивший свой иезуитский афоризм: «Конечная цель — ничто, движение — все!» Правые предатели Шейдеман, Эберт, Носке — эти хоть не лезут в теоретики, а засучив рукава помогают кайзеру и фельдмаршалу Гинденбургу вести войну до победного конца, душат рабочий класс.

...Весть о Великой Октябрьской социалистической революции в России стала кульминационным пунктом жизни Зорге.

«Взрыв русской революции указал мне путь, по которому должно идти международное рабочее движение. Я решил поддерживать это движение не только теоретически и идейно, я решил сам стать его частицей в действительной жизни...»

Это уже была отправная точка сознательной революционной деятельности. Революционная работа! Звать к борьбе, к свержению существующего строя...

Рихарду Зорге шел двадцать третий год.

3

ПРИЗВАНИЕ — ПАРТИЙНАЯ РАБОТА

Война занимает особое, можно сказать, исключительное место в биографии Рихарда Зорге. И дело тут не только в юношеской впечатлительности. Война помогла ему понять многое. В ее багровых отблесках он увидел не только историю человеческого общества, но и свою будущность. Потому-то его записки и начинаются с этого, определяющего.

«Мировая война 1914—1918 гг. оказала огромное влияние на всю мою жизнь. Если даже на меня не подействовали бы другие факторы, то, как мне кажется, в результате одной этой войны я стал бы убежденным коммунистом».

Но целый исторический период, наполненный бурными событиями, отделяет Зорге от дня вступления в Коммунистическую партию Германии.

В январе 1918 года Зорге уволился из армии, уехал в Киль и поступил здесь в университет. Снова политические науки, право, политэкономия... Используя адреса, которые ему дали еще в полевом лазарете медицинская сестра и ее отец, Рихард скоро связался с руко-

водством левого крыла независимой социал-демократической партии, представлявшей собою в Киле боевую революционную организацию, и сделался ее членом.

Независимая социал-демократическая партия Германии возникла недавно из низовых организаций, исключенных за оппозицию из социал-демократической партии. Эта партия объединяла значительные рабочие массы, сюда входила группа «Спартак». О группе «Спартак» Зорге уже много слышал, стремился установить с ней связь, так как хотел стать спартаковцем, но в Киле это ему не удалось: здесь пока не было спартаковцев.

Первое партийное задание — создать в Киле социалистическую студенческую организацию! Эту организацию Зорге создал и стал ее руководителем. Он также возглавил кружок политического самообразования и вскоре стал широко известен как блестящий оратор и полемист.

«На занятиях я рассказывал об истории рабочего движения, объяснял различие между революционным и контрреволюционным движением».

Рядом был огромный порт. Он привлекал Зорге. Там были матросы военных кораблей, портовые рабочие.

О кильском периоде жизни Рихарда Зорге есть воспоминания старого революционера доктора Харальда Хойера и его жены, проживающих ныне в ГДР.

Вот как они рассказывают об одном из рабочих собраний, на котором присутствовал Зорге: «В дискуссии участвовал и товарищ Зорге. Он призвал молодых рабочих судоверфей углублять свои знания с помощью Высшей народной школы. Большой зал Дома профсоюзов вмещал более 500 человек. Он был переполнен. После того как Зорге кончил говорить, слова попросил некий Пфайфер, молодой наборщик из «Социалистической рабочей молодежи». Он говорил о том, что хотел бы учиться еще больше, чтобы восполнить пробелы в своих знаниях, но не знает, как это осуществить. Кто-то верно заметил ему, что он изголодался по знаниям. Это произвело громадное впечатление на всех, но еще большим оно стало, когда Зорге заговорил с этим юношей.

Он попросил его выйти вперед. Зорге сидел в президиуме у правого края стола, а парень стоял внизу. И так они разговаривали. Казалось, что весь огромный зал прислушивается к их разговору. Никто, конечно, не

сомневался, что Зорге непременно поможет этому молодому рабочему. Он задавал ему вопросы тепло и сердечно и в то же время по существу. Товарищ Зорге был чудесный человек. Он всегда заботился о других. Таково у всех нас было о нем впечатление. Мы чрезвычайно его ценили и уважали».

Однажды ранним утром Рихарда вызвали из дому и привели в матросскую казарму. Она была заполнена матросами. Его попросили выступить с докладом о текущем моменте. Матросы и солдаты — знакомая аудитория. Казарму охраняли. Показали на тайную дверь: на тот случай, если офицеры пронюхают о собрании.

О чем говорил Зорге в то утро военным матросам?..

О том, что попытка германо-австрийских империалистов задушить молодую Советскую республику в России и тем самым создать выгодные условия для разгрома Антанты закончилась полным провалом. О том, что Германия исчерпала все свои резервы; армия и флот деморализованы, в стране голод; пора кончать войну, пора прогнать кайзера и провозгласить Германию социалистической республикой!..

«Я вел нелегальную лекционную работу среди матросов и портовых рабочих по проблемам социализма. Следовательно, я внес свой вклад в революцию, вспыхнувшую в Кильском военном порту благодаря выступлению восставших матросов».

Восстание в Киле началось 3 ноября 1918 года. Да, революционный взрыв произошел не в столице Германии Берлине, куда были обращены взоры многих, а в небольшом городе моряков Киле.

Началось все с того, что командование флотом приказало командирам кораблей вывести флот в море и «с честью погибнуть» в бою с англичанами. Восемьдесят тысяч моряков отказались повиноваться. На мачтах взвились красные вымпелы. К морякам третьей эскадры присоединились солдаты и портовые рабочие. Власть взяли созданные в казармах, на судах и в порту матросские, солдатские и рабочие Советы. Командующий флотом бежал из города на автомобиле с красным флажком. К восставшим примкнули солдатские гарнизоны Любека, рабочие Фленсбурга, Неймюнстера, Гамбурга, Бремена. «Долой кайзера! Да здравствует Советская республика!» — с этими лозунгами Зорге выступает на кораблях, выводит студентов на улицы, устраивает митинги.

Он в упоении. Этого голубоглазого юношу, у которого на груди Железный крест 2-й степени, часто можно видеть в матросских кубриках, в солдатских казармах, на пирсе. Он учит классовой солидарности. Он предсказывает победу. Все походит на то. События в Киле послужили сигналом к революции по всей Германии. 8 ноября в Мюнхене провозглашена Баварская республика. 9 ноября восставшие рабочие и солдаты свергли кайзера Вильгельма II — он бежал в Голландию. С балкона императорского дворца Карл Либкнехт провозгласил Германскую социалистическую республику. Над рейхстагом развевается красное знамя.

Но вырвать власть у буржуазии не просто, особенно если за спиной пролетариата стоят социал-предатели Шейдеман, Носке, Эберт.

Восстание в Киле было подавлено: сюда пожаловал Густав Носке, назвавшийся представителем «демократического» правительства, он возглавил Советы, объявил себя красным губернатором города, а потом, призвав на помощь буржуазию и офицерство, задушил Советы, потопил восстание в крови. В эти дни германская буржуазия обратилась за помощью к Антанте. Во время переговоров о капитуляции германские делегаты граф Оберндорф и генерал прусской службы фон Винтерфельд заявили франко-английскому командованию: «В Германии революция, страна заражена большевизмом. Вы должны оставить нам тридцать тысяч пулеметов, чтобы стрелять по германскому народу. Надо сохранить Германии армию в полном порядке, чтобы дать ей возможность подавить революцию...» Антанта пошла навстречу этому призыву: 11 ноября 1918 года в 11 часов по французскому времени в салон-вагоне маршала Фоша было подписано перемирие. Союзные армии вступили в пределы Германии и остановились на Рейне, готовые в любую минуту обрушить мощь своих армий на голову революции.

Находясь в Киле, Зорге не порывал связи с Берлином, часто выезжал туда по партийным делам.

Рабочий класс борется — буржуазия крадется к власти. Правые социал-демократические лидеры во главе с Шейдеманом, недавним министром кайзеровского правительства, объявили «Германскую свободную демократическую республику» и сформировали свое правительство. Постепенно им удалось овладеть Советами. Это правительство, заключив прямой союз с прусской военщиной

и сговорившись с верховным командованием о вводе в Берлин десяти дивизий, решило разоружить спартаковцев, стоявших во главе восстания, разогнать Советы.

Густав Носке был назначен главнокомандующим белогвардейскими войсками, которые должны покончить с революцией. Носке охотно взял на себя роль «кровавой собаки». Спровоцировав в январе 1919 года рабочих на вооруженное восстание против правительства Эберта — Шейдемана, социал-демократические лидеры потопили это восстание в крови.

Узнав о восстании в Берлине, Зорге с группой партийцев срочно выехал туда. Они хотели драться с врагами рабочего класса и были вооружены. Поезд подолгу простаивал на каждой станции, а там, в Берлине, белогвардейцы палили из пушек и броневиков по рабочим.

На берлинском вокзале состав, в котором прибыли Зорге и его товарищи, был сразу же окружен белогвардейцами. В окно вагона Рихард видел солдат с пулеметами, отряды полицейских. Сопротивляться было бы бесполезно. Оставалось одно: спрятать оружие и выдать себя за обыкновенных пассажиров, приехавших в Берлин по делам. Зорге нацепил свою единственную награду — Железный крест — и даже не взглянул на полицейских, ворвавшихся в вагон.

Конечно же, им не поверили. Их грубо схватили, обыскали здесь же, на перроне, и, подталкивая прикладами винтовок, погнали в тюрьму. Камера была грязная и холодная. В течение недели каждый день водили их на допрос. Не связаны ли они со спартаковцами? Ни уговоры, ни жестокие избиения, ни угроза расстрела за хранение оружия (оружие нашли-таки!) — ничто не могло поколебать Зорге: он отрицал свою причастность к событиям и держался так твердо и независимо, что полицейские вынуждены были отпустить его и остальных партийцев. Их не просто отпустили — их под усиленным конвоем отправили в Киль, чтобы на месте установить личность каждого.

...Революция в Германии была задушена. Контрреволюционные заговорщики зверски расправились с вождями германского пролетариата Карлом Либкнехтом и Розой Люксембург.

Оставаться в Киле Зорге больше не мог. В начале 1919 года он по распоряжению партийного комитета вы-

ехал в Гамбург. Выехал тайно, обманув бдительность полиции. Центр революционной борьбы переместился в Гамбург.

От Киля до Гамбурга по железной дороге всего несколько часов езды. Но в Гамбурге другая атмосфера: крупнейший порт мира, гигантский промышленный город, словно бы сохранивший со времен средневековья права «вольного города». Еще в конце прошлого века он сделался одним из центров социалистического рабочего движения в Германии.

Здесь, в районе Эппендорф, на Симсенштрассе, 4, Зорге встретился с руководителем гамбургской организации независимой социал-демократической партии Эрнстом Тельманом. Крупная лысеющая голова, солдатские усы, большие натруженные руки докера, неторопливость в жестах и словах, рассудительность, веселая хитринка в глазах — таким увидел его Рихард. Тельман был лет на десять старше Зорге. Оказалось, во время войны тоже находился в артиллерии. Сейчас работал на верфи. Он был потомственный революционер: его отец Иоганн в свое время считался активным деятелем гамбургской социал-демократической организации, сидел в тюрьме. Портовым грузчиком начал свою трудовую биографию Эрнст. В шестнадцать лет стал членом социал-демократической партии, войдя в ее революционное крыло, которое возглавляли Карл Либкнехт, Франц Меринг и другие. Тогда он считался признанным вожаком гамбургской рабочей молодежи, любил ее и всегда заботился о ней. Вот почему, узнав о том, что Рихард перевелся в Гамбургский университет, он заговорил о необходимости создать здесь студенческую социалистическую организацию. Организацию должен возглавить Зорге. Кроме того, нужно возглавить кружок самообразования при отделе парторганизации Гамбургского района, а также вести партийную работу по месту жительства.

Смысл этой работы сводился вот к чему: не так давно прошел учредительный съезд Коммунистической партии Германии. Главное теперь заключается в том, чтобы превратить ее в массовую партию. Но это возможно сделать в кратчайший срок только в том случае, если большинство независимой социал-демократической партии объединится с коммунистической партией. «Следуй я велению сердца, я давно бы уже вступил в Союз Спартака,— говорил Тельман.— Но любое индивидуальное вступле-

ние сейчас только вредно. Недалек тот день, когда мы потребуем полного разрыва как с предателями из СДПГ, так и с правыми независимцами, и приведем массы независимцев в компартию».

Тактику Тельмана Зорге принял безоговорочно.

В словах Эрнста была уверенность в том, что в конечном итоге Германия будет социалистической. Может быть, эта твердость и произвела самое сильное впечатление на Рихарда. В каждой фразе Эрнста звучала убежденность: партийная работа — самая важная, без нее человечество никогда не освободится от рабства экономического и духовного. Партия должна быть одной большой семьей. Необходимо разоблачать врагов рабочего класса, которые заняты подменой понятий: таковы Шейдеман, Носке, Каутский и другие. Подмена понятий... Чтобы успешно разоблачать фальсификаторов марксизма, прячущихся за левую фразу, нужно очень много знать.

Потом Зорге часто думал о подмене понятий. Это всегда подмена пролетарской точки зрения буржуазной. Враги коварны, изворотливы. Их квазиреволюционность широкие массы подчас принимают за подлинную революционность. Обычная манера буржуа протаскивать свои взгляды под прикрытием «марксизма», очищенного от революционности. Они борются с марксизмом, не идя открыто против основ марксизма, а якобы признавая его, выхолащивая софизмами его содержание, превращают марксизм в безвредную для буржуазии святую «икону». Возглавить, чтобы обезглавить,— вот их основной метод расправы с революционными массами. Социалист Носке стал верховным главнокомандующим буржуазной республики; социалист Эберт — ее президентом. Это он, правый социалист Эберт, согласовывал действия своего правительства по удушению революционных рабочих с Гинденбургом (кабинет Эберта в Берлине был связан со ставкой Гинденбурга секретным проводом). Вот во что выродилась немецкая социал-демократия!..

Повседневное общение с Эрнстом Тельманом стало для Рихарда Зорге первой серьезной политической школой. 15 октября 1919 года он официально оформил свое вступление в Коммунистическую партию Германии, получил партбилет № 08678. (Сейчас этот партбилет выставлен в Центральном музее Вооруженных Сил СССР.) Выработалась уже некая схема деятельности Зорге: в каждом новом городе он создает студенческие организа-

ции, в каждом новом городе поступает в университет, руководит кружками политического самообразования. Здесь прибавилась еще одна обязанность — он стал советником гамбургской коммунистической газеты. Что такое — советник газеты? Рихард эрудирован в вопросах политэкономии, теории марксизма-ленинизма, отлично знает историю, труды Маркса, Энгельса. Он и в газете выступает как просветитель и воспитатель. По сути, он ведет один из отделов газеты. Он любит повторять: «Ясность языка — результат ясного мышления».

...Чердачная комнатка, где он поселился, завалена книгами. Рихард мало ест, мало спит и много работает. Революционеру-профессионалу приходится жить двойной жизнью: обыватель хочет знать, на какие средства ты существуешь. Всякий, не занятый по службе, не имеющий работы, подозрителен. За таким увязываются ищейки. Приходится давать частные уроки, губить драгоценное время. Кроме того, он готовится к экзаменам. И тут же, в Гамбургском университете, ведет пропагандистскую работу.

Август 1919 года.

В день окончания университета в актовый зал набились студенты всех курсов. Профессорам это не нравится. Но ничего не поделаешь — такое время! Все вышли из повиновения. Не так давно Берлин снова покрылся баррикадами. Правительство бросило против бастующих танки, артиллерию и даже авиацию. Мюнхен провозгласил Советскую власть, создал свою Красную армию. С большим трудом удалось расправиться с восставшими.

Казалось бы, кому нужно сейчас образование, когда в Германии разруха, голод, смерть?! Но молодежь тянется к знаниям. Вот почему все пришли в актовый зал. Двадцатичетырехлетний Зорге сегодня защищает диссертацию. Он обрушивает на профессоров свою эрудицию, говорит о «гражданском обществе» Гегеля, о «естественном праве» и «общественном договоре». Затем переходит к современности с ее прозой — «имперские тарифы центрального союза немецкого объединения потребителей».

Но для Зорге не существует прозаических вещей, если это даже тарифы. Тарифы ведь только часть, элемент некой общей системы. Эта система — финансовый капитал, который хочет не свободы, а господства, он стремится вести конкурентную борьбу в постоянно повышающемся масштабе, он нуждается в государстве,

которое таможенной и тарифной политикой обеспечит за ним внутренний рынок и облегчит завоевание внешних рынков. Такова сущность финансового капитала, его требование — политика силы без всяких ограничений...

Давно уже в этих стенах не звучал столь вдохновенный голос. Рихарда поздравляют с окончанием университета. Зорге — доктор государственно-правовых наук и социологии.

Счастливый день!

Известность Зорге росла. То была известность агитатора, партийного работника высокой квалификации. Рихарда знали, к нему шли студенты, грузчики.

А однажды пожаловал странный гость: Шейдеман! Заклятый враг коммунистов, душитель революции, правый лидер социал-демократии. Это был тот самый Шейдеман, который по приглашению кайзера занял пост министра, открытый шовинист Шейдеман, не так давно заявлявший: «Теперь большевизм кажется мне большей опасностью, чем внешний враг». «Кровавая собака Шейдеман» — так называли рабочие устроителя «кровавого сочельника» в Берлине. Глава правительства «веймарской коалиции» Шейдеман...

Рихард не знал, что и подумать. Премьер-министр оглядел скромное жилище Рихарда, спросил: «Вы доктор Зорге, если не ошибаюсь?» — «Чем обязан?» — «Вы потомок знаменитого революционера Зорге, последователя Маркса. Я хочу предложить вам важный пост в моей партии. Нам очень нужны молодые, волевые люди, такие, как вы. Революционная слава ваших...» — «Я спекуляцией никогда не занимался! — резко ответил Зорге.— Лучше подумайте, господин Шейдеман, нужны ли вы молодым людям...»

За Рихардом установили слежку. Кроме того, университетскому начальству стало известно, что он руководит подпольной студенческой организацией.

Решил перейти на нелегальное положение, но в это время его вызвали в Берлин в ЦК партии. В Берлине Зорге сделал обстоятельный доклад о положении в Гамбурге. Новое задание: развернуть работу среди горняков Аахена, которые находятся под влиянием католиков, создать на шахтах коммунистические группы.

Устроился преподавателем высшей технической школы в Аахене.

События, события... На первый взгляд кажется, что одно не связано с другим, а если вдуматься, все подчинено своей внутренней логике.

В Аахене Зорге — член городского комитета партии. Он частый гость горняков, связывается с руководящими партийными органами Рейнской области. А наряду с этим — лекции в Карловской высшей технической школе. Зорге пишет Корренсу:

«Люди хорошо слушают меня. Если бы они догадывались, сколько, собственно, мне лет! К счастью, мне почти всегда дают лет на пять больше, так что они мирятся с зеленым ученым мужем там, на кафедре».

Шахтерский городок Аахен на стыке трех границ: германской, голландской и бельгийской. Это запад Германии, Рейнская область. Обширный рабочий край — кочегарка страны. Рядом — Рурский бассейн, под рукой — Кёльн, Бонн. Здесь учился Маркс, здесь родина Бетховена, теперь это курортный городок. Знакомые места: неподалеку отсюда Зорге принял боевое крещение во время войны.

Его лекции всякий раз заканчиваются диспутами, жаркими спорами на политические темы. Начальство на подобную форму преподавания смотрит косо. Диспуты продолжаются и после лекций. А по вечерам Зорге тайком пробирается на партийные собрания, вместе с редактором местной коммунистической газеты просиживает до утра над заметками. Здесь он советник газеты.

Во время школьных каникул он разъезжает по всему Рейнско-Вестфальскому промышленному району, надолго задерживаясь в Руре. Оккупационная зона. Он изучает жизнь рабочих. Он задумал написать брошюру о Розе Люксембург. Воздавая должное мужеству революционерки Люксембург, он боялся, что ореол мученицы затмит ее ошибки, так называемое «люксембургианство»: Роза Люксембург неправильно истолковала сущность империализма, недооценивала роль партии рабочего класса. Рихард хотел во всем этом разобраться. Истина — прежде всего, помочь другим освободиться от груза «люксембургианства». Не избавившись от этого груза, партия не сможет стать подлинно боевой, ленинской, революционным авангардом немецкого рабочего класса.

В Аахене Рихарду вновь пришлось взять в руки винтовку: он возглавил стачечный комитет.

В марте 1920 года по всей стране произошло высту-

пление контрреволюции, которое известно в истории под названием «путч Каппа». Добровольческий белогвардейский корпус генерала Лютвица вступил в Берлин, правительство Веймарской республики во главе с Эбертом трусливо бежало в Штутгарт под защиту рабочих. Путчисты провозгласили диктатором крупного юнкера Каппа — директора Восточнопрусского банка, лидера монархической организации. Бои с путчистами завязались не только в Берлине, а и в Ганновере, Эссене, Висмаре, Шверине, Котбусе; в Руре против капповцев была создана Красная армия. Рабочие решили отстоять республику. Рихард во главе отряда удерживал Аахен, связался с Красной армией Рура. Целую неделю не покидали рабочие баррикад. И они победили. Это было самое крупное массовое выступление пролетариата после ноябрьской революции. Капп бежал в Швецию. Эберт вернулся в Берлин и направил против Красной армии Рура все те же добровольческие белогвардейские части Каппа. Красная армия была разгромлена, революционные рабочие брошены в тюрьмы и казнены. В своих записках Зорге отмечает:

«Во время капповского путча я стал членом стачечного комитета, вследствие чего лишился своего места работы в Высшей технической школе и должен был спасаться от преследования оккупационных властей».

Он решил продолжать работу среди шахтеров. Здесь, на шахтах, его знали и любили. Рихард устроился чернорабочим на одну из шахт. Физического труда он не боялся. Кто бы мог узнать в худом, запорошенном угольной пылью молодом человеке доктора социологии, которого хотел залучить в свою партию сам Шейдеман!.. Ика орудует лопатой и киркой. Ноет поясница, ноют старые раны, кружится от усталости и постоянного недоедания голова.

«Работа была тяжелая, к тому же давало о себе знать ранение, полученное на фронте, так что эта профессия оказалась для меня довольно трудной. Но я ни капли не раскаиваюсь. Опыт, полученный мною во время работы на шахтах, ничуть не уступает опыту, полученному на фронте. Моя новая работа была также нужна и для партии. Деятельность, которую я развил среди шахтеров, сразу дала свои плоды; из рабочих, впервые нанятых на работу, я создал коммунистическую группу и, укрепив ее, перешел на другую шахту близ Аахена».

Он с настойчивостью делает свое партийное дело: переходя с шахты на шахту, повсюду создает коммунистические группы. Его выслеживают. Приходится бежать в Голландию. В Голландии арестовывают и высылают обратно в Аахен. Но в Аахене оставаться больше нельзя: администрация Аахенского бассейна не принимает на работу Зорге; за ним следит полиция, его готовы схватить и упрятать в тюрьму оккупационные власти, как подстрекателя рабочих.

Вот и кончился своеобразный опыт: Рихард приобщился к пролетариям, стал одним из них, прочувствовав на собственной шкуре, что такое эксплуатация, штрафы, рабский труд, нищенское существование. Он закалял свою классовую ненависть. Хотел быть последовательным, приобщившись к великому пролетарскому движению. Ведь есть нечто, что выше всего,— это преданность общему делу...

Товарищи из Ремшайда предлагают ему работать у них пропагандистом и инструктором. Он отправляется в Ремшайд. Из Ремшайда в 1921 году перебирается в Золинген и становится здесь редактором коммунистической газеты «Бергише арбайтерштимме». Таково партийное задание. Редактора-предшественника власти бросили в тюрьму.

В Рихарде проявилась новая страсть — журналистика! Газета заполнена хлесткими политическими статьями. Кто их автор? Адомль, Хайнце, Петцольд, Зонтер. Их много. А на самом деле это все тот же доктор Зорге. Вот, оказывается, каково его призвание! Но журналистика сама по себе не имеет цены, она должна служить большому делу.

Всех редакторов коммунистических газет постигает одна участь: Зорге арестовали и отправили в тюрьму Эльбенфельда. Отсидев срок, он по заданию местного комитета едет в Берлин.

В Берлине ему предложили работу в ЦК. Здесь считалось, что он в состоянии возглавить один из отделов. Он хорошо зарекомендовал себя.

«Но я хотел еще приобрести непосредственный жизненный опыт, к тому же намеревался продолжить учебу, поэтому отказался».

Самое бесценное — это жизненный опыт, и Рихард осознанно наращивает его, стремится получить закалку, быть в гуще масс.

Есть вакансия: ассистент при социологическом отделении Франкфуртского университета! А основное, конечно, работа внутри франкфуртской партийной организации. Нужен квалифицированный пропагандист и преподаватель на партийных курсах. И конечно же, советник коммунистической газеты.

А события все нанизываются и нанизываются. Научно-исследовательская жилка, страсть к журналистике дает себя знать: все чаще появляются в журналах и газетах политические статьи Зорге. Он завязывает широкие связи с журналистскими кругами Франкфурта-на-Майне, с редакторами популярной газеты «Франкфуртер цейтунг», печатает здесь свои социологические этюды. Он умеет вести разговор с читателем, в его статьях всегда присутствует определенная доля «аттической соли», и это нравится главному редактору. Зорге — журналист ассоциативный: его статьи наводят на широкие размышления. Редакторы либеральной газеты не подозревают, что подающий большие надежды журналист Зорге — член коммунистической партии. Газета расходилась по всей стране и даже позволяла себе иногда вступать в полемику с берлинской буржуазной влиятельной газетой «Берлинер тагеблатт». Постепенно в «Франкфуртер цейтунг» Рихард сделался «своим», и собратья по перу стали называть его запросто — Ика.

Наконец весной 1922 года выходит в свет его брошюра «Роза Люксембург и накопление капитала». Брошюру напечатал не под псевдонимом, а под своим именем. Теперь на него уже начинают смотреть как на теоретика-исследователя. Первый опыт подобного рода — и сразу широкая известность. (С приходом фашистов к власти весь тираж этой брошюры был ими сожжен.)

Официально он младший научный сотрудник, ассистент на факультете социологии Франкфуртского университета, частным порядком читает лекции.

Но это была лишь внешняя сторона его деятельности. Главное состояло в другом: он отвечал за всю секретную переписку и партийный архив, был связным между франкфуртской партийной организацией и Центральным Комитетом в Берлине. Ему доверили партийные денежные фонды. Он считался самым надежным и неподкупным человеком. Партийные деньги и пропагандистские материалы хранились в университетской комнате Рихарда или же в библиотеке факультета социологии.

Когда в Заксене в результате вооруженного восстания была провозглашена республика рабочих, Зорге поехал туда для оказания помощи восставшим.

Куда ведут тебя события, Рихард Зорге?

Он помнит то апрельское утро 1924 года. Рихарда срочно вызвали в бюро. Секретарь представил ему незнакомых товарищей. «Они прибыли из Советского Союза на съезд КПГ! — сказал секретарь.— Будут жить у тебя на квартире. Ты отвечаешь за их жизнь!..»

Это было не просто партийное задание. Это было высшее доверие. Именно ему, Зорге, доверили жизнь советских делегатов, прибывших в Германию, делегатов — выдающихся представителей Всесоюзной Коммунистической партии большевиков!.. Мануильский, Лозовский, Куусинен, Пятницкий... И хотя IX съезд проходил открыто (партия временно вышла из подполья), представители коммунистических партий других стран присутствовали на нем негласно: за ними охотились полицейские ищейки. Зорге ни на шаг не отходил от высоких гостей. Эти люди встречались с Лениным, разговаривали с ним... Ленин... Весь мир скорбел в этот год о его утрате.

Зорге — участник съезда КПГ. Встреча со старым другом Эрнстом Тельманом. Тельман был в Советской России, слышал, видел Ленина. Имя Тельмана гремит по всему миру — в прошлом году в октябре он возглавил Гамбургское восстание. Еще живы воспоминания, как улицы «Красного Гамбурга» были покрыты баррикадами.

Героическая борьба рабочих не привела к победе. Но это был опыт для пролетариев всего мира — рабочий класс Германии, несмотря на измену социал-демократов, жив, сражается, полон оптимизма и решимости к победе. «Полицейские ввели в действие броневики. В наймитов стреляли из всех рабочих квартир, с крыш жилых домов»,— рассказывал Тельман. Трудящиеся всего мира оказали семьям гамбургских рабочих щедрую помощь. А еще до восстания фашистские молодчики совершили покушение на Тельмана — бросили в квартиру, где он жил с женой и дочерью, ручную гранату и взрывчатку. В тяжелые для КПГ дни, в дни террора и разгула реакции, Тельман, стремясь сохранить кадры, посоветовал некоторым товарищам покинуть Германию. Сам Эрнст скрывался в это время на квартире рабочего Бределя (отца известного писателя Вилли Бределя). А теперь, в апреле 1924 года, Тельман может во весь голос

говорить с трибуны съезда. «Тэдди» — так любовно называли его в дни восстания — разоблачает на съезде правых оппортунистов, предателей-брандлеровцев.

По вечерам Рихард жадно расспрашивает советских товарищей о Советском Союзе. «Ведь там моя родина!..» — говорит он и рассказывает свою причудливую биографию.

«Я выполнял это задание не просто по обязанности, как один из делегатов съезда. Всем нам, кто принимал участие в выполнении этой нелегкой миссии, она доставляла удовольствие. Нечего и говорить, что я крепко сблизился с советскими товарищами, и с каждым днем наши отношения становились все больше дружескими».

Мануильский задумчив. Для него ясно: Зорге беззаветно предан идеям коммунизма, глубоко разбирается в вопросах международного рабочего движения. Из такого со временем может выйти деятель крупного масштаба. Брошюра молодого теоретика произвела хорошее впечатление на Мануильского, хотя сам автор был недоволен ею. «А почему бы вам не вернуться на родину?» — спросил Мануильский. Рихард рассмеялся: разве это возможно?

Оказывается, не только возможно, но и необходимо. В Советском Союзе, где не нужно скрываться от ищеек, Зорге в спокойной обстановке займется теоретическими исследованиями, обобщит опыт германского рабочего движения. Товарищ Тельман высоко ценит Зорге.

4

ИМПЕРИАЛИЗМ ПОД МИКРОСКОПОМ

Исполнилось то, о чем Зорге не смел когда-то даже мечтать: в конце декабря 1924 года он выехал в Москву.

Здесь свой уклад жизни. О коммунизме можно говорить в полный голос. Здесь к вашим услугам лучшие библиотеки и фонды революционной литературы. Вы можете бродить по улицам, не оглядываясь. Непривычное состояние. В это даже как-то не верится. Свобода!.. Сколько о ней было сказано прекрасных слов во время ночных бдений с Эрихом Корренсом, сколько стихов посвятил ей Ика!.. Так вот ты какая, свобода! Сердце переполнено восторгом.

Рихард быстро шагает по бульварам Москвы: ему хочется увидеть все сразу, немедленно включиться в общий ритм, делать что-то большое, значительное. Он торопится, боится, что все это может вдруг рассеяться как сон. Советский паспорт... Зорге — гражданин Союза Советских Социалистических Республик! Да в самом ли деле все это наяву?..

В марте 1925 года Хамовнический районный комитет

ВКП(б) принимает Зорге в Коммунистическую партию Советского Союза. Ему вручают партбилет.

Поселился Зорге в гостинице «Люкс». Приходил туда только спать. Рано утром отправлялся в Институт марксизма-ленинизма, где занимал должности референта по международным вопросам, политического и ученого секретаря. Эта работа требовала обширнейшей эрудиции и большой усидчивости. Хете Линке, которая тогда жила в этой же гостинице, вспоминает: «Он жил в комнате № 19, а я в № 17. Мы все знали его только под именем Ика Зорге и так и называли его. Ика был действительно достойный любви и уважения человек, умная голова. Хотя мы были всего лишь пролетариями, а он высокоинтеллектуальным человеком, мы прекрасно понимали друг друга. Он был жизнерадостный, дельный человек и действительно много работал».

Зорге чувствовал себя в родной стихии, его терзала ненасытная жажда познания, и он иногда просиживал над грудами материалов до рассвета. В его распоряжении были газеты и брошюры со всего мира, политические и экономические сборники; он был информирован о деятельности партий, политическом и экономическом положении в разных странах, о рабочем вопросе. Он мог спокойно и неторопливо работать, анализировать, делать обобщения. При свете настольной лампы он писал:

«Война не является результатом злой воли или безумия, но — результатом империализма. Устранить современную войну — значит устранить империализм».

Он был увлечен исследованием империализма. Империализм... Зорге хотел знать его во всех проявлениях, найти его уязвимые места. Да, да, империализм не был для него абстрактной категорией.

Зорге старался уяснить, как господство монополий и финансового капитала, вывоз капитала, борьба монополий за колонии и рынки сбыта, окончательный территориальный раздел мира крупнейшими капиталистическими державами привели к тому, что противоречия между ними стали носить глобальный характер. Мировое господство — главное содержание империалистической политики, продолжением которой является империалистическая война. Потому-то особый интерес проявлял Зорге к милитаризму.

Сейчас, после первой империалистической войны, Зорге скрупулезно изучал расстановку сил на международной арене, удельный вес каждой капиталистической

страны в мировом хозяйстве и мировой политике, основные империалистические противоречия.

Разумеется, в первую голову он занялся изучением германского империализма. В статье «Своеобразный характер возрождающегося германского империализма», опубликованной в 1926 году, он предсказывал:

«При стечении благоприятных для него обстоятельств в смысле мировой политической конъюнктуры германский империализм может еще пережить период подъема за счет своих капиталистических соседей».

Как известно, этот прогноз оправдался.

Появляются его статьи «Экономическая депрессия в Германии», «Таможенная политика Германии», «Материальное положение пролетариата в Германии», «Позиция Второго Интернационала в отношении послевоенного империализма», объемные работы «Новый германский империализм» и «Экономические статьи Версальского мирного договора». И наконец, статья «Национал-фашизм в Германии». Фашизм еще не пришел к власти, до этого пока далеко, но Зорге видит:

«Если национал-фашизм в течение первого периода своего существования представлял собой террористическую группу, состоящую из деклассированных мелкобуржуазных элементов, студенчества, демобилизованного офицерства и люмпен-пролетариев, то во второй период базис его составила мелкая буржуазия... Не может существовать никаких сомнений, что звучащие столь радикально демагогические агитационные фразы национал-социалистических опричников тяжелой индустрии должны только прикрывать их подлую цель — насильственное и правовое подавление революционного рабочего движения и установление открытой диктатуры капитала».

Блестящий анализ явления, которое зародилось на памяти Зорге, в 1919 году. И какая сила предвидения! В нескольких строках вся история фашизма, прошлая и будущая, как на ладони. И самое удивительное: указан исток фашизма — мелкобуржуазность! Какая удивительная сила, почти не исследованная социологами, на службе у капитализма — мелкобуржуазность. Под эгидой мелкобуржуазности всегда собиралось все враждебное пролетариату: анархизм, «ультралевые», эсеровщина, троцкизм, меньшевизм, отзовисты, «левые коммунисты», «империалистические экономисты», центристы и, наконец...

национал-социализм, или попросту фашизм. Мелкобуржуазность, эта третья промежуточная провокационная сила, всегда криклива, архиреволюционна в своей демагогичности, авантюристична, беспринципна в средствах. Она любит швырять в окна бомбы, ссылаясь при этом на свою «внеклассовость», «надклассовость». Еще раньше, изучая историю, Зорге отметил, что уже с самого своего возникновения марксизму пришлось столкнуться с мелкобуржуазной революционностью, с идеями мелкобуржуазного «социализма». Снова подмена понятий, снова предательская сущность прикрыта революционной фразой.

Да, все мелкобуржуазные течения и группировки не равнозначны, но где-то, в своей самой общей тенденции, в неких далях, они смыкаются; вначале стремясь подчинить интересы пролетариата интересам мелкой буржуазии, они в конце концов становятся агентурой международного империализма. Ведь и фашизм, несмотря на свою мелкобуржуазную природу, сразу же выступил как партия крупного капитала, действующая в тесной связи с военщиной. Эту партию финансировали Стиннес, баварские капиталисты, командование рейхсвером.

Ефрейтор-австриец Шикльгрубер (настоящая фамилия Гитлера) никому не был нужен до тех пор, пока не разразился в 20-х годах жесточайший экономический кризис. Особую остроту приобрел он в Германии: остановились тысячи германских заводов, фабрик, шахт, верфей, шесть миллионов пролетариев оказались выброшенными на улицу. Обострились классовые противоречия. Вот тогда-то крупный капитал вытолкнул на политическую арену Гитлера.

Его сторонники широко используют социальную демагогию и шовинистическую агитацию: играют на ущемленных Версальским договором национальных чувствах немцев. Чтобы завербовать на свою сторону самые различные слои немецкого общества и отвлечь гнев пролетариев против буржуазного строя, Гитлер сулит рабочим ликвидацию безработицы, участие в прибылях крупных предприятий, мелким торговцам — уменьшить цены на сырье, крестьянам — землю, дешевый кредит, прекращение продажи земли с торгов; и только представители монополий знают, куда ведет фашизм,— к ликвидации республики, к диктатуре империалистов! Потому-то про-

мышленники и банкиры так щедро субсидируют гитлеровскую партию; на эти деньги Гитлер создает многочисленные вооруженные отряды, которые расправляются с передовыми рабочими.

Зорге видит надвигающуюся опасность. Это реальная опасность. Он должен предупредить...

Его работы переиздаются в Германии, и они воюют против фашизма; в них сила и напряженность оригинального, целенаправленного ума, революционная страстность.

Но в своих изысканиях Зорге не замыкается в сфере только германского империализма. Он хочет решить проблему в целом, видеть ее международные грани.

Его взоры привлекает империализм американский. Он ничем не лучше германского, французского или английского. Та же звериная сущность.

«Политика Америки в отношении Панамы, Никарагуа и Мексики еще более приняла характер подлого военного разбоя,— констатирует он.— Здесь... провоцировались революции, навязывались соответствующим странам займы с помощью военного флота, вооруженных десантов и военных судов, смещались и водворялись правительства в зависимости от их готовности подчиняться условиям, диктуемым финансовыми магнатами... Политика Америки на Кубе продиктована интересами сахарозаводчиков. Всюду применяются одни и те же методы».

В большой работе «План Дауэса и его последствия» Зорге показывает, как в 1924 году империализм США и Англии, напуганный размахом революционного движения в Германии, пришел на помощь немецкому империализму. В августе этого года вступил в силу новый репарационный план, разработанный международной комиссией под руководством американского генерала Дауэса. Смысл плана Чарлза Дауэса был хорошо понятен Рихарду — укрепить позиции капитализма в Германии и переложить бремя репарационных платежей на плечи трудящихся, а главное — за счет американских займов воссоздать германский военно-промышленный потенциал и направить его против Советского Союза. Этот план закрепил ведущую роль американского империализма в деле восстановления мощи Германии — сюда хлынул золотой дождь долларов.

Книга вышла в 1925 году в Германии и сразу же обратила на себя внимание массового читателя своим бое-

вым, наступательным духом и в большей степени — глубиной анализа, строго научными прогнозами, не сулящими ничего доброго широким массам,— она перекликалась со страстной речью Тельмана, выступившего в рейхстаге с разоблачением «плана Дауэса».

Буржуазная пресса обрушилась на книгу: ведь Зорге показывал, как происходит и будет происходить возрождение и обновление тяжелой промышленности и военной индустрии Германии с помощью дяди Сэма и английских банков, к чему ведут преступные замыслы правителей Веймарской республики.

Плану Дауэса КПГ противопоставила свой план — выплату репараций нужно производить из прибыли виновников империалистической войны — монополистов и юнкеров; повысить рабочим и служащим заработную плату и установить 7-часовой рабочий день!

Книга Зорге помогает немецким коммунистам в их борьбе.

Зорге — крупнейший знаток империализма, эксперт. Он социолог к тому же. Он едет в страну классического капитализма — Англию и здесь обследует целый ряд предприятий, беседует с предпринимателями и рабочими. Он советский журналист, и у хозяев шахт к нему настороженное отношение. Но он-то сам был шахтером, это заметно по той уверенности, с какой он спускается в шахту, по тем вопросам, какие он задает инженерам и рабочим. Он может даже продемонстрировать, как нужно рубить уголь. Все очарованы — и сердца открываются перед ним. Он детально знакомится с экономическим и политическим пслозкением страны. Его интересуют и такие страны, как Дания, Норвегия, Швеция. Все это штрихи к полному портрету капитализма.

Но портрет будет неполным, если оставить в стороне Дальний Восток, страны Тихого океана, политику великих держав на Дальнем Востоке, в Юго-Восточной Азии, на Ближнем Востоке. Исследователь должен идти до конца. Целая программа научно-исследовательской работы!.. Она, возможно, потребует всей жизни.

Дальний Восток... Китай, Япония — совершенно неисследованная область. Узел острейших международных противоречий. Зорге целыми днями просиживает в библиотеке. После груды проштудированных материалов Зорге может в своих статьях сделать четкий однозначный вывод:

«Решается вопрос о гегемонии американского, английского, японского империализма в Азии. Именно на почве взаимоотношений в Азии обострились противоречия между тремя сильнейшими империалистическими державами, и война должна неизбежно наступить...»

Этот вывод был сделан в 1927 году.

Он увлеченно работает. И стороннему человеку может показаться, что Зорге счастлив. Возможно, он и в самом деле счастлив. Увлеченность делом и есть счастье.

Кроме того, к Рихарду Зорге пришла любовь... Сначала Екатерина Александровна Максимова давала ему уроки русского языка, которым Рихард владел недостаточно хорошо. И очень скоро завязавшаяся дружба перешла в сильное, глубокое чувство. Он стал частым гостем в ее полуподвальной квартире на Нижне-Кисловском.

Родственники Кати жили в Петрозаводске. Мать, два брата, три сестры. Она все время переписывалась с сестрами. У Кати была своя незаурядная судьба. Несколько лет назад она окончила Ленинградский институт сценического искусства. Быстро пришел успех. Затем поездки в Италию, на Капри. Умер артист, человек, к которому Екатерина Александровна была привязана, ценила его талант. Эта трагедия повлияла на нее неожиданным образом — она отказалась от сцены и ушла на завод. Работала аппаратчицей на заводе «Точизмеритель»; назначили бригадиром, прочили в начальники цеха.

Литература, искусство, музыка, проблемы художественного творчества — вот сфера, в которой оба растворялись во время коротких встреч. Вместе заходили в букинистические магазины, отыскивали какую-нибудь редкую книгу. Гуманитарная культура, эстетика, практика мирового искусства...

Люди, близко знавшие Екатерину Александровну, рассказывают о ней как о женщине своеобразной, наделенной большой искренностью души, умеющей не только воспринимать, но и как бы переносить на себя и чужую радость, и чужое горе. У себя на заводе она вечно возилась с новенькими молодыми работницами, обучала их обращаться с аппаратурой в цехе, читать и писать, шить ситцевые платья. Ей чужд был показной пафос. Ее артистизм, унаследованный от прежней театральной жизни, проявлялся главным образом в умении держать себя с людьми.

Рихард нравился ей. Он захотел побывать на заводе,

познакомиться с ее друзьями. А очутившись в цехе, Рихард, к ее удивлению, сразу же нашел общий язык с рабочими, охотно рассказывал им о жизни и труде рабочих в Германии, о забастовках, о Тельмане. Его полюбили, и он сделался частым гостем на заводе «Точизмеритель».

Однажды она спросила, любил ли он раньше. Он задумался, улыбнулся и произнес французскую фразу: «Besoin d'aimer pour aimer», что значит: «Потребность любить ради любви».

А потом рассказал о Христине. Она осталась во Франкфурте. Возможно, тогда была любовь. А возможно, всего лишь привязанность. Сблизила совместная партийная работа. В свое время Христина была членом Союза Спартака, знала Розу Люксембург, Клару Цеткин, Карла Либкнехта. Рихард не сомневался, что Христина согласится поехать с ним в Советский Союз. Но она отказалась. Пообещала приехать позже.

Сохранились ходатайства Зорге о вызове Христины в Москву. Но когда все документы были оформлены, Христина категорически отказалась покинуть Германию. Он звал, умолял — и все напрасно. И только позже он мог сказать себе: по-видимому, настоящей любви не было. Не было того удивительного чувства, которое поднимает над обыденностью и связывает навсегда...

Теперь он встретил Катю, с ее мягким певучим голосом, с ее постоянной доброй улыбкой, с ее всегдашней прямотой и правдивостью, с ее естественностью, и понял: это на всю жизнь...

Почти каждый вечер Рихард Зорге посещал клуб немецких коммунистов, где его избрали первым председателем правления.

Клуб объединял немецких коммунистов, которые после поражения Гамбургского восстания в 1923 году и запрещения КПГ вынуждены были выехать в Советский Союз. Но клуб посещала и другая категория людей: сюда проникли «ультралевые», последователи Рут Фишер и Маслова, заклятых врагов рабочего класса, открытых троцкистов. Постепенно они стали навязывать коммунистам дискуссии. Троцкисты имели прямую связь с врагами и изменниками коммунистического движения, обосновавшимися за границей: Росмером, Либерсом, Рут Фишер, Роланд-Голстом и другими. Это было время активизации троцкистско-зиновьевской оппозиции, призывавшей к капитуляции перед мировым капитализмом. Оппозиция

встала на путь раскола Коминтерна. Осенью 1926 года ее лидеры устроили открытую антипартийную вылазку на Путиловском заводе в Ленинграде и на партийных собраниях завода «Авиаприбор» в Москве. Такую же вылазку предприняли они в клубе немецких коммунистов.

В клубе немецких коммунистов Зорге и познакомился с Яном Карловичем Берзиным, руководителем советской разведки. Здесь Берзин имел возможность увидеть Рихарда Зорге во всем блеске его ораторского таланта. Зорге уверенно вышел на трибуну, окинул притихший зал спокойным взглядом и заговорил. Говорил негромко, но в голосе был металл. Неотразимая логика фактов — вот что сразу же покоряло слушателей. Она действовала почти гипнотически. В словах чувствовалась внутренняя убежденность. Он говорил о том, что приспела пора очистить братские компартии от троцкистов, «ультралевых» и прочих оппозиционеров.

Голос зазвенел, когда Зорге заговорил о роли Советского Союза в мировом революционном движении:

«Та роль, которую СССР теперь играет, вызвана тем, что революционные силы всего мира фактически видят в СССР единственного союзника. СССР является единственной антиимпериалистической страной, от которой можно ожидать поддержки...»

Когда в зале раздались выкрики оппозиционеров, Зорге иронически усмехнулся: «Послушаем вопли обреченных!» Ему бурно аплодировали. Оппозиционеры в знак протеста покинули клуб.

Берзин знал: анкетные данные никогда не исчерпывают человека всего. У каждого свой неповторимый опыт. Есть еще духовный мир, безбрежный, как океан. Когда сходятся два психолога, они именно стремятся выяснить в первую очередь этот духовный потенциал, заложенный в каждом.

Из клуба Берзин и Зорге вышли вместе. Рихард хмурился. Он только что выдержал бой и чувствовал себя возбужденным. Но заговорил свободно, легко. Ян Карлович сказал, что ему очень понравилась последняя работа Зорге о германском империализме.

«Меня поражает ваша работоспособность,— сказал Берзин. — Ведь я тоже в некотором роде был журналистом: редактировал партийную газету «Крея Циня».

«А я редактировал «Бергише арбайтерштимме». Вы прекрасно владеете немецким. Бывали в Германии?»

«Нет, не приходилось. Секрет простой: моя мать из немецких колонистов».

«А моя мать русская», — неожиданно сказал Рихард.

Как оказалось, Берзин не только читал многочисленные статьи Зорге, но и внимательно проштудировал каждую из них. Слушатель пролетарского университета, он высоко ценил такие вот исследования очевидцев, прямых участников событий. Зорге был тонким знатоком германского империализма. Интерес к личности Зорге становился у Яна Карловича все острее и острее.

Он знал особую радость: радость открытия человека.

В высоком, худощавом, всегда сосредоточенном немце угадывалось нечто глубоко симпатичное самому Берзину. Он понял: политическая страстность.

С этого памятного вечера они подружились. Прогуливались по бульварам вечерней Москвы, говорили о политике, обсуждали тонкости международных отношений. Оба много знали. Обоих волновали одни и те же проблемы. Это был союз двух умных людей, двух партийных товарищей.

Жизненный путь Яна Карловича Берзина необычен, предельно насыщен событиями большой социальной значимости.

Биография каждого куется в горниле событий, она в конечном итоге определяется обстоятельствами и, разумеется, в большой степени мерой твердости характера. Вот эту меру твердости в людях да и в самом себе всегда и стремился установить Берзин. К настоящему мы идем через прошлое.

Биография Берзина ковалась в огне классовых битв. Он принадлежал к тому поколению ленинской гвардии, которое вынесло на своих плечах три революции, гражданскую войну и самые трудные годы созидания первого в мире социалистического государства.

Отвечая на вопрос, как он пришел в революцию, Берзин писал: «В семье у нас вообще был бунтарский дух. Старший брат, рабочий, рано примкнул к революционному движению, и это оказало влияние на всю семью. Нас, детей, было четверо — в настоящее время все партийцы».

Петер Янович Кюзис (он же Ян Карлович Берзин) родился 13 ноября 1890 года в Латвии, на хуторе, неподалеку от городка Гольдингена. Отец Петера мог считаться потомственным батраком, он никогда не имел ни сво-

ей земли, ни своего дома. Семья жила в общем бараке, так называемом «батрацком доме» — длинном каменном строении с единственным окном. Вечная, беспросветная нужда, полуголодное существование без надежд на будущее. Свирепый хозяин на глазах у детей избивал работников, мог среди зимы по собственному капризу выгнать со двора любого. Хозяина боялись и ненавидели. Ненавидел его и маленький Петер Кюзис.

Вся жизнь старого Яна Кюзиса прошла в жестокой борьбе за кусок хлеба. Он не желал с этим мириться: пусть хоть дети будут грамотными; может, им повезет в жизни и они вырвутся из кабалы. Петер стал ходить в сельскую школу. От дома до школы много верст. И все-таки, несмотря на все трудности, мальчик успешно окончил школу, а в 1902 году поступил в учительскую семинарию в городе Гольдингене. Вот как сам Берзин рассказывает о годах, проведенных в семинарии: «Прибалтийская учительская семинария, директором которой в то время был Ф. Страхович, известный по всей Прибалтике реакционер-черносотенец, славилась своим казарменным режимом и реакционным составом преподавателей. Страхович ввел в семинарии систему пропусков на выход со двора, организовал среди учащихся целую сеть доносчиков, жестоко расправлялся с непокорными, осмелившимися критиковать порядки в семинарии. Протест учащихся вылился в «бунт»...

Окончить учительскую семинарию не удалось.

В 1904 году Петер вошел в ученический кружок, связанный с социал-демократической организацией, принял активное участие в выступлении семинаристов против реакционных преподавателей и директора Страховича.

Теперь родители Петера батрачили уже у другого хозяина, в Юргенсбурге. Старший брат, Ян Янович, работал столяром у подрядчика по постройкам. В мастерской существовал социал-демократический кружок. Старший брат приносил домой нелегальную литературу, а Петер распространял ее среди молодежи.

В самый разгар революции 1905 года социал-демократический кружок организовал крупную забастовку сельских рабочих. Красные знамена, митинги. Известный боевик Стенька (Лепинь) призвал крестьян организованно выступить против угнетателей-баронов и царского самодержавия. Напуганные помещики потребовали у властей для своей охраны казаков. Вскоре казаки небольшими

отрядами по пятнадцать-двадцать человек были расквартированы по всем помещичьим имениям.

В ответ на репрессии крестьяне организовали отряд самообороны. В отряд вошел и четырнадцатилетний Петер Кюзис. Осенью 1905 года Петер Кюзис вступил в РСДРП. Путь определился.

Леса Прибалтики. Дюны, болота... За деревом притаился с дробовиком Петер. Неподалеку товарищи. Это боевики — народная милиция. Поджидают казаков. Стычки с казаками происходят почти каждый день. Для шестнадцатилетнего Петера все овеяно революционной романтикой. «Было много революционного романтизма, но мало сознательности. Но, несмотря на это, люди боролись очень стойко и честно клали свои головы за революцию. Лично я жил тогда в экстазе революционного романтизма и за изучение теории взялся лишь в тюрьме».

Его записки полны этим романтизмом. Язык лаконичен: «Ночью мы сделали нападение на замок помещика, в котором засели казаки». «Хотя нас, милиционеров, было меньше, чем казаков, штурм был отбит с большими потерями для них».

Однажды в сумерках Петер и его товарищи Лепинклаус, Василь и Калнынь вышли из лесу и направились к усадьбе, где было спрятано оружие. Отряд казаков несколько раз делал набеги на эту усадьбу, но, ничего не обнаружив при обыске, уходил. Боевики были уверены, что казаки сюда больше не вернутся. Иззябшие, они зарылись в солому и заснули, даже не выставив охраны. Около полуночи услышали стук в двери. В дом ворвались уланы. Уланов, оказывается, привел провокатор из местных подкулачников. Он утверждал, что в доме спрятано оружие. Оружие было спрятано в печи. Уланы все перерыли, но маузеров и винтовок так и не нашли. Боевика Лепинклауса избили до полусмерти, а Петера Кюзиса и остальных отвели в имение, где в подвале уже находилось семнадцать арестованных. В ту же ночь всех допросил полевой суд. Калныня и Василя тут же расстреляли, а Петера пытали до тех пор, пока он не потерял сознание. Его выбросили с крыльца прямо в снег. Подобрали батраки. После этого Петер две недели пролежал в постели. А когда выздоровел, то отправился в усадьбу и забрал оружие. Собрал отряд в тридцать человек, вооружил его винтовками и пистолетами. Отряд совершал дерзкие нападения на карателей. Захватив Юргенсбургское во-

лостное правление, «боевые братья» Кюзиса расстреляли предателей, взяли паспортные бланки, сожгли казенную винную лавку, разгромили корчму. Им приходилось бороться и с уголовниками, которые, видя отсутствие власти, пытались грабить крестьян. Но особенно ожесточенную борьбу «боевые братья» вели с карательной экспедицией известного палача Незнамова. Экспедиция насчитывала четыреста человек, была хорошо вооружена, имела артиллерию. Одна из схваток закончилась трагически для Петера Кюзиса. В мае 1906 года во время перестрелки с отрядом казаков он был тяжело ранен (в левое плечо, в голову и в ногу навылет). Юношу хотели прикончить на месте. Потом дело передали во временный военный суд в Ревеле.

Суд приговорил к расстрелу. Ввиду несовершеннолетия обвиняемого казнь заменили тюрьмой.

Тюрьма укрепила волю Петера. Выйдя из застенка, он перебирается в Ригу, устраивается слесарем на один из заводов, вступает в профсоюз металлистов, по вечерам посещает курсы экономических наук. А главное: революционная работа — организационная и пропагандистская. Он член Рижского партийного комитета. Руководит стачками металлистов. За короткое время он участвовал в семи стачках. Петер пользуется огромным доверием товарищей. Он непреклонен. Беспощаден к врагам.

В декабре 1911 года Кюзис арестован. За принадлежность к партии большевиков он осужден на вечную ссылку в Иркутскую губернию.

Сибирская стужа, звон кандалов. Двадцатилетний Петер замыслил побег. Его не остановили ни пятидесятиградусные морозы, ни великое бездорожье, ни пули стражников. Помогли товарищи: снабдили документами, продуктами.

В Риге появляется высокий, стройный молодой человек. Это Ян Карлович Берзин. Нет больше Петера Яновича Кюзиса, смертного приговора, пяти лет тюрьмы и ссылки. Зажили раны, но шрамы остались. Да появилась ранняя седина в волосах. Время беспокойное: война. Старые явки утеряны. Лучше бы совсем не появляться ему в Риге... Его схватили во время облавы, надели солдатскую форму и сразу же отправили на фронт. А как же революционная работа?.. Ведь в ней одной смысл жизни... Берзин тайно уезжает в Петроград. Устанавливает

связи с партийной организацией. Он непременный член стачечных комитетов, руководит уличными боями рабочих с жандармами и казаками. У него уже есть опыт в таких делах.

Когда летом 1918 года белогвардейцы и эсеры подняли в Ярославле мятеж, на подавление его послали Яна Берзина.

В послужном списке Яна Карловича Берзина есть пометка: «Прибыл в распоряжение председателя ВЧК Дзержинского. 20 ноября 1920 года».

Именно Дзержинский выдвинул Яна Карловича Берзина в апреле 1921 года на работу в советскую военную разведку.

Берзин принял сложное, тонкое хозяйство, требующее совершенных знаний в области международной политики, международных отношений. Знания не падают готовыми с неба: Ян Карлович усиленно посещает Пролетарский университет и Социалистическую академию общественных наук. Через три года он стал во главе советской военной разведки.

Однажды на вопрос: «Успевает ли товарищ Берзин при той громадной работе, которую он ведет, повышать свой политический уровень?» — он ответил так: «Сама работа, которую я исполняю, заставляет повышать свой политический уровень. Что же касается международной обстановки, то могу заявить: разбираюсь в ней, поскольку это вопросы нашей непосредственной работы. Не чувствую себя оторванным и от внутреннего социалистического строительства, поскольку через мою партийную работу я связан с массами. Будучи членом РКК, часто выезжаю на предприятия».

Особенно любил он бывать у металлистов, так как всегда в душе считал себя рабочим-металлистом и всегда помнил, что с 1909 по 1917 год состоял в профсоюзе металлистов. Во всех анкетах он так и писал: «Металлист-профессионал». Он гордился своей принадлежностью к рабочему классу — это было то горнило, где он закалился.

Его связь с Дзержинским была прочной и продолжалась до самой смерти «железного Феликса».

Все люди, близко знавшие Яна Карловича, отмечают его глубокую человечность. Его талант особенно ярко проявился на разведывательной работе. Любил повторять слова Дзержинского: «Чекист должен иметь холодную голову, горячее сердце и чистые руки», но повторял не-

сколько на свой лад: «Разведчик должен иметь горячее сердце патриота, холодный ум и стальные нервы». Этим он подчеркивал свое преклонение перед Феликсом Эдмундовичем, идейную преемственность.

Все те люди, которых Берзин посылал за границу, могли считаться его друзьями; так оно и было на самом деле. Он не имел каких-то «избранных» друзей; дружба приобретала смысл лишь тогда, когда она была скреплена общей борьбой, общим служением партии, общими целями идейного порядка; она носила целомудренный характер. Честная принципиальность покоряла тех, с кем он работал. Он жестоко презирал себялюбцев, комчванство, чинопочитание, требовал разумной дисциплины, партийного подхода ко всякому делу. Он скрупулезно готовил разведчика к безымянному подвигу, воспитывал в нем дух самопожертвования во имя защиты Советского государства. Так же тщательно разрабатывал он каждое задание, представляя в уме всю сумму опасностей, с которыми может встретиться боец «невидимого фронта». Общение с Берзиным становилось школой мужества, идейной закалки.

Таким был человек, с которым познакомился Рихард Зорге осенью 1926 года, и этому человеку суждено сыграть исключительную роль в жизни Зорге.

Иногда Рихард обращался за советом к Яну Карловичу. Осведомленность Берзина восхищала и удивляла Зорге. Он пока не подозревал, что его консультирует один из самых осведомленных в государстве людей. Осведомленный по долгу службы. Малейшие сдвиги, «шорохи» в международной обстановке были ему известны, настораживали: ведь от этого зависела безопасность Советского Союза. Рихард, сам того не ведая, прикоснулся к сокровенному источнику. Очень часто они говорили о Дальнем Востоке. Проблемы Дальнего Востока оказались настолько интересными, настолько важными, что Зорге увлекся ими. Ему стало казаться, что обстановка на Дальнем Востоке, возможно, приведет к коренному изменению теперешнего соотношения сил... Его мысли разделяет и Берзин. Да, международная обстановка обострилась до крайности. Мировой экономический кризис. А выход из кризиса империалисты всегда ищут в войне против Советского Союза. Похоже на то, что в Германии правящие классы берут курс на передачу власти Гитлеру. Для Гитлера война — «освежающий ветер».

Гитлеру вторит японский генерал Танака. Он представил своему императору так называемый секретный «меморандум Танака», где намечена политика «крови и железа». Тут дан развернутый план внешней экспансии японского империализма: захватить Маньчжурию, Монголию, Китай, Юго-Восточную Азию, Индию, Центральную Азию, Малую Азию, Европу, сокрушить США. Войну с Советским Союзом Танака считает неизбежной и необходимой. Бредовые идеи о мировом господстве? Может быть. Но японцы уже действуют. Не так давно Танака вторично послал войска в Шаньдунь, зарится на Маньчжурию, подбирается к границам Советского Союза, жмет на Чан Кай-ши. Революция 1925—1927 годов в Китае потерпела временное поражение. Только за два последних года погибло почти полмиллиона революционных рабочих и крестьян. Во главе нанкинского правительства и его армии стоит Чан Кай-ши. Ставленник буржуазии и помещиков, Чан Кай-ши вполне устраивает империалистов всех стран, и они дружно признали нанкинское правительство, оставив за собой «право открытых дверей», то есть право грабить эту страну, вмешиваться в ее внутренние дела.

От Чан Кай-ши и японских милитаристов можно ждать новых провокаций.

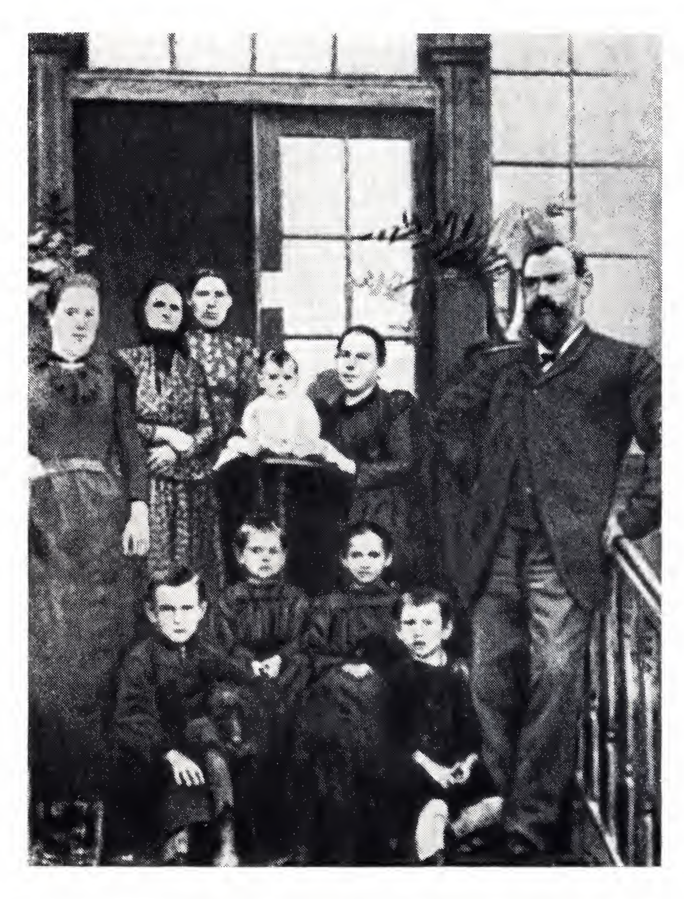
В Германии, Америке, Японии свирепствовала безработица. С новой силой возродились интервенционистские настроения, направленные против СССР. Обострилась борьба империалистов за рынки и сферы влияния. Для Зорге это был единый процесс. С тревогой следил он за тем, что происходит в Германии. Там возникли условия, благоприятные для превращения нацистской партии в массовую партию.

В 1928 году Зорге снова увидел Эрнста Тельмана. Вождь Коммунистической партии Германии был делегатом VI Всемирного конгресса Коммунистического Интернационала. Короткая встреча в кругу старых боевых друзей. Тэдди много шутил, был воодушевлен. Он побывал в Ленинграде, посетил прославленный крейсер «Аврора», его избрали почетным членом команды крейсера, вручили форму краснофлотца.

В Германии по-прежнему классовые бои, забастовки. Борьба идет за единый рабочий фронт. Фашисты наглеют, создают отряды СС. Гитлера поддерживает юнкерская аристократия.

Поселок Сабунчи в дореволюционные годы.

Поселок Сабунчи. В этом доме в 1895 году родился Рихард Зорге (сейчас дом № 2 по переулку Осипяны).

Рихард Зорге в возрасте 6—8 месяцев. Справа — мать Нина Семеновна Кобелева, рядом — отец. (Из семейного альбома родственников Зорге в Баку.)

8-летний Рихард Зорге с отцом. (Из семейног альбома родственников Зорге в Баку.)

Ф. А. Зорге (1828—1906 гг.).

Рихард Зорге — солдат. 1916 г.

«На память о своем полку». Справа налево: Эрих Корренс, его кузина Мета и Рихард Зорге. (Обе фотографии из собрания Корренса.)

Madonna in des Mondesschein
auf alter Mauer wölbendem Bogen,
ragst in die leuchtende Nacht hinein
von dämmernder Anbetung umwoben.

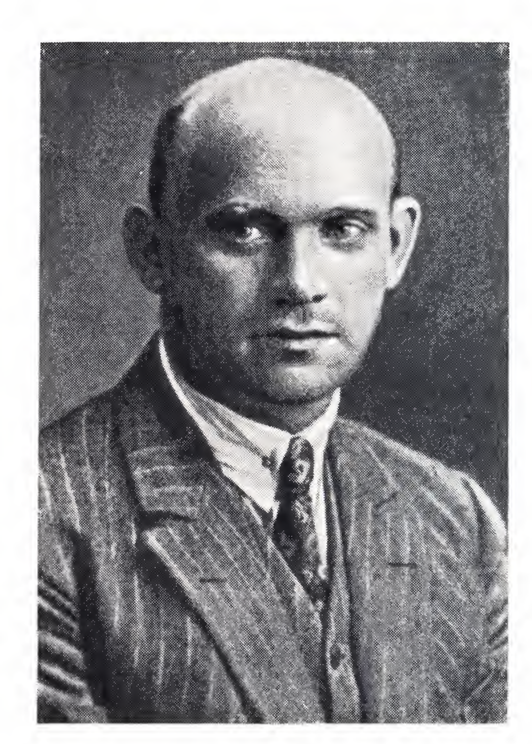
Rings ist um Dich sie aufgestellt
mit Schatten, die aus alten Winkeln brechen,
mit Efeu der von Mauern fällt
und Mondlichttstropfen, die tiefe Nieschen stechen.

Die rinnen und rieseln von des Domes Dach
über die schlafende Tanne mit Silberschleifen
und küssen die stummen Dinge wach,
dass einmal nur Deine Knies sie streifen

Dann lasten wieder des Efeus Matten,
das Mondlicht fliesst und glänzt,
es liegen in den Nieschen die Schatten
Madonna steht von verborgener Anbetung umkränzt.

Altes Aachen
Den 19.2.16.

Одно из юношеских стихотворений Рихарда Зорге. Оригинал.

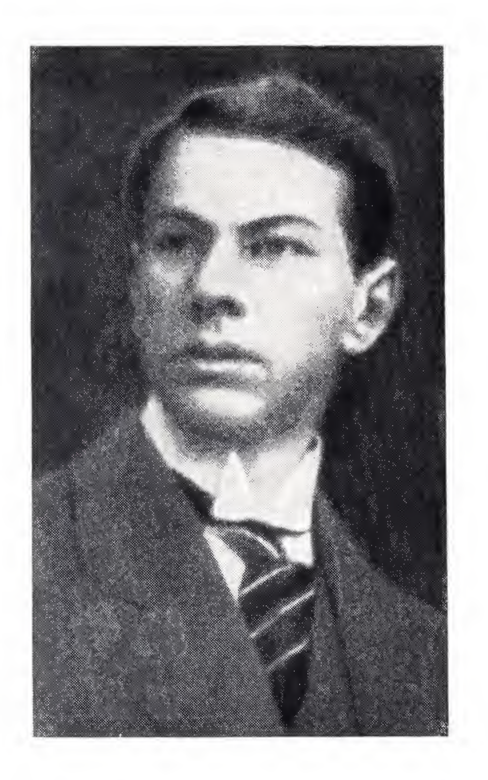

Эрнст Тельман. 20-е годы.

Здание, где помещался Гамбургский комитет Коммунистической партии Германии.

Рихард Зорге — студент университета. 1914 г.

in der künftigen Form als Druckpaket nachkomm-
en zu abgeben wodurch ich den Anforderungen
für Promotion in der Rechts- und Staatswissen-
schaftlichen Fakultät nach der letzten Mit-
teilung, die mir zugegangen ist, nachkommen
möchte. Ich möchte also nunmehr an die hohe
Fakultät das Gesuch richten mir Titel und
Würde eines Doktors der Staatswissenschaften zu
verleihen.

Richard Sorge
Assistent

Заключительная часть ходатайства ассистента Зорге в Гамбургский университет о присвоении ему степени доктора политических наук.

Франкфурт-на-Майне.

Bergische Arbeiterstimme

„Alle organisatorische Kraft entfalten!"

Номер коммунистической газеты «Бергишеарбайтерштимме», выходившей в городе Золингене, от 3 декабря 1921 года. Среди членов редколлегии значится: «Ответственный за политику — Рихард Зорге».

Берлин.

K Zetkin

Rosa Luxemburg's

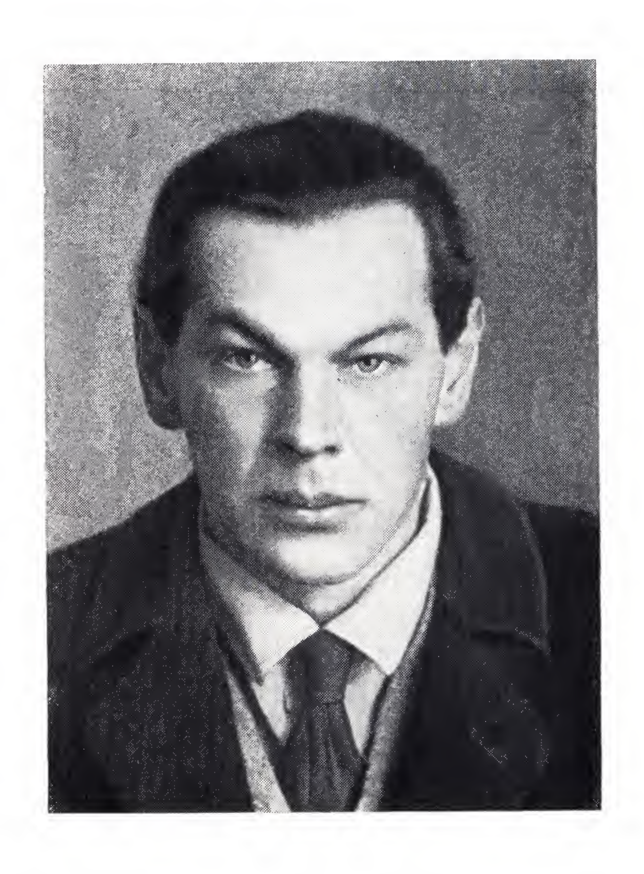
Akkumulation des Kapitals

Bearbeitet für die Arbeiterschaft

R. I. Sorge

Брошюра, написанная Рихардом Зорге. (Из личной библиотеки Клары Цеткин.) Хранится в Институте марксизма-ленинизма при ЦК СЕПГ в Берлине.

Рихард Зорге. 20-е годы.

Брошюра Рихарда Зорге «План Дауэса и его последствия», изданная в Германии в 1925 году.

ика Рихардович Зорге

Рамзай

Зорге, Рихард

Национальность.	немец.
Партийность (стаж).	III 1925 В.К.П 1919 К.П. Герм.
Знание языков.	немец. английск, норвежски, читаю по французск. и норфска.
Краткие биографические сведения.	4.10.1895. учился в Герм. в гимназии, поступил в университет, работал:

Анкета Зорге.

Рекомендация Д. З. Мануильского.

Знаю т. Зорге с 1924 г. по работе в Германии и считаю его товарищем заслуживающем доверия

Д. Мануильский

Москва 19 11/VII 27 г.

Ян Карлович Берзин.

Семен Петрович Урицкий.

Moskau, den 12. April 1926

An das

Rayonkomitee Krassnaja Pressnja der WKP (b),

M o s k a u .

Werte Genossen!

Der Deutsche Kommunisten-Klub hat vor kurzem eine Pioniergruppe deutscher Kinder gegründet. Zu dieser Arbeit bedürfen wir unbedingt Eure Unterstützung und zwar nicht nur durch Anweisungen und Rundschreiben allgemeiner Art, sondern auch in persönlicher Hinsicht. Wir ersuchen Euch daher, wenn es Euch möglich ist, uns einen Genossen zuzuweisen, der mit der Pionierarbeit gut vertraut und der deutschen Sprache mächtig ist.

Mit kommunistischem Gruss

Für den DKK.

Зорге

Фотокопия письма Зорге в Краснопресненский райком ВКП(б) Москвы.

Анкета Зорге.

Вопросы.	Ответы.
Фамилия.	Sorge Зорге
Имя и отчество.	Ika - Richard Ика Рихард
Время рождения (год, месяц и число).	4. 10. 95 1895. 4. 10.
Где проживали	-2½ Baku, dann Berlin, und Hamburg 2½ г. Баку, Берлин. Киль Гамбург
Партийност... В какой пар...	Kom. Partei Deutschlands КПГ.
Если член ком... то какой стр...	Mitgliedsbuch Nr. 08648 М/Б N
С какого врем...	~~1918~~ 1919 1919 г.
Состояли ли в ра... тиях (каких именно где и когда).	von Januar 1917 in U. S. P. D. с января 1917 г. ...

Екатерина Александровна Максимова (стоит) и ее сестры Татьяна и Мария. 1933 г. (Из семейного альбома.)

Е. А. Максимова. Капри. 1926 г.

Рихард Зорге. Шанхай. 1932 г.

После этой почти мимолетной встречи Рихард затосковал. В памяти воскресли годы революционной работы в Аахенском угольном бассейне, во Франкфурте-на-Майне. Кипучая натура требовала действия. Делать самое трудное, самое ответственное, самое сложное. С риском для жизни. Ведь счастье только в борьбе...

Вот о чем говорил он Яну Карловичу во время вечерних прогулок. Берзин был задумчив. Он мог бы поручить Зорге незаурядное дело. Очень ответственное и опасное. Но вправе ли он как руководитель разведки отрывать ученого-социолога от теоретической работы? Берзин думал. Он понимал Рихарда, сочувствовал ему. Он сам всегда находился на острие событий и скучал, когда жизнь становилась спокойной, однообразной.

Тучи на Дальнем Востоке сгущались. Империалисты Америки, Англии, Японии всеми силами старались столкнуть китайских милитаристов с Советским Союзом. 27 мая 1929 года им удалось спровоцировать нападение белокитайцев на советское консульство в Харбине. А 10 июля войска Чжан Сюэ-ляна попытались захватить КВЖД. Это была крупная провокация, предпринятая белокитайцами по указке империалистических держав, пытавшихся развязать войну против Советского Союза.

Авантюра белокитайцев потерпела крах, они вынуждены были согласиться на восстановление статус-кво на КВЖД. Однако дипломатические отношения с Китаем восстановлены не были.

В своем кабинете Берзин часто останавливался перед картой Китая. Что знал он об этой огромной стране? И много и мало. Знал расстановку политических сил. Чан Кай-ши уничтожил почти полмиллиона революционных рабочих и крестьян. Беспрерывные междоусобные войны, которые вели китайские генералы, истощили страну. В Китае было шестьдесят миллионов голодающих. В Маньчжурии дерутся за рынок сбыта США и Япония. Кажется, пока верх берут американцы: они вышли на первое место в торговле с Китаем, оттеснив Англию, Японию, Францию. Китай буквально наводнен американскими «советниками», «экспертами», «экономическими миссиями». Государственный секретарь США Стимсон до того обнаглел, что даже пытался взять на себя посредничество в решении конфликта на КВЖД. Взять инициативу в свои руки, стать арбитром и установить международную опеку во главе с США над КВЖД Стимсону

не удалось. Японцы мечтают о захвате Маньчжурии, попрежнему делают ставку на Чжан Сюэ-ляна...

Но Берзин не знал, как повернутся события дальше: когда речь заходит о Советском Союзе, империалисты сразу забывают свои распри и объединяются. Какие новые провокации против СССР замышляют китайские милитаристы и их японо-американские подстрекатели? Каковы намерения Японии, США, других стран, утвердившихся в Китае?

Сейчас вся деятельность Берзина была подчинена одному: безопасности советских границ. Все международные неурядицы оценивались им прежде всего с этой стороны. Дальний Восток сейчас очаг большой напряженности.

Необходимо создать на территории Китая четко действующую информационную сеть, которая охватывала бы Маньчжурию, Восточный и Центрально-Южный Китай: Харбин, Мукден, Шанхай, Нанкин, Кантон...

Такое дело можно было бы поручить лишь незаурядному человеку. Какими качествами должен обладать организатор и руководитель такой сети? Разумеется, прежде всего умом, способностью анализировать обстановку на месте, большим опытом подпольной работы, беззаветной преданностью революционному делу, выдержкой, волей и личной храбростью. Ответственное задание...

Подбор кадров Берзин никогда не передоверял другим. Проверка — другое дело. По долгому опыту чекистской и разведывательной работы он знал, как много значит один-единственный человек в невидимой войне с врагами. Здесь малейшая ошибка может привести к роковым последствиям.

Он замыслил большую операцию, и провести ее должен человек исключительных качеств.

Так впервые Ян Карлович подумал о Зорге как о военном разведчике.

И когда во время очередной вечерней прогулки Зорге заговорил о зверском расстреле первомайской демонстрации берлинских рабочих в этом году, о погибших товарищах и о том, что, когда мир живет словно на вулкане, он, Зорге, не может спокойно «теоретизировать», закрывшись в кабинете, Берзин изложил ему свой план. Он не сомневался, что грандиозный замысел целиком захватит Зорге. И не ошибся. Рихард без колебаний согласился поехать в Китай. Это дело было ему по плечу.

Он узнал, что радист, некто Макс Клаузен, уже выехал в Китай. Зорге предстояло побывать в Германии, завязать отношения с редакциями газет и журналов, то же самое следует сделать в США. Да, в Шанхай Зорге поедет через Америку. Почти кругосветное путешествие.

В Шанхай Зорге прибыл в январе 1930 года. Он значился корреспондентом немецкого журнала «Социологише мэгэзин», а также корреспондентом нескольких мелких американских газет. Свои статьи в американские газеты он стал подписывать псевдонимом «Джонсон».

5

ЗОРГЕ ОТКРЫВАЕТ КИТАЙ

В детстве Ика был изумлен, узнав, что некто Бальбоа, испанский офицер, в 1513 году открыл Тихий океан! Смешно открыть океан, да притом Великий...

В ту пору он еще не подозревал, что можно открыть не только океан, но и давно открытые страны. В частности, ему казалось, что о такой стране, как Китай, он знает самое главное: «В Китае и сам император, и все его подданные — китайцы...»

Оказывается, в Китае живут не только китайцы.

Во всяком случае, в деловой части Шанхая их почти совсем не видно. Здесь хозяин — международный капитал. Ну, а императора-маньчжура народ прогнал еще в 1911 году.

Лучшее, что есть в Шанхае,— это, конечно, Банд-набережная. Каменные громады иностранных банков, оффисов упираются в грязную Вампу, по которой снуют катера и джонки. Перегруженные океанские суда медленно уползают из реки в море. На рейде иностранные крейсеры с развевающимися флагами. Моросит мелкий дождь. Поблескивают зеркальными стеклами автомобили дирек-

торов банков, менаджеров. Это «международный сеттльмент». Рядом французская концессия.

Зорге неторопливо направляется к Гарден-бриджу. Шанхай... Он наводнен иностранцами. Дельцы-биржевики, русские белогвардейцы, немецкие, американские, английские, французские коммерсанты, советники, эксперты. Резиденты империалистических разведок почти в открытую занимаются сбором сведений. В Вэйхавэе англичане устроили военно-морскую базу. Китай остается децентрализованным.

Встреча с помощником — радистом Максом Клаузеном. Это был плотный человек с широким открытым лицом. От всей его фигуры исходило добродушие, в незнакомой обстановке чувствовал он себя свободно, и вообще создавалось впечатление, что за свои тридцать лет Макс повидал немало. Так оно и было на самом деле.

Знакомство Клаузена с Рихардом Зорге состоялось в роскошном Катей-отеле, где останавливались богатые американцы. Вот как об этом рассказывает сам Клаузен: «Это была моя первая встреча с Зорге. Товарищ Зорге, по моему мнению, уже тогда был осторожным. Он задал мне несколько вопросов, на которые я должен был ответить, и только после этого, как я почувствовал, стал более откровенным со мною. «Итак,— сказал он,— мы сработаемся, конечно».

Перед Клаузеном стояла нелегкая задача: обеспечить организацию Зорге надежной радиосвязью. Для этого нужно установить радиостанции, обучить людей работе на передатчиках и наладить связь с Центром. Клаузен приехал в Китай на несколько месяцев раньше Зорге, а именно в марте 1929 года. Он успел обеспечить надежной связью Харбин, и в самый ответственный момент советско-китайского инцидента на КВЖД оперативно передавал в Центр важные сведения.

Макс Клаузен недаром был рекомендован Рихарду как эксперт по связи. Прекрасный знаток своего дела, убежденный коммунист, он по собственной воле вызвался работать за рубежом.

Макс Готфрид Фридрих Клаузен родился в феврале 1899 года на острове Нордштранде, у побережья Шлезвиг-Гольштейна. Отец его был бедный лавочник и механик по ремонту велосипедов. По окончании школы Макс сначала помогал отцу, а затем был отдан в ученье к кузне-

цу, но по вечерам занимался еще в ремесленной школе. Макс любил технику и механизмы и очень увлекался изобретательством.

В 1917 году Клаузен был призван в армию и служил в германском корпусе связи, в одной из радиочастей на Западном фронте.

После демобилизации из армии в 1919 году Макс по просьбе отца возвращается домой и некоторое время работает у своего прежнего мастера-кузнеца. Этот мастер оказался коммунистом и немало способствовал развитию и укреплению коммунистических воззрений у молодого Клаузена. От него Макс узнал о Коммунистической партии Германии, о ее программе и действиях, о таких деятелях-марксистах, как Карл Либкнехт, Роза Люксембург, Клара Цеткин, Франц Меринг.

«Германия находилась в чрезвычайно тяжелом экономическом положении; число безработных превышало 6 миллионов человек. Правительство совершенно не знало, что делать. Я пришел к убеждению, что единственной доктриной, которая могла бы избавить германский народ от страданий, является коммунизм»,— расскажет впоследствии Клаузен.

В 1921 году Макс уезжает в Гамбург и становится механиком на торговом судне линии Гамбург — порты Балтийского моря. В 1922 году он вступает в союз германских моряков, который был организован по инициативе коммунистической партии. В Гамбурге он часто слушал на митингах выступления Эрнста Тельмана. Вскоре по всей стране началась грандиозная забастовка механиков. Клаузен выразил свою солидарность и примкнул к забастовщикам. За участие в забастовке его арестовывают и сажают на три месяца в тюрьму. В последующие годы Макс Клаузен является активным борцом за улучшение социального положения моряков. Имя его становится известным на многих кораблях.

В 1927 году Клаузен побывал в Советском Союзе. Советское государство купило у Германии трехмачтовую шхуну, чтобы пополнить свой промысловый флот, охотившийся на тюленей. В составе экипажа шхуны был матрос Макс Клаузен.

Он увидел Мурманский порт, познакомился с советскими моряками. Видел их жизнь, их труд. Вернувшись в Гамбург, он подает заявление в Коммунистическую партию Германии.

В 1928 году Клаузену представилась возможность поехать в Москву. Это было его давнишней мечтой, и он с радостью согласился. В Москве Макс поступает на курсы радистов и по окончании их, в марте 1929 года, выезжает в Китай в качестве эксперта по радиосвязи. По документам он значился немецким коммерсантом. В поезде представительный немецкий коммерсант охотно знакомился с пассажирами. Это были японские деловые люди, французские дипломаты, английские журналисты. Из Маньчжурии он на пароходе добрался до Шанхая.

И вот моряк на суше... С чего начать?..

Клаузен должен был найти для себя подходящую квартиру и развернуть радиостанцию. После долгих поисков Максу удалось снять в спокойном районе города большую комнату на втором этаже за сорок долларов. Хозяйке дома мадам Борденг он представился как немецкий коммерсант, недавно приехавший из Германии. Комната оказалась не совсем удобной для работы. Гораздо удобнее были бы две чердачные комнаты над ним, но там жила какая-то женщина, некая Анна.

Макс решил во что бы то ни стало занять верхние комнаты. Он предложил хозяйке хорошую плату за них и объяснил свое желание переселиться в чердачное помещение тем, что не привык к жаркому климату, а наверху ему будет прохладней. Предложение немца было очень выгодным, и хозяйка твердо обещала освободить для него комнаты третьего этажа. Однако Анна разрушила все ее планы. Она наотрез отказалась освободить комнаты, заявив в резкой форме, что за квартиру платит аккуратно и у хозяйки нет оснований отказывать ей. У Макса не было времени ждать, когда кончится вся эта канитель, и он пошел сам к несговорчивой госпоже. Он вежливо предложил ей поменяться помещениями, при этом разницу в квартирной плате брал на себя. К удивлению Макса, госпожа Анна очень рассердилась и с возмущением отвергла все его предложения. Макс испытывал досаду. Вот еще... Не все ли равно этой женщине, на каком этаже жить? Его-то комната гораздо лучше чердака, все-таки он платит за нее сорок долларов.

Однако глупо было бы настаивать, и Макс учтиво сказал, что пусть фрау Анна все же подумает о его предложении, а завтра он опять к ней зайдет.

Но Клаузену пришлось еще не раз подняться на третий этаж к упрямой фрау, прежде чем та согласилась поменяться комнатами. Видно, ее заинтриговал этот чудак немец, который так настойчиво обеспечивал себе прохладу. Анна переехала в его комнату на втором этаже.

Макс переселился на чердак и немедленно приступил к конструированию коротковолнового приемника. Он предпочитал самодельный приемник купленному в магазине. Если такой приемник выходил из строя, сразу было видно, где дефект.

Вечерами он иногда заходил к «фрау Анни» засвидетельствовать свое почтение и выпить чашечку чая. Молодая женщина нравилась ему все больше и больше. Она была простодушна и естественна, искренне смеялась его шуткам. Они становились добрыми друзьями. Встречи, длительные беседы, прогулки по тихим улочкам стали потребностью. Макс понял, что они друг в друге очень нуждаются и друг без друга уже не могут обойтись. Он решил жениться на Анне.

В самый разгар работы, когда нужно было выехать в Кантон, Макс заявил Рихарду: «Я женюсь!» Безмерно удивленный, Рихард сдержался, ибо знал: с любовью не шутят, если она обрушивается на вас даже в Шанхае. Так как разведчик в подобной обстановке, при выполнении боевого задания, не имеет права совершать подобные шаги без разрешения начальства, Макс поставил обо всем в известность Зорге и просил его совета.

Рихард пожелал встретиться с Анни (так Клаузен называл свою невесту). Встретились в ресторане «Астория». После безобидной беседы Рихард пригласил Анни на танец.

Что было известно о ней? Русская. Анна Матвеевна Жданкова. Родилась 2 апреля 1899 года в Сибири. Когда ей исполнилось три года, овдовевший отец отдал ее «на воспитание» купцу Попову. У купца прожила четырнадцать лет. Жизнь была тяжелая. Аню превратили в домашнюю прислугу. Таскала дрова, расчищала в морозы двор, занесенный снегом.

В 1918 году волею судеб девятнадцатилетняя Анна была заброшена в Китай и неожиданно для самой себя стала эмигранткой.

Анна понравилась Зорге. Он был достаточно проницательным, чтобы сказать: Макс сделал удачный выбор.

Однако предупредил Макса, чтобы он не говорил ей, чем они занимаются.

Бытовая сторона жизни не заслоняла главного: работы. А она требовала большого напряжения, беспрестанных поездок по городам страны.

Незаменимым помощником Клаузена в организации радиосвязи был Константин Мишин.

Судьба Константина Мишина весьма примечательна как судьба русского эмигранта. Бывший белый офицер, он в 1918 году уехал из России и поселился в Шанхае. В первые годы ему жилось там очень трудно. Он испробовал множество разных профессий, с мандолиной в руках ходил по улицам и ресторанам Шанхая, зарабатывал себе на хлеб игрой и пением. Много лет был офеней — торговал вразнос перочинными ножами, медными кольцами, ногтерезками, бритвами и другим мелким товаром. Он исколесил всю Маньчжурию, Северный и Южный Китай, хорошо изучил жизнь страны, научился разговаривать по-китайски, по-английски и по-японски. Жизнь бродячего торговца была очень беспокойной и трудной, но она давала возможность как-то сводить концы с концами, содержать семью. Целыми днями без пищи, летом под знойными лучами солнца, зимой коченея от мороза, бродил Мишин со своим коробом. В результате такой жизни здоровье его сильно пошатнулось — он заболел туберкулезом.

Все эти годы он глубоко прятал свою боль и тоску по родине. Его идеи и идеалы были давно разбиты, душа пребывала в смятении. Большевиков он боялся, но и возврат к старому считал маловероятным.

Как-то под Новый год в кругу одной компании его спросили, что он думает о будущем России. Мишин сердито ответил: «Не берусь гадать — ремесло гадальщика становится все более затруднительным».

Втайне он мечтал о возвращении в Россию, но боялся и сам сознавался себе в этом. Однажды он встретил человека, который предложил ему работать на Советский Союз. Мишин без колебаний согласился. Вот как отзывался потом о Мишине Макс Клаузен:

«Мишин, по моему мнению, был очень честным человеком и очень старался работать для нас. Но возвращаться в Советский Союз он не решался, так как не имел представления об условиях жизни там, не знал, как к нему отнесутся».

Но Зорге ясно сознавал: без помощи людей, хорошо знающих обстановку, успеха не добиться. Такими людьми были японские и китайские журналисты. Он быстро сдружился с иностранными журналистами, аккредитованными в Шанхае, свел знакомства с немецкими военными советниками в нанкинских войсках.

Все пристальнее следил он за деятельностью специального корреспондента газеты «Осака Асахи» японца Одзаки Ходзуми. Недавно Одзаки поместил в своей газете статью, в которой писал: «Возмутительное объявление в шанхайском парке «Китайцам и собакам вход воспрещен» снято, но подлинными хозяевами здесь по-прежнему остаются англичане». Как удалось выяснить, Одзаки связан с одной из китайских студенческих групп, настроенной прогрессивно, печатает под псевдонимом статьи, разоблачающие захватническую политику иностранных держав в Китае.

Через знакомую журналистку Зорге выразил желание встретиться с Одзаки. Японец сказал, что будет рад встрече.

Позже Зорге даст оценку своему новому другу:

«Одзаки был моим первым и наиболее ценным помощником... Наши отношения, как деловые, так и чисто личные, всегда оставались превосходными. Он добывал самую точную, полную и интересную информацию, которая когда-либо поступала ко мне из японских источников. Сразу же после знакомства я близко подружился с ним».

Обычно Рихард встречался с Одзаки на Гарден-бридж. Затем они усаживались в автомобиль и уезжали в какой-нибудь парк, подальше от китайской полиции.

У них было о чем поговорить, что сообщить друг другу. Они рассуждали о внешней политике чанкайшистского правительства и о его армии, о перемещениях в верховном военном командовании, о том, какие слои и классы поддерживают нанкинский режим, о зависимости этого режима от Англии и Америки.

Догадывался ли Одзаки, что имеет дело с разведчиком? По-видимому, да. Но он понимал: Зорге так же, как и сам Одзаки, друг китайского народа, он представляет некие силы, противостоящие империализму. Этого было достаточно.

В шанхайские вечера по просьбе Рихарда Одзаки часто рассказывал о себе.

Родился он в Токио 1 мая 1901 года в семье журналиста Одзаки Хидетаро. Отец был образованнейшим человеком. Он гордился своей принадлежностью к старинному роду. Все его предки из рода в род были старшинами села Нисисиракава в префектуре Гифу и пользовались дворянской привилегией носить фамилию и меч. Самой драгоценной реликвией в семье была родословная книга.

Село Нисисиракава, расположенное в живописной местности, считалось старейшим населенным пунктом страны. Горы, покрытые лесом, быстрая речка, синтоистский храм, притаившийся в тени деревьев. Село числилось в земельных реестрах со времен императора Хидейоси и само по себе являлось уже некоторой достопримечательностью. Это был кусочек старой Японии, где сохранились в первозданной чистоте все обычаи народа.

Хидетаро с детства увлекался поэзией и украдкой писал стихи, подражая японским классикам. Но отец хотел, чтобы он стал лекарем. Выполняя волю отца, Хидетаро шестнадцатилетним юношей приезжает в Токио и начинает изучать медицину. Но тайная страсть к поэзии не дает ему покоя.

Он пишет стихи и печатает их под псевдонимом Сирамидзу. Стихи замечают, и Хидетаро вопреки воле отца целиком отдается литературе и становится поэтом и журналистом. Он возглавляет солидный журнал «Современная молодежь» и сам много печатается в различных изданиях, изучает китайскую поэзию и в совершенстве овладевает китайским языком.

Вскоре пришла и любовь. Кита владела небольшим пансионом в нескольких минутах ходьбы от редакции «Современной молодежи». Хидетаро стал одним из ее жильцов. Она была вдовой, отличалась веселым, общительным характером, и молодой литератор обратил на нее внимание.

Они полюбили друг друга. Род Киты был не менее почтенным, чем род Хидетаро,— она была дочерью сельского старшины из семьи потомственных вассалов дома Токугава. (Это также имело немаловажное значение в его решении жениться на Ките.)

В пятнадцать лет Киту выдали замуж за самурая Курогаву, который занимал пост начальника местного поли-

цейского управления и старшего полицейского инспектора в префектурах Гумма, Фукусима, Акита и дослужился до чина главного секретаря префектуры Сига. Вскоре он умер от болезни сердца, и Кита осталась с двумя детьми на руках почти без средств к существованию. Родственники мужа помогли ей открыть пансион в Токио...

Когда Ходзуми исполнилось пять лет, его отца назначили редактором газеты «Тайван Ници-Ници Симбун». Семья переехала в город Тайхоку на остров Тайвань. Гористый остров, покрытый рощами камфарного лавра, стал колонией Японии в результате ожесточенной японо-китайской войны. Населяли его главным образом китайцы, которые ненавидели захватчиков и на каждом шагу оказывали им сопротивление.

Окончив в 1913 году начальную школу, Ходзуми поступает в Тайбейскую среднюю школу, которая непосредственно подчинялась тайваньскому генерал-губернатору.

Основное внимание в этой школе уделялось развитию индивидуальности, формированию личности и воспитанию духа учености. В школе обучали английскому языку и европейским манерам.

Изо дня в день Ходзуми приходилось наблюдать острые противоречия между поработителями и порабощенными. Позже он писал в своих показаниях: «Среди японцев в колонии преобладали люди жестокие и крайне грубые. По отношению к тайваньцам они вели себя исключительно бессердечно. Детям присуще чувство гуманности и сочувствия, и, видя, как обманывают людей, я не мог оставаться равнодушным».

В этот период своей жизни Одзаки Ходзуми увлекается идеями либерального гуманизма. Но особенного интереса к социальным проблемам Японии он еще не проявляет.

Тринадцать лет провел на этом острове Ходзуми. Завоеватели силой согнали китайских крестьян с земли, в принудительном порядке заставили работать на плантациях. Рис, чай, сахарный тростник, цитрусовые — все вывозилось в метрополию. Здесь царил неприкрытый произвол.

«Притеснения и насилия со стороны японских властей по отношению к порабощенному местному населению

вызвали у меня первые сомнения...» — таково впечатление Одзаки от тайваньского периода жизни.

Сомнения не рассеялись и тогда, когда Ходзуми, окончив среднюю школу, отправился в метрополию. В Токио он выдержал конкурс в Первый колледж Итико, лучший в стране, куда принимали только наиболее способных; после колледжа, как правило, открывался путь в Токийский университет. В 1922 году по совету отца Ходзуми перешел на юридический факультет Токийского университета и в 1925 году получил степень доктора права.

Еще во время учебы в университете Одзаки понял, что буржуазное право — это право сильного. Подтверждение этой мысли он находил в окружающей действительности. Так, когда в сентябре 1923 года в стране разразилось грандиозное землетрясение, правящие классы, опасаясь народных волнений, решили направить недовольство масс тяжелым экономическим положением и нераспорядительностью властей против коммунистов и «инородцев».

Началась дикая расправа: четыре тысячи рабочих были убиты, тысячу триста японских революционно настроенных рабочих и крестьян загнали в тюрьмы. Особенно бесчеловечно расправились жандармы с девятью коммунистическими деятелями. Семью руководителя общества аграрного движения Морисаки Генкити бросили в застенок. Облавы на коммунистов и революционно настроенных студентов не прекращались.

«Великое землетрясение, которое случилось 1 сентября, само по себе казалось всякому человеку, находящемуся в районе стихийного бедствия, концом света. Тем не менее мне особенно глубоко запал и другой факт. Пробуя серьезно разобраться в том, что скрывалось за таким названием — «события среди корейцев», я не мог не видеть всей остроты национального вопроса и его глубокую связь с политикой. По соседству с моим домом находилось ведомство «Аграрное движение». Ночью туда ворвались солдаты, и я своими глазами видел, как вытаскивали на улицу мужчин вместе с женами и детьми. Это видение потрясло меня. Этот год стал для меня переломным. Я решил заняться серьезным изучением социальных проблем». Одзаки работает научным сотрудником, усиленно штудирует труды Маркса, Энгельса, Ленина, статьи Сэн-Катаямы, вступает в профсоюз «Хегикай»,

вечерами посещает Токийский клуб социальных проблем, где ведутся жаркие споры о судьбах Японии, обсуждаются статьи, напечатанные в журнале «Марксизм». «Большую часть времени я отдавал изучению именно этих трудов...» Одзаки горячо симпатизировал молодому социалистическому государству.

Блестящий ум, доскональное знание истории и культуры стран Азии сделали Одзаки любимцем студентов. У него появилось много друзей. Они могли пригодиться в будущем, когда Одзаки окончательно изберет свой путь. А путь был ясен: Одзаки решил последовать примеру отца — стать журналистом; карьера государственного чиновника его не привлекала.

В 1926 году Одзаки устраивается на работу в токийскую газету «Асахи», активно сотрудничает в профсоюзной печати, где выступает под псевдонимом «Кусано Генкити» (в память о Генкити Морисаки, брошенном правительством вместе с семьей в тюрьму). Если отец Ходзуми служил газетно-издательскому концерну «Майници», то сам Ходзуми перешел в противоположный лагерь — в «Асахи», хотя мог бы, используя знакомства отца, получить высокую должность в «Майници». Через год Одзаки перевели с повышением в крупную газету «Осака Асахи». В китайском отделе газеты «Осака Асахи» Ходзуми проработал год с лишним: с октября 1927 года по ноябрь 1928 года.

В Осаке он встретился со своей дальней родственницей Эйко. Молодая женщина призналась ему, что ей надоела роль вечной домашней хозяйки и она порвала с мужем. Чтобы получить развод, Эйко устроилась на работу в книжный магазин.

Ходзуми хорошо знал семью Эйко, знал и о ее страстном увлечении поэзией, читал ее стихи, которые одно время часто появлялись на страницах журнала «Кокоро ноха кана» («Цветы сердца»). Стихи ему нравились, они были явно отмечены печатью таланта и говорили о незаурядности их автора. Ходзуми давно подозревал о неблагополучии семейной жизни Эйко. По японским обычаям муж требовал от жены беспрекословного повиновения. Его раздражали частые сборища крикливой молодежи в их доме. Они вечно о чем-то спорили, орали об эмансипации японской женщины, подогревая недовольство и без того строптивой жены укладом их семейной жизни. И вот Эйко в Осаке. Она стояла перед Ходзуми,

молодая, красивая, жизнерадостная, явно обрадованная встречей с ним.

Ходзуми поразила твердость ее характера — не так-то просто японской женщине пойти наперекор традициям, объявить войну своему мужу, господину и повелителю. Такое не прощалось.

Молодые люди полюбили друг друга и поклялись быть всегда вместе, несмотря ни на какие обстоятельства.

В 1943 году Одзаки Ходзуми писал своей жене из тюрьмы:

«Памятны ли те слова клятвы, которую мы дали друг другу, когда решили начать новую жизнь? Смысл их заключался не только в том, что мы будем вместе, несмотря ни на какие трудности, он заключался и в том, другом. В глубине души я предчувствовал, в каком напряжении пойдет моя жизнь. Передо мной стояли тогда важные вопросы, и в спутницы себе брал я Эйко, которая еще ничего про это не знала».

В конце ноября 1928 года Одзаки был послан специальным корреспондентом «Осака Асахи» в Китай. В Шанхай приехал вместе с Эйко.

Город был наводнен иностранцами. Так называемый международный сеттльмент тянулся по берегу Хуанпу почти на десять километров. Западную часть Шанхая занимала французская концессия. Здесь, на широких проспектах, под сенью платанов прятались французские банки.

Американский капитал обосновался на шумном Нанкин-лу, мало чем отличающемся от больших торговых улиц американских городов. Кстати, застройка набережной по Хуанпу была целиком скопирована с нью-йоркских набережных.

Шанхай называли городом международного грабежа Китая. Политически здесь главенствовали американцы. По реке сновали белые американские канонерки, на рейде дымили крейсеры, набережная почти всегда была запружена пьяными американскими матросами в белых пикейных шапочках. Американский, английский, французский сеттльменты... Миллион иностранцев. Они осуществляют полное самоуправление, у них свои войска, своя полиция, свой муниципалитет.

Неподалеку от моста Гарден-бридж в небольшой квартире на втором этаже старенького дома и поселился Одзаки с женой.

Одзаки тридцать лет. Он полон сил, энергичен, предприимчив. Чтобы снабжать свою газету интересным, злободневным материалом, он должен общаться с целым сонмом иностранных журналистов, обмениваться с ними информацией. Таков уж неписаный закон международной газетной братии. Одзаки — тонкий знаток Китая, Японии, Юго-Восточной Азии, великолепно владеет и немецким и английским языками. Вот почему каждый старается завести с ним знакомство.

Перед журналистом Одзаки был живой Китай, и он жадно вбирал в себя новые впечатления. Он внимательно прочитывает все газеты, подвергает прочитанное тщательному анализу и делает свои выводы о политической действительности.

В Шанхае царил белый террор. Англия, Америка, Франция, Япония и Италия стояли за спиной китайской контрреволюции, они спровоцировали гоминдан на открытое массовое уничтожение рабочих и крестьян.

Позже Одзаки писал об этом периоде: «Тогда я был еще молодой и с величайшим уважением относился в Шанхае к интересам китайской революции. Шанхай для меня был своего рода ретортой всей революции. Тут было видно как на ладони, что влечет за собой превращение Китая в колонию и полуколонию. Тут можно было заполучить разную левую литературу, и все это было чрезвычайно интересно. У меня было такое чувство, будто перед моими глазами раскрывается реальная картина святого революционного процесса».

В Шанхае Одзаки познакомился с Лу Синем, который принимал активное участие в помощи жертвам революции. 19 сентября 1930 года Одзаки присутствовал на пятидесятилетнем юбилее великого писателя. Маленький Лу Синь, одетый в шелковый китайский костюм кремового цвета, оживленно беседовал с иностранными гостями, и Одзаки приходилось иногда быть его переводчиком.

Таков был новый помощник Зорге. Как понимал Рихард, Одзаки был последовательным антифашистом, патриотом своей родины. Он твердо считал, что путь внешней экспансии приведет Японию к гибели.

Вскоре они установили, что по многим вопросам сходятся во взглядах. Зорге был искренне рад, что наконец-то встретил человека, который поможет ему глубо-

ко изучить дальневосточные проблемы, Китай, Японию. А так как Одзаки всегда искал единомышленников, то, в свою очередь, был счастлив обрести нового друга, знатока западных проблем. Обладающий большим чувством юмора Одзаки импонировал Рихарду.

Прямой, добродушный, он был лишен той своеобразной утонченности манер, какой славится Восток. Он был просто человеком без всякой «этнографии», высокообразованным, отрешенным от национальных предрассудков, считающим, что «люди хоть и различаются по обычаям, но природа их одна» и что каждый народ вносит свое в сокровищницу культуры. Он уже давно все взвесил и оценил. Он никогда не смеялся над обычаями, считая их явлением историческим, обусловленным всем ходом развития того или иного народа. Человечество освобождается от обрядности постепенно. Одзаки был добрым семьянином, любил своих кодомо — дочь Йоко и маленькую жену Эйко. Зорге сразу понял, что столкнулся с человеком далеко не заурядным, сложным, обладающим твердым и цельным характером.

Сперва они широко обменивались информацией, а потом почувствовали, что встречаться сделалось потребностью. Если Одзаки поражала эрудиция Рихарда, то Зорге дивился ясности мышления своего японского друга. Одзаки горячо любил Японию и эту любовь пытался привить Рихарду. Любил, поэтому и тревожился за ее судьбу.

Дзайбацу — крупнейшие концерны, господствующие в стране, клика милитаристов неуклонно втягивали Японию в большую войну, вынашивали планы нового передела мира и создания обширной японской колониальной империи с включением в нее Китая, всей Юго-Восточной Азии, Советского Дальнего Востока. Они хотели владычествовать в Тихом и Индийском океанах. История Японии была насыщена войнами: японо-китайская война 1894—1895 годов, русско-японская война 1904—1905 годов, интервенция на Советском Дальнем Востоке в 1918 году, стоившая Японии один миллиард иен, интервенция в Китае в 1927—1928 годах, предпринятая генералом Танакой...

Одзаки знал все слабости Японии: узкая, недостаточно развитая экономика, техническая отсталость, нехватка ресурсов, экономическая зависимость от иностранных

государств; машиностроение и станкостроение в зачаточном состоянии; полуфеодальные отношения не только в экономике, но и в политической жизни...

К чему, например, может привести столкновение Японии с Советским Союзом? К быстрому краху! Война с Китаем также истощит ее ресурсы. Одзаки не верил в военное счастье своей родины, он считал путь войны для нее гибельным. Конечно, могут быть частные, временные успехи. Но что из того? Конечный результат один: катастрофа, бессмысленная гибель сотен тысяч людей. Ни один народ не имеет права паразитировать за счет другого народа.

В своих статьях Одзаки аргументированно разоблачал политику иностранных держав в Китае. В любых случаях он пророчил Японии поражение, считал экспансионистскую программу дзайбацу и милитаристов безумием. Однажды в беседе с Зорге, сравнивая Японию с царской Россией, Одзаки сказал: «В Японии и России монополия военной силы, необъятной территории или особого удобства грабить инородцев, Китай и прочая отчасти восполняет, отчасти заменяет монополию современного, новейшего финансового капитала».

«Ленин! — подтвердил Зорге.— А вы, Одзаки-сан, оказывается, марксист-ленинец...»

Японец улыбнулся:

«Ну, если вы знаете все цитаты из Ленина, то кто в таком случае вы?»

Они понимающе взглянули друг на друга и рассмеялись. Так был скреплен их союз. Союз навсегда. До последней минуты жизни.

Одзаки писал:

«Я относился с интересом и к положению, которое занимал Зорге, и к нему самому как к человеку. Я не столько обменивался с ним мыслями, сколько прислушивался к его суждениям о той информации, с какой я его знакомил. С не меньшим интересом я выслушивал его мысли по внутренним вопросам. Он никогда не вымогал из меня информации по конкретным вопросам и не давал мне заданий».

Три года жизни в Китае... Чем они были наполнены?

Организационной работой. Бесконечными поездками. Встречами. Изучением страны. Как известно, Рихард Зорге считал обязательным для разведчика знание языка,

быта, истории, экономики, внутриполитического и внешнеполитического положения той страны, где приходится работать. Без таких знаний разведчик глух и слеп, оторван от той реальной почвы, где развертывается драма политических и экономических отношений. Оказавшись в Китае, он сразу же занялся этим.

«В течение трех лет пребывания в Китае я изучал его древнюю и новую историю, его экономику и культуру, провел широкие исследования политики этого государства».

И конечно же, овладел несколькими диалектами китайского языка. Изучал японский язык. Он любил повторять слова Маркса: «Иностранный язык есть оружие в жизненной борьбе». Он словно предчувствовал, что все это может пригодиться в будущем. Его чемоданы были до отказа набиты научными материалами о Китае. В кругу китайских журналистов он цитировал стихи древнего поэта Ли Сянь-юна: «Я исходил страну из края в край... Давно я не был дома, но, как встарь, не знают роздыха копье и щит...»

Зорге много размышляет о древней, новой и новейшей истории Китая. Ему хочется постичь дух этой удивительной страны, ее традиции.

Часами простаивает он у древних многоярусных пагод, полуразрушенных стен. И тогда он попадает под обаяние безграничности азиатских пространств и бесконечности времен, которые тяжелой медлительной поступью прошли по лессовым равнинам и диким нагорьям.

В бесконечной истории Китая было многое: было Иньское царство, была Чжоуская эпоха, были великие династии Хань, Суй, Тан, Сун; были периоды Троецарствия и время Пяти династий, были крупные феодально-бюрократические государства так называемых гегемонов Цинь, Ци и других. Было нашествие гуннов и более чем столетнее владычество монголов, было долгое-долгое маньчжурское владычество. Были великие крестьянские восстания «краснобровых», «желтых тюрбанов». И многие из восстаний завершались победой. После завоевания столицы вожди восставших крестьян создавали новую династию, а потом шли на сговор с помещиками и провозглашали себя царями, императорами. Так случилось с вождем крестьян Лю Баном, так поступил выходец из крестьян Чжу Юань-чжан, основавший династию Мин,

Была примечательная история тайпинов в новое время. Вождь восставших крестьян Хун Сю-цюань объявил себя живым богом, братом Христа.

Этот «живой бог» был ярым националистом. От утопического крестьянского коммунизма вожди тайпинов после первых побед быстро отказались, переродились в феодальных прислужников, предали крестьянство, убили верного народного вождя Ян Сю-цина.

От всех великих государств, которые всякий раз возникали словно бы заново, остались внушительные зубчатые стены, полуразрушенные временами храмы и пагоды, развалины исчезнувших городов...

Зорге старался уловить закономерности в истории Китая. История Китая как бы «пульсировала»: Китай как государство то возникал на обломках былых империй, то вновь распадался на ряд удельных княжеств и владений.

Это были научные занятия под свист пуль.

В Маньчжурии разворачивались события чрезвычайной международной важности.

Генералы Чжан Цзинь-хой и Чжан Сюэ-лян задумали продать Маньчжурию японской военщине. На правах иностранного корреспондента, представляющего и американские газеты, Зорге попытался установить, как отнесутся США к предполагаемому вторжению. Ведь американцы организовали в Маньчжурии компанию по разработке каменного угля, строили радиостанции, собирались строить радиозавод, поставляли оборудование. К его удивлению, американцы не проявляли никакого беспокойства. Так же невозмутимы были и англичане. Оценивая этот факт, американский публицист Дж. Марион говорит: «Мы стали содействовать усилению японцев или, во всяком случае, тщательно воздерживались от всякого вмешательства в их агрессивные действия, направленные против Китая... Это была, по существу, та же политика умиротворения, какую проводили англичане в черные дни правления Невилла Чемберлена».

«Мукденский инцидент», а другими словами — оккупация Японией Маньчжурии началась 18 сентября 1931 года. В ночь на 19 сентября были оккупированы Мукден и Чанчунь, 22 сентября — Гирин, 18 ноября — Цицикар. Японцам помогал китайский генерал Чжан Цзинь-хой. К началу 1932 года почти все главные города и железнодорожные узлы Маньчжурии оказались в руках японцев.

Заняв Северную Маньчжурию, японские войска стали концентрироваться на дальневосточной границе Советского Союза.

Настал самый напряженный момент в жизни организации Зорге. Благодаря своевременной информации акт японской агрессии не явился неожиданностью для Советского правительства. Определенные круги США и Англии злорадствовали, предвидя советско-японский конфликт.

Чан Кай-ши по-прежнему проводил капитулянтскую политику. Когда состоялся поход в Нанкин шестидесяти тысяч студентов, потребовавших организовать отпор захватчикам, Чан Кай-ши расстрелял демонстрацию. В марте 1932 года японцы провозгласили «самостоятельное государство» Маньчжоу-го. «Премьером» этого «самостоятельного государства» стал предатель генерал Чжан Цзинь-хой.

В это беспокойное время Зорге и его помощники находились на переднем крае событий. Макс Клаузен и Мишин поехали в Кантон, чтобы оттуда установить радиосвязь с Владивостоком.

В Кантон пришлось взять самый мощный передатчик, который хранился у Мишина. Передатчик полностью разобрали и уложили детали между своими вещами в шести чемоданах таким образом, чтобы их не обнаружили при таможенном осмотре, так как перевозка радиоаппаратуры была запрещена. Громоздкое динамо спрятать не могли и везли как оборудование для фотолаборатории, которую, по легенде, они должны были открыть в Кантоне.

Отправляясь в Кантон, Макс сказал Анне, что едет по делам фирмы и постарается вернуться как можно быстрее.

Путь в Кантон лежал через Гонконг.

Гонконг поразил Макса живописными красными холмами, у подножия которых раскинулись белые дома и утопающие в зелени виллы города Виктории. Широкий пролив, отделяющий остров от пирса на материке, был усеян многочисленными судами — пароходами, джонками, английскими крейсерами; среди них сновали сампаны, шлюпки и катера.

Это был сказочный остров, прославленный в многочисленных песнях моряков всех стран мира. В свое время мечтал увидеть его и молодой матрос Макс Клаузен.

И вот он лежал перед Максом как на ладони в ослепительных лучах солнца.

Гонконг — мощная военно-морская база Британской империи, ворота Англии в Китай. Напротив Виктории, через пролив, находился Коулун, который соединялся железной дорогой с китайским городом Кантоном. До Кантона решили ехать не пароходом, а поездом, что значительно быстрее.

В таможне Коулуна работали английские служащие, которые тщательно осматривали всех пассажиров. Добродушный на вид немецкий коммерсант не вызвал никаких подозрений, и таможенник не стал слишком строго осматривать его чемоданы. Он полюбопытствовал только насчет динамо-машины. Клаузен сказал, что купил ее в Шанхае и везет для своей фотолаборатории в Кантон, чтобы иметь больше света. Ответ, по-видимому, вполне удовлетворил чиновника, и он пропустил Макса.

Кантон, крупнейший порт и торгово-промышленный центр Южного Китая, насчитывал свыше 200 тысяч промышленных рабочих. Наряду с фабрично-заводской промышленностью, среди которой выделялось по своему значению шелковое производство, большую роль играли китайские кустарные промыслы. В Кантоне часто происходили рабочие демонстрации, забастовки, создавались подпольные отряды Красной гвардии. Это был один из важнейших в Китае центров национально-освободительного движения. В декабре 1927 года в Кантоне произошло грандиозное вооруженное восстание пролетариата, получившее название Кантонской коммуны. На улицах города были расклеены плакаты с призывами восставших: «Рис — рабочим!», «Землю — крестьянам!», «Вся власть — Советам рабочих, крестьян и солдат!», «Долой войну милитаристов!»

Восставшие требовали аннулирования неравноправных договоров, конфискации имущества империалистов, установления восьмичасового рабочего дня, введения демократических свобод, конфискации помещичьей земли. Коммунарам удалось вытеснить милитаристов из города, но американцы и англичане подвозили на военных судах к Кантону гоминдановские войска и помогали контрреволюционерам. Город был блокирован, положение становилось безнадежным.

Тысячи трудящихся Кантона погибли на улицах го-

рода. Усилился террор по всей стране. Контрреволюционное правительство выдвинуло лозунг: «Пусть сгинут тысячи невинных, лишь бы не пощадить ни одного сторонника коммунизма». Так превосходящими силами китайской и мировой реакции была задушена Кантонская коммуна, в городе свирепствовал гоминдановский террор. Рабочих массами увольняли с предприятий. Город кишел нищими и безработными. Таково было положение в Кантоне к моменту приезда туда Макса Клаузена.

Город напоминал Шанхай, разница была только в том, что в Шанхае хозяйничали американцы, а в Кантоне — англичане. Они важно разъезжали на рикшах в своих тропических шлемах и белоснежных костюмах.

Клаузен и Мишин остановились в одном из английских отелей, где на седьмом этаже сняли две комнаты. Зорге считал необходимым немедленно наладить связь с Владивостоком прямо из отеля. Макс собрал радиостанцию. Кроме динамо, другого источника тока не было, поэтому пришлось крутить эту адскую машину. Она производила невероятный шум, и Мишин очень боялся привлечь внимание обитателей гостиницы, фланирующих по коридору. В связи с этим Клаузену вспомнилась забавная история, имевшая место в Харбине.

События на КВЖД требовали оперативности, иногда Максу приходилось целыми ночами вести передачи. Комната гостиницы, где он тогда остановился, была так мала, что в ней не умещалась целиком комнатная антенна, и дневные сеансы связи срывались. Тогда по протекции одного своего знакомого Макс снял комнату в доме американского вице-консула, установил там радиостанцию и спокойно вел круглосуточные передачи. Вице-консул и не подозревал, что творится под крышей его дома. Ему очень нравился общительный немецкий коммерсант, очень добродушный и спокойный.

Чтобы заглушить шум динамо-машины, Мишин предложил накрывать ее толстым одеялом, но под одеялом она быстро нагревалась, и возникала опасность пожара. Приходилось время от времени охлаждать машину. Все попытки наладить связь с Владивостоком ни к чему не привели. Макс был озадачен. Десятки раз собирал и разбирал передатчик, а потом случайно узнал, что дом сделан из железобетона.

Решили немедленно искать квартиру, откуда можно было бы спокойно и беспрепятственно наладить связь. Но

найти в Кантоне квартиру оказалось делом нелегким. Благодаря своей общительности Макс раздобыл адрес одного богатого домовладельца, который имел много домов. Домовладелец принял их весьма настороженно и спросил, откуда они. Желая казаться более солидными, Мишин назвал известную гостиницу на острове Ямин, где проживали иностранцы, находились все консульства и иностранные фирмы. Домовладелец, видимо, навел о них справки и обнаружил обман. Когда на следующий день они пришли к нему за окончательным ответом, хозяин отказал под тем предлогом, что квартиру уже заняли. Мишин очень досадовал на свою оплошность, но делать было нечего. Макс решил пойти в германское консульство и попросить у консула помощи в поисках квартиры.

Консул встретил соотечественника очень любезно, расспросил о делах. Узнав о затруднениях Клаузена с квартирой, посоветовал обратиться к одной индийской фирме, имеющей дома на острове Ямин. Мишин и Клаузен поехали по адресу и, к своей радости, сняли отдельный дом. В одной из комнат Макс установил передатчик и наконец-то наладил связь с Владивостоком.

Связь с Висбаденом (условное название Владивостока) была чрезвычайно плохой и трудной. Устанавливать связь удавалось только ночью или рано утром, так как в вечерние часы были большие электрические помехи. В полночь атмосферные помехи становились меньше и кое-как можно было принимать. И все же очень трудно было безошибочно передать радиограмму. Иногда приходилось повторять большую часть текста по два-три раза. Макс очень скучал о своей Анни. Он представлял себе, как бы ожил дом в ее присутствии. Она была отличной хозяйкой и умела заботиться о нем. С ней было хорошо и спокойно. Без Анни Макс чувствовал себя одиноким и заброшенным. Кантон угнетал его своей мрачной обстановкой. Зорге, по-видимому, понимал состояние Макса. Однажды он сказал, что будет лучше, если в Кантон приедет Анна. Макс очень обрадовался и немедленно отправился в Шанхай. С приездом жены Макс особенно остро почувствовал, как важно, когда возле тебя находится близкий и преданный друг. Здесь, в Кантоне, Макс рассказал Анне о Советском Союзе, о своей секретной работе. Анна была счастлива, что наконец-то узнала правду о своей родине, узнала ее от человека, которому не могла

не верить. «Всю жизнь до этого я находилась среди моих врагов и ненавистных мне людей. Я была молода, не разбиралась в политике, а когда потом испытала много своего и чужого горя, то научилась понимать все». Она с радостью согласилась помогать Максу.

Год спустя Макс вернулся в Шанхай.

Куда девать радиоаппаратуру? Уничтожить ее они не могли, потому что приобрести другую было очень трудно. Пришлось снова все упаковывать по разным местам. Часть аппаратуры взял с собой Мишин. Часть разместили между кухонной посудой в больших ящиках. С этими ящиками Анна уехала на английском пароходе в Шанхай, а Макс остался в Кантоне еще на некоторое время. Вот как рассказывает Анна о своем путешествии: «С контролем на пароходе все обошлось благополучно. Когда контроль стал вскрывать ящики, я стала убедительно просить таможенного чиновника быть осторожным с посудой, чтобы не разбить ее. Принесли инструмент и две доски, открыли верх — действительно лежат тарелки, кастрюли и прочие мелочи. Я заботливо следила за тем, как они пересматривали лежащие сверху вещи. Таможенник посмотрел на мое озабоченное лицо и сказал: «Скажите правду, что лежит в ящике?» И конечно, я уверила, что, кроме посуды, ничего нет. Он приказал закрыть ящик и поставить печать». После этого Зорге официально привлек Анну к делу. Она ездила в другие города, отвозила документы и части для радиоаппаратуры, встречалась с нужными людьми. Анна умела вести себя очень непосредственно, обладала большим хладнокровием и выдержкой.

После Кантона Зорге предоставил Максу и Анне трехнедельный отпуск для отдыха в Циндао. Где же было и отдыхать немецкому коммерсанту, как не в бывшей германской колонии?

Город встретил их ароматом белых акаций, которыми было обсажено прекрасно вымощенное шоссе. Повсюду высокие зонтичные сосны и туи. Аккуратные дома в готическом стиле под ярко-красными черепичными крышами напоминали Максу Германию. Можно было зайти в бар, выпить настоящего немецкого пива, поговорить с барменом на родном диалекте.

Поселились на окраине города в роскошной вилле у богатой немецкой четы. Рядом было море и великолепный пляж.

После возвращения из Циндао Клаузен получил задание поехать в Мукден и организовать там радиостанцию. Задание носило особенно ответственный характер, так как Маньчжурию захватили японцы и в Мукдене была очень напряженная обстановка. Работа в Мукдене требовала хорошего прикрытия, и Макс приехал туда как представитель немецкой фирмы по продаже мотоциклов «Мельхерс и К°». Для отвода глаз полиции было выставлено на продажу пять мотоциклов разных марок. Сняли удобный двухэтажный дом. На верхнем этаже Макс развернул радиостанцию, а внизу можно было принимать гостей. Кстати, не замедлил явиться и первый гость — японский генерал, который, оказывается, жил по соседству с ними. Генерал решил нанести визит вежливости своим милым соседям. Он был очень любезен, все время почтительно «шипел» и раскланивался. Такое соседство расстроило Макса. Он боялся, что японцы могут их подслушивать из дома генерала. Но все обошлось благополучно.

Как добропорядочный немец, Макс прежде всего явился в немецкую колонию. Генеральный консул Тикес, узнав, что Макс отлично играет в скат, очень обрадовался. Он оказался страстным игроком и искал себе достойного партнера. Два раза в неделю консул приходил в клуб, и они часами состязались в игре.

Немецкая колония насчитывала всего около трехсот человек, поэтому в клубе существовала довольно интимная обстановка. Макс старался завязать побольше деловых связей с немецкими коммерсантами, чтобы прослыть солидным деловым человеком. Все это служило хорошим прикрытием.

Несколько раз Клаузен выезжал в Шанхай и виделся там с Зорге. В одну из таких поездок он узнал печальную новость — умер от туберкулеза Мишин. До последнего дня Мишин был связан с организацией. В Кантоне Макс подготовил его к самостоятельной работе. И вот смерть. Жена Мишина не решилась уехать в Советский Союз без мужа. Зорге оказал большую помощь в устройстве ее дальнейшей судьбы.

22 января 1932 года Одзаки получил приказ от своей газеты о возвращении на родину. Зорге хотел, чтобы Одзаки ушел из «Асахи» и остался в Китае, но Одзаки не согласился. Позже Зорге скажет:

«Его отъезд из Шанхая был тяжелой утратой для меня и для нашей организации».

Весной 1933 года Рихард выехал из Китая, и Макс не встречался с ним до 1935 года.

Вскоре и Макс получил приказание ликвидировать радиосвязь и вернуться в Советский Союз. Почему вдруг Центр решил свернуть информационную сеть в Китае? На то были свои веские причины.

Дело в том, что Советское правительство, руководствуясь неизменно дружественной политикой по отношению к китайскому народу, в декабре 1932 года восстановило дипломатические отношения с Китаем. Организация Зорге свою задачу выполнила.

По версии, Макс якобы возвращался в Германию. У Анны не было заграничного паспорта, и она не могла ехать с мужем. Вот тут-то и пригодилось знакомство с германским генеральным консулом Тикесом, с которым Макс так часто играл в скат в мукденском немецком клубе. Тикес, конечно, в восторг не пришел, когда узнал, что у жены его друга-коммерсанта нет паспорта. Но дружба есть дружба, и Тикес написал рекомендательное письмо генеральному консулу в Харбине.

После долгих проволочек паспорт выдали.

И вот Советский Союз!.. Москва...

Анне показалось, будто она каким-то чудом выбралась из бездны.

...Зорге, вернувшись в Советский Союз, тоже ощутил нечто подобное. Он был дома! Поселился в гостинице и с головой ушел в работу. Нужно реализовать научные материалы о Китае. Нужна книга. И он с упоением диктует машинистке первые страницы этой книги.

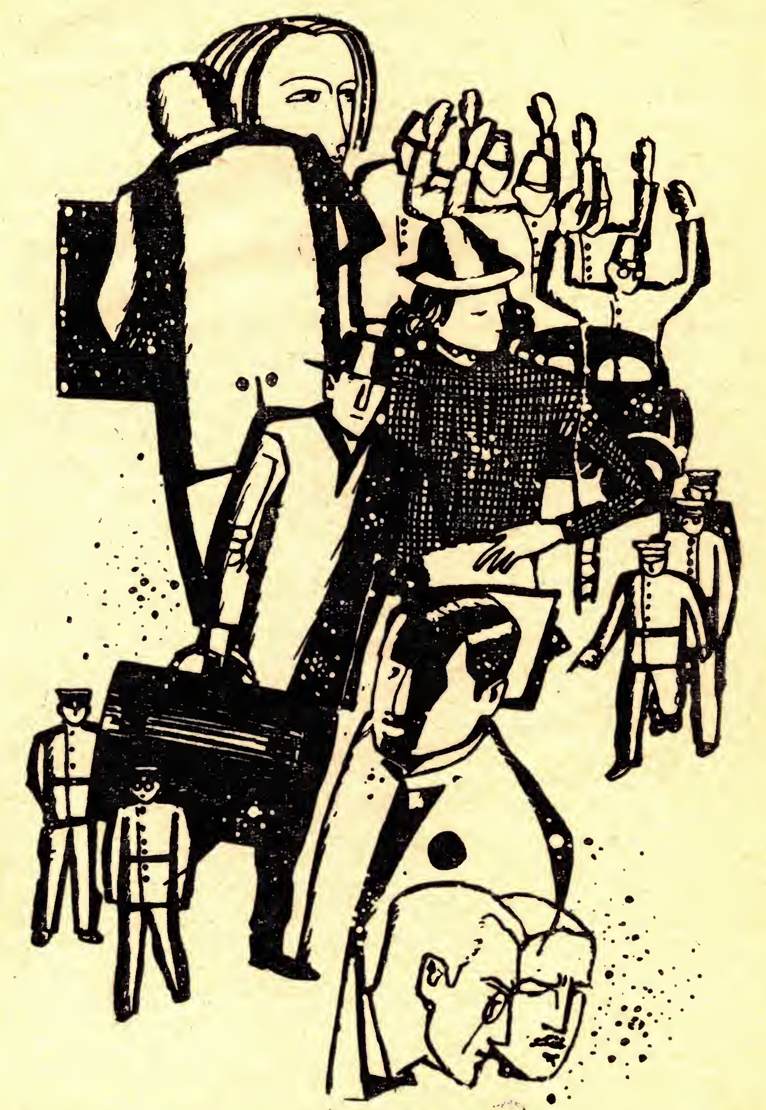
Эта машинистка Лотта Бранн вспоминает: «Он жил в гостинице «Новая Московская», которая сейчас называется «Бухарест». Ика писал тогда книгу о Китае, которую он мне диктовал на машинку по-немецки. Я знаю только, что это было в 1933 году, точно в какое именно время, не помню. Ика был очень интересный человек, высокий, темный, с характерными чертами лица. Он был всегда оживлен, но в то же время спокоен, он был средоточие силы, в нем было что-то очень привлекательное. Ко всему прочему он был очень обаятельным.

В Москве он был весел, видимо, потому, что спало напряжение».

А по вечерам встречи с Катей. Иногда прогулки за город. Будто и не разлучались вовсе! И наконец, семья. Вот теперь Рихард мог сказать мгновению: остановись!

Но он так и не успел написать книгу о Китае. А его семейное счастье продолжалось всего три месяца!..

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Поединок с „третьим рейхом“

1

НАЧАЛО ОПЕРАЦИИ «РАМЗАЙ»

В Токио в германском посольстве царил переполох: всего несколько месяцев назад президент Германии Гинденбург назначил рейхсканцлером Гитлера — «богемского ефрейтора», «маляра из Браунау», человека с весьма сомнительным прошлым, который до весны 1932 года не был даже немецким гражданином. Веймарская республика пала, к власти пришли наци. Вести приходили чудовищные: поджог рейхстага; в тюрьмы и концентрационные лагеря брошено почти семьдесят тысяч граждан; Гитлер наделен чрезвычайными полномочиями; все партии, кроме национал-социалистской, запрещены; на площади Оперы в Берлине сожжены сотни тысяч книг...

Можно было подумать, что там, в Берлине, все сошли с ума. События развивались с ужасающей стремительностью. На приеме, организованном для аккредитованных в Германии американских и английских журналистов, Гитлер открыто заявил, что между коммунизмом и Германией не может быть компромисса и что Германия будет целиком занята поисками «жизненного про-

странства» на востоке Европы. Розенберг помчался в Лондон и на интимном обеде, устроенном в его честь консерваторами, изложил план «уничтожения большевиков с полного одобрения и по поручению Европы».

Больше всего сотрудников посольства встревожили слова Геринга, заявившего не так давно в прусском ландтаге: «Кто завоевал должности, тот и будет ими владеть!» Сказано прямолинейно. Распространяется ли заявление на чиновников министерства иностранных дел? Каждый беспокоился лично за себя, за свое местечко. Над Токио дрожит синее-синее небо, курортный сезон в разгаре; в воскресные дни почти вся немецкая колония выезжает на фешенебельный морской курорт Камакуру. И даже как-то не верится, что там, в фатерланде... Напрасно посол доктор Герберт фон Дирксен старался успокоить приунывших чиновников. Никто не чувствовал твердой почвы под ногами. Даже сам фон Дирксен.

Здесь, в Токио, немецкая колония насчитывала около двух тысяч человек. Кроме посольских, сюда входили представители различных германских фирм, например служащие фирмы «Иллиенс и К°», владельцы ресторанов и кабаре, дельцы, коммивояжеры, врачи, семьи офицеров, стажирующихся в японских войсках, работники торгпредства, сотрудники Германского информационного агентства — ДНБ. Все они разделились на три лагеря: на скептиков и хулителей нового режима, на нейтральных и на откровенно фашиствующих. Последние превратили ранее безобидный немецкий клуб, какие создаются в любом иностранном государстве, где оказываются вместе хотя бы три немца, в центр идеологической обработки членов колонии, стали устраивать здесь собрания, вечера. Прежний уют в клубе, когда можно было, не задумываясь о политике, пить пиво, есть сосиски и неторопливо играть в скат, растворился в истерических выкриках наци, в шумных партийных сборищах.

Загадочной фигурой для всех был некто подполковник Эйген Отт, стажер германской армии в японских войсках. Иногда он наведывался из Нагои в Токио проведать свою жену. Говорили, якобы Отта прочат в помощники военного атташе, что было маловероятно, так как армейский офицер есть армейский офицер и дипломат из него, разумеется, не получится. В Японию Эйген Отт приехал не так давно. Оставил молодую жену под присмотром посольских дам, а сам помчался в Нагою в артиллерий-

ский полк исполнять воинский долг. Когда в воскресные дни Отт делал набеги на Токио, то сильно напивался, поносил «богемского ефрейтора» и старался вызвать на откровенность других. Его сторонились, не без основания считая абверовцем — военным разведчиком. Да и кем еще мог быть стажер в иностранных войсках? Он сам распустил о себе слух, что будто бы высокопоставленные покровители из генерального штаба постарались отправить его подальше от «третьего рейха», спасая от возможных неприятностей. Но в это мало кто верил. Каждый держал язык за зубами, не зная, как повернутся события. Информации английских, французских и американских газет и верили и не верили. Газеты «третьего рейха» изображали все события в радужных тонах. Всех приезжающих из Германии в посольстве встречали с болезненным интересом. Хотелось получить новости из первых рук, расспросить очевидца.

Потому-то, когда 6 сентября 1933 года в строгих залах посольского особняка появился прибывший «оттуда» аккредитованный в Японии корреспондент германских газет «Франкфуртер цейтунг», «Берзен курир» и голландской «Амстердам хандельсблат» Рихард Зорге, доктор государственно-правовых наук, все потеряли дипломатическую сдержанность. Всего несколько часов назад корреспондент сошел с океанского лайнера в Иокогамском порту, а очутившись в Токио, конечно же, первым делом направился в германское посольство, чтобы официально зарегистрироваться. Он вовсе и не ожидал, что к его скромной особе будет проявлен столь бурный интерес. Впрочем, он скоро сообразил, что сотрудников интересует не его особа, а события на родине. Посыпались вопросы. Некоторые носили явно провокационный характер. Зорге отвечал спокойно, обстоятельно. В фатерланде ничего особенного не произошло, все остается по-прежнему. Стоит ли придавать значение мелким беспорядкам, которые неизбежны в подобной ситуации?.. Зорге... Он был высок, строен, красив, одет со вкусом, все изобличало в нем человека утонченного, воспитанного. Он не старался произвести эффект, оглушить сенсацией. Но каждое слово его звучало весомо, угадывалась широкая осведомленность; даже неискушенный мог догадаться, что послан он сюда не случайно и, возможно, с особыми полномочиями. Не навязчиво, не прямолинейно, а своим рассудительным тоном, рассказами о пустячках из быта «третьего рейха»,

мягким юмором, которым была окрашена его речь, он сумел внести успокоение в массу посольских чиновников.

Он-то сразу разгадал этих людей: они придавлены страхом. И теперь, после расспросов, каждый решил, что в Токио приехал очень обаятельный, милый человек. Голубые глаза его с прищуром смотрят весело, уверенно, движения неторопливы, скупы. Так может вести себя в незнакомой обстановке только сильный человек, хозяин положения. Да он и был хозяином положения, так как знал, с кем имеет дело: все те же немецкие чиновники, зараженные великогерманской амбицией, реакционные, агрессивные, трусливые и аполитичные приспособленцы, соглашатели.

Позже бывший германский дипломат В. Путлиц охарактеризует этих людей так: «Среди всего чиновничества Веймарской республики не было группы, более далекой по своим взглядам от общественного развития и потому более подверженной оппортунизму, чем высшее чиновничество министерства иностранных дел». Корреспондент Зорге заговорил более откровенно, когда очутился в кабинете посла Дирксена. Он извлек из кармана рекомендательные письма в министерство иностранных дел Японии, визированные крупными чиновниками японского посольства в США. Среди документов были рекомендации к высокопоставленным японским дипломатам Тосио Сиратори и Кацудзи Дебути. Дирксену этого было больше чем достаточно. Зорге коротко изложил цель своего приезда в Японию: ему, как журналисту, надлежит установить самый тесный контакт с японским МИДом. Германскому правительству нужна обстоятельная информация о политических настроениях в Японии по всем каналам, и тут газетчикам принадлежит не последнее слово. Очень тонко, почти иносказательно, Зорге намекнул на возможность в ближайшее время более тесных отношений между «третьим рейхом» и Страной Восходящего Солнца.

Когда же Дирксен, снедаемый тревогой, стал расспрашивать о Берлине, Зорге попытался придать объективность своему рассказу, объясняя действия нацистов необходимостью. Потом показал еще один документ: справку, подтверждающую чистокровное арийское происхождение гражданина «третьего рейха» Рихарда Зорге,

Вскользь заметил: готовится закон, устанавливающий, что заниматься журналистикой и вообще литературной деятельностью могут лишь лица арийского происхождения, имеющие немецкое гражданство. Да, об этом он слышал от начальника прессы имперского правительства Функа. Случилось так, что перед отъездом Зорге в Японию нацистский пресс-клуб в Берлине дал в честь его обед, на котором присутствовали Функ, Геббельс и начальник иностранного отдела нацистской партии Боле.

Разумеется, доктор Зорге не хвастал высокими знакомствами. Он упомянул о них лишь для того, чтобы лучше передать атмосферу в Берлине, и посол это понял. Он знал, что глава министерства пропаганды Геббельс благоволит к «Франкфуртер цейтунг», а Зорге был представителем этой газеты и тем самым как бы возвышался над другими немецкими борзописцами, входящими в Германское информационное агентство, или ДНБ. Фон Дирксен понял, что имеет дело не с рядовым журналистом, а с человеком, которого считают своим в правительственных кругах, с человеком широко информированным. Как о чем-то общеизвестном, Зорге говорил о поездке Розенберга в Лондон, о встрече Гитлера с американскими банкирами Олдричем и Манком, состоявшейся месяц назад.

На посла Зорге произвел выгодное впечатление. Дирксен посоветовал ему наведываться иногда в посольство и к нему лично. Для начала Зорге получил приглашение на обед. А впереди были визиты руководителю ДНБ, представителям служб информации различных министерств, знакомства с иностранными пресс-атташе, пресс-конференции...

У себя в номере гостиницы «Мегуро» Зорге глубоко задумался. На размышления навел маленький обрывок газеты: в номере кто-то побывал, кто-то рылся в чемоданах немецкого журналиста. Старались не оставить следов. Но они, по-видимому, не догадывались, что имеют дело с человеком обостренной наблюдательности. Дорожный транк-чемодан вскрывали. Оторвался маленький кусочек газеты, которой были прикрыты вещи. Кто-то интересовался содержимым транка. Кто?..

Рихард привык наблюдать за собой как бы со стороны. Сказывались годы разведывательной службы. Так было в Шанхае, так было в нацистской Германии. Теперь, стоя у открытого окна, он анализировал каждый свой шаг за сегодняшний день. Достаточно ли естественно вел он

себя? Естественность и простоту Зорге считал нормой поведения разведчика. Он ненавидел всякую таинственность. Его можно было бы уподобить ученому-натуралисту, который во всеоружии современных знаний отправляется в дикие джунгли, где на каждом шагу подстерегает опасность. Он с полным правом мог сказать о себе:

«Во мне проснулась страсть исследователя, страсть, которая уже больше никогда не покидала меня».

Да он и был ученым, исследователем. Только ему всегда приходилось пробираться через самые опасные джунгли — через джунгли запутанных человеческих отношений. Здесь каждый неверный шаг может привести к катастрофе. Нужна особая бдительность, мозг должен бодрствовать беспрестанно.

Сегодня корреспондент Зорге вел себя весьма естественно. С фон Дирксеном проявлял холодную, сдержанную откровенность. Он понял этого чопорного, суховатого чиновника. С таким следует вести себя осмотрительно, ненавязчиво. Доктор Дирксен и доктор Зорге уже почти нашли общий язык, но до их сближения еще далеко. Инициатива должна всегда исходить от доктора Дирксена, доктору Зорге остается терпеливо ждать. Доктор Дирксен неизбежно придет к Рихарду Зорге, в противном случае советскому военному разведчику нечего делать в немецком посольстве. Но путь к черствому сердцу посла очень извилист, полон препятствий. Дирксен не имеет прочных политических убеждений. Во имя карьеры и обеспеченной жизни он готов служить кому угодно, будь то Гинденбург или же наци. Наци оказались сильнее — и Дирксен целиком на их стороне. Япония ему надоела, он мечтает о Европе. Но час его еще не настал. Посол Дирксен пока не имел о Зорге ни малейшего представления — и в этом была его слабость. Советский разведчик заблаговременно изучил досье на Дирксена, знал, с кем придется иметь дело,— и в этом была сила Зорге. Он изучал посла, как изучают инфузорию под микроскопом.

Все как будто бы в порядке. И все же ощущение неблагополучия, тайной опасности не покидало Рихарда. Час назад он пережил сильное потрясение: повстречался с женой стажера Отта. Лицо показалось знакомым. «Рихард Зорге! — воскликнула она.— Какими судьбами? Вы нисколько не изменились...» Эту даму он в самом деле встречал раньше в Германии. Тогда она строила из себя

«красную», а теперь вышла замуж за абверовца. «Вы ошиблись, фрау Отт, я все-таки сильно изменился,— сказал Рихард сурово.— Мои старые добрые друзья Геббельс и Функ наконец-то нашли достойное применение моим способностям: я аккредитован здесь от «Франкфуртер цейтунг»!» Она побледнела. По-видимому, решила, что раньше, в те смутные годы, Зорге был провокатором в рабочей организации. Теперь, очутившись здесь, он может припомнить все, что она тщательно скрывала даже от мужа. Наконец она справилась с минутной растерянностью, протянула руку и произнесла кокетливо: «Надеюсь, мы останемся приятелями. Пусть прошлое останется прошлым. Стоит ли его ворошить?..» Он пожал эту маленькую холодную руку, улыбнулся, пообещал: «На меня можете положиться. Жизнь— сложная штука».

О женский род!.. Намечается еще одно знакомство. Как к нему отнестись? Секретарь посольства фрейлейн Гааз... Ей Рихард представился первый. Она долго и пристально вглядывалась в его лицо. Уж не встречались ли они раньше? Он посмотрел на нее открыто, без улыбки, и фрейлейн смутилась. Рихард тоже застеснялся, рассмеялся и уже доверительным тоном сказал, что новичку в этом азиатском городе на первых порах придется туго без хорошего гида. Неожиданно фрейлейн пожаловалась на скуку здешней жизни. Тогда он все понял и успокоился. Этот вариант следует обдумать. Легкий флирт не помешает. Нужно иметь своих людей в посольстве, где пузатые сейфы до отказа набиты государственными тайнами... Его жизнь была подчинена одной идее, и то, мимо чего в другой раз он прошел бы без внимания, приходилось брать на вооружение, использовать с максимальной пользой для этой идеи.

Невольно пришла на память японская пословица: «принимаясь за большое дело, помни о мелочах». О мелочах нужно заботиться беспрестанно: например, отдать белье в стирку, привести в порядок костюмы. Прежде всего — респектабельный вид. Шкатулка набита визитными карточками, отпечатанными еще в Германии. Дипломаты любят лоск. У каждого общественного круга своя обрядность, и если вы хотите казаться своим, то должны быть посвящены во все тонкости ритуала, знать заповеди элегантности, дабы своим видом не шокировать окружающих. От человека с дурными манерами сразу же отво-

рачиваются, и тогда все его планы обречены на провал. Безукоризненный вкус — вот чем можно покорить этих пустых, самовлюбленных людей, считающих себя «особой породой». Необходимо сразу же вступить в токийскую ассоциацию иностранных корреспондентов... Проникновение в общество — наука хоть и пустая, но сложная. Здесь Зорге был в своей стихии. Он обладал личным обаянием, чувством юмора, умел читать мысли других.

И все же Зорге понимал, что всего этого мало, чтобы держаться на поверхности. У каждого разведчика есть своя «легенда». Сюда включается и его прошлое. С точки зрения властей, прошлое должно быть «безупречным». Прошлое — та ниточка, дернув за которую можно легко разрушить с великими усилиями возводимое здание. Это как в пьесах Ибсена. Прошлое неумолимо стоит за вашей спиной. Достаточно какому-нибудь дотошному гестаповцу заинтересоваться прошлым Рихарда Зорге, извлечь из пыльных архивов его полицейское «Дело» — и все полетит к черту! Прошлое Рихарда Зорге там, в Германии. И не только в Германии...

...Он стоял у раскрытого окна. Город утопал в вечернем золотистом мареве. Громоздились дома безликой архитектуры и дома в стиле «Азия над Европой» — каменные коробки с колоннами, увенчанные прогнутыми крышами; под сенью гигантских криптомерий угадывались силуэты храмов и кумирен. Улицы были запружены пешеходами, дженерикшами, автомобилями. Сновали продавцы всякой снедью, доносились их резкие выкрики и звуки трещоток. Мужчины в пиджачных парах и котелках о чем-то оживленно разговаривали; постукивали по тротуару сандалиями-дзори женщины с высокими затейливыми прическами, одетые в кимоно с широким поясом — оби; сухощавый старик в грибовидной шляпе переносил в корзинах на коромысле весь свой домашний скарб и... детей.

Вот она, Япония — страна давней мечты Рихарда! Он знал ее не только по романам Пьера Лоти и по справочникам. Несколько лет посвятил он изучению ее экономики, истории, культуры, владел японским языком, разбирался в структуре хозяйства, мог рассуждать о концентрации производства, не были для него тайной и взаимоотношения монополий, а также все нюансы политики, проводимой правящими кругами. Важнейшими органами японской абсолютной монархии являлись совет ста-

рейшин — Генро, тайный совет и кабинет министров, состоящий из премьер-министра и тринадцати министров. Военного разведчика Зорге интересовала не экзотика, а политика. В Японию приехал востоковед.

«Уровень моих познаний, необходимых для работы в Японии,— писал позднее Зорге,— был нисколько не ниже того, что давали германские университеты. Я разбирался в экономике, истории, политике европейских стран.

Еще будучи в Китае, я взялся за написание нескольких статей о Японии, с тем чтобы составить о ней общее представление. Следует заметить, что, занимаясь этим предварительным изучением Японии, я рассматривал все вопросы с марксистской точки зрения. Может быть, мои читатели не согласятся со мной, но лично я убежден, что марксистский подход к изучению страны со всей необходимостью требует анализа ее основных проблем в области экономики, истории, социальных проблем, политики, идеологии и культуры...»

Зорге мог бы с успехом вести несколько курсов на кафедре, стать почтенным ученым, обрасти учениками и последователями. Мог бы... Если бы его активная натура не требовала немедленного действия на благо людей. Ради этого стоило отказаться от кабинетной жизни ученого, рисковать собственной головой.

«Если бы мне довелось жить в условиях мирного общества и в мирном политическом окружении, то я бы, по всей вероятности, стал ученым. По крайней мере, я знаю определенно — профессию разведчика я не избрал бы».

В японской столице, в ее кварталах, среди шести миллионов токийцев затеряны его радисты Эрна и Бернгард, журналист Бранко Вукелич. С Вукеличем они встретятся на первой же пресс-конференции. Бранко приехал в Токио еще в феврале. Приехал с женой датчанкой Эдит и пятилетним сыном. Бранко, Эрна, Бернгард где-то рядом, Рихард не испытывал больше гнетущего одиночества. Когда будет создано ядро организации, от него потянутся нити во все концы Японии, на континент, в Китай, в Маньчжурию. А пока нужно взрыхлять, готовить почву, легализоваться...

«Поспешайте не торопясь...» — так любил говорить «старик», Ян Карлович Берзин. Именно он советовал сперва прочно врасти в японскую почву, а уж потом развернуть широкую деятельность.

Рихард унесся мыслями в далекую Москву. Сказывалась привычка к методическому мышлению: очутившись на японской земле, он должен был еще раз уяснить все детали задания. В своих заданиях Берзин никогда не был категоричным. Он определял лишь общее направление работы, своего рода магистральную линию. «Ну, а что касается остального, то действуй сообразно обстоятельствам».

То была их последняя встреча перед поездкой Зорге сюда, в Японию. Руководитель советской разведки не спешил говорить о главном. Рихард совсем недавно вернулся из Китая, и ему не терпелось узнать, почему его в срочном порядке отозвали в Москву. А Берзин прохаживался по кабинету, бросал лукавые взгляды на Зорге и говорил о вещах, далеких от работы. Оба испытывали радость оттого, что снова встретились и могут просто так обменяться мнениями о прочитанных книгах, вспомнить прошлое. «Старик» был всего на пять лет старше Рихарда. Их связывала сердечная дружба. «Я часто вспоминаю афоризм какого-то древнеримского философа, кажется Сенеки: «Судьбы ведут того, кто хочет, и тащат того, кто не хочет»,— проговорил Берзин с улыбкой.— У нас с тобой получается что-то вроде этого. Помню, когда я был слесарем, то мечтал стать инженером. Вот и засело в голову. Попал в учительскую семинарию, а мечтал удрать в техническое училище. Но человек, наверное, вынужден поступать по обстоятельствам, а мечта продолжает жить сама по себе. В двадцать втором занимал большую должность в армии, а в анкете написал: «Хочу получить техническое образование». Товарищи в ЦК за голову схватились: Берзин хочет стать инженером! Зачем ему это?..»

Тогда Зорге молча слушал. Он-то знал Яна Карловича: обычный обходной маневр!

Некоторое лукавство было в характере Берзина. И многие обманывались, принимая эту черту характера за простоту. Нет, перед Рихардом был очень сложный человек, человек незаурядной судьбы и высокой культуры.

Рихарда всегда поражала проницательность Берзина в вопросах международной обстановки. Из вороха событий больших и малых Ян Карлович умел отобрать самое существенное. У него было чему поучиться. И Зорге учился.

Он знал, что разговор в конечном итоге перейдет в область международных отношений, ждал этого и не ошибся. Ведь оба жили не бытовыми мелочами, а событиями мировой значимости, подчиняли им всю свою жизнь. В таких маленьких диспутах они оттачивали мысль, тренировали политическое чутье. Тут скрещивались два сверкающих ума, а в результате этого рождалась холодная, отточенная истина, так необходимая обоим для ориентировки, для работы.

О чем говорил тогда Берзин Рихарду?

О том, что с приходом Гитлера к власти Германия превращается в потенциального противника номер один. На третий день после прихода к власти новоиспеченный рейхсканцлер призвал к восстановлению политической и военной мощи Германии, с тем чтобы использовать эту мощь для завоевания Советского государства. Правящие круги США, Англии и Франции почти открыто поддержали гитлеровцев, надеясь их руками расправиться с Советским Союзом и стабилизовать положение мировой капиталистической системы. Над возрождением немецкой военной машины трудились шестьдесят американских предприятий, расположенных на территории Германии. В опасную игру включались финансово-промышленные группы Моргана, Рокфеллера, Дюпона, Форда, банк Англии. Не так давно примчавшийся в Берлин вице-президент американского концерна «Дюпон де Немур» договорился с руководителями «ИГ Фарбениндустри» о предоставлении рейху новейшей научно-исследовательской и военно-технической информации.

Правящие круги США, Англии, Франции толкали и Японию на выступление против Советского Союза. Обстановка на Дальнем Востоке обострилась до крайности. Япония отказалась подписать с Советским Союзом пакт о ненападении. Она превращалась в наиболее вероятного союзника «третьего рейха». Рихард об этом знал.

Неожиданно Берзин спросил: «Тебе известно, что такое операция «Рамзай»?» Зорге промолчал. Вопрос не требовал ответа.

«Необходимо выяснить, каковы планы Германии и Японии, откуда Советскому Союзу грозит главная опасность,— проговорил Берзин.— Это и будет операция «Рамзай». Ее цель — защита Советского Союза!»

Рихард насторожился. Даже лучшим друзьям Берзин никогда не раскрывал свои замыслы.

«Операцию провести успешно возможно лишь на территории самой Японии,— продолжал Берзин.— Если нам удастся создать разведывательную организацию в Японии, а мы обязаны сейчас ее создать, то отпадет необходимость добывать информацию окольными путями».

«Почему у операции такое странное название — «Рамзай»?» — спросил Зорге.

Берзин взглянул на него в упор: «Рамзай» — значит «Р. З.», а «Р. З.» — это Рихард Зорге!»

Рихард вздрогнул.

«Такое важное дело, как создание организации в очень тяжелых условиях Японии,— сказал Берзин,— мы можем доверить человеку исключительных личных качеств. Я не хочу делать тебе комплиментов. В Китае ты успешно справился с заданием. Если хочешь, рассматривай это как стажировку. А теперь тебя ждут дела большого масштаба».

Зорге мог бы сказать, что продолжительная работа в Китае измучила его вконец, что он мечтал всерьез заняться научными исследованиями и что он только что женился на Кате Максимовой. Имеет человек право на личное счастье, на спокойную работу?.. Ведь он только-только вернулся. Мог бы... Но ничего не сказал, даже не нахмурился. Берзин сам знал все это хорошо. Мягкий в обыденной жизни, он становился непреклонным, когда дело касалось интересов Советского государства. Тут все личное отодвигалось на второй план. Это знал Зорге. Он сам был таким.

Берзин строил разведку на принципе добровольности, особенно если речь шла о выполнении таких замыслов, как этот. Если бы он уловил хотя бы тень сомнения на лице Зорге, то немедленно отстранил бы его от этого дела. Но он с самого начала не сомневался в Рихарде.

Они взглянули друг на друга и рассмеялись.

«Вот и прекрасно! — сказал Ян Карлович.— Что касается остального, то действуй сообразно обстоятельствам. А вот «дела» и фотографии твоих помощников...»

Мельчайшие детали операции были строго продуманы. Железная мысль Берзина уверенно вела Рихарда по опасным тропам разведчика.

О намерениях «третьего рейха» можно узнавать через германское посольство в Японии. Следовательно, необходимо утвердиться в посольстве.

Путь в Токио лежит через Германию.

Рихард отправился в Германию.

Он шел на большой риск, но риск оправданный. Нацистам, занятым интригами и дележом власти, некогда было выяснять личность какого-то газетчика Зорге. «Третий рейх» еще только рождался из кровавого хаоса. А кроме того, Рихарда путали с довольно известным немецким журналистом Вольфгангом Зорге, который тоже бывал в Китае. И главное, в одно время с Рихардом.

С тех пор как Рихард последний раз был в Берлине, прошло почти четыре года. Мать и сестры обрадовались возвращению Ики. Старший брат испугался. Он-то догадывался, откуда приехал Ика. Испугался главным образом за себя: успел разбогатеть, а тут такой сюрприз... Рихард успокоил: приехал ненадолго, мечтаю уехать куда-нибудь подальше, в Америку или Японию. Но старший брат должен помочь, ввести в деловые круги, познакомить с влиятельными людьми. Ведь он, Рихард, давно отказался от всякой революционной деятельности, стал журналистом, побродил по Востоку, снова надумал вернуться туда...

Упрашивать брата долго не пришлось: он с рвением принялся за работу — только бы спровадить побыстрее куда-нибудь, хоть на край света...

Так Рихард вошел в деловые круги, заручился рекомендациями. 3 июля он уже мог сообщить Берзину:

«Интерес к моей личности становится чересчур интенсивным».

Он жил, держался на нервах. Но успех ему сопутствовал. В журналистских кругах его сразу признали. Он не жалел денег на кутежи, цитировал наизусть тупые афоризмы из «Майн кампф» и прослыл ярым приверженцем нацистов.

На крайний случай можно было разыскать старых подпольщиков и через них устроиться в какую-нибудь влиятельную газету, от которой можно получить заграничную командировку. Но в Германии многое изменилось за десять лет. Этот путь Зорге сразу же отверг. Лучше действовать напрямик.

Газета «Франкфуртер цейтунг», узнав о намерении Зорге отправиться в Японию, охотно заключила с ним договор. Это была победа, так как к газете благоволил Геббельс. Удалось заключить соглашения и с другими периодическими изданиями.

Эта дерзкая вылазка в стан врага завершилась полной победой.

Теперь Зорге в Токио... «Старик» будет доволен. Операция «Рамзай» началась.

...Но кто же все-таки рылся в его вещах? Это могли быть агенты токко кэйсацу — особой полиции министерства внутренних дел — или же агенты кемпетай — тайной полицейской организации с широкими полномочиями по охране японского образа жизни от влияния Запада. Японская гражданская полиция, жандармерия или же специальная тайная полиция — гадать было бессмысленно. За каждым иностранцем здесь установлен тщательный надзор с первого же часа его пребывания на японской земле. Зорге припомнил, с каким подозрением оглядывали его таможенные чиновники в Иокогамском порту.

Он редко улыбался, оставшись один на один со своими тревожными мыслями, но сейчас криво усмехнулся: работа японской полиции, обыск «на всякий случай»! Что ж, хорошее предупреждение, мина-сан (господа)! В будущем придется перебраться в отдельный особняк.

Как всякий сильный человек, Рихард Зорге не боялся за свою жизнь — она была подчинена высокой цели. Он страшился за дело. Он опасался, что тщательно продуманная и разработанная операция «Рамзай», на которую Берзин возлагал так много надежд, может провалиться из-за какого-нибудь упущения, недосмотра, досадной мелочи.

Потребовался месяц, чтобы Рихард успел не только ознакомиться с городом, изрезанным бесчисленными каналами и речками, но и нанести визиты представителям служб информации, иностранным пресс-атташе, побывать на всех пресс-конференциях и приемах, вступить в члены Токийской ассоциации иностранных корреспондентов.

Он начал знакомства с пресс-атташе — руководителя Германского информационного агентства Вайзе. Это был типичный «коричневый таракан», приверженец фюрера. Видно, у Вайзе уже был разговор о Зорге с послом, так как пресс-атташе встретил нового корреспондента довольно приветливо. Вайзе с нескрываемым любопытством расспрашивал о нацистском пресс-клубе в Берлине, о знакомых журналистах, о здоровье Функа. Рихард вел себя очень скромно, не набивал себе цену, хвалил продукцию борзописцев ДНБ и самого Вайзе, поддакивал, прямо сказал, что ему будет трудно в незнакомой стране без помощи такого опытного журналиста, как Вайзе. Пресс-атташе легко клюнул на лесть, обещал помогать на первых порах.

Потом они по случаю знакомства обедали в ресторане «Fледермаус».

Нужно было также утвердиться в Токийской ассоциации иностранных корреспондентов, в этом Вавилоне прессы, который представлял собой своеобразный мирок со своими неписаными законами, своим укладом и обычаями. Здесь собрались представители «шестой державы», пронырливые, жадные до сенсаций, предельно оперативные, не брезгающие ничем, если нужно раздобыть интересный материал. Каждый из них мнил себя полномочным представителем той страны, которая аккредитовала его в Японии, каждый считал, что звезда корреспондента-международника должна сиять ослепительно, ибо карьера журналиста — это и политическая карьера. Они любили свою беспокойную работу, нахально ломились в двери японских министерств, проникали в любую щель, подкупали клерков и секретарш, околачивались в притонах и кабаре. Это был легальный шпионаж. И все ради того, чтобы добыть сенсационный материальчик для своей газетенки или журнальчика. Их держали, так как интерес читающей публики к экзотической стране хризантем и гейш никогда не угасал. Платили, правда, негусто.

Трудно даже самому ловкому журналисту быть вездесущим. Потому-то в ассоциации образовался своеобразный рынок: обмен информацией. Когда назревали важные политические события, все журналисты объединялись, распределяли обязанности, выбирался координирующий центр — и наставала эпоха великой солидарности и творческого содружества. И неважно, что в данный момент существовали трения между странами, представителями которых корреспонденты являлись, журнальной братии нет никакого дела до трений: все они патриоты одной державы — шестой!

В ассоциации обычно верховодил корреспондент, в совершенстве владеющий языком того государства, где ассоциация находилась. В Токио задавал тон некто Бранко Вукелич, фоторепортер парижского иллюстрированного журнала «Вю» и корреспондент белградской ежедневной газеты «Политика», мужчина лет тридцати, высокий, подтянутый, с широким добродушным лицом и хитроватыми, насмешливыми глазами. Одевался он просто, но изысканно, жил сначала в отделе «Империал», затем перебрался в дом «Банка» в районе Хонго-ку. В Токио он появился 11 февраля этого года, но быстро упрочил свое положение среди «топтателей земного шара», как называли в Японии

газетчиков. Вукелич успешно овладевал японским разговорным языком. Безукоризненно знал он французский, английский, итальянский, немецкий, испанский. Настоящий газетный волк-международник! По национальности серб, по характеру француз, он был женат на датчанке и в своем лице как бы представлял многоязыкую Европу. Бранко слыл щедрым, охотно передавал менее удачливым собратьям редкие снимки, иногда предоставлял им для работы свою хорошо оборудованную фотолабораторию. Злые языки поговаривали, что Бранко по ночам фабрикует видовые открытки и сбывает спекулянтам, но добродушный фоторепортер только посмеивался в ответ и не опровергал слухов. Каждый делает деньги как умеет. Да фоторепортера никто и не осуждал: все жили голодновато, и каждая иена была на счету. А у Бранко жена, ребенок. Им даже восхищались: Бранко — пронyра из проныр. Его ядовито-зеленую «карточку прессы» видели и в приемной премьер-министра Японии, и в министерстве иностранных дел, и в гостиной адмирала Х. Като, душителя Советской власти во Владивостоке в 1918 году, бывшего начальника морского генерального штаба. Ворчливый усатый адмирал щеголял знанием русского языка. Но Бранко, к сожалению, не владел этим языком.

По случаю вступления в ассоциацию Рихард пригласил собратьев по перу в «Империал», угостил обедом и хорошим вином. Все решили, что он свой парень, не задавака, обычаи «шестой державы» блюдет. Вукелич хоть и присутствовал в компании, но ни словом не обмолвился с Зорге. Время еще не наступило. Оба изучали друг друга: опасались, как бы иностранная контрразведка не подсунула подставное лицо — ведь до этого Бранко и Рихард никогда не встречались.

Весьма тщательно готовился Зорге к обеду в немецком посольстве. Он понимал, что ему просто-напросто повезло на первых порах. Обед в посольстве — это вам не какой-нибудь «а ля фуршет», когда пьют и закусывают стоя. На обед попадают избранные. В приглашении указана форма одежды — фрак. Через фрау Отт Зорге разыскал лучшего портного. В восемь часов вечера начался дипломатический прием. Присутствовали высокопоставленные чиновники японского министерства иностранных дел, японские журналисты, военные. Зорге усадили на далеко не почетное место. Он пока что был на запятках, и никто не обращал на него внимания.

И лишь приехавший из Нагои стажер-абверовец подполковник Эйген Отт, которого посольские упорно не хотели принимать за «своего», так как армейский офицер есть армейский офицер — и ничего больше, шумно приветствовал Рихарда. Наконец-то в Токио пожаловал приличный человек... Отт все время чувствовал себя отверженным и искренне обрадовался появлению корреспондента. Он сразу же распознал «родственную душу». Фрау Отт успела шепнуть мужу кое-что о высоких покровителях журналиста: Геббельс, Функ. Давно ли Отт издевался над «богемским ефрейтором»!.. Сейчас фрондерства как не бывало. Протягивая руку, Отт вскричал: «Я вас знаю! Мы встречались в «Бюргербрейкеллере»!» У подполковника Отта была хорошая память. Но сейчас он ошибался, а возможно, тоже путал Рихарда с Вольфгангом Зорге. Выгоднее было притвориться, что они в самом деле познакомились в Мюнхене, в пивном погребке «Бюргербрейкеллере». Этот погребок уже вошел в историю нацистской партии, стал своего рода Меккой закоренелых фашистов. Погребок был колыбелью знаменитого путча нацистов 8 ноября 1923 года. Гитлер в окружении «золотых фазанов» наведывался сюда каждый год. Рихард расплылся в счастливой улыбке и с чувством пожал руку подполковнику. Так встречаются старые друзья, единомышленники!..

Все это со стороны выглядело весьма правдоподобно. Ого, оказывается, доктор Зорге пользуется широкой известностью!.. Рихард не удержался от коварного комплимента Отту. Он сказал, что именно в «Бюргербрейкеллере» фюрер впервые назвал офицеров будущего вермахта «людьми первого сорта». Отт просиял и сразу же представил корреспондента японским военным. Зорге получил приглашение в гости к Оттам. Ведь корреспондент влиятельных газет одной меткой фразой поднял подполковника в глазах общества. Конец изоляции и косым взглядам!.. А так как от косых взглядов посольских дам больше всего страдала его жена, Отт был вдвойне счастлив.

За столом фрейлейн Гааз сидела напротив Зорге и не сводила с журналиста сияющих глаз. Над немецкой колонией в Токио висела тяжелая, безысходная скука. Надоевшие лица, однообразная жизнь. Все интересные мужчины женаты и предпочитают проводить досуг в семейном кругу — в увеселительные заведения Асакусу вход им наглухо закрыт. Она видела его жесткое, волевое лицо, мощный лоб с небольшими залысинами, волнистые темно-каштано-

вые волосы. Даже когда он улыбался, пронизывающий взгляд его голубых глаз не становился теплее. По мнению фрейлейн, это и был идеал мужской красоты.

Гааз не любила ездить в воскресные дни в Камакуру, но, когда собралась небольшая компания, куда вошли супруги Отт и Зорге, фрейлейн присоединилась к этой компании.

Потом они купались в море, фотографировались на каменных ступенях шестнадцатиметровой бронзовой статуи Будды, побывали в синтоистском храме, где хранится зеркало богини солнца Аматерасу. Совсем осмелевшая фрейлейн пояснила, что в самой священной части синтоистских храмов обязательно хранятся зеркало и меч: зеркало символизирует женщину, которая должна всегда быть лишь отражением мужчины, меч — мужчину, самурая. Тут-то Зорге и взглянул впервые на фрейлейн с интересом: ведь он был новичком, и его занимало все, что связано с обычаями японцев. Он извлек блокнот и деловито записал притчу о мече и зеркале. Кстати, он сказал своим друзьям, что через несколько дней, 4 октября, собирается отметить свое тридцативосьмилетие. Все они должны быть и принять участие в составлении меню. Самый узкий круг...

Зорге отметил свой день рождения в отеле «Империал». Круг оказался не таким уж узким. Собрались почти все посольские, жена подполковника Отта (сам Отт ускакал в Нагою в артиллерийский полк), присутствовали даже высокопоставленные японцы. Об этом отеле японский поэт коммунист Накано сказал: «Здесь — Европа. И даже собаки здесь говорят по-английски. Здесь — этикет европейский».

Хозяин оказался щедрым и, выбирая вино, показал свой безукоризненный вкус. Все остались довольны. А как он танцевал! Случилось так, что именно в этот день фрейлейн Гааз оказалась нездоровой. Чаще всего Зорге танцевал с фрау Отт. Случилось также, что ему пришлось провожать ее домой. Разгоряченная вином и танцами, она болтала без умолку и сказала, что назначение подполковника Отта помощником атташе — дело решенное. Скоро ее супруг вернется в Токио... Последние слова были произнесены с грустью. Видно, фрау не любила своего мужа, и он был ей в тягость. А возможно, ей просто нравился приятный кавалер Зорге. Во всяком случае, они выяснили, что оба поклоняются Моцарту, и Рихард был приглашен в дом Оттов

послушать игру хозяйки. Корреспондент с удовольствием принял очередное приглашение: помощник военного атташе — это уже кое-что!

Руководителем организации считался Зорге. Организации же как таковой пока не существовало. Прибыли в Японию отдельные лица. С ними следовало связаться. Организацию надлежало создать. Для начала — сколотить ядро. Ядро обрастет людьми. В ядро должны войти, кроме Зорге, Бранко Вукелич, неведомый художник Мияги, радисты Эрна и Бернгард. Разумеется, никто из них, кроме Рихарда, не имел четкого представления о предстоящей работе. Им ясна лишь общая задача: своей деятельностью защитить Советский Союз от происков империалистов. Во имя этой высокой цели они и вызвались поехать в Японию.

Рихард рассчитывал также разыскать и привлечь в группу своего старого друга Одзаки Ходзуми, вернувшегося из Шанхая в Японию и продолжавшего сотрудничать в газете «Осака Асахи».

Радисты Бернгард и Эрна приехали в Токио несколько раньше Зорге. Они уже успели установить контакт с Вукеличем и должны были представить югослава Рихарду. Встреча состоялась. Зорге и Вукелич закрылись в кабинете, обменялись паролями. И тогда все наигранное, напускное сразу исчезло. Остались два коммуниста-подпольщика. Преобразилось и лицо Вукелича: сделалось твердым, одухотворенным, как в те времена, когда он выступал на студенческих митингах в Югославии, как в тот памятный день осени 1932 года, когда его приняли в члены коммунистической партии. Спрашивал Зорге. Вукелич отвечал. У него накопилось изрядное количество информации — разрозненные факты, все, что удалось добыть у словоохотливых корреспондентов Англии, Америки, Франции, в посольствах этих стран, в редакциях газет «Джэпен таймс», «Джэпен адвертайзер», издающихся в Токио, в телеграфных агентствах. Договорились, что и впредь Вукелич будет нести ответственность за сообщения о намерениях западных держав на Дальнем Востоке. Токийская ассоциация представляла благодатное поле для подобной деятельности, ее следовало использовать с наибольшим эффектом. Надлежало стать своим человеком во французском посольстве, сделаться сотрудником французского агентства Гавас.

Радовало Зорге то, что один из флангов организации — контроль за деятельностью посольств Англии, Франции,

Америки — надежно обеспечен. Здесь Вукелич был на своем месте, его работа сулила немаловажные результаты. У него наметан глаз на все ценное, значительное. А обобщать, создавать цельную картину международных политических отношений, ставить прогнозы — это уж дело Рихарда. Фотолаборатория Бранко, не вызывая подозрений контрразведки, могла обеспечить организацию миниатюрными фотокопиями самых различных документов, которые следовало переправлять в Китай для передачи курьерам Центра.

Им не доводилось встречаться раньше. Но еще в Москве, когда решался вопрос о составе группы «Рамзай», Зорге остановил свой выбор именно на Вукеличе. Выбор не был случайностью или результатом спешки. Нет. Рихард основательно изучил все, что имело отношение к биографии Вукелича и его подпольной деятельности, и перед мысленным взором возник облик мужественного человека, неспособного на компромиссы с собственной совестью.

Родился Бранко Вукелич 15 августа 1904 года в семье офицера, обнищавшего дворянина. Юность Бранко прошла в столице Хорватии — Загребе. Здесь учился в реальной гимназии, здесь поступил в университет.

Мечтал стать архитектором. Мать, женщина образованная, утонченная, подметила в юном Бранко страсть к рисованию. Он брал альбом и целыми днями бродил по Загребу, срисовывал башню Лотршчак, Каптолскую башню, церковь святого Марка, крепость Градец. Загреб издревле славился своими архитектурными памятниками, картинными галереями. Загреб славился также архитекторами Ковачичем, Эрлихом, Шеном, которые преподавали в университете. Мать всегда имела на Бранко огромное влияние: она посоветовала учиться архитектуре. А потом Югославская академия наук и искусств, которая находится здесь же, в Загребе... Вукелич бредил архитектурными памятниками Древней Эллады, любил музыку, живопись, литературу. Был образцовым студентом университета. Но жизнь властно стучалась в двери аудиторий.

17 августа 1921 года на югославский престол вступил король Александр. Правительство внесло в Учредительное собрание предложение— принять коллективную клятву на верность королю. Коммунисты покинули Учредительное собрание с возгласами: «Да здравствует социалистическая Югославия!» Коммунистическую партию объявили вне закона, за принадлежность к КПЮ приговаривали к смерт-

ной казни. Сорок тысяч коммунистов и революционно настроенных рабочих были брошены в тюрьмы. Именно в это время Вукелич вступает в группу студентов-марксистов. Он сделал это втайне от родителей, так как считал себя вполне самостоятельным человеком. Только младший брат Славомир, или Славко, знал, где Бранко прячет листовки.

Студенты-марксисты причисляли себя к коммунистической партии. Каждый считал великой честью в тревожное для родины время участвовать в революционном движении. Марксистский клуб Загребского университета стал средоточием молодых революционных сил.

В сентябре 1924 года в Загребе открылся съезд Хорватской республиканской крестьянской партии. Город оказался во власти десятков тысяч крестьян, приехавших из Далмации, Словении, Сербии, Боснии, Воеводины. Газета «Слободен дом» в это время писала: «Каждое упоминание о Советском Союзе вызывало бурю восторга — непрерывно раздавались возгласы: «Да здравствует Советский Союз!» К крестьянам присоединились студенты Загребского университета, они разбрасывали листовки, призывающие к конфискации и разделу земель крупных собственников, к союзу с Советской Россией. Текст этих листовок составлял Бранко Вукелич, он же разбрасывал их по городу.

На съезде присутствовал человек, которому Бранко жгуче завидовал: это лидер Хорватской республиканской крестьянской партии Степан Радич — грузный, круглоголовый мужчина с воловьим взглядом. Радич недавно вернулся из Москвы и теперь на съезде требовал установления Югославией дипломатических связей с Советским Союзом. В день возвращения Радича из СССР на привокзальной площади в Загребе собрались тысячи и тысячи крестьян и рабочих. Газета «Политика» (с которой Вукеличу суждено вступить в самые тесные отношения) так описывала это событие: «Радич был встречен тысячами крестьян и горожан, приветствовавших его возгласами: «Да здравствует наша народная Хорватия!», «Да здравствует Советский Союз!»

В те дни, когда крестьяне держали власть в Загребе, полиции не было видно. Но съезд закончился, крестьяне разъехались. Начались жесточайшие репрессии. Степана Радича бросили в тюрьму, Хорватскую республиканскую крестьянскую партию, входившую в Крестьянский интернационал, распустили, объявили вне закона. Полиция не обошла и мятежных студентов Загребского университета:

в декабре 1924 года Бранко Вукелича и его товарищей арестовали. Славко гордился братом, мать была напугана. Она сделала все возможное, чтобы вызволить Бранко из тюрьмы. Его отпустили, выдали на поруки, но навсегда занесли в «черный» полицейский список.

Выйдя из тюрьмы, Бранко стал партийным функционером. Коммунистическая партия готовилась к III съезду, Вукелич установил связи между организациями различных городов, ездил даже в Брно, в Чехословакию, откуда долгое время не мог выбраться и устроился там на учебу. А когда вернулся в Загреб, то оказалось, что здесь свирепствует белый террор. К власти пришло новое правительство ярого реакционера, ставленника дворцовой клики Узуновича, который в первый же день заявил, что пора кончать с игрой в парламентаризм, нужно железом и кровью подавить всякое свободомыслие. В Югославии царила безработица, деревня была разорена, аферы и махинации в правительственных кругах приобрели небывалый размах.

Под покровом темноты тайно пробрался Бранко в родной дом. Здесь он узнал, что за ним охотится полиция. Почти все его товарищи арестованы, кое-кому удалось бежать в Австрию. В ту же ночь Бранко встретился с членами марксистского кружка Крэем и Будаком, с которыми был знаком еще по реальной гимназии. Они сказали, что собираются перейти через горную границу в Австрию и искать там политического убежища. Не примет ли Бранко участие в побеге? Он отказался, так как считал, что в Австрии ему делать нечего. Мать советовала выехать во Францию. Там проживали дальние родственники. Мать заклинала его бросить революционную работу. В Париже нужно закончить образование. Вукелич записал: «К тому времени революция в Болгарии, Германии, Италии, Австрии и Венгрии, то есть во всех странах, окружающих мою родину Югославию, была подавлена. Мне и моим товарищам в Югославии ничего не оставалось, как ждать того момента, когда полиция нас схватит...»

Бранко не хотел становиться эмигрантом. Он решил на законном основании выехать во Францию для учебы, чтобы в любой момент иметь возможность вернуться на родину. Сперва выбрался в Белград. И здесь, вооруженный до зубов рекомендательными письмами, после долгих проволочек получил заграничный паспорт. Формальности вымотали из него душу: ведь он с часу на час ждал ареста. Но все обошлось.

В конце 1926 года Вукелич прибыл в Париж.

Париж, Париж... Он прекрасен... если у вас есть деньги. Денег у Бранко было мало. Он снял убогую каморку и занялся науками. Совсем недавно ему исполнилось двадцать два.

О пяти годах пребывания Вукелича во Франции известно не так уж много. Сюда к нему приезжала мать. Он убеждал ее, что, вернувшись на родину, должен будет вновь заняться революционной работой: ведь в Югославии установилась монархо-фашистская диктатура. Над коммунистами устроили громкий процесс. Запрещены все партии. 8 января 1929 года в «Правде» появилась статья «Военная диктатура в Югославии». Правда писала: «Несомненно, реакция отныне с еще большей силой обрушится на трудящиеся массы, а автономистским стремлениям национальных меньшинств, в частности хорватов, будет объявлена беспощадная война».

Вукелич учился в университете, одновременно служил во Всеобщей электрической компании. В это время он познакомился с датчанкой Эдит, преподавательницей физкультуры. Они поженились, и вскоре у них появился сын.

И все последние пять лет Вукелич пристально следил за тем, что творится на родине. Он связался с югославской газетой «Политика» и часто посылал туда статьи с политической оценкой международного положения. Так он сделался журналистом. Кроме того, увлекся фотографией. Его снимки считались квалифицированными, их охотно принимал даже солидный французский иллюстрированный еженедельник «Вю». Бранко обладал большим чувством юмора, и это выражалось в его снимках. Но в политических статьях юмор отсутствовал: в них были горечь и боль.

Он значился гражданином Югославии и был обязан отбывать воинскую повинность. В августе 1931 года его отзывают в Загреб. И вот он шагает по Илице, по узким кривым улочкам Горниграда. Ровно в полдень его приветствует выстрелом Гричская пушка, установленная на верхнем ярусе башни Лотршчак. Все свое, все знакомо...

На военной службе Бранко пробыл всего четыре месяца. Официально его отчислили из-за слабого зрения. Но истинная причина крылась в другом: «Мы организовали большую демонстрацию в своей воинской части и в других частях». Дело в том, что 8 ноября 1931 года состоялись выборы в скупщину. Голосование производилось открытой подачей голосов под присмотром полиции. Подобные

действия правительства вызвали бурю протеста, рабочие и крестьяне бойкотировали выборы. Заволновались студенты. Солдаты, ненавидевшие генерала Живковича, командующего королевской гвардией, возглавившего правительство во время монархо-фашистского переворота, кричали: «Долой «белую руку» — генерала Живковича!» Вукелича, по сути, выслали из Югославии. В Париж он вернулся в январе 1932 года.

Бранко был взбудоражен всем тем, что увидел на родине. Бороться... Но за годы учебы во Франции он оторвался от товарищей. Его борьба за эти пять лет носила, если можно так выразиться, «теоретический» характер. Он считал себя коммунистом, но формально до сих пор в партии не состоял, не имел партийного билета, а возможно, даже не числился за давностью лет в партийных списках. Во всяком случае, в Загребе с коммунистами связаться ему не удалось.

Тогда же, в январе 1932 года, он совершенно случайно встретил в Париже своих старых друзей по реальной гимназии и по студенческому марксистскому кружку Крэя и Будака. Это они уговаривали в 1926 году Бранко бежать в Австрию. А теперь они во Франции... Встреча несказанно обрадовала друзей. Узнав, что Бранко только-только вернулся из Югославии, Крэй и Будак стали расспрашивать о выступлении солдат в Загребе, о студенческих демонстрациях в Белграде. Вукелич посетовал на то, что не удалось связаться с товарищами. Ведь если подходить формально, то получается, что он будто бы находится вне движения. Но так ли это? Крэй улыбнулся: «Считай, что последние пять лет ты был в отпуске. Ну, а что касается формальностей, то могу твердо обещать: партийный билет ты получишь. Мы ведь представители Компартии Югославии. Но предварительно ты должен пройти проверку... Пять лет — все-таки большой срок...»

Они долго беседовали. Крэй разъяснял. Да, случилось так, что во время белого террора определенная часть коммунистов вынуждена была покинуть Югославию, выехать в разные страны. Это временное явление. КПЮ сейчас принимает меры для преодоления кризиса, возникшего в ее рядах в первые годы монархо-фашистской диктатуры. В той стране, где в силу обстоятельств оказались хотя бы три югославских коммуниста, организуется марксистский клуб, наделенный правами партийной ячейки. Такой клуб существует и в Париже. Бранко должен посещать его. Крэй

и Будак поддерживают тесную связь с Югославией, эмигрантами они не считали себя никогда.

Бранко Вукелич получил партийный билет. Стаж пребывания в КПЮ исчислялся с 1924 года. Бранко с жаром занялся революционной работой. Статьи в газетах, выступления в марксистском клубе... Для его натуры этого было мало. Он стал мечтать о большом деле, которому можно было бы отдать себя всего. На заседаниях клуба Крэй говорил: «Мы должны бороться за мир. Поддерживая мир во всем мире в течение нескольких ближайших лет, мы предоставим Советскому Союзу возможность построить социализм...» Но Крэй никогда не был в СССР и никогда не встречался с русскими коммунистами. А Бранко всегда хотелось попасть в Советский Союз, увидеть все своими глазами, драться за социализм. Он всем и каждому говорил о своем стремлении попасть в социалистическую Россию. Крэй откровенно признался, что помочь не в силах, он ведь и сам с радостью побывал бы в СССР. Но коммунисты должны работать на местах.

Бранко проникался все большей и большей враждебностью к капиталистическому миру. Во Франции разразилась финансовая паника, тысячи безработных бродили по улицам.

Должность Бранко в электрической компании сократили, и он остался без работы. Это подстегнуло его, заставило заняться журналистикой. У него была хватка газетчика, журнал «Вю», несмотря на тяжелые времена, продолжал благоволить к нему. Редактор давно вынашивал мысль посвятить один из номеров странам Дальнего Востока. Китай, Япония... Экзотика. Это привлечет подписчиков. В журналистской компании Бранко встретил женщину-художницу. Однажды, когда Бранко заговорил о дальневосточном номере «Вю», она сказала: «Япония — страна прекрасных пейзажей. Завидую вам». Вукелич был удивлен. Она рассмеялась: «Разве вы не собираетесь в Японию?.. А почему бы вам в самом деле не поехать в Японию?..»

Они стали встречаться. Она пожелала познакомиться с Эдит. Узнав, что жена Бранко — квалифицированный преподаватель по японским гимнастическим упражнениям, художница была удовлетворена. Она посоветовала Эдит съездить в Данию и заручиться рекомендательными письмами из авторитетной датской школы, связанной с японскими гимнастическими кругами. «Вы можете отказаться от поездки в Японию,— сказала она,— это дело

добровольное».— «Я высказал ей окончательное согласие и одновременно признался в страстном желании побывать в Советском Союзе. Она сказала, что, по ее мнению, такое желание вполне осуществимо».

...Вукелич помчался к редактору журнала «Вю» и сказал, что согласен поехать в Японию, готов подписать контракт. Редактор немедленно оформил контракт и выдал Вукеличу корреспондентский билет. Бранко добился аудиенции у президента Всеобщей электрической компании. Президент принял сухо, но сразу подобрел, когда узнал, что Вукелич вовсе не собирается просить о трудоустройстве. Рекомендательные письма в Японию? О, пожалуйста! Поездка в Японию... Дьявольски интересно. Проклятый кризис гонит людей на край света. Если дела поправятся, здесь, в компании, место всегда за господином Вукеличем. Он и японцам рекомендует Вукелича как превосходного юрисконсульта. В жизни все может пригодиться. Пока Эдит совершала поездку по Дании, Бранко связался с югославской ежедневной газетой «Политика» и также получил корреспондентское удостоверение. Газета «Политика» желает иметь своего корреспондента в Токио (тем более что газете это ровным счетом ничего не стоило). На подготовку к отъезду Вукеличу дали всего шесть недель, но он успел оформить все эти дела: закупил книги по искусству Японии, запасся фотоматериалами и альбомами в таком количестве, что их хватило бы на несколько лет.

Путешествие в Японию длилось сорок три дня, 11 февраля 1933 года Вукелич с семьей высадился в Иокогамском порту.

С Рихардом Зорге Вукелич встретился только восемь месяцев спустя. Чем же были наполнены эти восемь месяцев? Журналистской деятельностью, знакомством с французскими, английскими и американскими коллегами. Вукелич был хорошо принят в японских журналистских кругах. Он обладал веселым, общительным характером, и повсюду его встречали улыбкой. Он пытался создать впечатление несколько легкомысленного человека, которому все нипочем. Великолепное знание английского, французского, немецкого и других языков делало его неким посредником в Токийской ассоциации иностранных корреспондентов. Как одержимый носился он по картинным галереям Токио, осматривал буддийские храмы в Камакуре, Киото, Наре. Заполнял альбомы изображениями

бронзового Будды-целителя из храма Кофукудзи, Амида-будды, Вайрочана-будды. Его пленила крылатая японская архитектура. Ого! Япония — обетованная страна художников, скульпторов, архитекторов. Языки всегда легко давались Бранко, и он сразу же занялся японским. Живой, восторженный, немного опьяненный всем увиденным, приходил он домой. Эдит ворчала: на работу устроиться, несмотря на блестящие рекомендации, не удается; в Токио своих преподавателей гимнастики некуда девать. Она была дурой, согласившись ехать сюда. Бранко успокаивал жену. В конце концов все как-нибудь образуется. Ведь они в Японии, в Японии!..

Психолог по натуре, рационалист в своей области, Зорге обладал моральной интуицией, поистине граничащей с прозорливостью: он никогда не ошибался в людях. Любая ошибка могла стоить жизни, загубить все дело. В работе он искал единомышленников и всякий раз находил их. Вукелич был таким единомышленником.

Бранко рассказал, как он с семьей пробирался в Иокогаму по туристскому маршруту из Марселя через Красное море, Сингапур и Шанхай. Он умолчал о том, в какое затруднительное положение попал, не рассчитав свои скромные средства: сперва поселился в самой лучшей гостинице, а затем в меблированной квартире «Банка». В Париже его уверяли, что жизнь в Японии баснословно дешева: на десять иен в день можно с семьей прожить роскошно. Увы, действительность оказалась намного жестче: десять иен в день комната и питание для двух человек стоили в Токио около десяти лет назад, до того как было введено эмбарго на золото.

Но Рихард уже знал от радиста о затруднениях Бранко и посоветовал ему подыскать более скромный и более уединенный дом, где можно было бы без опасений развернуть радиостанцию.

Вукеличи перебрались на улицу Санайте, в квартал Усигомэ-ку. Здесь Бернгард и Эрна занялись монтированием радиостанции. Рихарду не терпелось установить связь с Центром. Но радисты попались нерасторопные. Они все не могли найти нужные детали, слонялись целыми днями по городу или же, закрывшись в комнате, что-то паяли, ругались и переделывали все заново.

Бернгард оказался человеком вспыльчивым, угрюмым, с большим самомнением, но недалеким. Теоретически

свое дело он, может быть, и знал, но что касается практики... Кроме того, он часто пренебрегал правилами конспирации, по всякому поводу разыскивал Рихарда и докучал ему, делал многозначительный таинственный вид, изображая из себя заговорщика. За несколько месяцев он успел надоесть Рихарду до смерти, и Зорге дал себе слово при первой же возможности отстранить этого человека от организации, но пока Бернгард действовал: он поднял на ноги всех продавцов радиомагазинов.

Зорге дал указание Вукеличу связаться с художником Мияги, который вернулся из Америки на родину совсем недавно: в октябре. И с первого же дня стал следить за объявлениями в английской газете «Джэпен адвертайзер». Именно в этой газете должно было появиться объявление, условный сигнал: «Хочу приобрести гравюру укиаэ».

Каким образом японец Мияги Етоку попал в Америку и почему он много лет спустя решил вернуться на родину, чтобы здесь заняться делом, далеким от изобразительного искусства, которому он мечтал посвятить всю свою жизнь? Родился он на острове Окинава, в семье разорившегося земледельца. Нужда заставила отца эмигрировать сначала на Филиппины, а затем в Калифорнию.

Етоку в это время воспитывался в семье деда и бабки со стороны матери. В 1917 году он закончил среднее образование и поступил в учительский институт. Институт пришлось оставить. Молодой человек вспомнил об отце, сел на пароход и в июне 1919 года ступил на американский берег. Втайне он надеялся в более сухом климате избавиться от туберкулеза. В те времена эмиграция считалась обычным делом, и на тихоокеанском побережье США существовали огромные поселения японцев. В течение двух лет Етоку занимался в школе английского языка, потом стал посещать школу художеств в Сан-Франциско, а затем в Сан-Диего. Но туберкулез привязался к молодому человеку накрепко. Мияги-старший мало чем мог поддержать сына, так как жил бедно; в конце концов, скопив небольшую сумму, он надумал вернуться на Окинаву. Етоку остался совершенно один в чужой стране. Питался скверно, приходилось думать не об искусстве, а о куске хлеба. Все же ему удалось закончить художественное училище в Сан-Диего, а потом Институт живописи Макдональда Файта. Он устроился рабочим на ферму близ Брули. Выбраться из нищеты помогли друзья Абе Кензен, Дзюн, Синсей и Накамура Коки: они взяли Етоку

в пай и открыли в «маленьком Токио» Лос-Анджелеса ресторан «Сова». К этому времени относится и расцвет таланта Мияги: он рисовал самозабвенно, не заботясь о том, купят ли его картины. Но картины покупали, появились деньги, можно было наконец обзавестись семьей. Летом 1927 года Мияги женился на Ямаки Чио, переехал жить в Лос-Анджелес, в дом японского фермера Китабаяси Есисабуро.

Под влиянием своих друзей за год до этого Мияги организовал в ресторане «Сова» кружок по обсуждению социальных проблем. Что толкнуло его на подобный шаг? Сам он об этом говорил так: «Я не могу сказать, что не подвергался влиянию своих друзей и книг, которые я читал, но гораздо большее влияние на меня производило то, что я видел: неустойчивость американского капитализма, тирания правящих классов и прежде всего бесчеловечная дискриминация в отношении азиатских народов. Я пришел к заключению, что лекарством от всех этих болезней является коммунизм». Пришел не сразу. Вначале были шумные собрания, споры. Кружок стали посещать коммунисты. Американский профессор русского языка Такахаси и другой коммунист, по фамилии Фистер, читали кружковцам лекции на политические темы, знакомили с трудами Маркса, Энгельса, Ленина, рассказывали о Великой Октябрьской социалистической революции в России. Постепенно марксистский кружок превратился в «Общество пробуждения», затем в «Рабочее общество» со своим журналом «Классовая борьба» и еженедельной «Рабочей газетой». Под влиянием «Рабочего общества» возникло «Общество пролетарского искусства», куда без колебаний вступили Мияги, его жена Чио, а также их многочисленные друзья — художники, журналисты. Начались аресты, попал в тюрьму редактор «Рабочей газеты», друг Мияги — Кеммоцу. Семь человек было выслано вместо Японии в Гамбург под гарантию германского посла. В 1931 году Мияги вступил в Американскую компартию и состоял в так называемой секции восточных национальностей калифорнийской организации. Эта секция была сформирована из японцев, китайцев, филиппинцев и индийцев; в большинстве в то время были японцы.

«В детстве я был откровенным националистом, но даже тогда я возмущался тиранией японской бюрократии. Доктора, адвокаты, банкиры и чиновники в отставке имели обыкновение прибывать сюда из Кагосимы; они

становились ростовщиками и эксплуатировали местных крестьян. Я ненавидел этих людей, потому что мой отец учил меня никогда не использовать чужую слабость. Точно так же он преподавал мне историю Окинавы, сравнивая прошлый славный период с теперешним полуколониальным положением... Мне кажется, что критика этой бесчеловечной тирании и бедности народа Окинавы впервые обратила мой ум на политические вопросы». Такова история художника-искусствоведа коммуниста Мияги Етоку, который добровольно пожелал работать в организации Зорге, бросил обеспеченную жизнь в Америке, все свое имущество, дом и устремился навстречу опасностям. Он не хотел подвергать риску любимую жену Чио, а потому оставил ее в Лос-Анджелесе, пообещав скоро вернуться, хотя и не был твердо уверен, что это удастся сделать. Увидеться им больше не довелось.

Наконец-то в середине декабря 1933 года Мияги обнаружил в «Джэпен адвертайзер» нужное объявление. Он поспешил в бюро объявлений Иссуйся и встретил здесь Вукелича. «Это я ищу гравюру укиаэ»,— сказал Бранко. Когда они остались одни, журналист протянул бумажный американский доллар. У Мияги в кармане хранился точно такой же, только с номером на единицу больше. Все сходилось. Но Мияги пока еще не числился членом организации. Это была строго добровольная организация, и вступить в нее художник мог только после знакомства с Зорге, после обстоятельной беседы с ним. В случае несогласия Мияги мог спокойно вернуться в Америку, дав слово хранить тайну.

В картинной галерее Уэно появились два иностранных журналиста — Зорге и всем известный Вукелич. Каждый из них собирался написать статью о японском искусстве в свои газеты. Но как может разобраться иностранец, не знающий японского языка, истории искусства Японии, в многочисленных макимоно (картинах-свитках) в стиле Ямато-ё, в гравюрах Хисикавы Моронобу, Хокусаи, Хиросиге? Превосходно владеющий английским языком художник-искусствовед Мияги взял на себя нелегкую задачу рассказать иностранцам историю развития японской гравюры. Он говорил, а они записывали в блокноты. Художник был худ, с нездоровым румянцем на впалых щеках — его сжигал туберкулез. Большие карие глаза лихорадочно блестели. Говорил он интересно, и Зорге не на шутку увлекся. Вукелич вообще был человеком искусства,

художником и отправился-то в Японию с тайной надеждой, помимо основного дела, всерьез изучить архитектуру древних храмов, школу живописи тушью Сессю и, конечно же, гравюру на дереве. Если раньше Рихард сомневался, что такое лицо, как художник, может принести пользу организации, то теперь, познакомившись с Мияги, понял, что имеет дело с натурой чистой, убежденной и непреклонной. В конце концов, не так уж важно, что служит прикрытием члену организации, важны его принципы, готовность пожертвовать жизнью, если это потребуется. Сам Мияги считал себя не подготовленным для разведывательной деятельности, и такое чистосердечное признание понравилось Рихарду. Он не любил людей, которые быстро загораются и быстро гаснут. Но у Мияги был опыт нелегальной работы, и этот опыт теперь мог пригодиться. Зорге не торопил с окончательным ответом. Лишь после нескольких встреч Мияги твердо заявил, что вступает в организацию. «Я пришел к выводу о необходимости принять участие в работе, когда осознал историческую важность задания, поскольку мы помогали избежать войны между Японией и Россией... Итак, я остался, хотя хорошо знал, что... в военное время я буду повешен...» — скажет он позже.

Следовало также связаться с Одзаки, который находился в Осаке. В данном случае трудно было обойтись без помощи Мияги.

О Ходзуми Одзаки Зорге думал еще в Москве, перед отправкой в Японию, думал в первые же часы своего появления в Токио, наводил о нем справки. И теперь, когда он, как журналист, каждый день убеждался, что отношения между Германией и Японией укрепляются, Одзаки стал прямо-таки необходим. Что замышляет правящая верхушка нации ямато? Давно ли генерал Танака призывал к войне с Советским Союзом?.. Правда, потерпев провал, Танака ушел в отставку еще в 1929 году. Но предан ли забвению знаменитый секретный «меморандум Танаки»? То, что японцы вторглись за Великую Китайскую стену, в провинцию Хэбэй, командуют в Маньчжурии,— уже реальность; то, что активизировалось «молодое офицерство», настроенное милитаристски,— тоже реальность. Все чаще японская военщина проповедует в печати необходимость захвата Советского Приморья, японо-маньчжурские отряды то и дело вторгаются на территорию СССР. Япония наотрез отказалась подписать

с Советским Союзом пакт о ненападении. Подобная ситуация не может не насторожить. А главное: как будут развиваться взаимоотношения Японии и Германии дальше?..

Зорге знал, что в правительственные круги Японии доступ иностранцу закрыт. Вы можете великолепно владеть японским языком, можете состоять в дружбе с высокопоставленными японцами, очаровывать их превосходным знанием японских обычаев, литературы, искусства, но вы никогда не проникнете в святая святых японской политики. Для этого нужно быть японцем.

Здесь необходим Одзаки, известный в правительственных кругах как один из лучших специалистов по Китаю.

В Шанхае Одзаки хорошо помогал группе Рихарда. Не переменились ли его взгляды с тех пор, не отошел ли он от беспокойной политической жизни? Нет. То и дело в «Осака Асахи» появляются его статьи, направленные против экспансионистских устремлений японской военщины.

Рихард отправился в «японскую Венецию» — город Осаку. Тут, по дороге, он впервые с близкого расстояния увидел сверкающий конус знаменитой Фудзиямы. «Японская Венеция» встретила его чадом бесчисленных заводских и фабричных труб. Это был второй по населению город в стране, огромный тихоокеанский порт. Осаку не зря называли «японской Венецией»: по бесчисленным перекрещивающимся каналам сновали катера, грузно плыли караваны барж, в город заходили даже океанские суда.

Японию обслуживали два крупных конкурирующих газетно-издательских концерна: «Майници», отражающий интересы промышленной буржуазии, и «Асахи» — собственность акционерного общества, половина акций которого принадлежала сотрудникам редакций и журналистам. Концерн «Асахи» считался носителем прогрессивных тенденций. В любом городе, в любой провинции каждый концерн имел свои газеты: к примеру, «Токио Асахи» и «Токио Ници-Ници», «Осака Асахи», «Осака Майници». Газетная война велась не на жизнь, а на смерть. Каждый стремился любыми способами залучить подписчика.

Одзаки находился в «Осака Асахи», он так же, как и другие сотрудники редакции, был держателем акций. Кроме того, он много зарабатывал: прожорливая газета с миллионным тиражом, выходящая два раза в день, беспрестанно требовала нового материала, обстоятельных

политических статей. Одзаки трудился не покладая рук. Часто также его статьи появлялись в солидном политическом журнале «Тюо корон». Именно статьи Одзаки, содержащие глубокий анализ внутриполитического положения в Китае, опубликованные этим журналом, считались наиболее авторитетными даже в правительственных кругах. Одзаки знали как крупного специалиста в вопросах японской и китайской истории и культуры, он считался ведущим экспертом по китайским делам, имел несколько научных трудов.

В конце весны 1934 года в редакцию «Осака Асахи» зашел худощавый человек в американском костюме, представившийся как Минами Рюити,— это был художник Мияги. Он намекнул Одзаки, что с ним желает встретиться старый друг по Шанхаю. Одзаки сразу же догадался, что в Японии появился Зорге, не стал ни о чем расспрашивать, а назначил художнику встречу вечером в китайском ресторане. Тут они могли потолковать без свидетелей. Решили, что встреча Зорге и Одзаки произойдет в ближайшее воскресенье в заповеднике Нара. На том и расстались. Не нужно, однако, думать, что Мияги, выполняя просьбу Зорге, мог составить четкое представление о роли Одзаки в организации. Он вообще не знал, зачем журналист из Осаки потребовался Рихарду и имеет ли это все отношение к делам организации. А для Одзаки художник был лишь эпизодическим лицом, неким Минами Рюити.

Нара — провинциальный городок, притулившийся под самым носом у Осаки — города-гиганта. Некогда в древности Нара была столицей, а сейчас превратилась в большой музей старины. Правда, не все музеи доступны здесь для широкой публики. Так, императорский дворец сокровищ, размещающийся в деревянном здании, всегда закрыт. Есть еще дворцовый музей, где сосредоточены коллекции ранней японской скульптуры. Искусство сейчас меньше всего занимало Рихарда. Он с волнением ожидал встречи с Ходзуми Одзаки. Согласится ли Одзаки вступить в организацию?..

Вот в аллейке показался Одзаки, японец интеллигентного вида, с гладко зачесанными волосами, в больших очках. В руках он мял шляпу. В нагрудном кармане торчало несколько самопишущих ручек. Он неторопливо подошел к Зорге, и они, как бы обмениваясь впечатлениями, заговорили. Встреча обоих обрадовала. Проницательный

Одзаки знал, о чем пойдет речь, он добродушно щурил темные глаза и ждал. Когда же Рихард без обиняков сказал, зачем пожаловал, эксперт протянул руку: он согласен сотрудничать, готов помогать Зорге и его друзьям. Одзаки только казался тихим, на самом деле он был тверд как железо. И последователен.

Японским членам организации Зорге дал полную самостоятельность, обстоятельно побеседовав с каждым в отдельности. Никто не должен знать, что Зорге причастен к организации. Вскоре Одзаки даже разработал своеобразную инструкцию, определяющую нормы поведения членов организации. «Никогда не нужно показывать, что вы хотите получить от собеседника интересующие вас сведения. Люди, особенно занимающие важные посты, просто откажутся разговаривать с вами, если у них возникнет хоть малейшее подозрение о вашем намерении добыть ту или иную информацию. Если же вам, напротив, удастся создать впечатление, что вы знаете гораздо больше, чем ваш потенциальный источник, он сам с улыбкой выложит все, что ему известно. Прекрасным местом для сбора информации являются неофициальные обеды.

Очень важно быть настоящим специалистом в какой-либо области. Что касается меня, то я являюсь экспертом по Китаю, и поэтому ко мне постоянно обращаются с самыми различными запросами из всех инстанций и учреждений. В итоге я получаю много интересных сведений от тех, кто просит моей консультации. Не менее полезна связь с крупными организациями, занимающимися сбором той или иной информации...

Прежде всего следует добиться доверия и, конечно же, уметь сохранить его со стороны тех, кого вы используете в качестве источника информации. В этом случае вы можете выведать у них все, что угодно, не возбуждая подозрений...

Нельзя быть хорошим разведчиком, если одновременно не являешься ценным источником информации для других. Этого можно достичь только непрерывным пополнением своих знаний и опыта».

Этот своеобразный документ свидетельствует о хорошем знании Одзаки человеческой натуры. Он, как и Зорге, был прирожденным разведчиком. Он пользовался в своей деятельности мудрым законом джиу-джитсу: победить, временно подчинившись обстоятельствам. Японские пословицы были словно специально придуманы для раз-

Харбин. 30-е годы.

Шанхай. 30-е годы.

Анна Клаузен. Шанхай. 30-е годы.

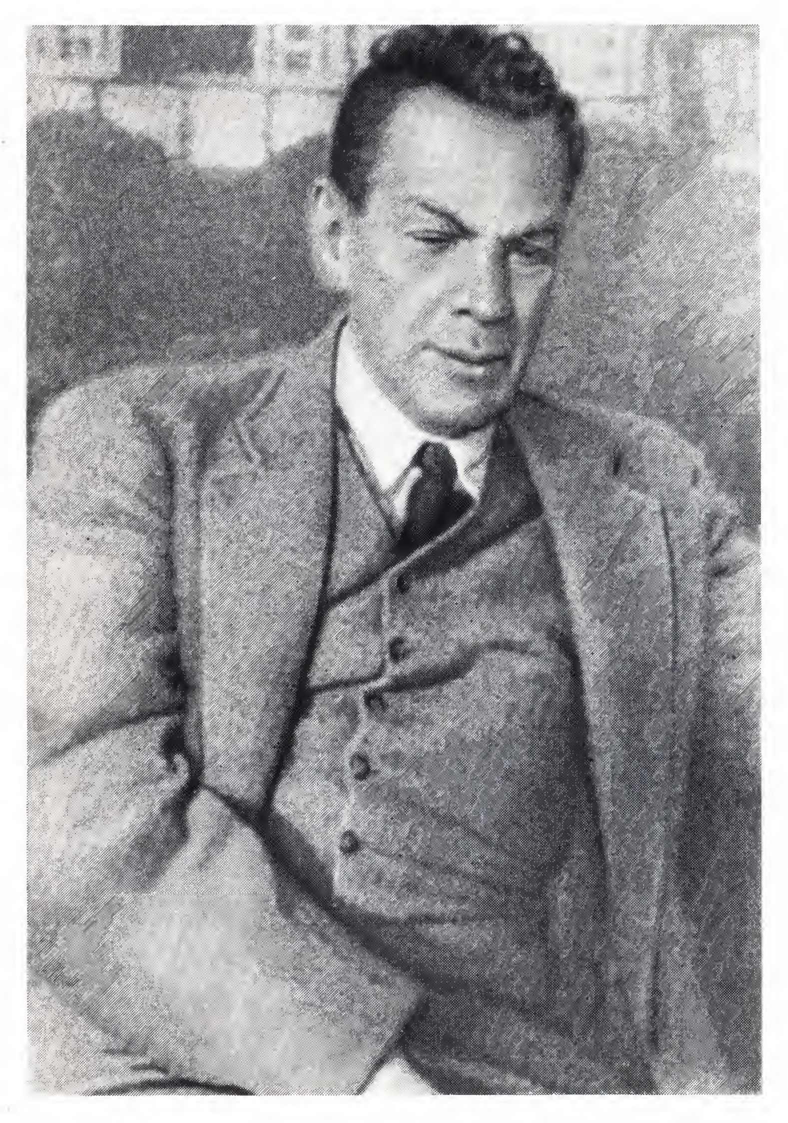

Макс Клаузен. Шанхай. 30-е годы.

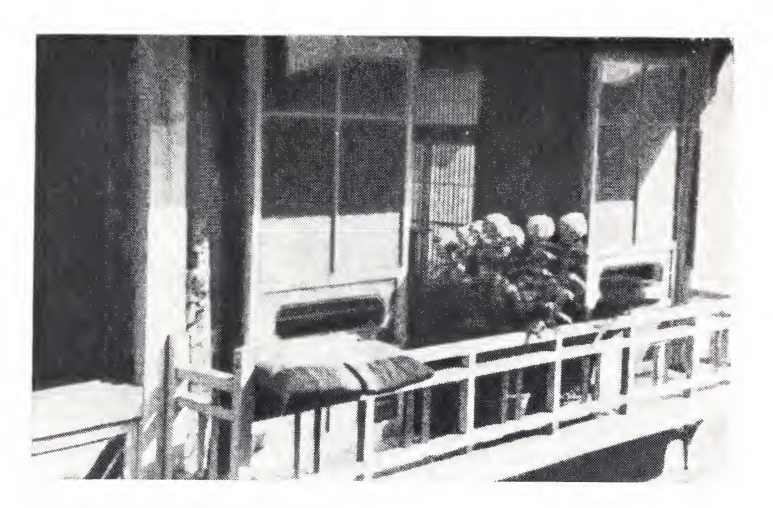
Одзаки Ходзуми с трехлетней дочерью Йоко. Шанхай. 1932 г.

Семья Одзаки. Тайвань. 1920 г. Первый слева — Ходзуми: на заднем плане — Эйко — его будущая жена. (Из собрания Осуки Одзаки.)

Рихард Зорге. Токио. 1936 г.

Терраса дома Зорге в Токио.

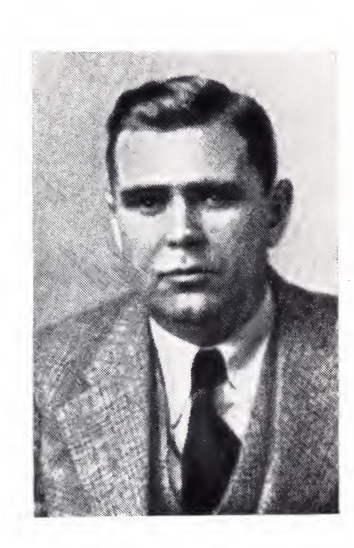
Императорский дворец в Токио.

Гигантская статуя Будды в Камакуре.

«Золотой павильон» в Киото.

Рихард Зорге с фотоаппаратом. Токио. 30-е годы.

Макс Клаузен. Токио. 1938 г.

Югославия. Город Загреб.

Бранко Вукелич. Токио. 1935 г.

Рихард Зорге. Токио. 30-е годы.

Одзаки Ходзуми. Токио. 1938 г.

Секретно

ТЕЛЕГРАММА ВХ. № 16483I

Из Токио подана II час 37 мин. 29 декабря 1940 г.
получена I5 час 20 мин. 29 декабря 1940 г.

Токио, 28 декабря I940 г.

В настоящее время немцы на своих восточных границах, включая Румынию, имеют 80 дивизий с целью воздействия на политику СССР.

Как говорят военные, прибывающие из Германии в Японию, немцы смогут оккупировать территорию СССР по линии Харьков–Москва–Ленинград.

РАМЗАЙ

Телеграммы Зорге в Центр из Токио.

9/часть

ТЕЛЕГРАММА вх.№ 89084

Токио II 40 I июня 41
17 45 I июня 41

Токио, 30 мая 1941 г.

Берлин информировал своего посла в Японии ОТТ, что немецкое наступление против СССР начнется во второй половине июня.

Наиболее сильный удар будет нанесен левым флангом германской армии.

ОТТ совершенно уверен, что война скоро начнется, поэтому он потребовал от военного атташе не посылать никаких важных сообщений через территорию СССР.

Технический департамент германских воздушных сил в Токио получил указание возвратиться в Германию.

РАМЗАЙ

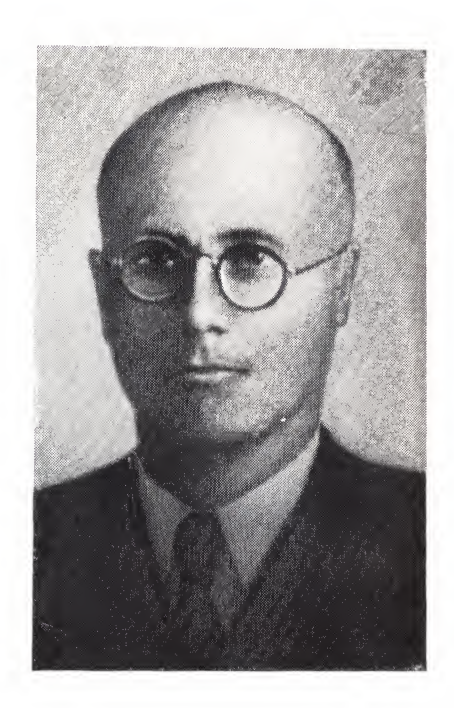
Жена Одзаки Эйко. Япония. 1964 г.
(Из коллекции Ива Чамми.)

Шведская журналистка Биргит Лундквист. Япония. 30-е годы.

Иосико Вукелич (Ямасаки). Токио. Фото 40-х годов.

Бранко Вукелич. Токио. 30-е годы.

Макс и Анна Клаузен. ГДР. Берлин. 1967 г.

Тюрьма Сугамо в Токио.

Макс Клаузен среди рабочих. ГДР. Берлин. 1967 г.

На могилу Рихарда Зорге в Токио каждый день приходят десятки людей.

ведчиков: «Оглядывайся на себя по три раза в день», «Кто осмотрителен, тот храбр вдвойне».

Осенью 1934 года по совету Зорге Одзаки перебрался в Токио, где поступил в исследовательскую группу газеты «Асахи», занимающуюся изучением восточноазиатских проблем. Почти сразу же он занял здесь ведущее место как эксперт по китайским делам; его вклад в работу Института тихоокеанских отношений вызывал всеобщее восхищение; журнал, выходящий на английском языке, «Контемпорери Джэпен» охотно предоставляет Одзаки свои страницы.

Так создавалось ядро организации Зорге. Одзаки суждено было занять тут особое место, не предусмотренное никакими инструкциями.

Японские товарищи чисто по-человечески полюбили своего руководителя. Вспоминая эти дни, Зорге позже скажет:

«Мое изучение Японии не ограничивалось изучением книг и журнальных статей. Прежде всего я должен упомянуть о моих встречах с Одзаки и Мияги, которые состояли не только в передаче и обсуждении тех или иных сведений. Часто какая-нибудь реальная и непосредственная проблема, казавшаяся мне довольно трудной, представала в совершенно ином свете в результате удачно подсказанной аналогии, сходного явления, развивающегося в другой стране, или же уводила русло беседы в глубины японской истории. Мои встречи с Одзаки были просто бесценными в этом плане из-за его необычайно широкой эрудиции как в японской, так и во всеобщей истории и политике. В результате именно с его помощью я получил ясное представление об исключительной и своеобразной роли военной верхушки в управлении государством или природе Генро — совета старейшин при императоре, который хотя и не был предусмотрен в конституции, но на деле являлся наиболее влиятельным политическим органом Японии... Никогда не смог бы я понять и японского искусства без Мияги. Наши встречи часто проходили на выставках и в музеях, и мы не видели ничего необычного в том, что обсуждение тех или иных вопросов нашей разведывательной работы или текущих политических событий отодвигалось на второй план экскурсами в область японского или китайского искусства...

Изучение страны имело немаловажное значение для моего положения как журналиста, так как без этих

знаний мне было бы трудно подняться над уровнем среднего немецкого корреспондента, который считался не особенно высоким. Они позволили мне добиться того, что в Германии меня признали лучшим корреспондентом по Японии. Редакция «Франкфуртер цейтунг», в штате которой я числился, часто хвалила меня за то, что мои статьи поднимали ее международный престиж...»

К заповедям Одзаки Рихард добавил свою: строжайшая конспирация во всех звеньях. Только он, как руководитель, мог знать, какое место занимает каждый в общей системе организации. Вукелич и Одзаки не подозревали о существовании друг друга. Мияги ни с кем, кроме Зорге, не общался. Он лишь смутно догадывался, что Бранко имеет какое-то отношение к организации, но какое — не знал. Все вместе никогда не собирались. Правила конспирации незыблемы: все члены организации в качестве прикрытия должны иметь не возбуждающее подозрений занятие; каждому члену организации дается псевдоним, так как подлинные фамилии не должны фигурировать ни в разговорах, ни в документах; названия советских городов также должны даваться в виде условного кода, например: Владивосток — «Висбаден»; Москва — «Мюнхен»; все документы уничтожаются сразу же, как только надобность в них отпадает; структура организации ввиду ее нелегального положения должна быть известна лишь руководителю; принимать в организацию новых членов без предварительной и длительной проверки воспрещается; никто из членов организации не имеет права обсуждать свою деятельность со связными и курьерами; вся документация ведется на английском языке.

Немецкое посольство Зорге взял на себя. Это было главное направление. Для того чтобы получить доступ к государственным тайнам, запрятанным в посольские сейфы, необходимо было вначале стать здесь, в посольстве, человеком своим, незаменимым. Лезть в сейфы нет необходимости, пусть сейфы раскроются сами, пусть тайны сами лягут на стол Зорге.

Он должен был любой ценой подняться над уровнем среднего немецкого корреспондента, стать политическим оракулом, вознестись над всеми. Он руководствовался советами одного старинного дипломата: дипломат должен изучать историю и мемуарную литературу, знать порядки и обычаи за границей и разбираться в том, где находится действительный источник власти в той или иной стране.

«Все это приводило к следующему естественному выводу: необходимо постоянно глубоко анализировать, изучать проблемы Японии. Окажись я не способен точно анализировать обстановку, я потерял бы всякое уважение своих японских помощников. Без должного авторитета и достаточной эрудиции я не смог бы занимать столь прочное положение в германском посольстве.

Именно по этим причинам, приехав в Японию, я занялся доскональным изучением японских проблем».

Он работал как одержимый. Всем казалось, что у Зорге нездоровый вид от чрезмерного увлечения приемами, обедами, ужинами, возлияниями в узком кругу. А на самом деле он трудился день и ночь, задыхался от нехватки времени. Он организовал переводы различных книг по истории Японии, систематически заказывал выборочные переводы из ряда журналов, собирал в свою библиотеку все, что можно было достать из японских изданий на иностранных языках, лучшие труды о Дальнем Востоке, а также основные произведения японской классической литературы.

«Я вникал в подробности правления императрицы Дзингу, набегов японских пиратов, изучал эпоху сегуна Хидэёси... Освоение проблем Древней Японии помогло разобраться в экономических и политических проблемах современной Японии».

Историю международных отношений он считал отправной точкой для прогнозов на целые периоды; не зная этих отношений, трудно судить о внешнеполитическом курсе того или иного государства в настоящее время и невозможно предсказать будущее.

И все же никакие книги и статьи не могут заменить непосредственного восприятия. Зорге использовал любую возможность ближе познакомиться со страной и ее народом. Он любил Японию, и все здесь будило в нем жгучий интерес. Он оставался исследователем всегда: и во время воскресных прогулок с Оттами или же с фрейлейн Гааз в окрестности столицы, и тогда, когда разъезжал по городам разных префектур. Он знакомился с состоянием урожая риса в разные времена года и в разных местах, наблюдал за жизнью рабочих судостроительных верфей Кобе, отдавал должное искусству ткачей и гончаров Киото, колесил по побережью Японского моря.

«Я стремился познакомиться со страной, узнать людей, развить в себе интуицию, без которой невозможно

познать страну...» У него была система. Начав с подробного изучения земельного вопроса, он перешел к мелкой, затем к крупной промышленности, после чего рассчитывал заняться тяжелой индустрией. Особенно пристально исследовал он социальное положение трудящихся.

Перед Рихардом открылся целый мир, неизведанный, загадочный, овеянный легендами. История страны застыла в древних скульптурах, в коллекциях гравюр, в храмовых ансамблях Нары и Киото, в сборниках «описаний земель и обычаев», в повестях — моногатари, в героических эпопеях — гунки, в эдоской прозе и драмах ёкёку.

Он иногда отправлялся в Киото — этот старинный исторический город, до сих пор сохранивший черты феодальной Японии. Здесь насчитывалось до тысячи древних буддийских и синтоистских храмов. Особенно привлекали огромные постройки из драгоценного темного дерева кейяки. Тут имелся свой «царь-колокол» высотой четырнадцать метров, своя «оружейная палата», где хранились кривые двуручные мечи самураев, алебарды, луки и колчаны со стрелами, латы, покрытые черным лаком.

В глубокой задумчивости часами бродил Зорге по лесистым холмам Киото или же появлялся в Кашиваре, чтобы своими глазами увидеть могилу первого императора Японии Зимму-Тенно.

По соседству с новой Японией, Японией заводских труб, электричек, кинотеатров, цепко держалась старая Япония, Япония бумажных домиков с раздвижными стенами, с обогревательными горшками — хибати, Япония темных храмов, прячущихся в горах, Япония гейш с красивыми прическами, словно из черного лакированного дерева, в кимоно, оби и дзори — свой, не всегда понятный европейцу уклад, выработанный веками... У каждого почтенного японца рядом с телефоном и радиоприемником есть священный самурайский меч и белое кимоно с гербом рода; офицер, командующий танком, носит старый меч точно так же, как носили предки. Вот такой потомок самураев с восторгом расскажет вам, что в старину существовал обычай, по которому в вечер вручения меча воин отправлялся на окраину и «пробовал его остроту», отрубая голову первому встречному, а чтобы не пахло кровью, натирал свое оружие амброй.

От природы Рихард обладал даром к перевоплощению. Теперь у него зародилось дерзкое желание перенять не только нравы и обычаи народа, но и его психологию, что-

бы при случае, переодевшись в национальное платье, стать неотличимым от сотен других японцев. Упорно, методично совершенствовался он и в языке, стремясь улавливать тончайшие оттенки речи. Конечно же, он приобрел кимоно, веер, научился одним росчерком рисовать аистов, перенимал жесты, учился «почтительно шипеть». Обзавелся маленькой металлической трубочкой на три затяжки, курительным ящиком. Это не было забавой. Он стремился разрушить грань отчужденности, какая неизбежно возникает при общении аборигена с иностранцем. Ему именно хотелось походить во всем на японца, чтобы во время длительных поездок по стране легче завоевывать симпатии простого люда.

«В какую бы страну я ни приезжал, я старался познать ее. Такова была моя цель, и осуществление ее доставляло мне радость. Особенно это касается Японии и Китая...»

Япония, Япония... Страна, некогда вынырнувшая из пучин океана. Страна дремлющих вулканов, криптомерий и кривых сосен. Страна, сочетающая в себе древнюю мудрость Китая и индустриальный размах Европы и Америки. А там, у границы земель Кай и Соруги, Фудзияма вздымает к синему небу свою голову! Облака останавливаются в благоговейном изумлении, птицы не смеют взлететь на эту высоту, где снега тают от огня, а раскаленные лавы гаснут подо льдом... Богоравный по величию Фудзияма...

И если вначале в токийской ассоциации Рихарда встретили сдержанно (здесь не любили немецких корреспондентов, считая их всех нацистами), то постепенно лед растаял. Рихард в политические споры не ввязывался, не рассуждал о «прошлогоднем снеге», так как помнил, что каждый человек в день говорит пятнадцать тысяч слов и не всегда нужно выполнять норму, дабы не прослыть болтуном, не старался монополизировать беседу. Когда же просили высказать мнение, высказывал. Он обладал безошибочным политическим чутьем: всякий раз ставил смелые прогнозы, и прогнозы оказывались верными. Речь его отличалась лаконичностью, образностью. В нем было нечто располагающее на откровенность, вызывающее невольное уважение. К его негромкому голосу стали прислушиваться все чаще и чаще. Его статьи, до предела насыщенные познавательным материалом, размышлениями над судьбами Японии, содержащие четкие политические

выводы, заметили сразу не только в Германии, но и в других странах. Все поняли, что на журналистском небосводе вспыхнула новая звезда. Тогда-то к Зорге и потянулись, стремясь выудить у него что-нибудь для себя: ведь этот удивительный человек был прямо-таки напичкан ценнейшей информацией! Рихард с щедростью талантливого человека охотно делился своими познаниями. Пресс-атташе Вайзе мог с гордостью повсюду рассказывать, что только благодаря его, Вайзе, заботам Рихард смог так быстро подняться... Зорге охотно поддерживал эту версию.

«Франкфуртер цейтунг» читали и в германском посольстве в Токио. Особенно внимательно перечитывал статьи Зорге посол Герберт фон Дирксен. Посол был достаточно умен, чтобы не завидовать таланту Зорге, но фон Дирксена поражали эрудиция журналиста, его осведомленность по всем вопросам, умение заглядывать вперед, обобщать и делать выводы. Посол всегда должен быть главным источником информации, а также толкователем политической обстановки, тенденций и настроений общественного мнения в той стране, где он аккредитован. Отчеты посла учитываются правительством при определении своего политического курса; как говорил еще Демосфен, во власти посла воспользоваться удобными обстоятельствами и, следовательно, в его руках отчасти власть над событиями.

Посол — главный канал связи между правительствами обеих стран. А средство связи — отчеты, донесения.

Немецкая аккуратность требует, чтобы документация была в идеальном порядке. До сих пор Дирксену казалось, что он занят серьезным делом, регулярно посылая отчеты в Берлин,— отчеты представляли образец аккуратности, все было разбито по пунктикам, по параграфам. Но вскоре Дирксен стал понимать, что там, в Берлине, о политическом состоянии Японии отныне судят не по отчетам и докладам посольства, а по статьям вездесущего доктора Рихарда Зорге. Властью над событиями фон Дирксен не обладал. Конечно, государственному человеку фон Дирксену не приходится так тесно общаться с иностранными газетчиками, забираться в японские министерства, как журналисту Зорге; Дирксен не может в такой степени быть информирован о местных интересах, настроениях, о тех подводных камнях, среди которых ему как послу приходится волей-неволей маневрировать; Дирксен близко знаком с государственными людьми Японии,

но с японцами трудно разговаривать в доверительном тоне — никогда не знаешь, что у них на уме, даже иногда трудно оценить, каким влиянием пользуется каждый из них, и сложно быть посредником между ними и своим правительством. Дирксен причислял себя к старой школе дипломатов: он считал, что дипломатия — это искусство переговоров, и ничего более. Он отделял дипломатию от политики, говорил, что дипломат не должен заниматься политикой, он — инструмент своего правительства, и неважно, кто стоит у власти. Он слишком большое значение придавал связям, был уверен, что исход важных переговоров во многом зависит от того, какие связи имеет и поддерживает посол во время своего пребывания на посту, в какой степени ему доверяют в той стране, где он находится, то есть посол должен знать, с кем имеет дело, чтобы заранее можно было оценить слабые и сильные стороны партнеров по переговорам, их надежность или же противоположные качества. Вот тут-то он и не мог сказать ничего определенного. Доверяют ли ему японцы? Связи носят строго официальный характер, душевного контакта нет и не может быть. За всеми сотрудниками посольства да и за самим послом неотступно следит японская полиция. И вообще, находиться в этой стране — проклятие. Иногда Дирксена охватывало ощущение собственной ненужности, он начинал чувствовать себя незначительным, сосланным в эту нелепую Японию, где живешь, словно в парной бане, и из которой, по-видимому, никогда не выбраться. Если бы удалось обратить внимание рейхсканцлера или хотя бы министра иностранных дел Нейрата на свою особу, вот уже тогда...

И фон Дирксен неизбежно пришел к мысли, к которой с самого начала подводил его Зорге: при составлении отчетов в Берлин консультироваться с компетентным человеком! Таким компетентным человеком в вопросах внутреннего положения Японии был Зорге. И никто иной. Посол имеет право консультироваться с любыми осведомленными людьми — в этом нет ничего предосудительного. Хорошей сети осведомителей Дирксену так и не удалось создать. Нельзя же всерьез полагаться на информацию такого работника, как Эйген Отт!

В посольстве, а также в немецкой колонии неожиданно открыли, что у них под боком живет талантливый журналист; многие помнили, что «Франкфуртер цейтунг» пользуется особым покровительством Геббельса. Если на

Рихарда вначале смотрели с любопытством, как на этакий газетный феномен, то потом прониклись к нему симпатией, стали зазывать на обеды и ужины, каждый искал дружбы с ним. В посольстве он появлялся редко, просто для того, чтобы засвидетельствовать свое почтение чиновникам и фрейлейн Гааз. И здесь он сделался желанным гостем. Ведь с ним никогда не было скучно. Он приносил с собой атмосферу большой жизни, и всем начинало казаться, что они, корпя в прокуренных комнатах, участвуют в событиях исторической важности. Так уж получалось всякий раз: стоило Рихарду заглянуть в рабочую комнату фрейлейн Гааз, как сюда устремлялись все, кому хотелось переброситься парой фраз с корреспондентом, узнать последние новости, а возможно, нечего греха таить, и получить приглашение провести вечер в шумной журналистской компании. Подобные вечера, само собой, устраивались не в надоевшем немецком клубе, а на фоне японской экзотики, в «злачных» местах. Рихард приглашал охотно, ибо отлично знал: из всех категорий людей, проживающих за границей, наибольшей скупостью славятся сотрудники посольств. Тут крылась некая загадка.

Фон Дирксен, полагаясь на скромность Зорге, пригласил его в свой кабинет и наводящими вопросами сумел выудить ценную информацию. Корреспондент отвечал обстоятельно, с видимой охотой. Дирксен поблагодарил. Он намекнул, что и впредь станет прибегать к консультации подобного рода. Корреспондент явно был польщен вниманием «государственного человека». Фон Дирксен в совершенстве знал науку делать человеку приятное, заставляя его работать на себя. Отчеты и доклады посла налились жизненными соками и наконец-то были замечены Нейратом.

В немецком посольстве обосновался мелкий хищник — помощник военного атташе подполковник Эйген Отт. Ему страстно хотелось поскорее сделаться атташе. Он мечтал о продвижении, о блистательной карьере. Ему импонировали слова Гитлера, обращенные к дипломатам: «Я провожу политику насилия, используя все средства, не заботясь о нравственности и «кодексе чести». Умелый посол, когда нужно, не остановится перед подлогом или шулерством». Он строчил рапорты и донесения в Берлин. Но помощник военного атташе — мелкая сошка, и его рапорты, по-видимому, лишь бегло просматривали, не придавая им особого значения. Он мог еще десять лет просидеть

в помощниках. Да и кому из начальства нужны малосодержательные донесения? Отт плохо владеет японским языком, вернее — совсем им не владеет; при составлении документов приходится довольствоваться тем, что дают сами японцы. А дают не щедро. Тут уж широко не размахнешься. Хитрый, изворотливый карьерист Отт решил выбиться в большие начальники любыми средствами. Все чаще Отт задерживал взгляд своих водянистых глаз на лице Зорге: вот кто может все!.. Если даже сам посол прибегает к его консультациям... Фрау Отт посоветовала: «А почему бы тебе не обратиться за помощью к твоему другу Рихарду? Если хочешь, я поговорю с ним». Но помощник атташе, хоть и восхищался умом своей жены, на этот раз решил поговорить сам. За рюмкой шнапса он пожаловался на то, что теперь любой краснобай скорее может сделать карьеру, нежели честный служака, не умеющий красиво говорить. Рихард рассмеялся, а потом строго заметил, что всегда следует помнить слова Гесса о том, что, если ветераны партии даже не обладают способностями, это компенсируется их горячим стремлением к деятельности в интересах национал-социалистского государства. Отт надулся. Он понимал, что всепрощение Гесса относится к нацистским рыцарям плаща и кинжала, ко всем тем подонкам, с которыми Отт не хотел себя смешивать. Из «человека первого сорта» ему хотелось превратиться в добротного чиновника министерства иностранных дел. Перспектива возвращения в задавленную террором Германию его не прельщала. Прозябать на десятистепенных должностях?..

«На месте Дирксена я давно прогнал бы этого Вайзе и поставил на место пресс-атташе человека более достойного...» — сказал Отт. «А почему бы вам со временем не занять место Дирксена?» — отпарировал Рихард. Прямолинейный подполковник отвечал: «Потому что Дирксена консультируют, а меня нет».

Зорге видел Отта насквозь. Кроме того, фрау Отт все-таки рассказала кое-что.

«Ну если дело только за этим, то я к вашим услугам»,— произнес Рихард и протянул помощнику атташе руку.

Зорге консультировал. Но то, что в устах корреспондента звучало весомо, в изложении подполковника выглядело бесцветно, он не умел обыденным идеям придавать резонанс. Тогда Отт вытащил из портфеля сводки, схемы,

таблицы, те документы, какие имеют гриф «Секретно», а на самом деле известны каждому мало-мальски искушенному в военном деле. Все это были пустячные тайны и никакого интереса для организации не представляли. Зорге отмел дотошное перечисление мелочей, которое в докладах помощника атташе занимало главное место и не столько проясняло, сколько запутывало общую картину; он наполнил донесение значимыми фактами: «молодое офицерство» и аракисты ведут себя беспокойно, партия сейюкай, связанная с военщиной, активизируется...

Тут-то и произошло чудо: Отт получил первую благодарность из Берлина. Воодушевленный успехом, он прямо-таки насел на Зорге. И Рихард трудился. В адрес помощника атташе посыпались благодарности. А потом ему присвоили полковника. Рихард консультировал фон Дирксена, писал сводки и донесения за Отта, изучал историю и экономику Японии, собирал библиотеку.

«Я взвалил на себя слишком много обязанностей. Мне приходилось одновременно заниматься деятельностью журналиста, работника германского посольства, вести исследовательскую работу и, наконец, продолжать свою секретную деятельность. Я страдал от хронического недостатка времени».

Разведчик утверждал себя. И все-таки это были всего-навсего первые шаги. Он еще не пользовался полным доверием Дирксена, посол только слушал, но ничего не говорил. Опытный, прожженный дипломат, он умел хранить государственную тайну. Он смотрел на Зорге лишь как на источник информации, и только. Отт вообще знал мало, и разведчику приходилось работать на них, не получая ничего взамен.

То было трудное время и для Зорге, и для всей организации — время упрочения. Рихард и Вукелич по-прежнему присутствовали на пресс-конференциях в министерстве иностранных дел Японии, в информационном бюро, их хорошо принимали в японских журналистских кругах. Бранко завязал близкие отношения с представителем агентства Рейтер Джемсом М. Коксом, имеющим свободный доступ в британское посольство. Информация накапливалась из месяца в месяц. Поступала она и от японских друзей. В апреле 1934 года представитель японского МИДа Амо заявил, что Япония считает себя единственно ответственной за поддержание порядка во всей Восточной Азии. Отныне Китай обязан обращаться за помощью толь-

ко к Японии, и последняя категорически протестует против стремления третьих держав оказывать какую-либо помощь Китаю. Заявление вызвало приток информации. В Европе назревали события, связанные с активизацией Германии. Многое просачивалось в посольства, находящиеся в Токио. Фашисты сосредоточили всю полноту государственной власти и намеревались использовать ее в агрессивных целях; крупнейшие монополии непрерывно получали от гитлеровского правительства все возраставшие военные заказы. По сути, государственный аппарат уже перешел в подчинение военным концернам. «Ночь длинных ножей», убийство имперского министра Рема, массовые расстрелы без суда и следствия; Германия нарушила военные ограничения, установленные Версальским договором, и ввела всеобщую воинскую повинность.

Любая информация из Японии представляла ценность для Центра. А Бернгард и Эрна хоть и соорудили свой громоздкий передатчик на квартире Бранко, но установить связь с Центром еще не могли. Они не выползали из импровизированной рубки целыми сутками, нарушали все сроки пребывания в эфире, возможно, даже их засекли пеленгаторные станции, а связи не было.

Рихард сожалел, что рядом нет Макса Клаузена, и, махнув на все рукой, в октябре 1934 года отправился в Шанхай для встречи с курьером. Такая поездка не представляла бы собой ничего особенного, если бы не излишняя бдительность японской полиции: в любом иностранце она видела разведчика. Рихарда могли даже подвергнуть личному осмотру, а он вез материалы, которые не должны были попадать в руки полиции. Но все обошлось.

Он без приключений сошел с парохода и, пройдясь по рю дю Консуля и улице Эдуарда III, свернул на рю Чупаосан. Рю Чупаосан — значит «Кровавая аллея». От нее до гавани — два квартала. Здесь царство матросов. Улица короткая — в длину всего сто тридцать шагов, в ширину — шестнадцать. Два огромных серых дома, где размещаются бары, кафе, кабаре, ночные рестораны «Роз-Мари», «Монте-Карло», «Фантазио» и так далее. Вечером здесь происходят кровавые побоища, в них участвуют сотни матросов со всех иностранных кораблей. Когда полиция бессильна что-либо сделать, вызывают войска. Днем «Кровавая аллея» дремлет. Зорге заходит в отель, встречает здесь незнакомого человека с желтым портфелем. У Рихарда точно такой же портфель. Они заговаривают

о погоде, обмениваются паролями, а затем портфелями. «Привет вам от товарищей и от Кати...» — произносит негромко незнакомец, будто бы спохватившись, кланяется и уходит.

Два дня разъезжает Рихард по Шанхаю, достает материал для «Франкфуртер цейтунг», после чего возвращается в Токио с кучей новостей. Письмо жены хотелось бы сохранить, перечитывать его всякий раз, когда становится тяжело, но это невозможно.

«Милая моя Катюша!.. Твои письма меня всегда радуют, ведь так тяжело жить здесь без тебя. Да еще почти в течение года не иметь от тебя весточки, это тем более тяжело... Это грустно и, быть может, жестоко, как вообще наша разлука...»

Он переносится мыслями в Москву, и все, что вокруг, кажется диким, иллюзорным: ухмыляющаяся физиономия Отта, японская полиция, хранитель нацистских тайн сухопарый Дирксен, игривая фрау Отт, званые обеды, приемы, фашистский угар в немецком клубе, так называемые «общие собрания», на которых Рихарда неизменно сажают в президиум. Стряхнуть бы этот бред, очутиться там, у Никитских ворот, бродить с Катей по вечерним московским улицам, а потом уснуть, уснуть спокойно, как все люди, дать отдых нервам, которые напряжены до предела вот уже почти два года...

Но это были только мечты. И разве мог он знать, что мечты скоро осуществятся...

2

ПОСЛЕДНЕЕ СВИДАНИЕ С РОДИНОЙ

Летние и зимние муссоны приносили дожди. Рихард тяжело переносил японский климат. Почти в каждом письме к жене он жалуется на жару и влажность.

«Здесь сейчас ужасно жарко, почти невыносимо. Временами я иду к морю и плаваю, но особенного отдыха здесь нет»; «Что делаю я? Описать трудно. Надо много работать, и я очень утомляюсь. Особенно при теперешней жаркой погоде... Жара здесь невыносимая, собственно, не так жарко, как душно вследствие влажного воздуха. Как будто ты сидишь в теплице и обливаешься потом с утра до ночи»; «Теперь там у вас начинается зима, а я знаю, что ты зиму так не любишь, и у тебя, верно, плохое настроение. Но у вас зима, по крайней мере, внешне красива, а здесь она выражается в дожде и влажном холоде, против чего плохо защищают и квартиры, ведь здесь живут почти под открытым небом...»

Сырая жаркая погода. Костюмы, белье приходится держать в железных чемоданах и сундучках. Прошло уже почти два года с тех пор, как Зорге высадился в Иоко-

гамском порту, но организм все не мог приспособиться к непривычным климатическим условиям. Рихард страдал, задыхался, постоянно ощущал расслабленность, вялость. И лишь волевым усилием ему удавалось казаться бодрым, веселым, деятельным.

В апреле на Токио словно бы опускалось розовое облако — зацвела вишня. В парке Уэно начинался «танец цветения вишни» — мияко одори. Сюда стекались толпы горожан в праздничных кимоно, с зонтиками, разноцветными фонариками, на некоторых горожанах были травяные плащи.

Улизнув от фрейлейн Гааз и всех своих посольских друзей, Зорге слоняется в толпе, прислушивается к говору, к печальным звукам семисенов, бормочет стихи Мотоори: «Если хочешь понять душу японца — взгляни на вишню, цветущую па солнце». Веселье здесь благопристойное, вежливое, и «танец цветения вишни» напоминает древнюю мистерию, а не шумное торжество, какое бывает на улицах и в парках Москвы. Заливаются бамбуковые флейты — сякухати, бренчат гитары, народ сгрудился у балаганов кукольников. Здешняя жизнь чужда Рихарду, но он хочет ее понять. И все же иногда наваливается безразличие, и Рихард ходит по аллеям, усаженным криптомериями, пальмами и вишневыми деревьями, просто так, чтобы обрести спокойствие духа. Он все чаще думает о Москве. Даже аккумулятору нужна периодическая подзарядка, а человеку тем более. Только бы очутиться каким угодно волшебством в Москве, дохнуть воздухом свободы, избавиться хоть на несколько дней от этого миража, кошмара, который приходится называть жизнью; а уж потом, получив зарядку, можно снова вести опасную игру...

Радисты наконец-то установили связь с Центром. Но связь какая-то неустойчивая. Сеансы очень часто срываются по неизвестным причинам. И эта нечеткость порождает уныние, ощущение неопределенности. В одной из шифровок Зорге попросил прислать квалифицированного радиста, Макса Клаузена, а Бернгарда и Эрну отозвать.

Он не очень-то был уверен, что Центр пойдет навстречу — менять уже легализовавшихся работников очень сложное дело. Но, видно, и радисты Центра намучились, так как пришла радиограмма — Бернгард и Эрна отзываются в Москву. Обрадованные сверх меры, они немедленно покинули Токио. Мрачный Бернгард на прощание даже поблагодарил Рихарда. Дальше в радиограмме гово-

рилось, что сам Зорге должен также выехать в Москву для инструктажа.

Когда Рихард читал текст, он невольно поймал себя на том, что у него дрожат пальцы. Показалось, что повеяло свежим ветром. В Москву!..

Разумеется, он не мог просто так бросить все и укатить. Отъезд следовало подготовить, чтобы временная отлучка ни у кого не вызвала подозрений. И в его отсутствие организация должна функционировать. Прежде чем уехать из Японии, ему пришлось связаться с Одзаки и Мияги, обстоятельно поговорить с Вукеличем.

Рихард стал распространять слух, что собирается в Европу, так как контракт с «Франкфуртер цейтунг» истекает. Теперь можно будет заключить новый контракт на более выгодных условиях.

Отт заволновался: как некстати Зорге собрался в Германию! Отта только что назначили военным атташе. И все это благодаря помощи Рихарда. Эйген страшился на первых же порах оказаться без поддержки корреспондента. Зорге заверил атташе, что в фатерланде долго не задержится. Версия ни у кого не вызвала подозрений. Отт надавал кучу адресов и телефонов своих штабных друзей в Берлине: Зорге обязательно должен познакомиться с ними! Дирксен, в свою очередь, дал несколько поручений неофициального порядка. У посольских дам были свои поручения.

Зорге изнемогал от нетерпения, рвался в Иокогамский порт, но приходилось каждого внимательно выслушивать, улыбаться, помня завет де Кальера: дипломат должен иметь спокойный характер, быть способным добродушно переносить общество дураков. Отт, конечно же, затеял грандиозный пир, после чего вынудил Рихарда писать новое донесение. Друзья из токийской ассоциации решили, в свою очередь, устроить вечер в честь отъезда «любимца прессы». «Партейгеноссен» из немецкого клуба последовали их примеру. Разумеется, целая орава провожала его на пароход. Фрау Отт даже прослезилась, а фрейлейн Гааз до тех пор стояла на причале, пока пароход, увозящий Рихарда, не скрылся за горизонтом.

Великий, или Тихий, океан поднял на свои плечи Рихарда. Синие прозрачные волны. Стаи летучих рыб неслись над водой. Рихард почти все время проводил на верхней палубе. Он знал здесь, в океане, каждый аттол, каждый островок — они были вехами на пути, который

должен привести в конце концов в Москву. Вот высокая светлая четырехгранная башня с часами в Гонолулу. Прямо на причале гаваянки с горячими глазами, в ожерельях из красных и белых цветов танцуют хулу. Но эта деланная экзотика не привлекает внимания Рихарда. Все надоело, все опротивело. Он больше не верит в экзотику. За внешним весельем, за всеми этими гирляндами и венками скрывается нищета. Он-то насмотрелся на «экзотику» в Японии! Его трудно обмануть. Экзотика повсюду покупается за доллары. В Москву! Очиститься от «экзотики», не видеть человеческого унижения...

В США курьер Центра вручил Зорге паспорт с советской визой. Путь в Москву был открыт!

Он увидел Москву, которую всегда любил неизъяснимой любовью. Даже там, в Германии, когда он не знал еще этого великого города, он уже любил его. Он знал Москву по рассказам матери, которая хоть и бывала в Москве проездом, но сохранила о ней самые живые воспоминания. Мать так и не смогла освоиться в Берлине.

Он снова был в Москве, где жила его любимая, прекрасная Катя, где хранились его книги и рукописи, где от каждой улицы, от каждого сквера веяло чем-то волнующе знакомым, родным. Он представлял себя моряком, после долгих и опасных странствий вернувшимся к тихому очагу. Океанские бури позади. Люди... Их всех хочется обнять.

Москва... Всегда бурная, говорливая, зараженная энтузиазмом Москва. Знакомый бой курантов. И это рядом, вот здесь, перед тобой. Сколько раз доносился он сквозь эфирные ветры к Рихарду, склоненному над приемником в конспиративной квартире Вукелича... Арбат, Никитские ворота, Нижне-Кисловский переулок...

Рихард дома. Счастливые заплаканные глаза Кати, ее лицо (как он считал: «античное лицо»), косы, знакомые руки...

Это было 25 июля 1935 года.

Наконец-то Зорге мог насладиться покоем, семейным счастьем, пожить настоящей (не придуманной!) жизнью. Отсюда, из квартиры на Нижне-Кисловском, Япония казалась бесконечно далекой, нереальной. На заводе «Точизмеритель» Кате дали отпуск. Катя уже бригадир. Получает четыреста рублей.

Они сидят на диване. Уютно светит лампа под зеленым абажуром. Здесь все просто, даже бедновато. Неболь-

шой шкаф, в котором книги Рихарда: драмы Лессинга, Гёте, Шиллер, Кант; из новых — Маяковский, Фурманов. Тут же труды самого Рихарда. Он вынимает томик Маяковского:

Ведь для себя неважно
и то, что бронзовый,
и то, что сердце — холодной железкою....

Из книги выпадает черновик какого-то документа. Рихард читает:

«Москва, 12 апреля 1926 года. Краснопресненскому районному комитету ВКП(б).

Дорогие товарищи!

Клуб немецких коммунистов создал недавно пионерскую организацию из немецких детей. В этой работе нам обязательно нужна ваша помощь, причем не только в форме указаний, циркуляров и т. д., но и в отношении кадров. Поэтому мы просим вас по возможности прислать нам товарища, хорошо знающего пионерскую работу и владеющего немецким языком.

С коммунистическим приветом
Зорге».

Сейчас они мечтают с Катей о том времени, когда у них будут дети. Ика хочет иметь детей. Его идеал — стать добрым семьянином, заняться наукой, написать солидные труды об азиатских странах, воспитывать детей, быть всегда рядом с милой Катей. Они придумывают имя будущему ребенку.

«Помнишь ли ты еще наш уговор насчет имени? — напишет он после отъезда из Москвы.— С моей стороны я хотел бы изменить этот уговор таким образом: если это будет девочка, она должна носить твое имя. Во всяком случае, имя с буквы «К». Я не хочу другого имени, если даже это будет имя моей сестры, которая всегда ко мне хорошо относилась.

Или же дай этому новому существу два имени, одно из них обязательно должно быть твоим.

Пожалуйста, выполни мое желание, если речь будет идти о девочке. Если же это будет мальчик, то ты можешь решить вопрос о его имени с В.».

Один раз они поехали за город, забирались в лесные чащобы, купались; забыв обо всем на свете, ощущали радость бытия, говорили друг другу нежные слова, клялись в верности, мечтали о будущем. Быть вместе, всегда быть

вместе... Разве они не заслужили этого права?.. Все еще впереди, жизнь еще расцветет невиданными цветами, и «старый ворон» (как она в шутку называет его) еще расправит крылья, поднимется в иные высоты...

...Зорге в кабинете начальника Разведывательного управления комкора Урицкого. Подготовлен обстоятельный доклад о деятельности организации. Урицкий остался доволен докладом. Он еще раз подчеркнул, что главные усилия Зорге должен направлять на выявление замыслов фашистской Германии в отношении СССР. Посоветовал Рихарду вступить в нацистскую партию.

Семен Петрович Урицкий устроил небольшой обед, и здесь Зорге встретился с Максом Клаузеном. Да, старые друзья вновь повстречались.

«В 1935 году в Москве я и Клаузен получали напутственные слова начальника Разведывательного управления генерала Урицкого. Генерал Урицкий дал указание в том смысле, чтобы мы своей деятельностью стремились отвести возможность войны между Японией и СССР. И я, находясь в Японии и посвятив себя разведывательной деятельности, с начала и до конца твердо придерживался этого указания...»

Это из посмертных записок Зорге.

Кто же был тот человек, который четко определил задачу организации Зорге в отношении Японии на целый период? И не только в отношении Японии. Урицкий видел главную опасность, угрожавшую Советскому Союзу,— германский фашизм. И подтвердил основное задание: острие деятельности разведывательной организации Зорге должно быть направлено против фашистской Германии. Зорге обязан также бдительно следить за развитием германо-японских отношений.

Весной 1935 года Ян Карлович Берзин был назначен в Особую Краснознаменную Дальневосточную армию заместителем Блюхера. Обстановка на Дальнем Востоке оставалась напряженной. Японские империалисты, захватив Маньчжурию, вынашивали планы нападения на Советский Союз. Анализируя факты, командарм Блюхер говорил тогда: «Все, что мы делаем на Дальнем Востоке, подчинено только обороне наших дальневосточных границ, в то время как мероприятия японского командования преследуют цели нападения. Мы делаем все для обороны, они — все для нападения. В этом коренное различие».

Начальником Разведывательного управления стал Се-

мен Петрович Урицкий. До этого он был заместителем начальника Автобронетанкового управления РККА. Автобронетанковое управление и военная разведка... И все же комкора Урицкого нельзя считать человеком, далеким от разведки. Бурная, сложная биография Семена Петровича Урицкого дает повод для больших раздумий. Его связи с разведкой относятся к 1920 году, когда он был начальником одного из отделов Разведывательного управления штаба РККА. Он в совершенстве владел французским и польским языками. С 1922 по 1924 год находился за рубежом, выполнял задание. А еще до этого, в восемнадцатом, во время оккупации Одессы немцами, значился военным представителем при Одесском Советском генеральном консульстве (было такое!). Тогда все консульство арестовали и бросили в тюрьму.

В большевистскую партию Урицкий вступил еще в 1912 году, в семнадцатилетнем возрасте. Тут большую роль сыграло его знакомство с известным революционером Вацлавом Воровским (впоследствии видным советским дипломатом, злодейски убитым в 1923 году в Лозанне), который в то время находился в Одессе. «Влияние т. Воровского было на все мои дальнейшие убеждения огромное. Бывая на разных собраниях, обсуждая текущие события с товарищами, особенно под влиянием ленских расстрелов, «Правды» и бесед с т. Воровским, я в 1912 году вступил в РСДРП(б)».

Три недели находился Рихард Зорге в Советском Союзе. И почти каждый день встречался с Урицким.

Урицкий поинтересовался, в каких условиях живет жена Зорге Екатерина Александровна Максимова. Узнав, что Катя занимает полуподвальное помещение, пообещал позаботиться о ней.

Свое обещание Урицкий выполнил уже после отъезда Рихарда: новую квартиру Кате дали на Софийской набережной. Правда, долго не могли вручить ордер: завод «Точизмеритель», где работала Екатерина Александровна, встал на трудовую вахту, и она целую неделю не являлась домой, спала прямо в цехе.

Прощай, Москва... Последний раз пришел Зорге на Красную площадь, постоял с обнаженной головой у Мавзолея Ленина. На память пришли строки поэта:

...Я себя под Лениным чищу,
чтобы плыть
в революцию дальше...

16 августа 1935 года Зорге покинул Советский Союз. Путь в Японию лежал через фашистскую Германию.

Снова Берлин. Сумрачный, зловещий. Здесь Рихарду пришлось иметь дело с полковниками и генералами — друзьями Отта, а также с однокашниками фон Дирксена — чиновниками министерства иностранных дел. Нацистский пресс-клуб встретил его с помпой. Начались вечера, попойки, заключение контрактов с газетами и журналами.

Рихард помнил Берлин аккуратным. Теперь он выглядел каким-то запущенным, грязным. Жизнь словно замерла, притаилась, ушла в подполье. Только стук кованых солдатских сапог. Марширующая Германия. Стальные каски, надвинутые на лоб, откровенная черная свастика на рукаве Гитлера. Еще жив Гинденбург, и фюрер покровительственно похлопывает его по высохшему плечу. И Зорге знал, что, несмотря на жесточайший террор, здесь продолжают действовать коммунистическая партия и антифашистские группы Сопротивления.

Здесь, в самом логове врага, Зорге должен был очень искусно и осмотрительно играть роль нацистского борзописца. На этот раз он превзошел самого себя, удостоился особого внимания министра иностранных дел Нейрата, а также высоких чинов военной авиации.

Как раз в это время намечался перелет из Германии в Токио на первом «юнкерсе». Зорге, как видному журналисту, предложили принять участие в перелете. Рихард не удержался от искушения. Тут были опасность, риск, а кроме того, выигрыш во времени. Он согласился. Сперва лететь собирался специальный посланник германского министерства иностранных дел Шмиден. Но потом, поразмыслив, он решил отправиться в Токио обычным путем: ведь неизвестно, чем закончится перелет. Посланник даже обрадовался тому, что подвернулся этот знаменитый журналист. Пусть летит. Отступление Шмидена останется незамеченным. Он объяснил Рихарду: когда едешь с важной миссией, то уж лучше не рисковать. «Я кое-что слышал,— отозвался разведчик.— Но, к сожалению, не посвящен в детали. Впрочем, это уже не имеет значения». Шмидену, конечно, благоразумнее было бы оставаться в Берлине — в Японии сейчас адская жара. «Осима — колпак — вот что я вам скажу! — выпалил Шмиден.— Из-за несговорчивости этого колпака я вынужден проделывать все эволюции. Видите ли, он требует, чтобы мы

отозвали советников из китайской армии и прекратили поставки. Какая наглость! В самом начале переговоров ставить условия. Но они плохо знают Риббентропа...» — «Я буду в Токио раньше вас и подготовлю почву»,— пообещал Зорге безразличным тоном. Шмиден видел в журналисте своего поля ягоду и не стеснялся проявлять благородное негодование. Ведь переговоры носили неофициальный характер, но многие в МИДе о них знали.

Рихард заволновался: в Берлине ведутся секретные переговоры между военным атташе Японии Осимой и Риббентропом! Если бы можно было вернуться в Москву... И этому тупице Шмидену поручили уламывать японское правительство!.. Можно задохнуться от ярости и от собственного бессилия. Скорее, скорее в Токио!.. Оттуда сообщить обо всем Центру.

Разведчику казалось, что самолет не летит, а ползет.

На первом «юнкерсе» Зорге является в Токио. О нем шумят газеты, его встречают цветами. Посланец Геринга... Вскоре Зорге стал кандидатом в члены нацистской партии.

Когда в Японию наконец-то прибыл специальный посланник Шмиден, они встретились с Рихардом как старые, добрые друзья. В присутствии фон Дирксена стали вспоминать берлинские дни, проведенные в компании высоких чинов.

Посол слушал внимательно, а про себя решил, что настала пора привлечь корреспондента к более тесному сотрудничеству в посольстве.

3

ОРГАНИЗАЦИЯ ЗОРГЕ ЗА РАБОТОЙ

В августе 1933 года Клаузен и Анна приехали из Китая в СССР. После переподготовки в спецшколе они получили отпуск на шесть недель и провели его на черноморском курорте, в Одессе.

Целых шесть недель жили самой беззаботной жизнью: купались, загорали, совершали прогулки по берегу моря. Кругом были свои, друзья... Хотелось каждого обнять, словно родного. У Макса еще с войны была на ноге рана, которая никак не заживала и причиняла ему большие страдания. В Шанхае он лечил рану у очень дорогого врача, но безуспешно. Вода Черного моря оказалась для Макса целебной — он навсегда избавился от своего недуга.

После в целях конспирации их на время отправили под чужой фамилией в Саратовскую область. Они жили в маленьком степном городке Красном Куте, где Макс работал в МТС.

И теперь снова ехать навстречу тревогам и опасностям.

Анна запротестовала: она никуда не хочет уезжать! Ей нравится в степном краю. Спокойствие, тишина. Завелось кое-какое хозяйство: овцы, куры. Чего еще? В годы

неустроенной шанхайской жизни именно так рисовалась ей семейная идиллия. И теперь не верилось, что нужно снова возвращаться в мир, полный опасностей, где все держится на каких-то случайностях, где само существование представляется непрочным, зыбким.

Ее долго преследовали кошмарные сны: пустынные, словно вымершие, улицы Шанхая, Мукдена, Кантона, воронье, а на деревьях висят обезглавленные люди... Она заново переживала ужасы прежней жизни, просыпалась в ознобе, а потом до утра лежала с открытыми глазами. Мирное блеяние овец успокаивало ее, постепенно все становилось на свое место, обретало устойчивость, реальность. Прочь, прочь, тяжелые видения! Пусть прошлое не вернется никогда...

В конце концов они договорились, что в Токио Анна приедет несколько позже, когда Макс там устроится. Перед расставанием три недели провели в доме отдыха под Москвой.

В сентябре Макс уехал. Стремясь запутать иностранную контрразведку, он отправляется сначала во Францию, затем — в Англию, Австрию, снова возвращается во Францию. Из Гавра на пассажирском пароходе покидает Европу. Впереди Америка!

Макс очень волновался. Морская полиция могла задержать и на пароходе, и при таможенном досмотре в Нью-Йорке. Больше всего пугал предстоящий визит в германское генеральное консульство на американской земле: там сидят дотошные немецкие чиновники. Станут наводить справки, делать запросы, уточнять. Почему уехал из Германии, где пропадал все последние годы? Не служил ли Макс Клаузен на трехмачтовой шхуне, которая в 1927 году совершила рейс в Мурманск?.. У фашистов цепкая память. Макс Клаузен боролся тогда за улучшение социального положения моряков и был хорошо известен на флоте.

Бесконечные океанские мили. Клаузен старался отсиживаться в каюте, ссылаясь на то, что плохо переносит качку. Нашлись сочувствующие, докучали за обедом, предлагали испытанные средства от морской болезни. Макс злился, нервничал.

«Я очень боялся, что меня задержат в Нью-Йорке. Но там мне повезло. Американский чиновник посмотрел мой паспорт, проштамповал его и вернул». Ему всегда везло, Максу Клаузену. У него была располагающая внешность.

Доверчивый взгляд, ласковая улыбка, естественность во всем.

В германском генеральном консульстве осоловевшие от безделья чиновники обрадовались земляку-коммерсанту, без всякой канители оформили документы. Мало ли скитается по белому свету таких вот предприимчивых немцев, как этот добродушный толстяк Клаузен! Немцы — в Америке, в Африке, на Яве, в Китае и Японии. Некоторые обосновались на территории иностранных государств навсегда. Для таких наци даже придумали специальное название — фольксдейче.

И наконец, Сан-Франциско, борт парохода «Тацуте мару». Великий, или Тихий... Испытанный моряк Клаузен с наслаждением дышал океанскими ветрами. Он повеселел, охотно заводил знакомства и даже в самую свирепую качку не уходил с палубы. Знакомства пригодятся в Токио. У коммерсантов своя солидарность, степенный Клаузен им импонировал: сразу видно — деловой человек, знает цены, разбирается в тарифах! Давно ли Макс по указанию директора МТС налаживал радиотелефонную связь между МТС и тракторными бригадами?.. Фотография Макса красовалась на Доске ударников. Степной городок Красный Кут, села Гусенбах, Рекорд, Ильинка, Воскресенка, ерики, заросшие молочаем, бескрайняя ширь, запах спелой пшеницы... А перед глазами встает вздыбленный тайфунами океан. Гонолулу, остров Оаху и еще какие-то острова и атоллы, над которыми качаются кокосовые пальмы. Немыслимые расстояния отделяют его от Анни, от тракторных бригад, от тихого городка на самом берегу Волги — Энгельса, от всей той жизни, которая ему, так же как и Анни, пришлась по вкусу... Но как-то получается так, что всюду, куда бы ни занесла его судьба, он оказывается в своей стихии и не тужит о прошлом.

В Иокогаме на таможне к нему никто не придирался. Вскоре он уже был в Токио, в отеле «Сано», а вечером, как и положено добропорядочному немцу, отправился в немецкий клуб поиграть в скат, выпить кружку пива, закусить сосисками.

Максу не терпелось встретиться с Рихардом. Но до условленного дня — вторника — было еще далеко, а где находится бар «Гейдельберг» — место их свидания, Клаузен не знал.

Немецкий клуб располагался неподалеку от гостиницы.

От портье Клаузен узнал, что сегодня там будет большой вечер берлинцев.

Каково же было изумление Макса, когда первым, кого он встретил в коридоре клуба, был Рихард Зорге! Рихард, во фраке и цилиндре, изящный, с ослепительной улыбкой, бойко торговал сосисками, зазывал почтенных гостей. Заметив Макса, он не переменился в лице, а только раскланялся с ним, как и со всеми, пожал руку, а потом негромко сказал: «Тебя представит мне третье лицо. Жди». Вскоре президент клуба действительно представил их друг другу. Улучив минуту, они договорились, что встречаться будут в ресторане «Фледермаус», принадлежавшем немцу Бирке. Этот ресторанчик посещала только избранная публика, немецкий бомонд.

Зорге познакомил Макса с Вукеличем. Макс и Бранко как-то сразу подружились, почувствовали друг к другу симпатию. «Он мне очень нравился. Он был очень обходителен с людьми»,— говорил Макс о Бранко. На электричке Макс и Бранко отправились в тот район, где проживали Вукеличи. Двухэтажный типичный японский дом стоял на горе, и Макс сразу оценил это обстоятельство с точки зрения радиоспециалиста: наружную антенну можно не устраивать! Эдит по обыкновению встретила гостя не очень дружелюбно. Радиостанция была развернута на втором этаже. Здесь Клаузен, удивляясь и радуясь, нашел свой старый передатчик, который монтировал еще в Китае. Значит, техника действует!

Правда, был еще один передатчик — громоздкое сооружение ватт на сто, как догадался Макс — произведение рук незадачливого конструктора Бернгарда. Этот передатчик следовало немедленно уничтожить! Если такую махину обнаружит полиция...

Поскольку Бранко собирался в воскресный день побывать наконец у священной горы Фудзи и пригласил на экскурсию Макса, то решили передатчик разобрать, погрузить в два рюкзака, а потом выбросить в озеро Кавагутиго.

Оставив машину, «туристы», сгибаясь под тяжестью набитых до отказа рюкзаков, пробирались к озеру. Все шло хорошо. Но дежурному полицейскому два иностранца показались подозрительными. Он решил их задержать. «Что в рюкзаках?» Все было кончено... Так, во всяком случае, думал Макс. Вукелич не потерял хладнокровия. Он уже освоился в Японии и знал местные порядки.

В частности, полицейским строго воспрещалось распивать спиртное с иностранцами. Вукелич широко улыбнулся и ответил: «Сакэ, биру...» Он схватил полицейского за рукав и пытался усадить на траву, как бы для того чтобы распить с ним бутылочку. Перепуганный полицейский замотал головой и поспешно ушел. Передатчик бросили в озеро Кавагутиго, близ горы Фудзи. Там он лежит на дне до сих пор. Рихарду сначала не хотели ничего рассказывать, боясь его гнева. Но не удержались и рассказали. Зорге рассердился не на шутку.

Решили смонтировать несколько портативных передатчиков и приемников, так как сеансы связи в целях безопасности следовало проводить из разных мест. Такими пунктами для начала должны были стать квартиры Вукелича, Зорге и самого Клаузена.

И все же поскольку Рихард и Макс жили в отелях, то возникла необходимость перебраться в отдельные домики. Детали для радиоаппаратуры Макс с большими предосторожностями приобретал в разных районах Токио и Иокогамы.

Клаузен появился в Токио в ноябре 1935 года. Официально он зарегистрировался в посольстве как представитель немецких деловых кругов. Его солидная фигура внушала доверие, он весь был на виду, аккуратно посещал немецкий клуб и платил взносы. Типичный бюргер времен Веймарской республики! Каждый, глядя на него, наверное, думал: вот она, здоровая основа великой немецкой нации! Такой, конечно же, кроме библии и газет, ничего не читает.

Немец Хельмут Кетель держал в Токио ресторан, куда Макс иногда заглядывал. Кетель общался с неким Ферстером, который на полпути между Токио и Иокогамой обосновал маленькую мастерскую по производству гаечных ключей. Ферстер был накануне финансового краха, так как английские ключи, по-видимому, плохо подходили к японским гайкам. Тут-то владелец ресторана и познакомил его с Максом. Клаузен согласился стать компаньоном Ферстера, внес свой пай. По старой памяти Макс решил также заняться продажей мотоциклов «Цюндап». Чтобы поддержать «Инженерную компанию Ф. и К.», Зорге купил первый мотоцикл. Он любил быструю езду, и мотоцикл был кстати. Как мы узнаем позже, это для Рихарда было роковое приобретение: лучше уж обходился бы он без мотоцикла! Вскоре фирма стала про-

цветать: каждый из немецкой колонии по примеру Зорге счел долгом поддержать земляков Клаузена и Ферстера, обзавелся новеньким мотоциклом. Иностранные журналисты также сделались клиентами «Инженерной компании».

Рихард снял небольшой двухэтажный дом в районе Адзабуку по улице Нагасакимаси, 30. Это был довольно-таки невзрачный заброшенный дом. Раздвижные стены — фусумы, балкончик, на полу циновки — татами. Это был как раз такой дом, который соответствовал положению корреспондента. Пробираться сюда приходилось вдоль высокой глинобитной стены по переулочку шириной в два метра. Дома Рихард бывал редко, приходил сюда спать. Внизу находилась столовая, ванна и кухня. Наверх вела крутая деревянная лестница. Тут находился рабочий кабинет. В кабинете с левой стороны стоял большой письменный стол. Посреди кабинета — стол поменьше. У стены — диван. Циновки были покрыты ковром.

Утром приходила работница, женщина лет пятидесяти, маленькая японка, которую Рихард называл Онна-сан; она готовила ванну, наводила порядок. Вечером уходила домой. Иногда она готовила обед. Но обычно Зорге обедал в ресторане или у друзей.

Клаузену у Зорге нравилось: «У Рихарда была настоящая холостяцкая квартира, в которой царил беспорядок. Но Рихард хорошо знал, где что лежит. Я должен сказать, что у него было очень уютно. Было видно, что он много работал. Он всегда был занят и любил работу. У него был простой книжный стеллаж, на котором стояли книги. Дверь из рабочего кабинета вела в его спальню. У него не было кровати, он спал на японский манер — на разостланном на полу матраце».

В письмах к Кате Рихард описывал свое жилище так:

«Я живу в небольшом домике, построенном по здешнему типу, совсем легком, состоящем главным образом из раздвигаемых окон, на полу — плетеные коврики. Дом совсем новый и даже современнее, чем старые дома, и довольно уютен.

Одна пожилая женщина готовит мне по утрам все нужное: варит обед, если я обедаю дома.

У меня, конечно, снова накопилась куча книг, и ты с удовольствием, вероятно, порылась бы в них. Надеюсь, что наступит время, когда это будет возможно... Если я печатаю на своей машинке, то это слышат почти все

соседи. Если это происходит ночью, то собаки начинают лаять, а детишки — плакать. Поэтому я достал себе бесшумную машинку, чтобы не тревожить все увеличивающееся с каждым месяцем детское население по соседству».

Макс также снял двухэтажный дом на Синрюдо-тё, № 12, в Адзабуку. Стены на метр в вышину были облицованы панелями, за которыми Макс устроил тайник для передатчика. Над тайником повесил большой портрет Гитлера, чтобы выглядеть благонадежным в глазах японской полиции. «У меня в жилой комнате висел портрет Гитлера, на который Рихард плевал каждый раз, как только входил туда...»

Друзья могли поздравить себя: они обзавелись жилищем, изолированным от внешнего мира! Но скоро наступило разочарование. «Не выбирай дом, а выбирай соседей»,— говорят японцы. Максу, как всегда, «везло»: он снял квартиру, сам того не подозревая, возле казарм гвардейского полка! Рихард его утешил: оказывается, дом Зорге находится под самым боком у районной инспекции полиции! Вид с балкона открывался как раз на это учреждение. Глинобитная стена, мимо которой Рихард вынужден был проходить всякий раз, принадлежала, по всей вероятности, полицейскому участку. Полицейские признали германского корреспондента и при встрече всегда его приветствовали.

Передатчик и приемник, смонтированные Максом, умещались в обычном портфеле. Передатчик легко и быстро можно было разобрать на детали. Для большей конспирации Макс некоторые детали размещал в разных квартирах, колебательный контур носил в кармане.

Связь с Центром удалось установить в феврале 1936 года. Зорге разрешили для шифровальной работы использовать менее загруженного Клаузена. Ничего нельзя было записывать — все приходилось держать в голове. Передачи велись в зависимости от срочности и главным образом ночью, так как в ночное время короткие волны проходят лучше. Иногда начало радиограммы Макс передавал с чьей-нибудь квартиры, а конец — с автомашины, отъехав подальше от Токио. Или же радиограмма передавалась с одного места, но в два разновременных сеанса. Иногда приходилось работать всю ночь напролет. Макс трудился, не щадя себя. У него был настолько обостренный слух, что даже при самых сильных атмосферных помехах он находил позывные Центра. Само собой, и по-

зывные и волны менялись каждый сеанс. Все это затрудняло работу японских радиопеленгаторных станций. Случалось, Зорге говорил: «Будь осторожен, особо важной и срочной информации нет. Это может полежать дня три с тем, чтобы мы были абсолютно уверены, что нас не засекли, и чтобы усыпить службу пеленгации». Однажды, расшифровав очередную радиограмму из Центра, Макс смутился. В ней говорилось: «Ты наш лучший радист. Благодарим! Желаем тебе больших успехов».

Высокая похвала товарищей, таких же радистов, как он сам, растрогала его. Будучи предельно скромным, он всегда расстраивался, когда к нему проявляли внимание,— ведь он работал не ради похвалы и меньше всего думал о наградах. Да он и не получал их.

В радиограммах никогда не указывались подлинные фамилии членов организации. Кстати, Клаузен за все время работы ни разу не слышал от Зорге фамилий Одзаки и Мияги. Информацию давали некие «Отто» и «Джо». О том, как добывается информация, он также не имел ни малейшего представления. Даже Одзаки долгое время не знал фамилии Рихарда, а когда узнал, то решил, что это псевдоним, так как в Шанхае Рихард действовал совсем под другой фамилией. Кто такой Клаузен и имеет ли он какое-либо отношение к организации, японские товарищи не могли бы сказать. Для Центра Зорге был «Рамзай», Клаузен — «Фриц», Вукелич — «Жиголо», Одзаки — «Отто», Мияги — «Джо». Да и в разговорах между собой фигурировали только псевдонимы. Такова была дисциплина организации, и нарушать ее никто не имел права. Лишь Зорге находился в курсе всего и никогда не брал на веру информацию, полученную от своих помощников, многократно не проверив ее по другим каналам. Не то чтобы он не доверял, нет, просто он считал, что даже самого добросовестного работника могут ввести в заблуждение, дезинформировать. Все они имели дело с коварным случаем, а на случай полагаться нельзя. В Центр должны поступать сведения самого высокого качества, не вызывающие ни малейших сомнений. Добросовестность считалась девизом организации.

Клаузен с нетерпением ждал приезда жены. И вдруг ему сообщили радиограммой, что Анна выехала в Шанхай. Это было в мае 1936 года. Захватив пленки с информацией для передачи курьеру, Макс из Нагасаки выехал в Шанхай.

Но Анна все-таки опередила его: она уже несколько недель жила в Шанхае у своей старой знакомой, эстонской эмигрантки Скретур — вдовы с тремя детьми.

Макс и Анна много лет состояли в гражданском браке. Но чтобы Анна могла попасть в Японию, она должна была официально стать женой Клаузена. И вот «молодые» (каждому из них по тридцать семь лет) направляются в германское консульство в Шанхае, чтобы зарегистрировать брак. Но нужны свидетели, знающие Макса и Анну. Со стороны Анны свидетель есть — вдова Скретур. А кто знает Макса в Шанхае? Клаузен колесит по городу в поисках свидетеля. И наконец встречает немца Колле, работавшего в магазине грампластинок. Колле не прочь был погулять на чужой свадьбе и согласился. Нашелся и третий свидетель. Возникло новое осложнение: в германском консульстве не хотели выдавать Анне отдельный паспорт до установления ее личности. Фашисты даже в посольствах активизировались и с подозрением относились к каждому. В лучшем случае Анну могли вписать в паспорт мужа. Но это ничего не давало, так как ее без паспорта все равно не пустили бы в Японию. Снова возникла неразрешимая проблема. Макс нашел выход: пригласил кое-кого из сотрудников консульства на свою свадьбу. Это возымело действие, Анна сразу же получила отдельный вид на жительство.

Свадьбу пышно отпраздновали в одном из лучших ресторанов.

Теперь, очутившись в Токио, Анна с иронией оглядела холостяцкое жилье Макса, выбросила старую мебель, купила новую, навела порядок, заставила Макса ходить дома в тапочках. Он был счастлив и беспрекословно подчинялся. Рихарда она встретила как старого друга, накормила вкусным обедом, и они сразу же пустились в воспоминания. Не без лукавства она припомнила, как они танцевали в тот памятный вечер, после которого Зорге одобрил выбор Макса. Они были добрыми приятелями, и Клаузен радовался, глядя на них.

...Организация Зорге, как уже известно, носила интернациональный характер.

Впоследствии, оценивая деятельность организации, Зорге, как ее руководитель, отметит:

«Главная цель заключалась в том, чтобы поддержать социалистическое государство — СССР. Она заключалась также в том, чтобы защитить СССР путем отведения от

него различного рода антисоветских политических махинаций, а также военного нападения... Советский Союз не желает иметь с другими странами, в том числе и с Японией, политических конфликтов или военного столкновения. Нет у него также намерения выступать с агрессией против Японии. Я и моя группа прибыли в Японию вовсе не как враги ее. Мы совершенно отличаемся от того значения, которое обычно приписывается слову «шпион». Лица, ставшие шпионами таких стран, как Англия или Соединенные Штаты Америки, выискивают слабые места Японии с точки зрения политики, экономики или военных дел и направляют против них удары. Мы же, собирая информацию в Японии, исходили отнюдь не из таких замыслов...»

Их молчаливый подвиг, окруженный тайной, мог вообще остаться никому не известным, ибо это был подвиг не ради личной славы. Каждый из них, являясь яркой индивидуальностью, заслуживает отдельной книги, специального исследования.

За девять лет деятельность организации не замирала ни на один день, и в этом огромная заслуга Зорге.

О Рихарде Зорге сохранились письменные воспоминания людей, знавших его лично. Немалый интерес представляют характеристики, которые давали своему руководителю члены организации. Теперь мы можем как бы их глазами взглянуть на Зорге, разгадать секрет его обаяния, воздействия на соратников. Бранко Вукелич отзывается о своем друге так: «Мы всегда встречались как политические товарищи, свободные от каких бы то ни было дисциплинарных формальностей. Зорге никогда не приказывал. Он просто убеждал нас в том, что нужно сделать в первую очередь, что во вторую, или рекомендовал тому или иному из нас наилучший путь решения поставленной задачи, или спрашивал наше мнение, как поступать в том или ином случае. В действительности Клаузен и я были лишь сознательными сотрудниками, и мы часто действовали по своему усмотрению. Тем не менее в течение последних девяти лет, за исключением одного или двух случаев, когда Зорге выходил из равновесия, он, как правило, никогда не был формалистом, и даже тогда, когда был расстроен и сердит, он просто обращался к нашей политической сознательности и чувствам дружбы к нему, не прибегая к каким-либо другим формам давления на нас. Он никогда не запугивал других и никогда не поступал

так, чтобы его действия можно было истолковать как угрозу или как обращение к формальным дисциплинарным положениям. Это красноречиво говорит о том, что наша группа носила добровольный характер. На протяжении всего периода нашей совместной работы среди нас царила такая же атмосфера, какая была в марксистском клубе. Частично это объясняется личными качествами Зорге, но я припоминаю, что отношения между товарищами в Париже были в основном такими же».

Макс Клаузен чаще других видел Зорге в быту. «Рихард был умерен во всем. Если ему и приходилось в силу необходимости бывать в компаниях, то пил он не больше других, но вообще-то был не охотник до вина. Когда мы оставались вдвоем, никогда к вину не притрагивались. У нас находилось более важное дело...

То, что Рихард был связан со многими женщинами, как говорят на Западе, не соответствует действительности. Женщины, с которыми общался Рихард, в том числе с женой Отта, подчас, сами того не ведая, помогали нам в работе. Рихард рассказывал мне, что Отт без помощи Рихарда едва ли мог послать разумное сообщение гитлеровскому правительству, так как он едва ли мог получить такую информацию, которую давал ему Рихард, поскольку у него, конечно, не было таких связей, какие были у Рихарда. Образованный, энергичный, строгий, очень требовательный в работе, внимательный и чуткий товарищ, настоящий коммунист — вот каким был Рихард. Зорге был одним из величайших работников в разведке».

Одзаки и Мияги преклонялись перед умом Зорге, его эрудицией, умением легко разбираться в самых запутанных вопросах внешней и внутренней политики государств, перед его бесстрашием и убежденностью; они считали Зорге образцом коммуниста. По их мнению, перед непреклонной логикой Зорге был бессилен самый изощренный ум; Зорге умел воспитывать ненавязчиво, без риторики и громких фраз; он заставлял думать и неизбежно приходить к тем выводам, к каким раньше пришел сам, анализируя обстановку.

Таков был Рихард Зорге, руководитель организации, человек чистый, убежденный, посвятивший свою жизнь бескорыстному служению социалистической Родине. «Грязь не пристает к алмазу»,— гласит восточная пословица. Он был таким алмазом.

Созданная им организация, подобно чуткому сейсмо-

графу, мгновенно реагировала на все подземные толчки международной политики. Если 1933—1935 годы являлись в основном периодом создания организации, ее развертывания и упрочения, а информация, добытая группой, представляла собой исходный, оценочный материал, то с 1935 года в унисон с мировыми событиями деятельность организации оживилась, информация приобрела значимость.

Одзаки укрепился в обществе по исследованию проблем Восточной Азии, начал выступать как журналист и публицист. Как специалист по Китаю, Одзаки то и дело получал запросы из разных кругов, в частности и от правительства. «Так как я часто получал приглашения читать лекции в разных местах Японии, я имел превосходные возможности изучать общественное мнение на местах». Он возобновил дружбу с товарищами по колледжу Усибой и Киси, которые находились в близких отношениях с принцем Коноэ. Иногда они собирались где-нибудь в ресторанчике или же на квартире Усибы и вели разговор на политические темы, обсуждали китайскую проблему.

К этой тройке вскоре присоединился некто Кадзами, личный друг принца Коноэ. Кадзами прямо-таки влюбился в Одзаки — ведь он тоже считал себя знатоком Китая, а сейчас встретил человека недюжинного, обладающего необыкновенной глубиной и ясностью мысли. И вот друзья однажды подготовили знатоку Китая сюрприз: на квартире Усибы Одзаки встретил принца Коноэ. Они познакомились. Завязалась непринужденная беседа, появились маленькие чашечки с подогретым сакэ. Принц Коноэ также по достоинству оценил острый ум Одзаки. Такой знаток Китая мог пригодиться в любое время. Председатель палаты пэров, представитель высшей придворной аристократии, принц Коноэ метил в премьеры, ему требовались умные помощники, неофициальные советники, которые откровенно высказывали бы свои взгляды на положение вещей. Принц любил смотреть истине в лицо, а истину можно узнать лишь от неофициальных советников. Принц считал, что спасение Японии — в войне с Китаем. Одзаки резко возражал: он утверждал, что вторжение в Китай кончится гибелью Японии. Подобная откровенность нравилась Коноэ. Он решил со временем привлечь эксперта к тесному сотрудничеству. А пока они пили сакэ и обменивались мнениями. Коноэ, как государственный человек,

принадлежащий к высшим слоям общества, хотел всегда быть в курсе всех событий, а потому надумал создать своеобразное информационно-дискуссионное общество. Усиба и Киси сочли полезным пригласить в такое общество писателей, журналистов, профессоров и других компетентных лиц.

Близкое общение с осведомленными людьми из правительственных кругов очень много давало Одзаки, он всегда знал, как развиваются германо-японские отношения, какие тут существуют подводные камни, и мог реально оценивать складывающуюся обстановку.

У Мияги были свои дела. Жил Мияги на сбережения: он привез из Америки три тысячи долларов. А также бойко торговал картинами, получал деньги за лекции на различных выставках. В целях конспирации Одзаки связывался с Зорге чаще всего через Мияги, с которым успел подружиться. Госпожа Одзаки представления не имела, чем занимаются ее муж и молодой художник. Но Мияги ей нравился: он был очень обходителен, внимателен, изыскан. Госпожа Одзаки хотела, чтобы ее дочь брала уроки рисования у Мияги. Муж не возражал. Характеризуя Мияги, Зорге докладывал Центру:

«Прекрасный парень, самоотверженный коммунист, не задумается отдать жизнь, если потребуется. Болен чахоткой. Посланный мной на месяц лечиться, удрал с курорта, вернулся в Токио работать».

Если Зорге добывал сведения в основном через германское посольство, то информация из посольств других стран служила чрезвычайно хорошей проверкой этих сведений. Ведь каждое посольство — своеобразный центр, где сосредоточивается вся политическая и иная информация. Ведь сотрудники посольств все время были в курсе того, как развиваются отношения между Германией и Японией. А именно этот вопрос больше всего интересовал Зорге.

Бранко Вукелича свежими новостями щедро снабжали глава прессы агентства Гавас Роберт Гильян, а также представитель агентства Рейтер Джемс М. Кокс, с которыми он был в большой дружбе.

«Наиболее важной была политическая, дипломатическая и военная информация. Мы всегда собирали эту информацию, имея в виду возможность возникновения военного конфликта между Японией и Советским Союзом. Я могу добавить, что при этом мы всегда считались с воз-

можностью нападения или вторжения по тем или иным причинам в Советский Союз и никогда не исходили из предположения о возможности нападения на Японию Советского Союза. Таким образом, наша информация всегда состояла из материалов, которые позволяли Сталину избежать опасности. Такое толковани: может показаться довольно элементарной интерпретацией действительного положения, но таково было мое впечатление об общем направлении и целях нашей работы, полученное мной в процессе бесед и сотрудничества с Зорге. Все это подтверждало мое первоначальное представление и убеждение в том, что мы работаем в целях защиты Советского Союза, который, в свою очередь, должен был построить социализм в своей стране»,— писал впоследствии Вукелич.

Обогащенный сведениями из самых разных источников, Бранко смог снабжать интересными материалами и те газеты и журналы, с которыми был связан. Престиж его как корреспондента, журналиста поднялся высоко. Появились деньги, и семья Вукеличей не испытывала больше экономических затруднений. Эдит могла даже совершать с сыном поездки в Австралию. В Австралии жила сестра Эдит. На ее-то попечение и решили оставить подросшего сына, чтобы не подвергать его опасности.

Происходит ли сближение Германии и Японии? Каков тайный курс Японии в отношении Советского Союза? Как уже знал Зорге от военного атташе и посла, переговоры Риббентропа и генерала Осимы не дали никаких конкретных результатов. Но значило ли это, что переговоры не возобновятся на более высоком уровне?

Что касается Европы, то здесь настораживала активизация фашистских элементов. А как поведет себя фашиствующая военщина в Японии?

9 октября 1934 года гитлеровская агентура во главе с помощником немецкого военного атташе во Франции Шпейделем убила в Марселе министра иностранных дел Франции Луи Барту, ратовавшего за включение в Локарнский пакт Советского Союза, Польши и Чехословакии. В этом же году в Австрии фашисты устроили путч, убили канцлера Дольфуса.

Зорге, только что вернувшийся из Советского Союза, почувствовал, что Япония находится на пороге политического кризиса. В военных кругах с каждым годом все большее влияние приобретало так называемое «молодое офицерство» во главе с генералами Араки и Мадзаки,

открыто выражавшее агрессивные устремления японского империализма. «Молодое офицерство» постоянно натыкалось на сопротивление представителей «старых» концернов, которые имели решающий голос в правительстве и противились вмешательству военщины в дела концернов. «Молодое офицерство» требовало контроля над производством, финансами, экономической и политической жизнью, стремясь поставить ресурсы Японии на военные рельсы; оно проповедовало немедленную войну с Советским Союзом. Это была фашистская организация, самая реакционная, наиболее шовинистическая, не брезгующая террором.

Приход «молодого офицерства» к власти означал бы подготовку к войне с Советским Союзом. Лидер агрессивной военщины генерал Мадзаки призывал: «Надо смотреть на Запад и искать там друзей для большой войны. Японии одной будет трудно». Воинственный генерал имел в виду фашистскую Германию.

Поэтому Зорге с самого начала очень бдительно наблюдал за действиями этой организации, взял ее под неусыпный контроль. Из обширной информации, поступившей от Одзаки и Мияги, советский разведчик, тщательно все проанализировав, мог сделать вывод: «молодое офицерство» подготавливает путч. Все зависит от результатов выборов в парламент, которые должны состояться 20 февраля 1936 года. Как он узнал от военного атташе и от посла фон Дирксена, Германия не прочь установить тесный контакт с новым правительством из среды «молодого офицерства», если таковое будет вести с ним переговоры о заключении пакта о взаимной военной помощи. Но о готовящемся путче в посольстве ничего не знали.

При встрече Зорге и Одзаки подвергли обстоятельному анализу складывающуюся ситуацию. И пришли к заключению: у «молодого офицерства» мало шансов на успех; в самом военном министерстве сильна так называемая «группа контроля», противостоящая «молодому офицерству». Эта группа генералитета, стремящаяся еще более укрепить роль военных кругов в политической и экономической жизни Японии, сама рассчитывает взять власть, а потому на первых порах поддержит законное правительство, чтобы впоследствии превратить его в марионетку. «Группа контроля» делала ставку на генерала Терауги, создателя программы полного овладения Китаем.

Только накануне выступления офицеров Зорге счел нужным поставить обо всем в известность посла Дирксе-

на, военно-морского атташе Венеккера и военного атташе Эйгена Отта. Все трое не верили в возможность вооруженного выступления и не придали особого значения словам Зорге. Поэтому последующие события застали немецкое посольство врасплох. Явились они неожиданностью и для английского, французского и американского посольств.

Офицерский путч начался рано утром 26 февраля 1936 года, через несколько дней после выборов в парламент. Как и предполагал Зорге, партия сейюкай, связанная с группой «молодого офицерства», потерпела поражение. Путчисты убили бывшего премьера Сайто, министра финансов Такахаси и других противников «молодого офицерства». Три дня гремели выстрелы на улицах Токио. Путчисты вывели из казарм полторы тысячи солдат. Никем не поддержанные, на четвертый день они стали складывать оружие. В то же время японо-маньчжурские войска совершили нападение на Монгольскую Народную Республику, но были выброшены с ее территории. Зорге мог торжествовать. Ему пришлось даже разъяснять Дирксену, Венеккеру и Отту закулисную сторону этого события. Авторитет корреспондента после «февральского инцидента» поднялся на небывалую высоту. В донесении в Берлин посол сослался на Зорге как на источник информации. Это уже рассматривалось как важная услуга министерству иностранных дел.

Премьером Японии стал Хирота, военным министром генерал Тераути. От этих правителей также ничего доброго ожидать не приходилось, поскольку оба считались, так же как и Мадзаки, сторонниками сближения с фашистской Германией. В эти беспокойные дни Рихард, конечно же, не отсиживался в стенах посольства, а разъезжал по городу в поисках сенсационного материала для «Франкфуртер цейтунг». Кате он написал:

«Были здесь напряженные времена, и я уверен, что ты читала об этом в газетах, но мы миновали это время хорошо, хотя мое оперение и пострадало несколько. Но что можно ждать от «старого ворона»? Постепенно он теряет свой вид».

Все последние месяцы Зорге находился в возбужденном состоянии, шутил, смеялся. Дело в том, что Рихард узнал из письма Кати, что скоро станет отцом.

«Я, естественно, очень озабочен тем, как все это ты выдержишь и выйдет ли все это хорошо.

Позаботься, пожалуйста, о том, чтобы я сразу, без задержки, получил известие.

Сегодня я займусь вещами и посылочкой для ребенка, правда, когда это до тебя дойдет — совершенно неопределенно.

Мне было сказано, что я от тебя скоро получу письмо. И вот оно у меня. Конечно, я очень и очень обрадовался, получив от тебя признаки жизни.

Будешь ли ты дома у своих родителей? Пожалуйста, передай им привет от меня. Пусть они не сердятся за то, что я тебя оставил одну.

Потом я постараюсь все это исправить моей большой любовью и нежностью к тебе.

У меня дела идут хорошо, и я надеюсь, что тебе сказали, что мной довольны.

Будь здорова, крепко жму твою руку и сердечно целую.

Твой Ика».

Ика втайне от своих знакомых колесит по Токио, отыскивая игрушки и распашонки. Если бы его за этим занятием застал Эйген Отт, он, вероятно, был бы изумлен и не знал бы, что подумать. Рихард — и детские игрушки!.. А он только жмурится от яркого токийского солнца и, представляя себя в роли отца, решает перечитать сказки братьев Гримм и Андерсена, которые уже подзабылись. О! Он будет образцовым отцом.

А потом приходит страшное письмо: Катю постигло несчастье — ребенка у них не будет! Рихард подавлен.

Он все еще не может поверить. Из соседнего дворика доносится меланхоличный звон гитары. Поет низкий мужской голос. «Видели ли вы чаек, притаившихся в камышах, нежно ласкающих друг друга, алых, будто пылающих огнем от лучей заката? Видели ли вы их утром? Они обе летели тихо над волнами, серебряными от утра. А зимнею холодною ночью они тесно прижмутся друг к другу, ободряя, лаская и грея... А я?.. Так опадают цветы! Так ветер прошумит и бесследно уйдет куда-то...»

Впервые за все тревожные годы он почувствовал себя старым.

«Получил из дому короткое сообщение, и я теперь знаю, что все произошло совсем по-другому, чем я предполагал...

Я мучаюсь при мысли, что старею. Меня охватывает такое настроение, когда хочется домой скорее, насколько это возможно, домой в твою новую квартиру. Однако все

это пока только мечты, и мне остается положиться на слова «старика», а это значит — еще выдержать порядочно времени.

Рассуждая строго объективно, здесь тяжело, очень тяжело, но все же лучше, чем можно было ожидать... Вообще прошу позаботиться о том, чтобы при каждой представившейся возможности имел бы от тебя весточку, ведь я здесь ужасно одинок. Как ни привыкаешь к этому состоянию, но было бы хорошо, если бы это можно изменить.

Будь здорова, дорогая.

Я тебя очень люблю и думаю о тебе, не только когда мне особенно тяжело, ты всегда около меня...»

Он должен прятать свое горе от всех, он не волен в настроениях. В посольстве, как всегда, приемы, обеды. Нужно присутствовать, делать беззаботный вид, разговаривать с пучеглазым Оттом, немецким князем Урахом. Князь падок на угощения, каждый вечер тянет в ресторан «Фледермаус».

События, события... Они заставляют Рихарда действовать, выводят из состояния апатии.

Перед разведчиком неотступно стояла задача: следить за германо-японскими отношениями. Туманная фраза, оброненная подвыпившим Эйгеном Оттом, заставила насторожиться: германо-японские переговоры возобновлены!

Зорге ждал, что Отт продолжит разговор, но военный атташе замолчал. В этот же вечер Вукелич сообщил, что в английском и французском посольствах обеспокоены слухами о том, что якобы между Германией и Японией ведутся какие-то переговоры. Подтверждение тому — японские посольские курьеры, беспрестанно снующие между столицами двух стран.

Мияги не заставил себя ждать: он выяснил через знакомых штабников, что ожидается прибытие в Токио делегации немецких летчиков и что будто бы это лишь первые ласточки, свидетельствующие об укреплении отношений между генеральными штабами «третьего рейха» и Японии.

Встретившись с Одзаки, Зорге дал ему задание выяснить через принца Коноэ и его окружение, что кроется за всеми этими слухами. Послав предварительное сообщение в Центр, он стал ждать. Ждать пришлось долго. Зорге нервничал. Интуиция подсказывала: затевается нечто значительное, имеющее международный характер.

Снова цвела сакура. В парке Уэно японские нимфы в шелковых кимоно, с камелиями в темных волосах совершали свой «танец цветения вишни». Добрая принцесса Ко-но-хана-саку-я-химе, превращающая почки деревьев в цветы, бодро шагала по весенним улицам Токио. Установилась ясная погода. Но ничто не радовало Рихарда. Он сделался хмурым, раздражительным.

И когда Зорге совсем потерял терпение, к нему прямо на дом заявился Одзаки. Он рисковал попасть на заметку полиции, но сейчас некогда было думать о собственной безопасности: с апреля 1936 года японский посол в Берлине Мусякодзи и Риббентроп ведут переговоры о заключении пакта. Переговоры затягиваются, так как немцы настаивают на том, чтобы пакт носил военный характер, а японцы не соглашаются. Чем все это закончится, неизвестно. Оба понимали, что время не терпит, а потому сразу же разошлись. Зорге позвонил Клаузену, сказав условленную фразу: «Моси, моси, анонэ» («Алло, алло! Послушайте!»), повесил трубку. И пока Клаузен добирался до квартиры Рихарда, последний трудился над шифровкой. Он не вздохнул свободнее, когда радиограмма полетела в эфир. Начиналось самое трудное, самое сложное: каково содержание пакта? То, что он направлен против Советского Союза, сомнений почти не было... И все же... Теперь не отступать ни на шаг от военного атташе и посла!

Прошел апрель. Май... июнь... Отт подтвердил, что переговоры ведутся, но, каково их содержание, он не знал. Дирксен от разговора на подобную тему уклонялся. Возможно, потому, что сам был недостаточно информирован. Ведь переговоры ведутся в строжайшей тайне. По-видимому, речь идет о союзе Германии с Японией. Иностранные посольства гудели, как улья: тут строили самые фантастические предположения. Но все они, по-видимому, не соответствовали истине.

Зорге извелся, постарел. Но он не терял надежды в конце концов вырвать тайну из рук своих врагов. Кате написал:

«Надеюсь, что у тебя будет скоро возможность порадоваться за меня и даже погордиться и убедиться, что «твой» является вполне полезным парнем. А если ты мне чаще и больше будешь писать, я смогу представить, что я к тому же еще и «милый» парень...»

Помог щедрый случай. Если его можно назвать случаем. Этот случай был подготовлен тремя годами изнуряющей работы, полным презрением к опасности.

Прибыл некто Хаак, специальный курьер из Берлина с секретными приказами для Дирксена. Он был сотрудником авиационной фирмы «Хейнкель». Зорге встретился с ним в кабинете военного атташе, куда теперь заходил два раза на день. Оказывается, Отт и Хаак дружили с давних пор. Увидев Зорге, Хаак просиял: ведь это он, Хаак, отправлял знаменитого журналиста в опасный рейс на первом «юнкерсе»! Хаак отличался избытком сентиментальности и романтическим воображением. Потому-то он кинулся к Рихарду с распростертыми объятиями и чуть не сбил его с ног. Рихард не выносил сентиментальных людей, но сейчас он изобразил такую откровенную радость, что Хаак немедленно предложил пообедать втроем. Зорге отвел их в «Ломейер». Тут имелись уединенные кабины. Трудно было понять, кто кого угощает. Рихарду все же удалось захватить инициативу, и вино полилось рекой. Разведчика интересовала цель прибытия Хаака в Токио. Сейчас всякий человек, прибывающий из Германии, а тем более с особыми полномочиями, мог пролить некоторый свет на то, что творится в Берлине. Ведь сказано же: если тайна известна троим, она перестает быть тайной. Быстро опьяневший Хаак, желая набить себе цену в глазах прославленного журналиста, заявил, что он и есть то доверенное лицо, которое допущено к германо-японским переговорам. До приезда в Токио он осуществлял курьерскую связь между Риббентропом, Канарисом и послом Мусякодзи. Теперь вот он прислан для связи с японским министром иностранных дел. Кое-что он должен передать устно, без свидетелей.

Зорге добавил вина в рюмку гостя.

Только не для печати: японцы упираются, так как не хотят раньше времени ссориться с русскими. Ради военного пакта Гитлер согласен даже не поднимать вопроса о бывших германских, а ныне японских владениях на Тихом океане. Но Мусякодзи стоит на своем: ведь он руководствуется указаниями правительства. Из-за такой неуступчивости пакт скорее всего будет замаскирован под «антикоминтерновский». Борьба с мировым коммунизмом. Само собой, для публики. Стоило ли ради этого секретничать. Он, Хаак, уверен, что обе договаривающиеся

стороны на полдороге не остановятся, а приложат к пакту кое-что не для всеобщего обозрения!..

Зорге рвался к радиопередатчику. Он едва досидел до конца обеда. Днем Хаак занимался государственными делами, а вечером Рихард целиком овладевал им и возил по «экзотическим» местам.

Тонкий знаток Востока Одзаки однажды объяснил Рихарду, почему Чингисхану удалось захватить полмира: оказывается, кровавый завоеватель не пил вина! Чингисхан якобы говорил: «Пьяный человек глух, слеп и лишен рассудка... Все его умение, все таланты ни к чему, кроме стыда, он ничего не может получить. Властитель, преданный питью, не способен ни к чему великому. Военачальник, который напивается, не может держать в порядке свои войска. Если нельзя обойтись без питья, надо, по крайней мере, стараться не напиваться больше трех раз в месяц: напиться только один раз было бы лучше; совсем не пить еще лучше, но где найдешь такого, кто бы никогда не напивался».

Оба тогда посмеялись и отметили, что в данном вопросе со времен Чингисхана мало что изменилось. Теперь эти слова Рихард, в свою очередь, процитировал Хааку. Хаак пришел в восторг. Он погрозил журналисту пальцем и предложил поехать в «зеленый квартал» рекуте, где можно веселиться до утра. Он совсем освоился с Японией и с грустью думал о том, что пора возвращаться в сумрачную Германию. Сентиментальный Хаак совсем растаял от гостеприимства; он лишь побаивался нажить цирроз печени от неумеренных возлияний. Он передавал разведчику слово в слово свои разговоры с японским министром иностранных дел и другими высокопоставленными лицами. К концу миссии Хаака в Токио советский разведчик уже мог составить точное представление о пунктах пакта, который войдет в историю как «антикоминтерновский».

Зорге был так любезен, что согласился проводить своего нового друга на военном самолете до Пекина. Хаак блаженствовал. Разве могло ему прийти в голову, что Рихарда вызывает в Пекин некий Центр, требуя документального подтверждения сообщениям исключительной важности. Тут уж обыска опасаться не приходилось: разведчик набил документами целый портфель. Редкая удача... Вдохновленный победой, он постарался поскорее отделаться в Пекине от Хаака и поспешил на встречу с курьером Центра.

«С самого начала, как только я узнал, что рассматривается какой-то вариант пакта, я понял, что немецкие правящие круги и влиятельные японские военные руководители хотели не просто политического сближения двух стран, а самого тесного политического и военного союза. Задача, поставленная мне в Москве,— изучение германо-японских отношений — теперь встала в новом свете, поскольку не было сомнения, что главным, что связывало две страны в то время, был Советский Союз, или, точнее говоря, их враждебность к СССР. Поскольку я в самом начале узнал о секретных переговорах в Берлине между Осимой, Риббентропом и Канарисом, наблюдения за отношениями между двумя странами стали одной из самых важных задач моей деятельности. Сила антисоветских чувств, проявленная Германией и Японией во время переговоров о пакте, была предметом беспокойства для Москвы».

И только сейчас, когда большое дело было сделано, Рихард почувствовал безмерную усталость. Это было нервное истощение. Токийская жизнь, кроме отвращения, больше ничего не вызывала. В Японию даже не хотелось возвращаться. Ему грезилась квартирка, которую Катя недавно получила, он очень хорошо представлял эту новую квартиру по описаниям жены. Разве он не заслужил права на отдых?

Курьер Центра понимал, что творится в душе разведчика, а потому старался его успокоить, рассказывая о Кате, о делах в Советском Союзе. Но умиротворить, успокоить не удалось. Рихарда волновали события в Испании, итало-германская интервенция. На борьбу с фашистами из разных стран отправлялись коммунисты, которые становились солдатами испанского Народного фронта. Главным советником республики стал Берзин. В Испании сражался брат Бранко Вукелича. Рихарду казалось, что его место сейчас там, в сражающейся Испании. Привез курьер и письмо от Кати, полное бодрости. Но Рихард-то знал: бодрость искусственная, Катя тоскует, и виновник всему он.

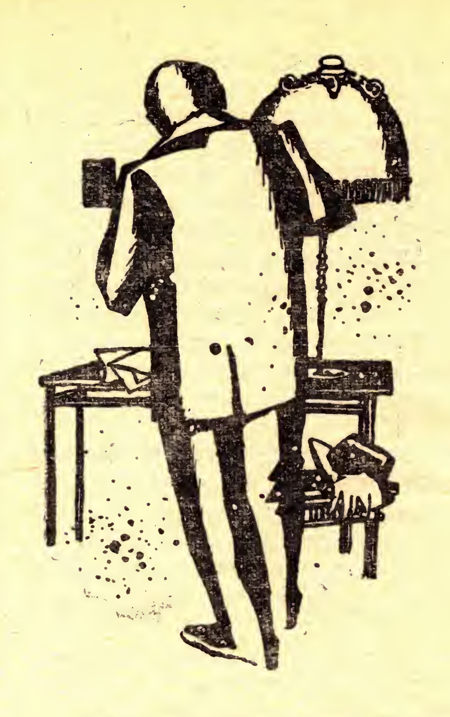
«Милая К... Иногда я очень беспокоюсь о тебе. Не потому, что с тобой может что-либо случиться, а потому, что ты одна и так далеко. Я постоянно спрашиваю себя — должна ли ты это делать? Не была бы ты более счастлива, если бы не знала меня?.. Все это наводит на размышления, и потому пишу тебе об этом, хотя лично

я все больше и больше привязываюсь к тебе и более чем когда-либо хочу вернуться домой, к тебе.

Но не это руководит нашей жизнью, и личные желания отходят на задний план. Я сейчас на месте и знаю, что так должно продолжаться еще некоторое время. Я не представляю, кто бы мог у меня принять дела здесь по продолжению важного экспорта... Твой Ика».

Курьер много раз до этого встречался с Зорге, но впервые увидел слезы на глазах бесстрашного разведчика.

4

ЗОРГЕ СТАНОВИТСЯ ХОЗЯИНОМ ПОЛОЖЕНИЯ

О заключении между Германией и Японией «антикоминтерновского пакта» Советское правительство благодаря оперативности организации Зорге узнало задолго до того, как об этом был оповещен весь мир.

Как выяснил Одзаки, на совещании тайного совета якобы упоминали: главное содержание секретного приложения к «антикоминтерновскому пакту» состоит в том, что в случае военных действий между Японией и СССР последнему придется иметь дело также с Германией. В случае... Но реален ли сейчас подобный случай?.. Слишком уж остры противоречия между Германией и Японией в Китае. Рихард хорошо знал японцев. И в совершенстве — немцев. Еще до заключения пакта в Китай прибыла германская экономическая делегация, которая подписала с китайским правительством ряд контрактов на постройку железных дорог. Немцы продолжают поставлять Чай Кай-ши вооружение и своих советников. Как все это увязать? Одзаки удалось выяснить, что в самый разгар германо-японских переговоров военное министерство Японии представило на рассмотрение прави-

тельства программу внешнеполитического курса, в которой планируется захват всего Китая и превращение Северного Китая в «Особую антикоммунистическую и прояпонскую зону». Японцы вовсе не собираются допускать немцев в Китай. Тут целый узел противоречий.

Для Одзаки и Рихарда становилось ясным, что правительство Хироты долго не продержится у власти. Господство военных кругов в правительстве вызвало противодействие и со стороны «старых» концернов. Провокационный налет японских войск на советскую территорию у озера Ханка в ноябре закончился позорным провалом. В конце концов правительство Хироты ушло в отставку. Новое правительство генерала Хаяси также потерпело поражение.

Теперь, в 1937 году, к власти пришел принц Коноэ, человек, связанный не только с высшей придворной аристократией, но также и с финансовым капиталом, и с генералитетом. Он был своего рода компромиссной фигурой. Перед ним стояла задача сгладить имевшиеся противоречия среди различных группировок правящих классов, объединить их.

Организация Зорге поднялась еще на одну ступень: в лице Одзаки она получила прямой доступ в кабинет министров и к самому премьеру. Оказавшись на вершине государственной власти, принц Коноэ не забыл своего друга Одзаки, а еще больше приблизил его к себе. Новый премьер затевал кое-что, и великолепный эксперт по Китаю, обладающий острым и аналитическим умом, был ему нужен. Коноэ лично возглавлял так называемое научное общество Сева, занятое разработкой проблем Восточной Азии. Вот сюда, под начало Кадзами, принц и пригласил Одзаки. Ходзуми с восторгом принял приглашение. Ведь теперь он становился причастным к государственной политике и своим авторитетом как-то мог влиять на нее. А главное, организация Зорге могла получать сведения из первых рук.

Когда человек работает ради высокой идеи, ему доступно самое невозможное. Не успел Одзаки освоиться в обществе Сева, как принц назначил его руководителем китайского отделения вместо Кадзами; Кадзами теперь стал секретарем кабинета Коноэ. Кадзами Акира любил своего друга Одзаки и всячески способствовал его возвышению. А почему бы премьеру не сделать Одзаки своим

неофициальным советником при правительстве?.. Но час для этого еще не настал.

Усиба и Киси, друзья Одзаки по колледжу, также стали секретарями премьера. Они-то и подали принцу идею создать «группу завтрака», в которую, конечно же, сразу вошел Одзаки. Так возникло неофициальное информационно-дискуссионное общество при правительстве. Одзаки занял в нем видное положение. Принц встречался со своими друзьями и во время завтраков, и во время обедов. Сходились в доме Усибы, пили сакэ, обменивались мнениями; премьеру нравилась неофициальная дружеская атмосфера в доме Усибы, где они собирались словно заговорщики. Премьер, загруженный государственными делами, на первых порах являлся раз в две недели. Затем стали встречаться чаще.

О чем велись разговоры во время этих встреч? О войне в Китае. Одзаки по-прежнему считал, что Япония погубит себя, развязав войну в Китае. Тем более опасно начинать военный конфликт с Советским Союзом. Япония слишком слаба для ведения такой войны. Принц возражал. Правда, он соглашался, что воевать сейчас с Советским Союзом бессмысленно. Ну, а если Япония для начала овладеет ресурсами Китая, превратит Маньчжурию в военно-экономическую базу Японии?.. Штаб Квантунской армии разработал подробную программу. Разработан также план проведения милитаризации экономики. К концу года японская армия должна стать миллионной. Начальник штаба Квантунской армии генерал Тодзио считает, что настал самый благоприятный момент для выступления против Китая, а затем против СССР...

Но пока разговоры оставались разговорами. Премьер лишь прощупывал своих друзей, хотел узнать, что они думают о возможной войне в Китае. Но на уме у него было другое. Он уже принял твердое решение, отбросив все сомнения эксперта по Китаю.

Каковы планы правительства Японии, куда оно хочет направить главный удар, почему проводит спешную мобилизацию всех возрастов? В Северном Китае учения японских войск проводятся каждую ночь. В совершенно секретном документе говорится о необходимости объединения политики армии и правительства. В этом же документе содержится план производства военных материалов. Япония явно готовится к войне, Против кого?.. А может

быть, все-таки вопреки здравому смыслу, надеясь на Германию, против Советского Союза?..

Зорге посоветовал обратиться с прямым вопросом к премьер-министру. Дорог был каждый день, и обходных путей искать не приходилось. Одзаки рисковал вызвать подозрение прямым вопросом, но, когда дело касалось защиты Советского Союза и безопасности Японии, он становился бесстрашным, дерзким. На первом же завтраке он громко сказал, что хотел бы ознакомиться с планом по китайскому вопросу, чтобы иметь возможность проанализировать его и сделать квалифицированное заключение для правительства. Принц задумался. Он готовился к ответственному шагу во внешней политике и не мог игнорировать мнение такого знатока Китая, каким был Одзаки. Затем премьер, предупредив эксперта о соблюдении строжайшей тайны, сказал, что с документом ознакомиться можно. В канцелярии премьер-министра эксперту отведут отдельный кабинет, где он сможет в течение некоторого времени изучать план. Такой легкой победы Одзаки не ожидал и даже растерялся. За всю ночь, конечно, не сомкнул глаз. Утром он был в канцелярии премьер-министра. Здесь его хорошо знали, а получив распоряжение Коноэ, немедленно провели в отдельный кабинет и выдали совершенно секретный документ. Потом дверь захлопнулась. Прежде чем приступить к изучению документа, Одзаки прислушался. Подошел к двери — она оказалась запертой. Осмотрел каждую щель, стараясь установить, откуда за ним могут тайно наблюдать. Он находился в святая святых японской империи, и как-то не верилось, что вот так просто вас могут оставить без присмотра наедине с документом огромной государственной важности. Одзаки рисковал головой. Но нужно было действовать быстро, так как документ выдали на определенное количество минут. Он вынул из кармана фотоаппарат и, еще раз прислушавшись, стал фотографировать страницу за страницей. Лязгнула окованная дверь. В комнату вошел чиновник. Одзаки едва успел сунуть фотоаппарат в карман пиджака. Чиновник внимательно взглянул на вздувшийся карман Одзаки, спросил, не нужно ли господину эксперту чаю. Получив отрицательный ответ, удалился. Стараясь унять нервную дрожь, Одзаки прошелся несколько раз по комнате; успокоившись, снова принялся за дело. Опять, на этот раз почти бесшумно, появился чиновник. И снова уставился на оттопыренный

карман эксперта. Одзаки едва приметно улыбнулся, вынул из кармана небрежно скомканный платок и вытер потный лоб. (Фотоаппарат он предусмотрительно сунул в брючный карман.) На этот раз чиновник все-таки принес холодный чай. Как бы между прочим еще раз напомнил, что никаких выписок из документа делать не разрешается. «О, все эти секреты мне давно известны! — небрежно воскликнул эксперт и вернул чиновнику папку.— По распоряжению принца я должен был уточнить коечто». Совсем успокоенный чиновник стал «почтительно шипеть» и улыбаться. Ему даже сделалось как-то неловко за то, что он два раза входил без стука, словно в чем-то не доверял другу премьера. Но служба есть
12 служба. О, он настолько доверяет господину Одзаки, что даже не будет проверять записные книжки и даст охране распоряжение пропустить его беспрепятственно! Чиновник был сама любезность и учтивость. Но что кроется за любезной улыбкой чиновника? Может быть, он все-таки заметил фотоаппарат и теперь тонко издевается? Возможно, он уже вызвал охрану?..

Миновав строй часовых и комендатуру, Одзаки наконец очутился на улице. Пропетляв по городу добрый час, он очутился возле дома Зорге. Загорелась лампочка у входа. Значит, Зорге дома, подает условный сигнал: в квартире посторонних нет. Вот они вдвоем. Рихарду не терпится узнать самое главное. «Япония в ближайшее время не будет воевать с Советским Союзом! Она готовит нападение на Китай...» — говорит Одзаки и, передав фотоаппарат, уходит.

Бранко нервничает. Он сидит в затемненной комнате при красном свете. Боится испортить пленку. Передержать, недодержать... Пленка — вещественное доказательство. Сперва ее повезут в Шанхай, затем туда... Макс Клаузен уже передал сообщение. Центр требует документального подтверждения. Там дежурят круглосуточно. Сообщение, видимо, всех взволновало. Немедленно, срочно... Все руководящее ядро поставлено на ноги. Фотокадры получились добротные. Мияги сможет просмотреть их через проекционный фонарь, переведет текст с японского на английский. Анна Клаузен — курьер организации — готовится к поездке в Шанхай на встречу с курьером Центра.

Веселая орава журналистов вваливается в дом Бранко. У них свои заботы: нужно проявить пленки курортных

снимков. Со смущенной улыбкой Эдит «по секрету» сообщает, что муж печатает видовые открытки и не велел никого пускать. Если дойдет до полиции... Журналисты понимающе переглядываются и уходят.

Мияги принес новые сведения, подтверждающие совершенно секретный документ. Художник-любитель, хороший друг Мияги, полковник из военного министерства, предложил работу: военному министерству нужны специалисты по макетам; в управлении стратегического планирования в специальном помещении сооружается огромный макет, отображающий крупномасштабную карту Китая. Видно, в скором времени будут дела! Точно такой же макет сооружали до того, как захватили Маньчжурию... Мияги поблагодарил. К сожалению, он портретист и ничего не смыслит в топографии и военных делах. Вот если жена начальника управления стратегического планирования пожелает заказать портрет...

Какова роль Германии во всех этих замыслах японского правительства? Очутившись в кабинете фон Дирксена, Зорге заявил, что собирается в Китай, хочет посетить немецкую военную миссию, занятую обучением армии Чан Кай-ши. Посол сделал протестующий жест. Наконец-то и он мог продемонстрировать свою осведомленность перед всезнающим Зорге: японское верховное командование намекнуло Берлину на необходимость отозвать военную миссию из Китая в ближайшее время. Так что, возможно, генерал Фалькенгаузен уже упаковывает чемоданы...

Зорге сделал разочарованное лицо. А выйдя из кабинета посла, на мотоцикле пулей помчался в Тигасаки. Сомнений больше нет: Япония готовит нападение на Китай! Как все-таки отнесутся к этому в Германии?.. Намечается большой конфликт!

...Клаузены прочно обосновались в Японии. «Инженерная компания» давала заработок, появились лишние деньги. Спасаясь от летней токийской духоты, Клаузены купили дачу на берегу океана, в Тигасаки, западнее Иокогамы — небольшой домик на сваях. Под домом Макс устроил тайник для радиостанции. Садик. До пляжа — триста метров. Рихард любил отдыхать у Клаузенов.

Но сейчас он прибыл в Тигасаки вовсе не для отдыха. Анна должна завтра же выехать в Шанхай! Микропленки, микропленки... все это нужно пронести под носом у полиции. Задание очень ответственное, сопряженное с

большим риском. Ведь речь идет о государственной тайне первостепенной важности. Макс вздохнул. Анна молча взяла у Рихарда все материалы. Она готова отправиться хоть сегодня...

Следует отдать должное отваге этой удивительной женщины: она всегда беспрекословно выполняла все указания Зорге, совершала свой подвиг незаметно, с хладнокровием, которому позавидовал бы мужчина. Она не любила громких слов о долге, о самоотверженности. Она помогала мужу, Рихарду и втайне гордилась, что ей доверяют ответственное дело.

Она, разумеется, сразу же сядет на пароход и уедет в Шанхай, но прежде она должна накормить обедом Макса и Рихарда. В ресторане всегда подают какую-то гниль. Так и желудок испортить недолго. Теперь бы в Красный Кут хотя бы на недельку... В Японии у нее очень шаткое положение: немецкий она до сих пор не освоила как следует, китайский позабыла, а на русском говорить здесь не принято. Даже выговориться вволю не с кем. Вот, бывало, в МТС!.. Иногда, когда Макс, занятый своими коммерческими делами, возвращался поздно, она бранилась. «Ты женился на мне ради конспирации!» — бросала она упрек. Толстяк только отдувался. Но Макс никогда в таких случаях не приходил домой без подарка, и мир быстро водворялся. Они горячо любили друг друга, и ссоры носили «воспитательный» характер. Впрочем, Макс никогда жене не перечил, боясь, что она сгоряча уедет в Красный Кут, в МТС. О женщины!..

Анна отправилась в Шанхай якобы для того, чтобы проведать родных. Она взяла драгоценные микропленки. Все шло хорошо. Но в Шанхае полиция устроила повальный обыск. Пассажиров разделили на группы. Женщин отводили в каюту и там подвергали полному досмотру. Анна не могла даже приблизиться к борту, чтобы выбросить микропленки в воду. Толпа беспрестанно подталкивала ее к контролерам. Вот она почти у трапа. Сейчас ее отведут в каюту. Она знает, какую ценность имеют микропленки. Сразу же схватят Макса, Рихарда... Себя ей не жалко. Но Макс, Макс... Большой ребенок Макс... Если бы можно было столкнуть контролера...

Но ей повезло. Началась смена контролеров. И пока велась перебранка между контролерами, Анна проскользнула у одного из них за спиной и... очутилась на берегу. Она сразу же позвала рикшу. Ее обступили не меньше

двух десятков рикш, загородили от парохода, от контролеров, от полиции.

Через час она вручила микропленки курьеру Центра.

...Окончательно убедившись, что война с Китаем — дело решенное, Одзаки пришел в сильное возбуждение: всеми своими помыслами он был против этой войны. Онто знал, к чему это приведет! Военщина хладнокровно, расчетливо вела Японию к катастрофе. Неужели принц Коноэ так ничего и не уяснил из их продолжительных бесед? Одзаки бросился к своему приятелю, советнику премьера Кадзами, стал уговаривать повлиять на принца. Ведь авантюра в Китае может привести ко второй мировой войне! «Это политика, основанная на кошмаре; нужно отказаться от военной операции, разработанной идиотами, которые не могут или не хотят трезво взглянуть на катастрофические последствия своей неумелой работы»,— доказывал он. Кадзами рассмеялся: «Вопрос решен, и нечего беспокоиться». Одзаки направился к Усибе, личному секретарю Коноэ, попросил аудиенции у премьера. Зная, о чем будет идти речь, Коноэ отказался принять журналиста. Одзаки впал в отчаяние. Тогда, рискуя потерять расположение своих друзей и премьер-министра, он опубликовал большую статью в журнале «Тюо корон» под заглавием «Нанкинское правительство», в которой резко раскритиковал политику военных авантюр Японии в Китае. Но Коноэ даже не подумал подвергать строптивого эксперта остракизму, наоборот, пригласил его как ни в чем не бывало на очередной завтрак.

Война в Китае началась 7 июня 1937 года инцидентом в Лугоуцяо (населенный пункт, расположенный в двенадцати километрах к юго-западу от Пекина).

11 июля премьер Коноэ, военный министр Сугияма и министр внутренних дел Вапа устроили пресс-конференцию для сорока ведущих газет и информационных бюро, на которой присутствовали также иностранные корреспонденты Зорге, Вукелич, Гюнтер Штейн, Маргарет Гаттенберг и другие. Здесь Рихард встретил Одзаки. Коноэ потребовал, чтобы пресса поддерживала военные действия в Китае. Одзаки был мрачен. Все, что мог он сообщить Зорге, это то, что час назад состоялось секретное заседание кабинета, принявшего решение немедленно бросить в Китай дополнительные войска.

Так как Рихарда интересовало отношение Германии к этой войне, то он отправился к фон Дирксену. «Долж-

ны ли мы, немецкие журналисты, поддерживать Коноэ?» Дирксен извлек из сейфа секретную инструкцию, полученную из Берлина: германское правительство намерено придерживаться нейтралитета. Берлин обращал внимание Дирксена на то, что война может привести к подъему национально-освободительного движения в Китае, ослабит Японию и лишит Германию союзника в подготовке нападения на Советский Союз. Посол сунул Зорге под нос телеграмму, только что полученную из Берлина: «Война против Китая может потребовать от Японии больших сил и стать препятствием для ее нападения на Советский Союз».

Секретарша доложила послу о прибытии представителей японского министерства иностранных дел. Пока фон Дирксен раскланивался с японцами в приемной, Зорге, заслонив телеграмму спиной, хладнокровно щелкнул фотоаппаратом. А затем, вынув сломанную зажигалку, принялся высекать огонь. Скверные зажигалки производят в Японии!.. Ему хотелось послушать, о чем японцы будут толковать с германским послом, но об этом он узнает завтра.

А сейчас — на квартиру Бранко, в фотолабораторию, на радиостанцию. Он обожал оперативность. Назавтра он в самом деле узнал все: министр иностранных дел Хирота требует, чтобы Германия прекратила поставки вооружения правительству Чан Кай-ши; японское военное министерство настаивает на отзыве германских военных советников из Нанкина.

«Вы только почитайте! — воскликнул фон Дирксен и протянул Зорге ноту японского правительства Германии.— Они категорически требуют...»

«А что думает по этому поводу Нейрат?»

«Он телеграфирует: «Мы не собираемся делать подарок, не получая ничего взамен».

Зорге расхохотался.

«Не лишено остроумия,— сказал он.— Узнаю Нейрата».

Как и ожидал Зорге, между двумя хищниками — Германией и Японией — разыгрался конфликт. Тут уж не до единства.

И снова Анна Клаузен повезла микропленки в Шанхай. Едва она успела обернуться, как японцы выбросили десант на Шанхай и начались ожесточенные бои.

Договор о ненападении между СССР и Китаем, заключенный 21 августа 1937 года, вызвал переполох в

германском посольстве. Если раньше фон Дирксен считал, что дипломат не должен ввязываться в политику, то теперь, чувствуя двусмысленность своего положения в Токио, составил обширный доклад в Берлин, в котором доказывал, что развитие событий требует большой решительности. Следует рассмотреть вопрос об отзыве военных советников и оказать давление на Нанкин в смысле скорейшего заключения мира на условиях, выгодных для Токио.

Весь мир с напряженным вниманием следил за развитием событий в Китае. Всем становилось ясно, что расчеты японских империалистов быстро сломить сопротивление Китая и заставить китайское правительство капитулировать провалились в самом начале.

От Вукелича, который поддерживал тесную связь с работниками различных посольств, Зорге узнавал, какую позицию занимают Англия, Америка, Италия и Франция в отношении японской агрессии.

За всех определенно высказался министр иностранных дел Франции Дельбос: «Японская атака в конечном итоге направлена не против Китая, а против СССР. Японцы желают захватить железную дорогу от Тяньцзиня до Бэйпина и Калгана для того, чтобы подготовить атаку против Транссибирской железной дороги в районе озера Байкал и против Внутренней и Внешней Монголии». Империалисты западных держав толкали Японию на войну с Советским Союзом и соглашались быть посредниками в японо-китайских переговорах. Но к посредничеству стремилась и фашистская Германия.

Эйгену Отту показалось, что настал самый благоприятный момент «взлететь высоко». На свой страх и риск, он также решил заняться большой политикой. Он считал, что посредником может быть лишь Германия, и никто иной. По мысли Отта, в случае заключения мира японская армия, уже отмобилизованная и сосредоточенная в Китае, сможет молниеносно начать наступление против Советского Союза. Отт словно обезумел, он вышел из-под контроля Зорге, и последнему оставалось лишь наблюдать за ним и обо всем сообщать в Центр. Отт собрал высокопоставленных чиновников из японского генштаба, обещал им всемерную помощь со стороны германских советников в Нанкине. Отт действовал через голову Дирксена. В своих депешах Нейрату доказывал, что пора кончать с нейтралитетом. Он действовал более энергично, нежели по-

сол, и был замечен Гитлером. Почему бы Японии и Германии не договориться о совместной экономической эксплуатации Китая?

Отт, упоенный дипломатическими успехами, по строжайшему секрету сообщил Зорге, что Гитлер наконец принял решение прекратить поставки оружия Китаю, отозвать советников и поддержать японскую агрессию.

Зорге никогда не ограничивал свою миссию функциями «почтового ящика».

«Было бы ошибкой думать, что я посылал в Москву всю собранную мною информацию. Нет, я просеивал ее через свое густое сито и отправлял, лишь будучи убежденным, что информация безупречна и достоверна. Это требовало больших усилий. Так же я поступал и при анализе политической и военной обстановки. При этом я всегда отдавал себе отчет в опасности какой бы то ни было самоуверенности. Никогда я не считал, что могу ответить на любой вопрос, касающийся Японии».

И на этот раз он сильно задумался. Когда на границах Маньчжурии и Советского Союза возникло несколько конфликтов, он не придал им особого значения. Но инцидент у Лугоуцяо он сразу же расценил как прелюдию к большой войне. Его прогноз оправдался. Теперь требовалось оценить заявление Гитлера.

Германское правительство оттеснило и Англию, и Францию, и Америку, взяло на себя роль посредника в японо-китайских переговорах. К чему это приведет? Словно в ответ на советско-китайский договор о ненападении, фашистская Италия присоединилась к «антикоминтерновскому пакту». И все-таки декларации остаются декларациями. Рихард лучше многих иных политических деятелей понимал глубину противоречий между Германией и Японией, ибо он мыслил диалектически, как ученый.

Араки открыто призывает к войне с Советским Союзом, заявляет, что «это единственный путь для Японии», в Токио свирепствует антисоветская истерия. Американский посол в Токио сообщил в Вашингтон о том, что «существует убеждение, что, поскольку война с Советской Россией неизбежна, она может начаться скоро».

Понуждаемый Рихардом, Эйген Отт направился в японский генштаб и спросил у генерала Хоммы, что намерена делать Япония после окончания войны в Китае. Хомма ответил, что Квантунская армия готова хоть сегодня напасть на Советский Союз. Хомма пожаловался

на то, что германское посредничество пока не дало результатов, а японцам хочется побыстрее заключить мир и двинуться на СССР. В Маньчжурии сейчас сосредоточена главная ударная сила.

Но Зорге отлично знал: к большой войне с Советским Союзом Япония не готова, не хватит сил. И японские генералы это знают.

Обстоятельно все взвесив, Зорге отправил в Центр радиограмму такого содержания:

«Японцы стремятся создать у других держав впечатление, что будто бы они собираются вступить в войну с Советским Союзом. Япония не собирается начинать большую войну с Советским Союзом в ближайшее время».

Таков был итог долгих раздумий, сопоставления фактов, проникновения в законы международных отношений, которые носят объективный характер, и отдельные личности, какими бы побуждениями они ни руководствовались, не в силах изменить их. Зорге видел, что Япония экономически не готова к войне. Окрепнуть за счет Китая ей не удалось, она сама увязла в Китае, не смогла договориться с нанкинским правительством. Разумеется, все это не исключает и впредь инциденты на маньчжуро-советской границе.

Как развивались события в дальнейшем?

Германское посредничество потерпело полный провал, японской военщине не удалось развязать руки в Китае. Как доносил в Берлин фон Дирксен, расчеты Германии использовать трудное положение Японии и отобрать у нее бывшие германские колонии также оказались нереальными. Япония приняла решение вести войну до окончательного завоевания Китая, о чем и поставила в известность германское правительство. Западные державы всячески натравливали Японию на Советский Союз; особенно четко выявились эти тенденции западных держав на Брюссельской конференции.

Война в Китае велась уже полгода. И хотя японским войскам удалось захватить большую территорию, об окончательной победе в ближайшие годы нечего было и думать.

Принц Коноэ понял, что просчитался. В срочном порядке Коноэ создал при правительстве институт советников, пригласив сюда представителей финансового капитала, политических партий и высшего командования. Премьер-министр назначил Одзаки неофициальным совет-

ником при кабинете, порекомендовав эксперту уйти из «Асахи», где он еще числился на должности, совмещая ее с должностью в научном обществе Сева. Одзаки отвели отдельный кабинет в резиденции премьер-министра, разрешили в любое время заходить к особым секретарям и к первому секретарю Кадзами.

Одзаки поднялся еще на одну ступень и теперь уже мог не только получать секретную информацию государственной важности, но и оказывать прямое влияние на политику правительства.

Когда Бранко спрашивал у Зорге, как тот успевает писать статьи для многочисленных немецких газет и журналов, Рихард, смеясь, отвечал: «Я их стряпаю по рецепту Лессинга: половиной головы».

Он, разумеется, шутил. Журналистская работа требовала от него подчас предельного напряжения всех умственных сил. Ведь он осознанно стремился «подняться над уровнем среднего немецкого корреспондента». Но одного стремления мало. Он был талантливым журналистом, и в Германии не без оснований признавали его лучшим корреспондентом по Японии.

Зорге — журналист... Лучший корреспондент по Японии... Почему его статьи о стране Ямато сразу же привлекли внимание не только читающей публики, подписчиков «Франкфуртер цейтунг», но и высокопоставленных чиновников «третьего рейха»? Эти статьи тщательно изучались на Вильгельмштрассе и считались надежнейшим источником информации о внутреннем положении Японии.

И тут мы подходим к секрету журналистского мастерства Зорге. Прежде всего на его статьях лежит печать высокой культуры мышления, они насыщены фактами, идеями и аргументами; изложив факты и мнения, журналист Зорге, прежде чем сделать вывод, старается установить различие между фактами и мнениями и делает это ненавязчиво, ему свойственна, если можно так выразиться, «мягкая» манера письма. Он не репортер, он мыслитель, аналитик, политический комментатор, он производит реалистический учет всех обстоятельств японской действительности, если даже речь идет о таких неприятных вещах для японского правительства, как предполагаемая смена кабинета, рост дороговизны в стране, неудачи японской армии в Китае, провал военной авантюры у озера Хасан.

С мягким юмором описывал Зорге в одной из статей пресс-конференцию, организованную японским министерством иностранных дел; японское правительство всеми силами пыталось скрыть свое поражение у озера Хасан. На пресс-конференции американский журналист спросил, правда ли, что на вершине сопки Заозерной развевается красный советский флаг. Представитель японского МИДа с горечью ответил: «Не на самой вершине, а чуть-чуть в стороне...» Зорге хорошо понимал, что там, в Берлине, любые неудачи Японии в международных делах должны радовать фашистских заправил: чем больше неудач, тем скорее Япония пойдет на союз с Германией; обе стороны всячески стараются преодолеть давние противоречия в борьбе за влияние в Китае, как-то разрешить вопрос о бывших германских владениях в Тихом океане, объединить усилия для осуществления завоевательных акций; но разногласия слишком велики, Зорге умело использовал в своих статьях эти противоречия: как бы о вещах само собой разумеющихся, он писал о заигрывании японской дипломатии с Англией и США, о намечавшемся англо-японском сближении, о защите японских интересов в Китае великобританским представителем на одном из заседаний Совета Лиги наций, о демонстрации фашистских обществ в Токио под лозунгом «Похоронить дипломатию заигрывания с Англией!» и о разгоне этой демонстрации правительством.

Однажды в беседе с Дирксеном Зорге высказался в том смысле, что Япония ни при каких обстоятельствах не вернет Германии тихоокеанские острова. Посол с ним согласился. Вот тогда-то фон Дирксен с полной убежденностью сообщил в Берлин: «Японская политика в отношении мандатов в районе Южных морей абсолютно ясна. Япония ни при каких условиях, даже рискуя потерять дружбу Германии, не уйдет с тихоокеанских островов». А Зорге, как и положено журналисту-международнику, стал упорно иллюстрировать эту мысль посла: он отправился в район Южных морей, чтобы рассказать немецкому читателю о хозяйничанье японцев в бывших германских колониях. То было увлекательное путешествие. Каролинские, Марианские, Маршальские острова... экзотика тропических морей: панданусы, хлебные деревья, кокосовые пальмы, полунагие темнокожие туземцы...

В своих корреспонденциях журналист Зорге отдавал дань и этой стороне. Он красочно описывал тропическую

природу, действующие вулканы Марианских островов, коралловые архипелаги, тайфуны. Но это было лишь обрамление. Главное крылось в другом: значение мандатных островов не в природных богатствах, а в выгодном стратегическом расположении. Этот район Тихого океана, изобилующий лагунами и водными проходами, представляет идеальные убежища для гидросамолетов и подводных лодок; Марианские, Маршальские и Каролинские острова — линия опорных пунктов; и линия эта уходит далеко в глубь океана в сторону Южных морей; у Японии есть и другая линия опорных пунктов — Рюкю, Тайвань, Пескадорские острова. Все это платформы для непосредственного наступления на богатейшие колонии, стратегические позиции в Юго-Восточной Азии...— вот к какой мысли подводил своего читателя Зорге. Каждая его статья была своеобразной ложкой дегтя в бочку меда развивающихся германо-японских отношений. Но статьи нравились Дирксену, и он поощрял Зорге — ведь статьи наглядно подтверждали позицию и взгляды самого Дирксена! (А читателя укрепляли в мысли, что мандатные территории Япония добровольно не отдаст.) Со страстью и вдохновением обсуждал он тихоокеанские проблемы, предвидя, что громадные просторы Тихого океана в недалеком будущем станут ареной грандиозной борьбы империалистических хищников за источники ценного сырья и емкие рынки сбыта. Он подчеркивал роль молодого японского капитализма, который стремится к монопольному овладению тихоокеанскими рынками, источниками сырья и сферами приложения капитала.

Описывая деревянный храмовый ансамбль Хориудзи в Наре, золотой храм Тодаидзи, мавзолей Тюсонузи в Северной Японии, великолепие лакировки, перламутровой инкрустации золоченых статуй божеств, Зорге в каждой корреспонденции о Японии неизменно подводил читателя к современным проблемам страны — внутренним и внешним. Он заставлял думать. Сам он хорошо знал, что в подобных корреспонденциях очень важна ассоциативная основа; его взгляд на явления, языковые нюансы, сам ритм повествования и создавали нужный эффект: читатель чувствовал себя приобщенным к тайнам мировой политики, делал нужные Рихарду выводы.

Глубокое знание экономики, политики, культуры страны — вот три кита, на которых держался журналистский авторитет Зорге во «Франкфуртер цейтунг». «Тот, кто

в эти новогодние дни впервые попал на улицы Токио, мог вернуться домой, обрадованный великолепием красок, приведенный в восторг трогательно веселым, праздничным настроением японцев и слегка напуганный азиатским шумом Гиндзы — главной торговой улицы города...» — так начинается одна из новогодних статей Зорге, «Настроение в Токио», опубликованная во «Франкфуртер цейтунг».

Неторопливо рассказывает он о давней традиции японцев — описывать в новогодних поздравительных открытках — нэнгадзе новости своей жизни. Ключ к экономическому и политическому анализу последних событий в Японии найден. Ведь такие открытки посылают и студенты, и служащие, и рабочие, и солдаты, и министры. И Зорге показывает читателю целую галерею представителей различных общественных слоев Японии с их чаяниями, надеждами и разочарованиями. И тут же рядом — невинные гирлянды разноцветных фонариков, пучки сосновых веток, связанных вокруг бамбуковых палок, ведь Новый год в Японии — праздник бамбука!.. А в конце — вывод:

«Чего следует ожидать от исхода войны с Китаем? Ясно одно: доставляемые в Японию на кораблях урны с прахом погибших, а также раненые и больные являются не только предметом патриотического воодушевления и готовности к героическому самопожертвованию,— сколь бы ни были сильны эти чувства,— но и свидетельством глубокого разочарования японцев в этой войне...»

Это был новый, 1938 год. Невеселый год.

И не обо всем мог рассказать Зорге на страницах «Франкфуртер цейтунг». Например, о росте оппозиционных настроений в народе против военщины, об усилении террора со стороны министра внутренних дел Суэцугу и правящей верхушки, о массовых арестах руководителей Народного фронта, о запрещении прогрессивных организаций и японской пролетарской партии, об аресте профессоров императорского и Токийского юридического университетов, о расстреле антивоенной демонстрации в Кобе, о восстании накануне Нового года семи тысяч японских солдат в Осаке, о дезертирствах и самоубийствах солдат, о том, что целые полки в Китае отводятся в тыл, как «ненадежные».

Но и того, что сообщал Рихард, было достаточно, чтобы догадаться: в Японии растут антивоенные настроения,

японская армия в Китае быстрыми темпами деморализуется.

Зорге комментировал буржуазные японские газеты; подбором цитат из периодической печати он давал понять читателю, что же происходит в Японии, какова здесь общая атмосфера: «Чрезвычайно мучительные условия жизни рабочих, сопровождаемые ростом цен на товары, настолько очевидны, что они гораздо хуже, чем это можно себе представить» (газета «Мияко»); «Основная причина забастовок заключается в усилении интенсификации труда, в усилении эксплуатации рабочих жадными до прибыли капиталистами!» («Ямато»); «Из-за развития военной промышленности происходит быстрое истощение пахотной земли» («Кахоку»); «Я готов решительно подавить антивоенные элементы, которые сознательно пропагандируют пессимистические взгляды на финансы и экономику Японии» (из новогодней речи министра внутренних дел Суэцугу).

Зорге любит японские пословицы и очень часто скрашивает ими суховатые передовицы, которые подписывает инициалом «S». Например: «Даже у императора есть бедные родственники»; «У постели паралитика не найдешь почтительных детей»; «Нашел кошку, а потерял буйвола»; «Когда корень кривой, и всходы будут кривыми»; «Бивень слона не вырастет в пасти собаки».

Вся токийская ассоциация брала на вооружение афоризмы Зорге, проникали они и в немецкую колонию, в посольство. Слава его росла. В самой Германии он считался не только модным, но и самым солидным журналистом. Чиновники МИДа, приезжая из Берлина, стремились засвидетельствовать свое почтение «тонкому знатоку Востока». Считалось само собой разумеющимся, что всякий вновь прибывший обязан проконсультироваться по всем вопросам внутренней политики страны у корреспондента. Во всяком случае, так рекомендовали Дирксен и Отт.

Советский разведчик обрастал знакомствами, иногда бесполезными, но чаще полезными. В числе его друзей теперь числились, кроме посла и военного атташе, начальник экономического отдела немецкого генштаба генерал-майор Томас, уже известные нам посланники Шмиден и Хаак, специальные посланники Херферх, Улах, полковник вермахта Нидамейер, советник германского посольства в Токио Нобель, заместитель Отта майор Шолл и многие другие.

Военно-морской атташе Венеккер завидовал успехам Отта и, зная, откуда военный атташè черпает свою «эрудицию», недолюбливал Зорге. Но правилом разведчика было не наживать врагов, а потому он старался приручить и Венеккера и даже занялся военно-морским делом, чтобы быть более квалифицированным советчиком. Военному разведчику Зорге всегда приходилось уделять много внимания конкретным военным вопросам, касающимся структуры и вооружения капиталистических армий, а сейчас ему надлежало быть специалистом высокого класса в этой области — он консультировал военных атташе.

Макс Клаузен мог вести передачу лишь из трех квартир и со своей дачи в Тигасаки. Зорге решил подыскать еще одну конспиративную квартиру.

Он завел тесную дружбу с английским журналистом Гюнтером Штейном, корреспондентом журнала «Бритиш файнаншил ньюс», и его подругой, швейцарской корреспонденткой Маргарет Гаттенберг. Эти двое часто высказывали свободные взгляды. Штейн резко критиковал приспособленческую политику Англии, не раз восхищался Советским Союзом, где «чистый воздух и нет капиталистической дряни». Он словно старался переманить Рихарда в «свою веру», признался, что изучает русский язык. Все это могло быть провокационной болтовней. Штейна следовало проверить, испытать в трудном деле. Заручившись согласием Центра, Рихард приступил к эксперименту. Удалось выяснить, что Штейн бежал из фашистской Германии и принял английское подданство. Он люто ненавидел наци и вначале, по-видимому, просто решил изводить своими антифашистскими выпадами Зорге, которого считал стопроцентным «коричневым». Но все обернулось не так, как предполагал Штейн. Зорге заявил, что он тоже убежденный антифашист, хотя по условиям работы и вынужден молчать об этом. Для начала Штейн должен был отправиться в Гонконг в качестве курьера. Журналист с радостью согласился и блестяще выполнил поручение. Тогда Макс перетащил радиостанцию в уединенный дом Гюнтера и стал вести оттуда передачу. Вскоре Гюнтер при очередной поездке в Гонконг вступил там в брак с Маргарет Гаттенберг. По возвращении их в Японию шумно отпраздновали свадьбу.

Какую роль играла Маргарет в организации?

«Так как она была другом Штейна, мы помогали ей,

а она, в свою очередь, содействовала нашей работе»,— вспоминал Зорге.

О существовании организации Маргарет не знала. Просто она добывала информацию для своего друга Гюнтера, а Гюнтер передавал эту информацию Зорге.

Этих двух можно считать эпизодическими фигурами в том большом деле, которое вел советский разведчик. Они сотрудничали с Зорге всего лишь два года. Штейн считался специалистом по финансовым и экономическим вопросам, хорошо знал экономику Германии и приносил пользу организации. Но когда Гюнтера в 1938 году перевели по службе в Китай, Зорге решил не поддерживать с ним связи, так как установил, что английский журналист — человек не храброго десятка. Макс Клаузен свидетельствует: «По возвращении в Токио я пришел к Рихарду, у которого встретил Гюнтера Штейна и его жену Марго. Оба были журналисты. Марго представляла одну швейцарскую газету. Гюнтер Штейн был интеллигентным, спокойным и приветливым человеком, но мне казалось, что он был трусливым, ибо не очень охотно относился к предложению Рихарда о том, чтобы я иногда вел передачи также у него на квартире. У него были разные сомнения. Но тем не менее я несколько раз работал у него на квартире, что было очень важно в целях прикрытия, поскольку я переходил на новое место».

Объектом пристального внимания организации Зорге теперь стали «группа завтрака» премьер-министра Коноэ, Токийская ассоциация корреспондентов и французское агентство Гавас, членом которого сделался Бранко Вукелич, английское агентство Рейтер, которое в лице своего представителя Джемса М. Кокса выбалтывало все секреты Вукеличу, английское, американское, французское посольства, и датская миссия, и, наконец, германское посольство. Каждая из этих организаций вносила, сама того не подозревая, щедрую лепту в информационную копилку Зорге. Он получил доступ ко всем международным и государственным тайнам, поднялся туда, куда до него не поднимался никто. Он стал исключительно осведомленным человеком во всей мировой политике и незримо лелеял свое царство; все это сложное хозяйство требовало бдительной заботы, беспрестанного участия в общем процессе.

И все-таки больше всего времени у Зорге отнимало германское посольство, где он утвердился основательно. Ему даже отвели здесь кабинет, где он мог работать

и принимать посетителей. Ведь он уже стал неофициальным советником посла и военного атташе.

Отт слепо доверял Рихарду, Рихард сознательно помогал Отту делать карьеру, разжигал в нем алчность, стремился посадить его на место посла фон Дирксена. Когда Отт станет хозяином положения... хозяином положения станет советский разведчик Рихард Зорге! Он приберет к рукам нацистское посольство, заставит всех работать на себя... Тут была старая игра в «коня и всадника», причем Отт, конечно же, воображал себя ловким «всадником», а Зорге думал несколько по-иному.

Остается лишь удивляться дерзости и бесстрашию Зорге: он задумал привлечь на свою сторону морского атташе Венеккера. Венеккер строил из себя антифашиста, пытался «воспитать» в этом духе и Рихарда. Морской атташе благодаря усилиям Зорге постепенно проникся к нему доверием и всякий раз отводил с ним душу, ругая наци грязными скотами и мародерами. Однажды он заявил: «Остерегайся Лилли Абек. Это фашистская гадина. Ей поручено шпионить за тобой. Я честный человек и всегда готов послужить тебе».— «А я готов всегда помочь тебе»,— отозвался Зорге.

Зорге скоро убедился, что предупреждение Венеккера не лишено основания. Лилли Абек — корреспондентка «Франкфуртер цейтунг», аккредитованная в Китае, перебралась в Токио и здесь буквально по пятам ходила за Рихардом. Уж не пронюхали ли там, в Берлине, о чем-нибудь? Ведь и Зорге и Абек являлись корреспондентами одной газеты. Лилли была фанатичной нацисткой. (Ей суждено было закончить путь на скамье подсудимых военных преступников.) Исступленная, завистливая, она пыталась очернить Зорге в глазах посла, строчила кляузы в Берлин. Но так как в ее доносах сквозила неприкрытая зависть к талантливому журналисту, их никто не принимал к сведению. Посол грудью встал на защиту своего любимца, и общими усилиями атаки Лилли Абек были отбиты.

Этот случай помог Зорге укрепить дружбу с Венеккером.

«А почему бы тебе не поработать на «Франкфуртер цейтунг»? — предложил Зорге морскому атташе.— Мне — слава, тебе — деньги».— «Я и так должен тебе приличную сумму,— отвечал Венеккер, смеясь.— Не терплю деловых отношений, не хочу запутываться вместе с корреспонден-

том этой газеты. А что касается интересных сведений, ты всегда можешь рассчитывать на меня».

Зорге понял и не настаивал. Венеккер в самом деле щедро снабжал его сведениями о германском флоте. На антифашистские темы они больше не заговаривали. Рихард неоднократно убеждался в искренней дружбе этого человека, но до конца не доверял ему никогда. У Венеккера была слабость: он, как и Отт, мечтал о блестящей карьере, люто ненавидел Отта, надеялся со временем заменить Дирксена, и Рихарду приходилось лавировать, быть «другом всем». А это нелегкое дело. Все, что мог сделать Зорге для морского атташе,— это снабжать его информацией и составлять за него отчеты.

В январе 1938 года военный атташе получил секретное задание от германского генштаба: срочно выяснить, намерена ли Япония немедленно после окончания войны в Китае начать войну против Советского Союза? Генерал Хомма из японского генштаба дал уклончивый ответ. Он, Хомма, понимает, что всякая оттяжка времени идет на пользу СССР, но немцы должны войти в положение Японии: оккупационная армия измотана в Китае, она сильно поредела, требуются деньги, деньги. Короче говоря, подготовка к большой войне потребует не менее двух лет. В докладе, написанном не без участия Зорге, Отт уведомлял германский генштаб о том, что японцы всячески пытаются оттянуть большую войну. Военный атташе разражался бранью в адрес японцев, называя их лицемерными азиатами, которым нет никакого дела до германского государства и до обязательств, закрепленных в «антикоминтерновском пакте». Отт намекал, что фон Дирксен ведет вялую политику, не оказывает давления на японское правительство. Этот доклад, изобилующий сильными выражениями, напоминал не дипломатический документ, а политический донос на посла. «Если после этой бумаги тебя не назначат послом, я уезжаю в Германию!» — сказал Зорге Отту.

Посол Дирксен пока не догадывался, что его песенка уже спета. Вместо Нейрата министром иностранных дел стал бывший посол в Англии Риббентроп. В свое время Дирксен имел неосторожность повсюду в дипломатических кругах издеваться над Риббентропом, называть его грязным коммивояжером. Риббентроп обладал хорошей памятью. Став министром иностранных дел, он вспомнил Дирксена. Доклад Отта подоспел вовремя — Риббентроп

показал доклад Гитлеру. Участь Дирксена была решена: пусть едет в Англию на место Риббентропа! Гитлер, задумав развязать войну с Англией, хладнокровно толкал неугодного дипломата в самое пекло. Ну, а в Токио пусть представляет Германию энергичный, способный, не брезгующий ничем солдат Эйген Отт, ярый сторонник войны с Советским Союзом. Кто он по званию? Присвоить генерал-майора!

Гитлер предпринимал все возможное для того, чтобы Япония поскорее развязалась с Китаем и начала войну против Советского Союза. Тут, по его мнению, большая роль принадлежала дипломатам. Дирксен в одном из своих докладов, очень пессимистичном по тону, вскрывал истинные неудачи германской политики в Японии и Китае. «Япония ни при каких условиях, даже рискуя потерять дружбу Германии, не уйдет с тихоокеанских островов»,— писал Дирксен. Такая категоричность не понравилась Гитлеру. Посол явно заражен скепсисом.

Отт еще не стал послом, а Зорге не был его официальным советником, но военный атташе уже настолько привык видеть рядом Рихарда, что больше не мыслил ни одного дела без его участия. Теперь он разговаривал так: «Получен приказ из Берлина: завтра мы с тобой выезжаем в Гонконг на совещание с главным советником Фалькенгаузеном! Прихватим этого дурака Шолла...» Рихард укладывал чемодан, набивал карманы микропленками и на самолете под приветствия японских генералов и полицейских отправлялся в Гонконг. «Значит, мы будем совещаться с генералом Фалькенгаузеном? Мы скажем ему следующее... А если он станет упираться, мы приведем цитатку из приказа генштаба...» На долю майора Шолла выпадало таскать чемоданы своего начальника и его советника-корреспондента. Это все-таки легче, нежели вести переговоры.

Фон Дирксена отозвали в Германию. Все гадали: кого пришлют взамен? Перебирали кандидатуры. Отт в списке не фигурировал. Да и кто бы мог подумать, что этот Эйген... Военно-морской атташе Венеккер изображал на своем лице таинственность: он давно метил на место посла и не сомневался...

И вдруг в марте 1938 года, подобно взрыву бомбы, телеграмма из Берлина: послом в Токио назначается генерал-майор Эйген Отт!.. Генерал-майор... Венеккер не верил собственным ушам. Он сразу же помчался в не-

мецкий клуб и напился. «Как видишь, тебе незачем уезжать в Германию,— самодовольно сказал Отт советскому разведчику.— Какие у нас там планы на завтра?..» Зорге усмехнулся. «Мы стали послом»,— сказал он Максу Клаузену. «А я сделался капиталистом!» — отвечал Макс. Вот как сам Клаузен рассказывает об этом: «Один коммивояжер имел мастерскую по копированию с помощью светящихся красок. Он опрыскивал краской пластинки из стекла, а затем копировал книги. Это получалось у него хорошо. Я пригласил его к себе домой, и он показал мне, как это делается... Коммивояжер уехал потом, и я купил у него мастерскую, забрав свой вклад у Ферстера. Это было в 1938 году. Я нашел одного японца, который очень заинтересовался этим делом. Он демонстрировал мои пластинки перед профессорами в университетах, показывал, как копировать старые книги, и т. д. Мы очень хорошо зарабатывали на этом деле. Спрос на пластинки все возрастал. Мне пришлось увеличить штат сотрудников, и уже в 1939 году мы снимали три комнаты. Эти пластинки мы продавали предприятиям и даже воинским частям. Число сотрудников увеличилось до 14 человек». Дело начинало приносить хороший доход. Фирма получала заказы от таких солидных японских фирм, как «Мицубиси», «Мицуи», «Накадзаки» и «Хатати».

Бюджет семьи Клаузенов распределялся следующим образом: 175 иен за квартиру, 80 — на такси, 60 иен прислуге, 250 иен на питание и 370 — на одежду. Клаузены считались людьми состоятельными и должны были хорошо одеваться. Солидная фирма давала Максу очень надежное прикрытие, и они с Анной были вне всяких подозрений. Фабрика находилась рядом с домом Клаузенов. Чтобы не выдать секрета, Макс опрыскивал краской пластинки сам. Он занимался этим один раз в две недели, и у него оставалось много свободного времени для работы на организацию.

«Какую пользу имело копировальное дело для разведывательной работы? То, что утверждается в этой связи, неверно. Было бы очень хорошо, если бы мы могли получать интересные материалы, но японцы не так глупы, чтобы давать их нам. Благодаря этому занятию я имел лишь хорошее прикрытие для своей работы, поскольку внешне это было процветающее предприятие, дававшее мне возможность больше общаться с японцами, чем с немецким клубом...»

Рихард окончательно перебрался в посольство. Он имел возможность часами работать над совершенно секретными документами, закрывшись в своем кабинете. Тут же, в сейфе, хранились микропленки, приготовленные для Центра, деньги, информация всех видов, поступающая от членов организации. Сейф имел сложный шифр, а ключ Рихард всегда носил в потайном карманчике.

Эйген Отт рьяно принялся за исполнение возложенной на него миссии: натравливать Японию на Советский Союз. Он начал переговоры с министром иностранных дел Хиротой и представителями японского генерального штаба, снова в сопровождении Зорге вылетал в Гонконг для беседы с германским послом в Китае Траутманом. Вся эта возня начинала не нравиться советскому разведчику.

Он понимал, что Япония находится в состоянии политического и финансового кризиса. Не так давно полиция расстреляла в Кобе антивоенную демонстрацию. Усилилось брожение в армии, дисциплина японских войск в Китае катастрофически падала. В кабинете Коноэ начались раздоры: одна группа во главе с военным министром Сугиямой предлагала ограничить военные действия в Китае, с тем чтобы в будущем, когда Япония оправится от потрясений, напасть на Советский Союз; премьер Коноэ и его сторонники настаивали на продолжении войны в Китае. Победил Коноэ. Дело дошло до реорганизации кабинета. Война против СССР как будто бы снова отодвигалась на неопределенный срок.

Но Зорге ни на минуту не забывал следить за развитием германо-японских отношений. Что-то там, в Берлине, опять затевается: Риббентроп якобы ведет переговоры с японским послом Того. Оказывается, речь идет об экономическом сотрудничестве обеих стран в Китае; Япония будто бы готова предоставить германским монополистам особые права и привилегии в торговле с оккупированным Китаем. И вдруг сообщение Одзаки: японский генеральный штаб поручил военному атташе Осиме вести переговоры о заключении военного пакта о взаимопомощи в войне против Советского Союза! Есть документы. Встреча на Гинзадори у аптеки. Несмотря на позднее время, Рихард вскочил на мотоцикл и помчался. Одзаки уже ждал. Забрав документы, Зорге повернул обратно. Он торопился. Было два часа ночи. До утра нужно успеть все сделать, вернее — до рассвета. Он все увеличивал и увеличивал скорость... Поворот... Тут начи-

палась высокая стена. Чтобы автомашины не задевали стену, кто-то додумался установить вдоль шоссе ограждающие массивные камни. Что произошло потом, Зорге помнил плохо. На полной скорости мотоцикл врезался в камень. Рихард перелетел через машину и ударился лицом в следующий камень. Должно быть, на какое-то время Зорге потерял сознание. Пришел в себя, когда почувствовал, что его куда-то несут. Сразу вспомнил о секретных материалах в кармане. Если все это попадет в руки полиции... Конечно же, сначала постараются установить личность пострадавшего, затем составят протокол... Обшарят карманы... «В больницу святого Луки! К доктору Штедфельду! Я Зорге!..» — закричал он. Теперь он старался не впадать в забытье, хоть это и было трудно: в голове гудело, к горлу подступала тошнота. Он не знал, что нижняя челюсть разбита, череп проломлен; он вообще никак не мог сообразить, что же произошло; понимал только одно: его куда-то несут, а в кармане секретные документы. Секретные документы, секретные документы... Все может погибнуть! Все, все... Пять лет кропотливейшего труда, жизнь преданных людей, будущее организации... Больше всего он страшился за Одзаки. Нити расследования сразу же потянутся к нему.

Из-под полуопущенных век Рихард видел спины японцев. Вот его уложили в машину. «К Штедфельду!» — крикнул он еще раз. Один из японцев сделал успокаивающий жест. Потом все колыхалось вокруг. Невероятным усилием воли Зорге стряхивал тяжелый бред, напрягал мышцы лба, чтобы не стонать от пронизывающей боли. «Штедфельд — мой доктор!» Ему казалось, что он выкрикнул эти слова. А на самом деле он лишь пошевелил губами. Но японцы попались сообразительные: если такое случается с иностранцем, то уж лучше не впутываться в историю, а отправить его в больницу для иностранцев.

...Зорге видел склоненное, участливое лицо. Доктор пытался понять, что хочет сказать Зорге. Наконец догадался: срочно вызвать Макса Клаузена! О, телефон известен! И вот Макс в больнице. «Я нашел его там с окровавленным лицом. Увидев меня, он сказал только, чтобы я освободил его карманы, в которых находились деньги и разные секретные материалы». И только тогда, когда Макс выполнил просьбу своего друга, Зорге потерял сознание. Он был очень плох.

Макс сразу же поехал на квартиру Рихарда, забрал фотоаппарат, где могли оказаться непроявленные пленки, проверил ящики стола. Освещая дорогу карманным фонариком, переходил из комнаты в комнату, тщательно просматривал каждую бумажку. Уже рассвело. Едва он успел закрыть квартиру и нырнуть в переулок, как возле дома появились сотрудники информационного агентства во главе с Вайзе. Дом опечатали. Никто не имел права появляться здесь. Но теперь не было особых причин для беспокойств: компрометирующие документы лежали у Макса в кармане.

В то же утро, 13 мая 1938 года, весь Токио узнал из газет о «загадочной мотоциклетной катастрофе». «Покушение на известного немецкого журналиста, нацистского деятеля Рихарда Зорге — сторонника союза Германии и Японии». Интервью у посла Отта. Уж не кроется ли за всем этим злой умысел, преднамеренное покушение на «любимца нацистской прессы»? Отт отрицает. Газетная сенсационная болтовня. Портреты Зорге. Японские корреспонденты толкутся в приемной больницы. Но потерпевший очень слаб, к нему никого не пускают. За исключением... посла Отта и фрау Отт.

Фрау глотает слезы. Посол в растерянности. Его вызывают в Берлин на Вильгельмштрассе, к новому министру иностранных дел Риббентропу. Ответственную поездку посол не мыслил без Рихарда. Как некстати!.. Зорге сразу же оживляется. Его голова забинтована. Только щелки глаз. Разговаривать нельзя. Но еще движется рука. Лист бумаги, самопишущая ручка. Несколько вопросов. Зачем Отта вызывают в Берлин? О, речь по-прежнему идет об экономическом сотрудничестве обеих стран. Отт должен подтвердить выгодность подобного сотрудничества. Рихард согласно кивает головой. Да, да, пусть сотрудничают. Онто знает, что злостные конкуренты все равно ни до чего не договорятся. Рассорятся из-за добычи. Если речь зайдет о заключении военного пакта, Эйген не должен высказываться категорично. Сейчас подобный пакт выгоден в основном лишь Японии. Вот когда Япония на деле подтвердит готовность к экономическому сотрудничеству в Китае... на равных правах... Да, да, с военным союзом следует подождать...

Посол уходит. Появляется Клаузен. Рихард, подавляя в себе расслабленность, пишет, пишет. Текст радиограмм для Центра. Передать сегодня же. «Время от времени,

когда я приходил к нему, он давал мне для передачи написанную от руки информацию, которую он собирал в больнице от этих людей... Я приносил ему в больницу радиограммы, которые получил».

Даже в больничной палате, разбитый, но не сломленный, Зорге оставался разведчиком. В такое тревожное время он не имел права терять ни минуты. Ночью начинался бред. Томительные больничные дни...

...Посол Отт уехал в Берлин. Как-то встретит этого болвана Риббентроп? Впрочем, Риббентроп сам не далеко ушел от Эйгена. Риббентроп — откровенный, прямолинейный враг Англии, сторонник немедленной войны с Англией и Советским Союзом. Германия два месяца назад оккупировала Австрию, теперь нацелилась на Чехословакию. Надвигается большая война... Япония, несмотря на свои мощные военные силы и развитую экономику, не способна выдержать длительных боев: «пороха не хватит», не хватит денег, людей. Ограниченные экономические ресурсы...

Отт вернулся из Берлина быстро. Так и есть. Хищники не смогли договориться. В Берлин поступил доклад от дипломатических представителей, находящихся в Китае. В секретном докладе сказано: японские власти стремятся «изгнать все иностранные государства из Китая, в том числе и Германию. Японские монополии установили контроль над всеми отраслями промышленности и не пускают сюда немцев. Политика Японии направлена на искоренение всего иностранного капитала в Китае».

Риббентроп разругался с японским послом Того. Переговоры о заключении военного союза прерваны.

Зорге облегченно вздохнул. Отт вел себя на Вильгельмштрассе молодцом. Он привез целую кучу ценных сведений. Оказывается, теперь мы можем даже влиять в некоторых вопросах на политику германского государства...

Через Клаузена Бранко передает записку: Мияги получил от своего друга достоверные сведения... (Зорге догадывается: этот друг — Одзаки.) Очень важные сведения: японцы, стараясь поднять свой пошатнувшийся престиж среди западных держав, готовят военную провокацию в районе озера Хасан, вынашивают планы захватить часть советской территории в Приморье, окружить Владивосток.

Тут уже Зорге не мог больше оставаться в больнице Опираясь на трость, доплелся до машины и приказал везти себя в посольство.

Военные действия у Хасана начались 29 июля 1938 года, но еще задолго до этого советское командование, предупрежденное Рихардом Зорге о готовящейся провокации, начало переброску в район озера Хасан частей 1-й Отдельной Краснознаменной армии.

Западная пресса открыто толкала Японию на большую войну. «Япония может воспользоваться этим случаем для ограничения ее действий в Центральном Китае... Настоящий японо-русский инцидент может автоматически вылиться в необъявленную войну»,— подсказывала «Нью-Йорк таймс». Риббентроп забыл ссору с послом Того и стал ратовать за германо-японский военный союз.

Но к 11 августа наступило отрезвление: японские войска были наголову разбиты, выброшены с территории Советского Приморья.

Не лучше шли дела в Китае. Коноэ надеялся поставить Китай на колени, захватив Ханькоу. Но установить «новый порядок» в Восточной Азии не удалось. Китайцы отказались от капитуляции и продолжали борьбу.

Все выходило так, как и предвидел советник Одзаки. Почему бы этого мудрого человека не сделать официальным советником?

Осуществить намерение принцу не удалось: потерпев поражение на всех фронтах международной политики, кабинет Коноэ вынужден был уйти в отставку.

Так обстояли дела на Дальнем Востоке.

А в Европе назревали события, смысл которых хорошо понимал Зорге. 30 сентября Гитлер выполз из «коричневого дома» в Мюнхене — в этот день правящие круги Англии и Франции выдали фашистской Германии Чехословакию. Мюнхенский сговор расчистил нацистам путь ко второй мировой войне. И хотя срок пребывания Зорге в Японии согласно договоренности с Урицким кончился, Рихард 7 октября написал в Центр:

«Пока не беспокойтесь о нас здесь. Хотя нам здешние края крайне надоели, хотя мы устали и изможлены, мы все же остаемся все теми же упорными и решительными парнями, как и раньше, полными твердой решимости выполнить те задачи, которые на нас возложены великим делом».

Он отдавал себе ясный отчет в том, что его место сей-

час в Токио — и нигде больше. Ибо не было, не существовало в природе человека, который смог бы заменить его в настоящее время здесь, на самом оживленном перекрестке международной политики; он проник в сокровенный уголок фашистского логова — в германское посольство, даже мог направлять действия посла по нужному руслу, оказывать влияние на германо-японские отношения, узнавать о замыслах Гитлера и его приспешников. Нет, никто не мог заменить Зорге. Все личное должно отойти на второй план...

А что сказать Кате, как объяснить?..

«Дорогая Катя!

Когда я писал тебе последнее письмо в начале этого года, то я был настолько уверен, что мы вместе летом проведем отпуск, что даже начал строить планы, где нам лучше провести его.

Однако я до сих пор здесь. Я так часто подводил тебя моими сроками, что не удивлюсь, если ты отказалась от вечного ожидания и сделала отсюда соответствующие выводы. Мне не остается ничего более, как только молча надеяться, что ты меня еще не совсем забыла и что все-таки есть перспектива осуществить нашу пятилетней давности мечту: наконец получить возможность вместе жить дома. Эту надежду я еще не теряю. Ее неосуществимость является полностью моей виной, или, вернее, виной обстоятельств, среди которых мы живем и которые ставят перед нами определенные задачи.

Между тем миновали короткая весна и жаркое, изнуряющее лето, которые очень тяжело переносятся, особенно при постоянно напряженной работе. И совершенно очевидно, при такой неудаче, которая у меня была.

Со мной произошел несчастный случай, несколько месяцев после которого я лежал в больнице. Однако теперь уже все в порядке, и я снова работаю по-прежнему.

Правда, красивее я не стал. Прибавилось несколько шрамов, и значительно уменьшилось количество зубов. На смену придут вставные. Все это результат падения с мотоцикла. Так что когда я вернусь домой, то большой красоты ты не увидишь. Я сейчас скорее похожу на ободранного рыцаря-разбойника. Кроме пяти ран от времен войны, я имею кучу поломанных костей и шрамов.

Бедная Катя, подумай обо всем этом получше. Хорошо, что я вновь могу над этим шутить, несколько месяцев тому назад я не мог и этого.

Ты ни разу не писала, получила ли мои подарки. Вообще уже скоро год, как я от тебя ничего не слыхал.

Что ты делаешь? Где теперь работаешь?

Возможно, ты теперь уже крупный директор, который наймет меня к себе на фабрику, в крайнем случае мальчиком-рассыльным? Ну ладно, уж там посмотрим.

Будь здорова, дорогая Катя, самые наилучшие сердечные пожелания».

5

НЕУДАВШИЙСЯ «ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ МЮНХЕН». БУРЯ НАДВИГАЕТСЯ

Для окружающих Зорге продолжал вести прежнюю беспокойную жизнь корреспондента многих газет и журналов. Все те же пресс-конференции, официальные приемы, обеды. Иногда он делает доклады для сотрудников посольства. Ганс Отто Мейснер, присутствовавший на одном из подобных докладов, отзывается о нем так: «Это была изумительная лекция, прочитанная с предельной простотой. Он кончил, насколько я помню, словами: «Американцы сделали ошибку, о которой они когда-нибудь пожалеют...» Многие из нас мило улыбнулись в ответ на это и разошлись заниматься своими делами. Сегодня эти слова воспринимаются как свидетельство изумительной прозорливости Зорге в вопросах международных отношений». Но с некоторых пор в Рихарде произошел какой-то перелом. Он уже не казался таким оживленным, веселым, как прежде. Все чаще хмурился, почти не острил, иногда бывал резковат даже с Эйгеном и Вайзе, старался уединиться.

Из Германии от «Франкфуртер цейтунг» и журнала «Геополитик» поступило предложение написать книгу

о Японии. Может быть, Рихард обдумывал книгу, потому и закрывался часто в своем доме? Здесь у него на стеллажах накопилось до тысячи томов книг, большая часть которых была посвящена Японии. Иногда он сидел на веранде, завернувшись в кимоно, обвязав голову полотенцем, и неторопливо потягивал из чашки зеленый чай без сахара.

Но сейчас он не думал о книге, хотя мысль написать такую книгу пришла давно. Это, разумеется, была бы оригинальная книга, отличная от всех уже написанных. Чему посвящены те труды на стеллажах? Нравам и обычаям. Замужние японки красят зубы черным лаком. Здесь иголку надевают на нитку, а не так, как у нас в Европе... Здесь утираются мокрым полотенцем... Гейши — это не то, что мы с вами думаем, а всего лишь артистки, честно зарабатывающие свой хлеб музыкой и танцами... Дальше идет описание храмов, лакированных шкатулок, вееров, кагамидаев, сэймонов, акамонов... Иногда попадаются работы, посвященные экономике, истории. Но еще нет такой книги, где содержались бы раздумья об исторических судьбах Японии. Еще никто не показал на конкретных примерах историю японской экспансии, начиная с древнейших времен. Это будет труд, который поможет людям разобраться кое в чем, хотя бы в том, откуда берутся войны и к чему они приводят в конечном итоге, если носят агрессивный характер.

«Собранные мною материалы я использовал при написании довольно обширного труда по истории японской экспансии, начиная с древнейших времен».

Это должна быть книга о становлении японского монополистического капитализма, о переходе Японии к империализму на рубеже XIX—XX веков. Это будет полемическая книга, направленная и против научных авторитетов, которые отрицают, что еще до начала русско-японской войны 1904—1905 годов монополистические объединения заняли ключевые позиции в важнейших отраслях японской экономики.

Зорге остро интересуют такие, казалось бы, прозаические вопросы, как концентрация банковского дела и образование финансового капитала; так называемые сэйсё, или торговцы политикой,— небольшая группа привилегированной буржуазии, выросшей на политических махинациях и спекуляциях; вывоз капитала; специфические особенности японского империализма: использование

феодальных пережитков в экономике страны монополистическим капиталом, особая агрессивность японского империализма, провозглашение «монополии военной силы». Каковы связи крупной монополистической буржуазии с государственным аппаратом, с парламентом и политическими партиями, как происходила консолидация сил правящего лагеря? Как нарастала агрессивность во внешней политике?..

Каждый человек, кто бы он ни был, является не только свидетелем, но и участником исторических событий. Степень участия различна. Одни держат руку на пульсе мировых событий, другие о многом не догадываются, и их участие в том или ином историческом событии не всегда бывает глубоко осмысленно.

Например, каков характер процесса, происходящего за последние годы в Японии, во всем мире?

За пять лет пребывания Зорге в Японии здесь сменилось несколько правительственных кабинетов: Сайто и Окады, Хироты, Хаяси, Коноэ...

Карьера государственного деятеля зависит подчас от непостижимого стечения обстоятельств. Совсем недавно казалось, что принц Коноэ утвердился у кормила власти на долгие годы. И вот 3 января 1939 года кабинет Коноэ пал. Премьер-министром Японии стал барон Хиранума, ставленник могущественной военной группировки, той самой, что любой ценой стремилась осуществить на практике принцип «хаккоиту» («восемь углов под одной крышей») — объединить все страны Востока под властью империалистической Японии.

Хиранума, Итагаки, Ионаи, Тодзио, Касахара, Накадзима, Ямаваки, Арита, Икэда, Араки, Уэда — это были давние враги Советского Союза.

Казалось, что крайне агрессивная группа японской военщины, опирающаяся на крупный монополистический капитал, пришла к власти надолго.

4 января состоялось пышное богослужение в великом храме Исэ, где император в присутствии членов императорской фамилии и высших чиновников «сообщил» своей «прародительнице», солнечной богине Аматерасу, состав нового кабинета.

5 января император — тэнно, «живой бог»,— присутствовал на богослужении в токийском храме Ясукуни-дзиндзя. Богослужение транслировалось по радио, закончилось оно парадом войск. Ясукуни-дзиндзя — военный

храм, центр милитаристской пропаганды, которая каждого солдата, погибшего под императорскими знаменами, причисляла к сонму богов. Газета «Тэйкоку симпо» писала тогда: «Каким бы преступником и негодяем ни был японский подданный, становясь под боевые знамена, он освобождается от всех грехов. Япония воюет во имя императора, и ее войны — святые войны. Те, кто погиб в них со словами «да здравствует император», были ли они хорошими или плохими людьми, тем самым становятся богами».

Это богослужение в Ясукуни-дзиндзе было своеобразным освящением внешнеполитического курса нового правительства.

В этот же день военный министр Итагаки в беседе с премьер-министром изложил программу верхушки японской армии: широкая мобилизация всех ресурсов страны для «полной победы» в Китае и укрепление военного союза с Германией и Италией с целью нападения на СССР. Эту программу Хиранума принял безоговорочно. После беседы он в сопровождении Итагаки посетил военное министерство. Здесь, в огромном зале с наглухо зашторенными окнами, у длинных ящиков с песком и гипсом, воспроизводивших рельеф местности Советского Забайкалья, Приморья и Монгольской Народной Республики, их уже ждали заместитель военного министра генерал Тодзио, морской министр Ионаи, командующий Квантунской армией в Маньчжурии генерал Уэда. На стенах были развешаны географические и топографические карты с сигнальными лампочками, которые, вспыхивая, обозначали стрелы, направленные на важнейшие населенные пункты Советского Дальнего Востока и МНР.

Итагаки подвел премьер-министра к макету предполагаемого района боевых действий: это была часть территории Монгольской Народной Республики, так называемый Тамцак-Булакский выступ, район реки Халхин-Гол. Здесь, на восточной окраине МНР, должен завязаться военный конфликт! Итагаки был давним сторонником «монгольского варианта». Еще в бытность свою начальником штаба Квантунской армии, в 1936 году, он указывал, что если Внешнюю Монголию (то есть МНР) присоединить к Японии и Маньчжурии, то безопасности Советского Дальнего Востока будет нанесен сильнейший удар. Дескать, в случае необходимости «можно будет вытеснить влияние СССР с Дальнего Востока почти без борьбы».

Вот и теперь он стал объяснять премьер-министру, что вторжение японской армии в СССР через МНР предпочтительнее, чем через Маньчжурию,— таково мнение военных экспертов. Восточный, или Тамцак-Булакский, выступ территории МНР имеет большое оперативно-стратегическое значение: разгромив здесь советско-монгольские части, японская армия стремительным броском выйдет к советской границе южнее Читы; следующим ударом будет перерезана Сибирская железнодорожная магистраль; Дальний Восток окажется изолированным от остальной части СССР. Располагая железнодорожными и шоссейными подъездными путями к району боевых действий и заранее подготовленными базами снабжения, японские войска имеют существенное тактическое преимущество перед советско-монгольскими войсками, которым придется действовать в отрыве от ближайшей железнодорожной станции на 750 километров. И вообще, район Халхин-Гола крайне неблагоприятен для Красной Армии: полное бездорожье, необозримые степные пространства безлюдны и безводны.

Хиранума слушал молча, ему было известно, что в прошлом году Итагаки так же доказывал принцу Коноэ целесообразность вторжения японских войск в пределы СССР в районе озера Хасан. А в результате... Попытка Японии захватить часть советской территории в Приморье окончилась позорным провалом. Красная Армия наголову разбила японские части. Несомненно, это явилось одной из причин ухода кабинета Коноэ в отставку.

Но барон Хиранума был решительным человеком. Хотя он мало верил в стратегические способности своего военного министра, но считал, что война с СССР неизбежна. Он знал, что в соответствии с протоколом о взаимной помощи монгольское правительство еще в 1937 году обратилось к Советскому правительству с просьбой о вводе частей Красной Армии на территорию МНР. Советское правительство просьбу удовлетворило, и теперь в случае вооруженного столкновения на границе Монголии японской армии придется иметь дело не только с монгольской конницей, но и с советскими войсками.

Коноэ оставил новому премьеру тяжелое наследство: инфляция, голод, забастовки, японская армия увязла в Китае; истощены людские и материальные ресурсы, не хватает сырья — железной руды, нефти, каучука, химикалий. Легкая промышленность в упадке,

И все-таки Хиранума решил развязать войну против СССР и МНР. Он считал, что международная обстановка, как никогда, благоприятна для подобной акции — сговор в Мюнхене, падение республиканского Мадрида, захват Гитлером Чехословакии и Австрии...

К тому же правящие круги Англии, Франции и США, которых беспокоило расширение японской экспансии на юге, стремились повернуть Японию «в северном направлении», против Советского Союза. Кроме того, Хиранума был твердо уверен: окончательное подчинение всей Восточной Азии невозможно без победоносной войны против СССР. По крайней мере, добраться до Байкала... Победоносная война с СССР укрепит пошатнувшееся положение Японии на мировой арене: не только Германия и Италия, но и Англия, Франция, США вынуждены будут поддержать широкие экспансионистские планы правительства Хиранумы в отношении восточно-азиатского континента. Ведь сейчас важнее всего — создать блок империалистических государств против СССР.

Здесь же, в зале военного министерства, генерал Итагаки устроил маленький спектакль: он подошел к пульту и стал нажимать цветные кнопки. Зажужжали скрытые электромоторы и привели в движение сотни миниатюрных танков, бронемашин, автомобилей, расставленных на макете будущего района боевых действий. Танки наползали на позиции противника, сминали его и неудержимой лавиной шли дальше. Впечатление было сильное, и как-то забывалось, что «бой» проходит в ящике с песком. Барону Хирануме на миг показалось, что он смотрит «в зеркало своей судьбы». Что смогут противопоставить большевики хорошо продуманному маневру, обеспеченному всеми видами новейшей техники? Они будут застигнуты врасплох. Если развернуть военные действия одновременно в направлении Владивостока, Хабаровска, Благовещенска и Куйбышевки, сосредоточить флот у южной оконечности Сахалина... Посол Осима создал в Берлине белоэмигрантский шпионский центр, организовал переброску в Советский Союз группы террористов.

Да, барон Хиранума грезил наяву. Но если бы человеку было дано заглядывать в будущее!.. Разве мог знать новоиспеченный премьер, что его так блестяще начавшаяся политическая карьера очень скоро, всего через восемь месяцев, закончится где-то на далеком Тамцак-Булакском

выступе, клочке монгольской земли, заросшей степными травами?

Да, людям не дано заглядывать в зеркало своей судьбы.

Парламент единодушно принял программу Хиранумы — Итагаки и утвердил небывалый военный бюджет: семь миллиардов сто тридцать два миллиона иен. Председателем комиссии по всеобщей национальной мобилизации был назначен генерал Араки. Тот самый Араки, который заявил, что «Япония не желает допустить существование такой двусмысленной территории, какой является Монголия, непосредственно граничащая со сферами влияния Японии — Маньчжурией и Китаем».

Парламент утвердил также и «прогрессивные мероприятия»: ограничил рабочее время мальчиков и девочек, не достигших 16 лет, до 12 часов «и, как исключение, до 14 часов». У населения были изъяты все драгоценности и ювелирные изделия — в фонд войны!

13 января 1939 года посол США Грю сообщил своему правительству, что для агрессии Японии против Советского Союза «создалась благоприятная обстановка, особенно после заключения европейскими государствами соглашения в Мюнхене». Чуть позже газета «Нью-Йорк таймс» писала: «Токийская группа планирует войну против СССР. Возможно, столкновение начнется этой весной». Газета недвусмысленно советовала фашистам Германии и Италии «помочь» своему восточному партнеру: напасть на СССР с запада. США усилили экспорт военных материалов в Японию.

Зорге много размышлял о природе японского империализма, изучал книги по этому вопросу, пытался нащупать движущие пружины японской экспансии. Буржуазные историографы пытались представить дело так, будто во всех военных происках Японии повинны руководители армии, ничтожная группа агрессивных милитаристов. Но Зорге понимал, что природа империализма повсюду одна и та же — будь то в Японии, Германии или же в США. И сокрушить первое в мире социалистическое государство — вот заветная мечта империалистов. Здесь они всегда солидарны, несмотря на все противоречия, раздирающие капиталистический мир. Японские империалисты попрежнему вынашивают планы создания колониальной империи с включением в нее Советского Дальнего Востока, куда бы ни была нацелена их агрессия в данный момент. Нужна бдительность и еще раз бдительность...

Когда Зорге узнал о назначении послом в Берлине генерала Осимы на место провалившего в прошлом году переговоры о военном пакте Того, он сильно встревожился. Ярый враг Советского Союза, один из организаторов «антикоминтерновского пакта», Осима не остановится на полдороге. Он человек решительный, напористый, откровенный поклонник Гитлера. В Рим назначен такой же враг Советского государства — Сиратори.

Не иначе как завязывается новая политическая интрига с плохими последствиями. У Зорге за годы общения с подобными людьми развился своеобразный нюх на политические интриги. Всякое продвижение и перемещение дипломатических работников имело подоплеку. Отт подтвердил: еще во время «мюнхенской комедии» Риббентроп предложил Муссолини заключить тройственный военный союз между Германией, Италией и Японией. Теперь машина заработала. Советники японского посольства под непосредственной опекой Осимы и Риббентропа подготавливают варианты будущего военного пакта... Но там идет не все гладко... В самом японском кабинете нет единой точки зрения на характер военного союза с Германией и Италией.

Рихард спешно связался с Одзаки. Необходимо знать, каков характер разногласий в кабинете Хиранумы. Одзаки дал исчерпывающий ответ: Гитлер хочет втянуть Японию в войну с Англией и Францией в первую голову. Таково основное содержание пакта. Военный министр Итагаки и министр финансов Икэда, опираясь на послов Осиму и Сиратори, советуют принять гитлеровский проект без всяких оговорок. Но министр иностранных дел Арита и военно-морской министр Ионаи не решаются на открытый разрыв с западными странами и предлагают сузить пакт до такой степени, чтобы он применялся лишь против Советской России, ибо «по экономическим причинам Япония не в состоянии выступить против Англии и Франции».

Что же это за экономические причины? Лишенная многих видов стратегического сырья, Япония могла получить их только из Англии, США, Франции. И получала. Названные страны в больших размерах поставляли сюда дефицитное сырье: нефть, каучук, железо, хлопок, цветные металлы. Япония торопилась накопить военные материалы, чтобы в благоприятный момент развернуть свой военный потенциал. А Германия ничего дать не могла.

Из Британской Малайи Япония получала свыше тридцати процентов всего ввозимого ею каучука и пятьдесят процентов олова. У Америки Япония покупала металлолом, нефть, машины, хлопок, ферросплавы. Канада и Австралия поставляли цветные металлы, Франция — высококачественный уголь для металлургии...

С отставкой Коноэ Одзаки не утратил позиций в высших сферах. Принц не считал свой уход с поста окончательным, надеялся в скором времени вернуться, а потому «группа завтрака» продолжала действовать. Теперь собирались в доме секретаря кабинета министров и министерства иностранных дел Кинкадзу — сына графа Сайондзи. Молодой Сайондзи смотрел на Одзаки с глубоким восхищением, был привязан к нему всем сердцем. И хотя Коноэ находился в отставке, он оставался приближенным императора, и окружение принца — личный секретарь Усиба, советник по делам Китая Инукаи Кэн, крупные политические деятели Кадзами, Гото — пользовалось огромным влиянием. При содействии друзей Одзаки был назначен советником в токийский отдел исследования Южно-Маньчжурской железной дороги. Этот концерн представлял своеобразную «империю» в империи, оказывал большое влияние на политику правительства. Так, в телеграмме от 11 мая 1938 года начальник штаба Квантунской армии генерал Тодзио отмечал особые заслуги концерна ЮМЖД «в проведении политики в Маньчжоу-Го и в подготовке военных действий против Советского Союза». На отделение Одзаки возлагалась задача изучать положение в Маньчжурии и Советском Союзе. На новой службе Одзаки всегда был осведомлен в такой же степени, как иной член кабинета.

Связанный с посольствами Англии, Франции, США Бранко Вукелич приносил известия, характеризующие отношение названных стран к японо-германо-итальянским переговорам. Все та же старая, унылая песня соглашателей, подстрекателей. Нет, они ничего не имеют против японо-германо-итальянского военного союза, если его острие будет нацелено на СССР...

Английский посол Крейги старался выяснить у японского министра иностранных дел, против кого будет направлен военный пакт. Арита заверил посла: Япония стремится ограничить пакт антисоветскими рамками. Крейги успокоился, но все-таки заявился к Отту и стал доказывать ему, что если Япония примет предложение

Берлина, то это никому не принесет пользы. Отт сообщил в Берлин: «Английский посол, который чрезвычайно взволнован, недавно обрисовал мне японскую политику в отношении пакта как неверную дорогу, которая сделает чрезвычайно напряженными отношения с Англией». Американский посол Грю доносил госдепартаменту, что «основной вопрос заключается в сфере применения предполагаемого соглашения: будет ли оно направлено только против России или, быть может, и против других стран». Грю делал вывод: для агрессии Японии против Советского Союза «создалась благоприятная обстановка, особенно после заключения европейскими государствами соглашения в Мюнхене».

Политическая атмосфера накалялась все больше и больше. Макс Клаузен едва успевал передавать радиограммы.

С обостренным вниманием следил Зорге за всеми эволюциями на Вильгельмштрассе и в Токио. Хищники делают еще одну попытку договориться... Но удастся ли им развязать слишком уж тугой узел противоречий?.. Рихард не верил в чудеса. Не верил также тому, что барон Хиранума в состоянии разрубить этот узел. Да и никто не смог бы его разрубить...

Переговоры безнадежно затягивались. В марте пришла телеграмма от Риббентропа. Рихард ее сфотографировал. Да, переговорам не видно конца. Японцы всячески стараются обойти германские предложения. Они придумали компромиссную формулу: СССР следует признать основным объектом нападения; что же касается Англии и Франции, то пусть каждый участник пакта сам решает, стоит ли выступать против них в данный момент. Осима и Сиратори взбунтовались, даже не желают обсуждать токийский вариант, грозятся уйти в отставку. Риббентроп заявляет: если японское правительство не присоединится к военному союзу безоговорочно, то Германия вступит в союз с одной Италией и, возможно, пойдет даже на заключение договора с Россией.

Но угрозы, кажется, не подействовали. На словах барон Хиранума клянется: Япония полна твердой решимости стать плечом к плечу с Германией и Италией; через Отта направил обращение к Гитлеру, в котором обещает оказывать Германии и Италии политическую и экономическую помощь, но в то же время говорит, что при сло-

жившихся обстоятельствах Япония «ни сейчас, ни в ближайшем будущем не сможет оказать им практически какую-либо военную помощь».

4 мая посол Крейги телеграфировал в Англию на Даунинг-стрит, 1: кабинет Хиранумы отказался заключить военный союз против СССР и западных держав и высказался за создание военного блока только против СССР.

Чем вызвано подобное решение Японии? Нетрудно было догадаться: в Москве в это время проходили переговоры между СССР, Англией и Францией. Заявив, что Япония не собирается порывать с западными странами, кабинет Хиранумы надеялся внести раскол в московские переговоры, помешать сближению Советского Союза с западными державами. Откуда было знать барону и его правительству, что Англия и Франция ведут переговоры вовсе не для того, чтобы заключить союз против агрессоров...

Зорге старался распутать весь этот клубок международных отношений, понять мотивы, которыми руководствуется каждая из сторон.

Да, конечно, Япония постарается изменить обстановку на Дальнем Востоке таким образом, чтобы сделать Германию уступчивее, а Францию и Англию отвратить от Советского Союза...

Вот почему все последние месяцы хмурая задумчивость не сходила с лица Зорге. Он размышлял. Нащупывал пульс мировой политики. Он должен был произвести научную оценку событий и прийти к единственно правильному выводу. Вывод напрашивался такой: чтобы задобрить Гитлера и западные державы, кабинет Хиранумы пойдет на очередную провокацию на «севере».

Сделав подобное заключение, Рихард заволновался.

Через Бранко удалось установить: в английском посольстве, оказывается, знают о том, что Япония стягивает войска к восточным границам МНР. Не дожидаясь начала боевых действий, Вукелич через главу прессы агентства Гавас стал хлопотать о командировке в Маньчжурию.

Зорге выяснил, что японские генералы надеются захватить в Монголии выгодные плацдармы для нападения на Советский Союз, а также хотят испытать боеспособность Советских Вооруженных Сил. Еще в октябре прошлого года Рихард сообщил в Центр о том, что Япония заключила с Германией секретное соглашение об обмене

сведениями разведки относительно Вооруженных Сил Советского Союза.

И снова Клаузен шлет в эфир радиограмму за радиограммой, сигнализирует о надвигающейся опасности.

Бранко попал на фронт месяц спустя после того, как у реки Халхин-Гол произошли бои. Предлогом для вторжения генералам послужили фальшивые карты, состряпанные в Токио, где государственная граница вопреки действительному положению была отодвинута на двадцать километров в глубь монгольской территории. Советский Союз, верный договорным обязательствам, пришел на помощь МНР.

Бранко увидел отроги Большого Хингана, халхингольские барханы, заросшие кустарником. Здесь, в широкой долине, в песке и грязи увязли машины, и только кони еще как-то могли двигаться. Бранко часами вглядывался в сиреневую мглу, туда, где невысоким валом поднимались горы Хамар-Даба. Там была загадочная Монголия, там были красноармейцы, красные цирики.

Здесь, на Халхин-Голе, он представлял французское агентство Гавас.

В июльские дни премьер Хиранума был занят политикой глобального масштаба. Он разъяснял американскому послу Грю, что создаваемый японо-германский союз направлен исключительно против Советского Союза и что Япония стремится к тесному сотрудничеству с Америкой. Барон стремился высвободить находившиеся в Китае войска для войны против СССР, а для этого следовало созвать Тихоокеанскую конференцию, на которой бы США, Англия, Франция, Германия, Италия решили судьбу Китая, организовали своеобразный «дальневосточный Мюнхен», то есть выдали Китай Японии. В свою очередь, министр иностранных дел Арита обрабатывал английского посла Крейги, доказывал, что Англии выгодно пойти на сближение с Японией. Правительственной верхушке удалось воздействовать на Англию, ущемляя ее интересы в Китае, блокируя английскую концессию в Тяньцзине. Британский премьер Нейвилл Чемберлен пошел на значительные уступки, это выявилось в июле во время переговоров между министром иностранных дел Аритой и английским послом Крейги. Было заключено соглашение, по которому Англия признавала особые права Японии в Китае и давала обязательства не мешать осуществлению завоевательных планов японской армии. Это было мно-

гообещающим началом «дальневосточного Мюнхена». Вашингтон, в свою очередь, благосклонно относился к предложению Японии созвать Тихоокеанскую конференцию. Германия и Италия готовы были заключить с правительством Хиранумы военный союз, направленный против СССР (правда, Гитлер также требовал от правительства Хиранумы, чтобы Япония приняла участие в войне против Англии и Франции).

Короче говоря, еще нажим — и Токио сможет торжествовать. Для этого не хватало пустяка — требовалась победа в районе Халхин-Гола. Она подняла бы престиж Японии и вызвала бы окончательные уступки со стороны США и Англии.

Но именно в июльские дни пришло сообщение из штаба Квантунской армии: японская армия, пытавшаяся окружить и уничтожить советско-монгольские войска, попала в окружение в районе горы Баинцаган, главная японская группировка разгромлена! Это имело свои последствия.

26 июля американское правительство Рузвельта заявило об отказе от торгового договора с Японией, заключенного тридцать лет тому назад. 1 августа английский посол Крейги заявил в Токио протест против непомерных требований Японии, и англо-японские переговоры фактически прекратились. Распространились слухи о том, что якобы германские дипломаты ведут переговоры в Москве. Это было чудовищно, невероятно. В то время, когда Япония терпит поражение за поражением... Советник Усами побежал к начальнику политического отделения министерства иностранных дел Германии Верману и потребовал объяснения. Верман опроверг слухи, но Арита знал, чего стоят заверения дипломата, особенно гитлеровского дипломата.

В Токио воцарилась паника. Барон Хиранума чувствовал, как под ногами разверзается пропасть. Итагаки начал бросать к Халхин-Голу все, что было под рукой: снял допотопные крепостные пушки в Порт-Артуре, перетащил танки из Китая, набрал шестьдесят бомбометов, которые каким-то чудом уцелели с первой мировой войны, перебросил части, сформированные из китайцев. Но удалось наскрести всего двадцать пять батальонов пехоты и семнадцать эскадронов конницы. Дело оборачивалось так, что теперь провокация на границе требовала уже усилий всей страны. Халхин-Голом теперь занимались императорская верховная ставка, высший военный совет, совет

маршалов и адмиралов, совет по национальным ресурсам. Посовещавшись со своими министрами и богиней Аматерасу, император приказал сформировать специальную 6-ю армию, которая разом покончила бы с советско-монгольскими войсками.

Хиранума и военный министр требовали наступления, окружения, уничтожения. Быть или не быть дальше «восточному Мюнхену» — все зависело от исхода событий у Халхин-Гола. Решающее наступление было назначено на 24 августа.

Японская дипломатия и военщина решили усилить нажим на Англию. 17 августа генерал Сугияма потребовал, чтобы англичане сдали японским властям все капиталы китайского правительства, хранящиеся в английском банке в Тяньцзине. Но англичане не успели передать генералу Сугияме китайское серебро на сумму 50 миллионов долларов.

Рано утром 20 августа советско-монгольские войска перешли в наступление, упредив, таким образом, японцев.

31 августа территория МНР была полностью очищена от захватчиков. За три месяца боев японцы потеряли 55 тысяч убитыми и ранеными, 660 самолетов, свыше 200 орудий и много другого военного снаряжения. Потери советско-монгольских войск составляли 9 тысяч человек.

Лорд — хранитель печати Кидо, один из советников японского императора, записал в своем дневнике: «Все погибло...»

Германия и Италия, не дожидаясь исхода событий у Халхин-Гола, заключили военно-политический договор. Они уже видели, что карта барона Хиранумы бита. Провалилась и попытка Хиранумы созвать Тихоокеанскую конференцию — своеобразный «дальневосточный Мюнхен», где бы империалистические державы решили участь Китая в пользу Японии. Германия в самый разгар халхингольских боев, когда японская армия находилась на грани катастрофы, заключила еще один пакт...

Беспокойный 1939-й...

Рихарду приходилось аккумулировать в своем мозгу все большие и малые события, чутко прислушиваться к голосам западных держав, держать в руках ту веревочку, которая вилась на Вильгельмштрассе. То, что Европа неуловимо вползает во вторую мировую войну, становилось

очевидным из документов, попадавших в руки разведчика.

В конце мая немецкий генерал-майор Томас, начальник экономического отдела генерального штаба, давний знакомый Зорге, выступил с докладом перед сотрудниками МИДа. Текст секретного доклада Отт передал Зорге. Томас приводил интересные цифры: численность вермахта к середине 1939 года достигла двух с половиной миллионов человек. Германия располагает 51 полностью снаряженной и обученной дивизией, из них 5 танковыми и 4 моторизованными. Военно-воздушные силы насчитывают 260 тысяч человек, состоят из 240 эскадрилий и 340 зенитных батарей. В составе военно-морского флота 2 линкора, 2 крейсера, 17 эсминцев и 47 подводных лодок; в ближайшее время заканчивается строительство еще 2 линкоров, 4 крейсеров, авианосца, 5 эсминцев и 7 подводных лодок.

Вдоль своей границы с Голландией, Бельгией, Францией немцы соорудили так называемую линию Зигфрида — пояс укреплений шириной до 50 километров, состоящий из 17 тысяч подземных железобетонных сооружений, в которых размещено полмиллиона солдат.

Поскольку доклад Томаса предназначался для ориентировки германских дипломатов, то Эйгену Отту даже в голову не пришло скрывать его от Зорге. Он давно зачислил Рихарда в семью посольских сотрудников и подумывал сделать его официальным пресс-атташе при посольстве.

Рихард сфотографировал каждую страницу доклада. Это была редкая удача! Наци мимоходом разбалтывали самые сокровенные свои тайны.

Томас даже делал вывод: «Уровень производительности собственно военной промышленности и подготовка перевода остальной экономики на военные рельсы ни в одной другой стране не находится на такой высоте, как в настоящее время в Германии».

Все данные Клаузен в тот же день передал в эфир. Зорге смотрел на Эйгена с нежностью: «Милая фашистская коровка...»

Трагикомизм «дружбы» этих двух людей заключался в том, что Эйген Отт сам был разведчиком.

Делать карьеру Эйген начал еще в период первой мировой войны. В то время он работал на известного полковника Николаи, руководителя немецкой военной

разведки. Именно Николаи предложил послать Эйгена осенью 1933 года в Японию с заданием установить контакт с японской разведкой. Здесь Эйген завязал тесные отношения с руководителями разведки на материке, начальником «континентальной службы» Доихарой. Но японцы не очень-то охотно делились информацией. Некоторое время, как мы помним, Отт пребывал в роли стажера, военного наблюдателя в японских войсках. Он должен был представить обстоятельный доклад своему начальству.

Тут-то у него и возникла идея использовать Зорге. И вот нацистский разведчик, сам о том не подозревая, сейчас старательно работал на Зорге, на Центр. Иногда, занятый приемами и другими делами, он поручал Рихарду шифровать телеграммы. Так германский код стал известен Центру.

Как рассказал Отт, еще в марте Риббентроп предъявил Польше требования «третьего рейха» на Данциг. И хотя Гитлер, выступая в рейхстаге, лицемерно превозносил «польско-немецкую дружбу как стабилизирующий фактор в политической жизни Европы», Зорге догадывался, к чему все клонится. От германских посланников и генералов, зачастивших в Токио, он прослышал кое-что о «плане Вейс». То был конкретный план нападения на Польшу. Гитлер будто бы заявил генералам: «Не может быть даже речи о том, чтобы оставить Польшу в покое, и перед нами остается только одно решение — напасть на Польшу при первой же благоприятной возможности. Проблему Польши нельзя отделять от войны против Запада. Англия стоит на пути установления нашей гегемонии...»

Шолл, из майора превратившийся в подполковника и заменивший Отта на должности военного атташе, стараясь блеснуть причастностью к великим тайнам, заверил Рихарда: нападение на Польшу произойдет в любой день после 1 сентября этого года. Так сказано в директиве Кейтеля.

...Внимательно следил Зорге за ходом англо-франко-советских переговоров. Беспокоила позиция Англии и Франции: посол Отт получал документы, свидетельствующие о том, что англичане параллельно ведут секретные переговоры с Германией. Тут пахло предательством. Панское правительство Польши категорически отказалось от военной помощи Советского Союза, так как надеялось договориться с немцами и в случае большой войны поживиться за счет Советской Украины и Литвы. Министр

иностранных дел Польши Бек заявил: даже в случае нападения Германии Польша не допустит на свою территорию советские войска. Лучше немцы, чем Советы. Французские дипломаты плели интриги в надежде изолировать СССР на международной арене. Все усилия западных держав в этот ответственный момент сводились к тому, чтобы сколотить единый антисоветский империалистический блок. Чемберлен заверил гитлеровского эмиссара Тротта цу Зольца в том, что все европейские проблемы могут быть урегулированы по линии Берлин — Лондон. Известный нам фон Дирксен сообщал из Лондона на Вильгельмштрассе: «Здесь преобладает впечатление, что возникшие за последние месяцы связи с другими государствами являются лишь резервным средством для подлинного примирения с Германией и что эти связи отпадут, как только будет действительно достигнута единственно важная и достойная усилий цель — соглашение с Германией».

Так оценивала гитлеровская дипломатия поведение «туманного Альбиона» в англо-франко-советских переговорах. Деятели с Даунинг-стрита пеклись лишь о разделе сфер влияния с фашистской Германией, а на переговоры с Советским правительством смотрели как на дипломатический маневр, и не более. Тут же Дирксен, комментируя московские переговоры, доносил 1 августа: «К продолжению переговоров о пакте с Россией, несмотря на посылку военной миссии, или, вернее, благодаря этому, здесь относятся скептически... Военная английская миссия скорее имеет своей задачей установить боеспособность Красной Армии, чем заключить оперативные соглашения». Помогать Польше в случае германской агрессии Англия не собиралась.

Дальнейшее уже не было неожиданностью для Зорге: Англия и Франция после четырех месяцев «игры в переговоры» сорвали заключение военной конвенции с Советским Союзом. Социалистическое государство осталось один на один, лицом к лицу с вооруженной до зубов фашистской Германией...

Как повернутся события?.. Наступил самый напряженный момент в международной драме. Каналы связи вздулись от избытка информации. Кровяное давление Европы резко повысилось. «Быть или не быть войне?» — этот вопрос сейчас намного трагичнее гамлетовского.

Зорге находился в курсе того, что еще с весны германское правительство домогается «дружбы» с Советским Союзом. Даже в речах Отта, яростного антисоветчика, появились этакие миролюбивые нотки. Советское правительство из месяца в месяц отвергало все предложения Германии, так как понимало, почему Гитлер вдруг подобрел: он страшился единого фронта европейских держав, за который боролся СССР.

Но теперь, воочию убедившись в том, что реакционные правящие круги Англии и Франции своими интригами стремятся изолировать СССР, создать против него единый фронт капиталистических держав и спровоцировать советско-германскую войну, Советский Союз должен был сделать выбор: либо принять в целях самообороны предложение Германии и заключить с ней пакт о ненападении, отодвинув тем самым сроки войны, или же немедленно вступить в вооруженный конфликт с Германией... «Заключив соглашение с Советским Союзом, фюрер утратил всякую идейную опору, как в свое время и император Вильгельм II, который, начиная войну, не позаботился об оправдании ее какими-либо высокими целями и идеалами», — сожалела одна американская газета.

На другой день после заключения советско-германского договора о ненападении разъяренный министр иностранных дел Арита ворвался в германское посольство, в оскорбительных выражениях заявил Отту протест и сообщил о решении японского правительства прекратить всякие переговоры с Германией и Италией. Осима и Сиратори, потрясенные коварством Гитлера, подали в отставку.

Кабинет барона Хиранумы пал.

Лорд — хранитель печати Кидо записал в дневнике: «Вероломство Германии удивило и потрясло Японию...» Газета «Ници-Ници» разъясняла: «Пакт о ненападении между Германией и СССР является похоронным звоном для антикоминтерновского пакта».

Со всех сторон пытался оценить этот факт Зорге.

Советский Союз принял единственно возможное решение. Англии и Франции дорого обойдется их скверная «игра в поддавки». «Великие стратеги» из германского генерального штаба, приезжающие в Токио, восхваляют стратегию «старика» Шлиффена — последовательный разгром противников; в противники они зачисляют Польшу, Францию, Советский Союз. Сперва Австрия, потом

Чехословакия... Кто на очереди?.. Военный потенциал Германии растет. «Стратеги» и не скрывают: для Гитлера договор о ненападении нужен лишь потому, что Германия сейчас пока не в силах напасть на Россию.

Еще весной Зорге предупредил Центр о подготовке нападения гитлеровцев на Польшу, коротко изложил суть так называемого «Белого плана».

Приходилось очень бдительно следить за всеми зигзагами международной политики.

...Час пробил! Польша оккупирована, несмотря на упорное сопротивление солдат и народа; Англия и Франция оказались втянутыми в войну, хотели они того или не хотели.

Вторая мировая война стала фактом.

6

ДЕНЬ ЗА ДНЕМ

Специфика работы разведчика откладывает суровый отпечаток на весь уклад его жизни и в дни мира, и в дни войны, ибо разведчик подвергается опасности быть раскрытым двадцать четыре часа в сутки.

Он несет две нагрузки. Помимо основных занятий, он должен делать еще то же самое, что делают другие: ходить на службу, общаться со знакомыми, заботиться о тысяче бытовых мелочей. Но каждый его поступок как бы лимитирован неписаным уставом: гляди в оба, будь предельно осторожен.

В феодальной токугавской Японии XVIII века господствовал пресловутый «режим ока» — омэцкэ сэйдзи — свирепый полицейский надзор за каждым японцем. «Режим ока» — государственный террор, направленный против малейшего проявления свободомыслия. Он держал в страхе все население империи. Особенно беспощадно карали за связь с иностранцами.

Но и столетия спустя «режим ока» в Японии сохранился. Японская контрразведка во все времена считалась наиболее сильной, хитроумной. Иностранец, оказавшийся

в Японии, сразу же попадал под прицел: он мог не сомневаться, что вся прислуга в его доме — полицейские доносчики, что за каждым его шагом следят десятки шпиков. Иностранца иногда останавливают на улице и тут же проверяют его личные вещи, обыскивают. И в трамвае, и в кафе, и в парке Уэно, где вы решили отдохнуть в тени криптомерий,— повсюду вас сопровождает полицейский, неумолимый, как автомат. Его не смутит даже ваша дипломатическая неприкосновенность, ваш ранг, ваши близкие знакомства с самим премьер-министром. Ведь за премьером тоже следят и при необходимости могут вызвать в суд в качестве свидетеля, как любого простого смертного. «Режим ока» держится на презрении к человеку, на пренебрежении ко всем законам, якобы охраняющим свободу личности.

«Как-то я пригласил на обед нескольких своих друзей. Слуга расставил на столе карточки с фамилиями гостей. Пока я переодевался, карточки исчезли — их забрал с собой в управление агент кемпетай. Дипломатический иммунитет моего дома он нарушил без всяких угрызений совести. Если бы среди этих карточек обнаружили карточку с фамилией японца, его задержали бы и допросили»,— рассказывает Ганс Отто Мейснер, служивший в Токио в одно время с Рихардом Зорге.

Это непредвзятое свидетельство лишний раз характеризует ту обстановку, в которой приходилось действовать Зорге и его помощникам.

В невероятно трудных условиях Зорге создал невиданный по конспиративным качествам коллектив. И не только руководил этим коллективом, но и постоянно воспитывал его. Воспитывал с большим тактом, ненавязчиво, бережно; заражал своей убежденностью в конечном торжестве общего дела.

Он был не только связующим звеном между отдельными членами организации, но главным образом идейным вдохновителем; с большим уважением относился к каждому, стремился проникнуть в духовный мир своих друзей и почти незаметно внести необходимые коррективы в этот мир.

Обстоятельства прошлой жизни у всех были различны. И прошлое, разумеется, наложило свой отпечаток на характер каждого. Но, по-видимому, невозможно подобрать героев заранее, опираясь лишь на характеристики и биографические данные; героями людей делают сложные

ситуации. Теперь все члены организации были поставлены в исключительные условия, требующие беззаветной преданности, особого мужества и хладнокровия.

Разведывательная работа не ремесло, а творчество. Холодные ремесленники здесь быстро потерпят провал. За годы деятельности в Японии во всем блеске проявились творческий подход, изобретательность каждого из членов организации.

Зорге с полным правом, не переоценивая себя, мог сказать:

«Не следует забывать, что моя разведывательная работа в Китае и позднее в Японии носила совершенно новый, оригинальный и к тому же творческий характер».

Члены организации не могли общаться часто, чтобы не вызывать подозрения. И все-таки они общались.

Для Зорге, Одзаки и Мияги каждая встреча превращалась в маленький интеллектуальный праздник.

Зорге работал над книгой о Японии. Одзаки готовил к изданию политико-экономическое исследование: «Сила великих держав в Китае». Мияги для лекций требовались сведения из первых рук о реалистическом искусстве Европы.

Ходзуми рассказывал своему советскому другу об оригинальных японских философах-материалистах Ито Дзинсае, Камаде Рюо, Ямагате Банто, о великом атеисте и провозвестнике коммунистических идей Андо Сеэки, знакомил с древнейшими литературными памятниками синтоизма: «Кодзики» и «Нихонги». Подобные книги были овеяны сумеречными легендами о происхождении японского государства.

Сначала неизвестно где, между небом и землей, росло божественное дерево «аси». Ему надоело расти без цели, и оно превратилось в родоначальника «семи поколений богов» Кунитоко-татиномикото. В седьмом поколении появились бог Идзанаги и богиня Идзанами. Идзанаги любил летать над океаном. Однажды с его копья упала капля, капля превратилась в остров Оногоросима. Тут и поселились божественные супруги. Вскоре Идзанами зачала и родила восемь больших японских островов. В те времена все делалось проще. Когда богу Идзанаги стало скучно, он родил из своего левого глаза богиню солнца Аматерасу, а из правого — богиню луны Цукаеми; из носа вынул бога земли Сусаноо. Основанием японского государства занялась богиня солнца Аматерасу: она поручи-

ла своему внуку Зимму-Тенно огнем и мечом обойти острова и положить начало вечной династии императоров. Так тут и началось все с огня и меча 11 февраля 660 года до новой эры. Одзаки шутил: «Легенду придумали первые милитаристы».

Потом Одзаки переходил ко взглядам современников, последователей Зимму-Тенно. Не так давно некий шовинист Мурофуса горестно писал в своей статье «Кризис и японский дух»: «Японский идейный мир этого десятилетия точно определяется как период бурного распространения марксизма. Японские идеи изгнаны. Поборники прогресса все, как один, склонны воспевать Советский Союз, а о японском духе забыли. Все что ни есть японское было окончательно потеряно в идейном потоке эпохи. В целом это можно назвать периодом материализма».

Подобные высказывания вызывали у Одзаки иронический смех. Всякий шовинизм он считал злобным проявлением классовой ограниченности. Одзаки, так же как и Зорге, далеко видел: именно он, Одзаки, предсказал в 1937 году, что китайский инцидент перерастет во вторую мировую войну. Он предвидел также, что вторая мировая война закончится не перераспределением колоний, как то было после первой, а коренными изменениями социального порядка во всем мире, отпадением от системы колониализма многих стран Азии и Африки. Влияние примера первой страны социализма возрастет во сто крат. Экономическая структура Японии ненадежна из-за существующих феодальных традиций. Милитаризация всех отраслей хозяйства истощит страну, приведет ее к разорению. Интересы Японии неизбежно столкнутся с интересами США и Англии. Возможно, на первой стадии войны Япония одержит кое-какие победы, но они будут недолговечны. Единственно правильной политикой Японии было бы присоединение ее к лагерю Советского Союза и перестройка с его помощью социальной и экономической системы. Япония станет социалистической. Восторжествуют идеи интернационализма. Коммунизм в конечном итоге победит во всем мире. В таком свете рисовалось Одзаки будущее человечества. А пока приходилось драться за это будущее. Себя доктор Одзаки считал революционером-профессионалом. Он глубоко презирал своего «друга» принца Коноэ и всех, кто его окружает. Позор Японии они настойчиво пытались выдать за ее величие, терпели провал за провалом в политике. Эксперта

они зачислили в единомышленники и не стеснялись при нем обсуждать кровавые замыслы. Это была кучка грязных, хладнокровных убийц, душителей народа. Много правителей сменилось на памяти Одзаки. Но все они начинали с одного: с репрессий против рабочих, крестьян, интеллигенции. Инакомыслящих загоняли в тюрьмы, подвергали пыткам, расстреливали. Танака ввел закон об «опасных мыслях», карающий смертной казнью всякого, кто выступает против существующего строя. Он приказал убить генерального секретаря компартии Ватанабэ Масаносукэ. Правительство Хироты в 1936 году произвело массовые аресты коммунистов. Хаяси хотел даже уничтожить парламент, как «рассадник опасных мыслей». Коноэ в декабре 1937 года снова устроил облаву на революционно настроенных рабочих и на левые профсоюзы. Хиранума расстрелял антивоенную демонстрацию... Таков был облик врага, и пощады от него ждать не приходилось.

Зорге ни разу не доводилось бывать в доме Одзаки. Но японский друг часто рассказывал о семье, приносил фотографии. Он горячо любил жену и дочь. Он мог бы жить спокойно все двадцать четыре часа в сутки, писать книги, дружить с тем же принцем Коноэ, не рассматривая его лишь как источник информации, занять видное официальное положение, предаваться семейным радостям, не думать о том, что в случае провала его семья будет ввергнута в пучину бедствий.

Но мещанская трусость, карьеризм были чужды его духу. Он сильно чувствовал свою личную ответственность за судьбы народов и хотел помочь им любой ценой, пусть даже ценой собственной жизни.

Он был мудр и потому легко вводил в заблуждение врагов. «Если вы спросите меня о специальных вопросах моей техники, то я отвечу, что моя деятельность характеризуется полным отсутствием специального метода. Мой успех лежит в моем отношении к работе. По своей природе я общительный человек. Я люблю народ, я могу поддерживать дружеские отношения со многими людьми.

Кроме того, я люблю хорошо относиться к людям. Я нахожусь в близких отношениях с большинством членов моего кружка. Мои источники информации — мои друзья.

Я никогда не искал специальной информации. Я создавал свое собственное мнение по данному вопросу, рисовал в своем воображении полные картины общего направ-

ления на основе различных сообщений и слухов. Я никогда не задавал специальных наводящих вопросов.

В эти дни политического волнения отдельные новости имеют очень маленькую внутреннюю ценность, не могут быть важными и секретными. Это потому, что даже важное решение может быть внезапно изменено. Например, правительство или армия захотят быть упорными, но внешние обстоятельства часто вынуждают изменить это желание. Поэтому более важным моментом является установление общего направления, чем точное выяснение того, что было сказано или что было решено».

Исключительная проницательность, аналитический склад ума не требовали никаких ухищрений при поиске и оценке нужной информации; добытые сведения он сопоставлял с другими данными и делал предварительную оценку; затем все обсуждалось с официальными лицами из разных учреждений и правительственных кругов; к Зорге поступали четкие и окончательные оценки.

Рядом с Ходзуми Одзаки во всем жертвенном величии встает перед нами фигура художника Мияги, второго японского друга Зорге. Он хотел создавать новое пролетарское искусство, а приходилось малевать портреты генеральш и генералов. «Любуюсь сразу и луной, и снегом, и цветами»,— горько шутил он. Все последнее время Мияги рвался на Окинаву к престарелому отцу, с которым не виделся пятнадцать лет, но события громоздились одно на другое, и отъезд приходилось каждый раз откладывать. В 1938 году пришло известие: отец умер. Мияги тяжело переживал утрату. Обострился процесс. Художник харкал кровью. Он понимал, что короткая жизнь подходит к концу, а потому старался сделать как можно больше для организации. Когда Зорге хотел устроить его в туберкулезный санаторий, Мияги отмахнулся: «Мне здесь веселее...»

1938 год вообще был несчастным для организации: мотоциклетная катастрофа Зорге, от которой он едва оправился; смерть отца художника и резкое в связи с этим ухудшение здоровья Мияги; крупная неприятность у Бранко и Эдит, закончившаяся полным разрывом; и в довершение всего появились признаки тяжелого сердечного заболевания у Макса. Если первый год радист еще как-то держался, то потом дела пошли все хуже и хуже. Кончилось тем, что доктор Виртс уложил Клаузена на три месяца в постель. И все три месяца делал уколы,

прикладывал лед. Лежать разрешалось только на спине. Всякое движение отзывалось резкой болью. Но события не ждали. Макса никто не мог заменить. Тогда он заказал в своей мастерской специальную полку-парту для работы в кровати. Анна устанавливала полку прямо над грудью мужа. Сеансы передачи длились иногда несколько часов. Анне то и дело приходилось менять лед, так как Макс скрежетал зубами от боли. После каждого сеанса состояние сильно ухудшалось, и врач даже хотел приставить к больному специальную сиделку из японок. Клаузен воспротивился. Сказал, что не выносит посторонних и бывает спокоен лишь тогда, когда рядом Анни. «Анни оказывала мне при этом большую помощь. Она уже могла собирать и устанавливать мой передатчик, антенну и т. д. Лежа в постели, я делал шифровки на этой доске. Затем Анни устанавливала у моей постели на двух стульях передатчик и приемник, и я начинал передачу. Во время болезни Рихард давал мне для передачи только самые актуальные сообщения...»

Ну, а другие, неактуальные, но очень важные? Документы, фотопленки?.. Их иногда отвозила в Шанхай Анна. Семья Клаузенов обеспечивала все виды связи с Центром. И даже тогда, когда Зорге отправил Макса на несколько недель в Арконэ на воды, радист приезжал два раза в неделю в Токио и вел передачи.

Привыкшая к перемене мест, Анна быстро освоилась в незнакомой обстановке. Усиленные занятия немецким языком дали свои результаты: в колонии ее принимали за настоящую немку. «Как-то председательница женского немецкого общества фрау Этер спросила меня, почему я не имею детей, и посоветовала обзавестись ими, так как «нашей стране» нужны дети, они будут иметь счастливое будущее. Это подтвердило лишний раз, что они считали меня своей. У японцев я была зарегистрирована как немецкая гражданка — финка».

Существовало неписаное правило: в Японии каждый европеец обязан держать японскую прислугу, как известно, состоящую на службе в полиции. Клаузены преднамеренно сняли дом, где не было лишней комнаты. Прислуге вменили в обязанность приходить в определенный час и после уборки немедленно удаляться, так как хозяин производит опыты и мешать ему нельзя.

Не без тайного умысла Анна завела кур. Полицейские часто любовались белыми несушками и огнеперым пету-

хом, всегда охотно объясняли, где раздобыть корм для птиц. Крестьянская идиллия располагает к доверию. Сразу видно, фрау из сельской местности.

Она часто появлялась на улицах Токио с узелком — фуросики. В узелке находилась корзинка с фруктами или кормом для кур. Если бы полицейский не поленился запустить руку в корзинку, он обнаружил бы на дне аккуратные коробочки, а в них передатчик и приемник. Иногда Анна переносила аппаратуру на другие конспиративные квартиры в чемоданчиках и сумках для продуктов. «Было и так, что однажды я встретилась, имея при себе драгоценный узел, с полицейским в не совсем подходящем мне районе. Я ему сказала, что купила корм для кур, который у меня действительно был поверх коробок. Я придерживалась такого правила: держаться проще, свободнее и открыто, не прячась от людей. Когда я, бывало, иду с чемоданчиком, то зайду в одну лавочку, в другую, что-нибудь куплю из продуктов, поставлю чемоданчик на пол, а что купила, положу сверху и прохожу мимо полицейских, а то и подойду спросить их что-либо. Я же знала, что полицейские ищут тех, кто прячется».

Скромно, просто рассказывает Анна о своей героической работе. Обыкновенная русская женщина, Анна Матвеевна Жданкова в силу обстоятельств сделалась разведчицей. Природный ум, хладнокровие помогали ей выходить неуязвимой из самых опасных ситуаций.

Случалось, задания носили своеобразный характер. В 1939 году ей поручили купить в Шанхае детали и лампы к передатчику, «лейку» для Вукелича, кое-какое оборудование для фотолаборатории Зорге. Связь с Китаем была почти прервана: перевозили только солдат. Макс завязал знакомства со своими покупателями офицерами Маравe и Иошинавой. Они-то и устроили Анну на военный самолет, усадили вместе с японскими генералами. «Лейку» передала во французское посольство на имя Вукелича, остальное везла в Токио в банках из-под печенья.

Любой из таких эпизодов мог бы послужить основой остросюжетной повести из жизни разведчиков. Но для Анны подобные эпизоды стали бытом, содержанием ее жизни.

Во имя чего эта женщина безропотно несла нелегкую долю жены разведчика, вместе с ним подвергалась опасностям, совершала рискованные рейсы, наконец, сознательно отказалась от радостей материнства?

Анна сама отвечает на эти вопросы: «Наблюдая за нелегальной деятельностью моего мужа в пользу СССР, я связала свою жизнь с ним и помогала ему как могла, потому что Макс был верным, преданным и непоколебимым коммунистом, работал на пользу рабочего движения и, безусловно, в первую очередь на СССР, мою Родину. Я им горжусь и благодарю его, потому что только через него я смогла принять участие в борьбе против врага и хоть в некоторой степени быть полезной моей Родине».

В сентябре 1938 года Клаузенам пришлось сменить квартиру. Дело было так. Макс, оставив свою машину в немецком клубе, заведующим которого он теперь значился, пошел домой к Вукеличу. Связаться с Центром в эту ночь почему-то не удавалось. Атмосферные помехи заглушали все. В три часа утра над Токио пронесся страшный тайфун. С грохотом и звоном вылетели окна. Хлынул ливень. Город погрузился в кромешную тьму. Макс забеспокоился об Анне. Набросив плащ, он отправился в немецкий клуб, вывел машину. На первом же углу Вукелич передал ему радиостанцию. Макс торопился домой. Радиостанция лежала рядом. Внезапно выросла фигура полицейского. Пришлось остановиться. Полицейский был зол. Во время стихийных бедствий полиция задерживает все частные машины, использует их для помощи пострадавшим. Но прежде всего, конечно, расспросы: кто такой, откуда и куда едешь, что везешь? В такое время лучше не показываться на улицах Токио. Макс знал эти порядки. Он знал также, что, например, за шесть недель до Нового года полиция устраивает облавы на бандитов. С девяти часов вечера до трех утра полицейские задерживают все машины.

Остановив машину иностранца, полицейский резким голосом потребовал визитную карточку. Сейчас машину погонят в участок. Заберут чемодан с радиостанцией...

Как бы нехотя, бормоча ругательства, Макс вынул визитную карточку, прихватив несколько иен. Деньги рассыпались, ветер взвил бумажки. Полицейский, сразу забыв о Максе и его машине, бросился ловить деньги, а Клаузен дал газ — и был таков.

Дом пострадал сильно: слетела крыша, в комнатах стояла вода. Анна, закутавшись в одеяло, сидела на узлах и чемоданах.

Пришлось переехать на новую квартиру — по Хироо-

тие, 2. Макс облегченно вздохнул: тут рядом не было японских частей.

Бранко Вукелич мог завидовать семейной жизни Клаузенов. Ему не повезло. Эдит не хотела быть помощницей мужу. По-видимому, она так и не смогла приспособиться к окружающей обстановке. Если в первые годы Эдит еще как-то мирилась с эфемерным существованием в чужой стране, даже пыталась устроиться инструктором спорта в школу, то после пяти лет нервной тряски задумала покончить со всем этим. Частыми скандалами с мужем, стремлением уехать во что бы то ни стало и от полицейских, и от Зорге, от изнуряющего климата, беспокойством за сына она довела себя до болезненного состояния.

И когда летом 1938 года она потребовала развода, ни Бранко, ни Рихард не удивились. Бранко еще пытался уговорить, растолковать... Доводы здравого рассудка не помогли. Разрыв назрел, он подготавливался долго. Она хочет уехать к сестре в Австралию.

Оба поняли, что любовь умерла. Как вновь соединить людей, ставших чужими друг другу? Да и нужно ли это делать? Как поведет себя Эдит в дальнейшем? Речь шла о безопасности всей организации. Бытовой конфликт мог обернуться трагедией для всех. Слишком уж неуравновешенный характер у Эдит. Ее нелюбовь к занятиям мужа выражалась в недоброжелательности, а затем перешла в ненависть и к Зорге, и к Максу, и, конечно же, к Бранко.

Эдит немедленно изолировали, сняли для нее отдельную квартиру. Зорге запросил Центр. Ответ гласил: отпустить.

Получив развод, Эдит уехала в Австралию.

Вся эта история произвела тяжкое впечатление на Зорге. Может быть, во многом виноват Бранко. Но, к сожалению, жизнь не всегда можно уложить в определенные рамки. Да и виноват ли Бранко, если подумать как следует? Эдит не выдержала сурового испытания. Не мог же Бранко отказаться от того, что стало смыслом жизни, бросить товарищей и бежать, спасая семейное благополучие. Он презирал трусов и шкурников.

Рихард посоветовал ему жениться вторично.

Через два года Вукелич женился на японской студентке Иосико Ямасаки, дочери служащего одной из компаний. Смотрины состоялись в кафе парка Уэно. Зорге

из укромного угла некоторое время наблюдал за Иосико. А она так ни разу вблизи его и не видела.

Официальная церемония бракосочетания была проведена во французском посольстве, которое тогда представляло интересы Югославии в Японии. Им предложили обвенчаться по христианскому обычаю в Николаевском соборе на улице Канде. Иосико не возражала. Бранко возмутился было, но Зорге объяснил, что придется пойти и на этот шаг, чтобы не вызывать ненужных толков. «Это тебе вроде очередного задания»,— сказал Рихард шутливо. Бранко махнул рукой и пошел венчаться.

С началом войны в Европе Отт поручил Рихарду выпуск бюллетеня посольства «Дейчер динст». Теперь Зорге фактически стал выполнять обязанности пресс-атташе германского посольства, хотя официально на дипломатической службе не числился. Он руководил работой всех немецких корреспондентов в Токио, часто собирал их на совещания и инструктировал. Он получал 500 иен и обязан был являться в посольство каждый день. В январе 1940 года Зорге написал в Центр:

«Дорогой мой товарищ! Получили ваше указание остаться еще на год. Как бы мы ни стремились домой, мы выполним его полностью и будем продолжать здесь свою тяжелую работу. С благодарностью принимаю ваши приветы и пожелания в отношении отдыха. Однако, если я пойду в отпуск, это сразу сократит информацию...»

Утром побывав в японском телеграфном агентстве Домей Цусин и ознакомившись с сообщениями о ходе войны в Европе, Зорге за поздним завтраком встречался с послом. Отт показывал секретные документы из Берлина, потом, советуясь с Рихардом, писал ответы. Приходили военный, авиационный и морской атташе, а также недавно прикомандированный к посольству начальник гестапо полковник Мейзингер. Для этих людей Зорге делал небольшой обзор международных событий. Начинался обмен мнениями. Каждый получал из Берлина секретные распоряжения и считал своим долгом посоветоваться по всем вопросам с компетентными лицами.

Поговаривали, что гестаповец Мейзингер прославился своими зверствами в Варшаве, но, почему его прислали в Японию, никто не знал. «Почетная ссылка»,— говорил сам Мейзингер и похлопывал рукой по кобуре своего пистолета. «Это был грубый и неприятный человек. Даже разговаривая с друзьями, он любовно похлопывал по ко-

буре своего пистолета»,— свидетельствует Ганс Отто Мейснер. Рихарду приходилось с Мейзингером здороваться, быть в одной компании. Мейзингер настойчиво лез в друзья. Зорге сделал из него хороший источник информации. Образовался неразлучный кружок, «посольская тройка»: Отт, Мейзингер и Рихард. Видя Зорге в компании посла и начальника гестапо, все остальные чиновники стали заискивать перед «фюрером» прессы. Он мог теперь запросто получить любую справку из совершенно секретных фондов. Кабинет Рихарда никогда не пустовал — сюда приходили за консультацией секретари посольства, советники, специальные представители Гитлера и даже сотрудники японского МИДа.

В июле 1940 года принц Коноэ вновь пришел к власти. Он выдвинул программу «создания великой восточноазиатской сферы взаимного процветания», включив сюда Индокитай, Индию, Индонезию, страны южных морей. Одзаки укрепился еще больше. Не теряя позиций в правлении ЮМЖД, он вновь стал неофициальным советником правительства.

Принц осыпал своего любимца Одзаки благодарностями. «Группа завтрака» стала собираться прямо в резиденции премьер-министра. А на Зорге вдруг навалилась еще одна забота: начальник гестапо Мейзингер сообщал в Берлин: единственный достойный человек, способный возглавить фашистскую организацию на Дальнем Востоке,— Рихард Зорге! В посольство поступило письмо на имя Зорге, заверенное печатью нацистской партии: ему предлагали стать руководителем нацистской организации в Японии.

Посол и все его помощники прониклись еще большим уважением к журналисту. О, этот далеко пойдет!

И неожиданно для всех Зорге отказался от «высокой чести». Видите ли, партийной работой должен руководить человек, способный беззаветно выполнять свой партийный долг. Но сможет ли так относиться к партийным делам корреспондент многих газет и журналов, обозреватель, то и дело разъезжающий по Дальнему Востоку, наконец, неофициальный консультант по международным вопросам? Найдутся более достойные... хотя бы Венеккер!

Скромность журналиста оценили и в посольстве и в Берлине. Другой с радостью ухватился бы за такое предложение...

А Зорге заволновался: он страшился дополнительной

проверки, неизбежной в подобных случаях. Нацистская организация была смердящей клоакой, где верх брали карьеристы, доносчики, бандиты, наподобие того же Мейзингера. Они сразу же стали бы подкапываться под Рихарда, доносить, проверять и перепроверять...

Теперь советский разведчик с еще большим рвением продолжал писать доклады за всю посольскую ораву и обсуждать с полковником Мейзингером, кого из нацистов следует держать на подозрении и является ли граф Дуеркхайм чистокровным арийцем. Мейзингер был грозным, но слепым орудием — если потребуется, его всегда можно направить против своих противников. Абверовец Отт и гестаповец Мейзингер бережно охраняли советского разведчика от покушений всякого рода завистников и доносчиков.

«Некоторые сотрудники были недовольны моим влиянием в посольстве и даже выражали свое возмущение по этому поводу. Не будь у меня обширных познаний, никто из работников посольства не стал бы обсуждать со мною проблем, не стал бы интересоваться моим мнением по секретным делам. Они обращались ко мне за советом, так как были уверены, что я могу в какой-то мере помочь в разрешении спорных вопросов».

Отт считал, что из Рихарда мог бы получиться превосходный военный разведчик. «Зверь Варшавы» Мейзингер говорил журналисту: «Твое место в гестапо!» Зорге называл обоих «ангелами».

...Радиограмма из Центра. «Рамзаю» объясняют, что его сейчас, к сожалению, не могут отозвать на Родину. Сложная международная обстановка. Придется потерпеть. Он печально улыбается. Кому-кому, а ему-то не следовало бы этого объяснять! Он пишет:

«Само собой разумеется, что в связи с современным военным положением мы отодвигаем свои сроки возвращения домой. Еще раз заверяем вас, что сейчас не время ставить вопрос об этом...»

Выкроив час, он стучит на машинке: работает над книгой о японской агрессии. Трещат цикады в саду. В раскрытые окна вползают душные испарения огромного города, мускусный запах цветов. На синем небе, над черепичными крышами с задранными углами,— круглая белая луна. Из дома напротив доносится тоненький детский голос: «О цуки-сама, маруку, ман маруку-дэс...» («О госпожа луна, круглая, совершенно круглая...»)

7

ДО ВОЙНЫ — СЧИТАННЫЕ ДНИ

Остается рассказать о шестнадцати месяцах, которые составили бессмертную славу организации Зорге. Это самый напряженный, самый плодотворный период в жизни всей организации. События достигли наивысшего накала. На карту было поставлено все, и даже забота о собственной безопасности отошла на задний план.

События развивались так: в июле 1940 года в Токио из Берлина прибыл специальный посланник Херфер, он приехал с особыми полномочиями от Гитлера. Он считал себя искусным дипломатом, такого мнения, по-видимому, придерживались и на Вильгельмштрассе, так как понятие о дипломатическом искусстве у нацистов носило весьма своеобразный характер: брать за горло всякого, с кем хочешь завязать «дружеские» отношения. Пренебрежение нормами международного права, вероломство, шпионаж, ложь — вот нехитрый набор фашистской дипломатии. Старая дипломатия исходила из убеждения: переговоры должны всегда быть процессом, а не эпизодом, они всегда должны быть длительными и конфиденциальными. Гитлер, наоборот, считал: чем быстрее, тем лучше. Нечего

разводить церемонии! Дипломат обязан уметь запугивать.

Достойный ученик своего фюрера, Херфер олицетворял в своей особе все эти качества. Он жаждал действия.

Он обладал представительной внешностью и недалеким умом. На его толстых губах беспрестанно играла загадочная улыбка, хитроватые суженные глаза с подозрением ощупывали каждого нового знакомого: когда едешь с особой миссией, не доверяй никому, будь начеку, жди провокаций, покушений. Помни: иностранная разведка действует! Любой официант может оказаться агентом, твоим убийцей.

От шпиономании Херфер избавился лишь тогда, когда оказался в германском посольстве в Токио. Здесь его встретили с распростертыми объятиями старые добрые друзья — посол Отт, Мейзингер, доктор Зорге.

Обед в доме Эйгена Отта. В Европе война, а здесь мирно сияет солнце, пляжи переполнены, фольксдейче занимаются коммерцией, содержат рестораны и мастерские. Даже бои в Китае замерли.

Херфер приехал разрушить всю эту японскую идиллию. Он покровительственно похлопывает по плечу своего друга доктора Зорге. О, намечаются дела!.. К сожалению, до встречи с представителями японского МИДа он не имеет права разглашать...

Зорге мучительно думает. Группирует в мозгу события последнего времени, сопоставляет. С сентября 1939 года по июль 1940 года в Японии сменилось еще два кабинета: Абэ и Ионаи. Они старались договориться с Англией и США. Франция потерпела поражение, Нидерланды, Бельгия оккупированы, Англия занята боевыми действиями, Япония нацелилась на Индокитай...

Советский разведчик смеется и, в свою очередь, похлопывает специального посланника по плечу. Государственные тайны... Секрет полишинеля. Как только посольство узнало о том, что Херфер едет в Японию, он, Зорге, сразу же сообразил: возобновляются переговоры о заключении военного пакта! Ведь здесь только и разговоров об этом. Япония сейчас сама ищет союза с рейхом, так как намечающаяся экспансия на юг непременно столкнет ее с Англией и Америкой...

Специальный посланник поражен. Значит, здесь болтают... Что же, в таком случае задача намного облегчается. А он-то воображал, что Коноэ придется уламывать.

Херфер теперь уже свободно начинает говорить о своей миссии. Фюрер не теряет надежды повернуть Японию с «юга» на «север», против Советской России. Договор с СССР? Фикция. На Европе Гитлер лишь оттачивает зубы. Главное: сокрушить мощь Советского Союза. Япония должна стать союзницей. Скоро сюда должен прилететь из Китая специальный представитель фюрера доктор Генрих Штаммер...

Надежды немцев на «молниеносное» заключение пакта и на сей раз не оправдались: оно затянулось на целых три месяца, и все эти три месяца лихорадило организацию Зорге: информация о каждом этапе переговоров отправлялась в Центр. Удастся ли германским дипломатам уломать Коноэ, повернуть Японию с «юга» на «север»? «Группа завтрака» собирается почти ежедневно. Одзаки призывает принца не верить Гитлеру. Гитлер не раз обманывал Японию. Почему провалилась «молниеносная» война в Китае, так хорошо задуманная Коноэ? Потому что Гитлер поставлял Чан Кай-ши оружие, держал у гоминдановцев своих советников. А как поступил Гитлер, когда японская армия терпела поражение за поражением на Халхин-Голе?.. Теперь он задумал ослабить японцев, втравив их в войну с Советским Союзом, а затем прибрать к рукам Китай, тихоокеанские колонии, которые некогда принадлежали Германии, а сейчас являются собственностью Японии. Человек, претендующий на мировое господство, ни перед чем не остановится. Или, может быть, экономика Японии окрепла за последние годы? Не мудрее ли полагаться на СССР, как на силу, могущую сдержать Гитлера в его стремлении на Восток? Разумнее всего сейчас же, немедленно начать параллельные переговоры с Советским Союзом о заключении пакта о ненападении. Россия вовсе не стремится к войне в Азии, разве не свидетельствует о том подписанное в прошлом году соглашение о продлении рыболовной концессии?.. На коварство немцев нужно отвечать коварством же... Интересы самой Японии требуют мирных отношений с Россией...

Эксперт по Китаю обратил свой взор на «север», и Коноэ внимательно прислушивался к каждому его слову. А почему бы, в самом деле?.. Сдерживающая сила...

Гитлеру Коноэ не верил. А кроме того, он мечтал о создании «великой восточноазиатской сферы взаимного процветания», о продвижении на юг до Индонезии,

в район южных морей, где легче одержать победы. Урок Халхин-Гола не выходил из головы принца. Он зол был на Гитлера, который в самый тяжелый для Квантунской армии месяц подписал с Россией договор о ненападении. Коноэ твердо решил последовать совету Одзаки и отплатить немцам тем же.

Опять затягивается тугой узел международных противоречий. Кабинет Коноэ категорически против того, чтобы военный пакт стран «оси» затрагивал отношения Японии с Советским Союзом.

Херфер, весь в мыле от усердия, носился по Токио, взывал к Рихарду Зорге и Эйгену Отту. Он даже привлек Зорге к редактированию пунктов военного пакта.

Ну, а японский премьер тем временем дал указание министру иностранных дел Мацуоке выяснить через советское посольство, как в Москве отнесутся к перспективе заключения японо-советского пакта. Ответ пришел положительный. В Москве уже знали из сообщений Зорге о потугах германской дипломатии и о вновь возникших разногласиях. Японо-советский пакт был бы хорошей пощечиной Гитлеру.

Пока Зорге «помогал» Херферу полировать статьи германо-итало-японского пакта, Одзаки на японской стороне был занят тем же. Иногда они встречались, обменивались мнениями и хохотали над комичностью своего положения. Пакт получался расплывчатым, невразумительным. У всех было такое впечатление, что из него выпало что-то самое главное. Япония признавала руководство Германии и Италии в деле создания «нового порядка» в Европе, а Германия и Италия, со своей стороны, признавали руководство Японии в деле создания «нового порядка» в «великом восточноазиатском пространстве».

Дальше этого не пошло. Отношения с Советским Союзом в договоре не затрагивались.

Прибыл из Китая специальный представитель Гитлера доктор Генрих Штаммер. Он остался глубоко неудовлетворенным текстом пакта, а когда Херфер заикнулся о заслугах Зорге, Штаммер вспылил. Херфер советовал пригласить Зорге на церемонию окончательного оформления договора. «Вы со своим Зорге испортили все дело! — закричал Штаммер, забыв о всяких дипломатических этикетах.— Черт бы всех вас побрал...»

Отт пытался успокоить Штаммера, но специальный представитель презрительно повернулся к нему спиной.

Это означало крупную ссору. Не мог знать посол Эйген Отт, что скоро, очень скоро Штаммер усядется на его место.

Договор о трехстороннем военном союзе был ратифицирован в конце сентября 1940 года, а через три дня правительство Коноэ предложило Советскому правительству заключить пакт о ненападении. Он был подписан в Москве 13 апреля 1941 года.

Узнав о коварстве своего японского союзника, Гитлер пришел в бешенство. А Япония, вместо того чтобы повернуть на «север», ввела свои войска на территорию Северного Индокитая, стала поспешно готовиться к войне на Тихом океане.

Договор о военном союзе Японии со странами фашистской «оси» не затрагивал отношений, существующих между договаривающимися сторонами и Советским Союзом. Но значило ли это, что договаривающиеся стороны отказались от войны против социалистического государства?

Рихард успел изучить гитлеровские методы дезинформации и стратегической маскировки, они считались краеугольным камнем подготовки любой кампании. Фактор скрытности подготовки, внезапность нападения... Так было при планировании вторжения в Польшу, так было перед нападением на Францию. Ввести в заблуждение, обмануть...

Но то, что происходило в Германии, смахивало на правду: главный штаб верховного руководства разрабатывал планы вторжения в Англию. О Советском Союзе — ни звука! Англия, Гибралтар, Северная Африка — вот куда нацелился главный штаб. Операции «Морской лев», «Феликс», «Подсолнечник»; немцы перебрасывают войска в Норвегию для нанесения удара по Англии, сосредоточивают дивизии для вторжения в Грецию и Югославию...

Информация по поводу всех этих перебросок, перегруппировок поступала в посольство щедро. Именно это обстоятельство заставило Зорге насторожиться.

Возможно, за годы беспрестанного распутывания загадок международного масштаба он развил в себе некую интуицию, а может быть, иногда в мозгу происходят своеобразные вспышки, когда все внезапно озаряется и предстает в истинном виде, только вдруг он подумал: а что, если вся эта возня гитлеровских штабов — гран-

диозный блеф?! Что, если все планируемые вторжения — мнимые, стратегическая маскировка, а истинные намерения Гитлера и Кейтеля сохраняются в строжайшей тайне?..

И советский разведчик задал прямой вопрос Отту. Посол ничего не знал. У Рихарда пылкая фантазия. Англия отказалась заключить мир, отклонила все предложения Германии; потому-то главный штаб проводит интенсивную подготовку вторжения в Англию. На побережье Ла-Манша, в портах сосредоточиваются десантные суда, проводятся тренировочные учения. Гитлер недавно заявил: «Я решил подготовить и, если понадобится, осуществить десантную операцию против Англии». Какие еще нужны доказательства?

Эйген Гитлеру верил. А Зорге не мог отделаться от мысли, что все мероприятия военных руководителей Германии всего лишь дезинформационный маневр.

Само собой, он не торопился поделиться своими соображениями с Центром. Не имея веских доказательств, нельзя делать вывод. Факты, факты, доказательства... Он был бы счастлив, если бы его гипотеза осталась только гипотезой. Истинные намерения главного штаба верховного руководства... Если Гитлер замышляет нападение на Советский Союз, то об этом должен знать определенный, пусть даже очень узкий, круг лиц. Высший генералитет, во всяком случае, посвящен во все планы, посвящен, разумеется, и Риббентроп. А если знает Риббентроп, этот коммивояжер от дипломатии...

Так было перед нападением на Польшу, так было перед вторжением во Францию. Но умозаключение по аналогии в большинстве случаев дает лишь вероятное знание. И все-таки это знание...

Факты... Нужны факты... Рихард утратил интерес к событиям «странной войны», к японо-американским переговорам, к пресс-конференциям. Он почти не выходил из посольства. Только здесь можно узнать все. На удачу полагаться не следует. Нужна железная система: проверка секретной и совершенно секретной корреспонденции, систематический опрос всех лиц, приезжающих из Германии со специальными поручениями, особенно военных.

Нерасшифрованные телеграммы кучей лежали на столах Отта, Шолла, морского и авиационного атташе. Здесь пользовались очень сложным военно-морским кодом. Телеграммы. Колонки цифр, никакой закономерности. Обла-

дай ты хоть феноменальной памятью, весь код выучить наизусть все равно невозможно. Кроме того, еще нужно знать ключ. Случалось, Отт доверял своему пресс-атташе толстую книгу в темно-синем переплете, и Рихард умел использовать случай. Нужно ли запоминать весь код? Если вас интересует ответ на определенный вопрос, достаточно сохранить в памяти десятка два-три шифровых сочетаний. Нацистская фразеология известна, образ мышления корреспондентов из МИДа изучен в совершенстве. Теперь следует лишь в самом закодированном тексте найти опору для комбинаторных сопоставлений. Ведь комбинаторный метод интерпретации основывается лишь на наблюдениях над самим текстом.

И тут начиналось самое поразительное: Зорге «угадывал» содержание телеграмм. То была сверхпроницательность. Кое-что он фотографировал и потом ночи напролет пытался дешифровать «нацистскую клинопись», и постепенно она превращалась в информацию о делах рейха.

Он изменил золотому правилу: не задавать наводящих вопросов. Отбросив излишнюю деликатность, а с ней и осторожность, он сразу же намекнул специальному посланнику Нидамейеру на то, что якобы посвящен в кое-какие секреты государственной важности. Все эти переброски войск в Норвегию и планы вторжения в Грецию и Югославию... А что думают по этому поводу русские? Ведь Нидамейер по дороге сюда останавливался в Москве...

Нидамейер пожал плечами. Пусть думают что хотят. Ведь июльские совещания Гитлера, посвященные планам «уничтожения жизненной силы России», проходят в обстановке исключительной секретности, так что никто ничего не знает. Даже он, Нидамейер. Операция «Морской лев»? По-видимому, чистейший блеф: стянули в порты старые баржи, торговые и рыболовецкие суда... Зорге следует раз и навсегда запомнить: Германия никогда не воюет сразу на два фронта.

Отт слушал этот разговор с великим изумлением. Рихард посвящен в тайны, которые неизвестны даже ему, послу!.. Нужно запросить Риббентропа.

Посол пожурил Рихарда за излишнюю скрытность и стал доверять ему еще больше.

А у Зорге дрожал каждый нерв.

18 ноября 1940 года он предупредил Центр о готовящейся агрессии,

Как и следовало ожидать, из Центра посыпались радиограммы с запросами. Рихард догадывался, какую тревогу вызвало его сообщение там. На мир неотвратимо надвигалось что-то страшное, призраки великой катастрофы уже витали в воздухе. Да, да, требуются подтверждения, вещественные доказательства... В такое невозможно поверить сразу.

Сейчас каждый факт, каждый штрих становился подтверждением. Военные рангом поменьше охотно делятся за бутылкой сакэ своими мнениями по поводу скрытой подготовки к блицкригу. Немецкие генералы изучают роман Льва Толстого «Война и мир»! Наполеон считал, что история — это роман и ни для чего другого она не пригодна. Гитлер считает себя главным героем этого романа. Все дивизии, предназначенные якобы для вторжения в Англию, оголены: технику перебрасывают на восток. Появились даже специальные технические войска... Еще три месяца назад фельдмаршал Браухич на совещании в генеральном штабе дал указание о перемещении 4-й и 12-й армий к границам Советского Союза. Так заявил Рихарду посланник Кольт.

28 декабря 1940 года «Рамзай» радировал:

«На германо-советских границах сосредоточено 80 немецких дивизий. Гитлер намерен оккупировать территорию СССР по линии Харьков — Москва — Ленинград...»

Макс посылал в эфир радиограмму за радиограммой, и каждая из них напоминала сигнал бедствия.

А радисты японского дивизиона особого назначения каждый день перехватывали передачи «Рамзая», пеленгаторы, установленные на машинах, переезжали из одного района города в другой. Вся контрразведка поднялась на ноги.

Какой процент передач был перехвачен?

Клаузен вспоминает: «Я видел гору передач, перехваченных радиолюбителями, телеграфом, почтой, государственными радиостанциями и т. д. Если это четвертая часть того, что я передал в эфир за 6 лет работы, то это много. Некоторые передачи были записаны безупречно. В других — правильно записаны только отрывки».

Таким образом, в охоту за радиостанцией «Рамзая» включились даже радиолюбители, проинструктированные контрразведкой, почта и радиотелеграф. Рацию «Рамзая» засекали и раньше, но в те годы Макс имел возможность уезжать в своей машине далеко за город, на побережье

океана, и оттуда вести передачи. Теперь же поездки стали почти невозможны: полиция часто задерживала иностранные машины, устраивала обыски. Осталось четыре точки: квартиры Зорге, Вукелича, дом и дача Клаузенов. Из Германии японцы выписали пеленгаторы усовершенствованных систем.

Для японской контрразведки было ясно одно: кто-то систематически проводит сеансы связи, нелегальная радиостанция находится в Токио. У каждого передатчика свой тембр сигналов, у каждого оператора своя манера передачи, свой почерк. Почерк Макса стал известен всем операторам пеленгаторных станций. Путем круглосуточного наблюдения за коротковолновым диапазоном установили время сеансов, смену волны и позывных, установили также: радист с большим опытом, хорошо знает таблицу прохождения волн на каждое время суток. Чаще всего он работал на волнах двадцать и пятьдесят метров, с половины сеанса переходил на запасную волну.

Догадывался ли Зорге, что организация уже попала в железное кольцо контрразведки, что это кольцо с каждым днем сужается? Не только догадывался, но и твердо знал.

Недавно Отт рассказал Рихарду и Мейзингеру о визите начальника японской контрразведки в посольство. Эти японцы заражены шпиономанией. Кому нужны их жалкие секреты? Теперь вот засекли неизвестную радиостанцию, ищут агента. Почему-то он обязательно должен быть иностранцем. Во всяком случае, начальнику контрразведки Осаки не стоило бы соваться в германское посольство. Мейзингер придерживался точно такого же мнения.

Рихард перенес чемодан с наиболее ценными бумагами на квартиру Венеккера. Максу он ничего не стал говорить. Просто решил передавать только самое важное, сократить число сеансов до предела, попросил всех членов организации соблюдать крайнюю осторожность. Он знал: контрразведка не отвяжется. Сейчас самое главное успеть проинформировать Центр о сроках предполагаемого нападения гитлеровцев, о количестве сосредоточенных на восточной границе войск.

Наступают такие моменты, когда ты вправе рисковать не только своей жизнью, но и жизнями других. Родина в опасности... В опасности первое в мире государство рабочих и крестьян. Что твоя жизнь в сравнении с жизнью миллионов людей, с благополучием огромной страны?..

Рихард мысленно ставил себя на место начальника японской контрразведки, взвешивал, сколько у того шансов на успех, какое время еще сможет продержаться организация. По подсчетам выходило: нужно торопиться! Японские ищейки уже идут по следу...

И наконец в руки Зорге попало то, что он так долго искал: совершенно секретные телеграммы Риббентропа послу Отту. По совету Рихарда Отт сделал запрос относительно сроков нападения на СССР. Пришел недвусмысленный ответ: Гитлер планирует вторжение в Россию на май 1941 года!

Вот они, вещественные доказательства!.. Центр получит их в самый короткий срок. 5 марта 1941 года фотокопии телеграмм были отправлены со специальным курьером по назначению. 6 мая «Рамзай» сообщает:

«Германский посол Отт заявил мне, что Гитлер исполнен решимости разгромить СССР. Возможность войны весьма велика. Гитлер и его штаб уверены в том, что война против Советского Союза нисколько не помешает вторжению в Англию. Решение о начале войны против СССР будет принято Гитлером либо в этом месяце, либо после вторжения в Англию».

После вторжения в Англию... Так ли это? Нет, не так, отвечает посланник Кольт. Немецкая армия «Норвегия» предназначается для вторжения в Советский Союз. Предполагаемые операции в Югославии или Греции носят вспомогательный характер. Вторжения в Англию не будет. Все силы сейчас брошены против России.

«В последнее время я часто встречался с посланником Кольтом. Он был отлично осведомлен в политической ситуации в Европе, необыкновенно эрудирован».

21 мая новое сообщение:

«Прибывшие сюда из Германии представители Гитлера подтверждают: война начнется в конце мая. Германия сосредоточила против СССР 9 армий, состоящих из 150 дивизий».

Если в конце мая, то когда же Гитлер рассчитывает закончить войну в Европе? Зорге теребит Отта. Пусть потребует разъяснений у Риббентропа по поводу вторжения в Англию. Риббентроп отвечает: «С крахом России позиции держав «оси» во всем мире будут настолько гигантскими, что вопрос краха Англии или полного уничтожения английских островов будет являться только во-

просом времени...» Теперь все ясно. Значит, окончания ждать не будут.

30 мая Зорге вызвал Макса, и они разными маршрутами поехали на квартиру Вукелича.

Разведчики находились в крайнем возбуждении. До начала войны остались считанные дни. Разум не хотел мириться с этим. Макс боялся, что перегорят лампы передатчика, Зорге и Вукелич опасались налета полиции. Если бы им в ту ночь пришлось отбиваться от полчищ врагов, они все равно выстояли бы, защитили грудью передатчик и Макса, склоненного над радиограммой. В эфир летело срочное сообщение:

«Риббентроп заверил посла Отта в том, что Германия совершит нападение на Советский Союз во второй половине июня. Это не подлежит сомнению. Отт на девяносто пять процентов уверен, что война вот-вот начнется. Я лично вижу подтверждение тому в следующем: технический персонал германских воздушных сил получил приказание немедленно покинуть Японию и возвратиться в Берлин; военному атташе запрещено посылать важные сообщения через СССР».

К себе на квартиру Зорге вернулся под утро. У дверей дома увидел Одзаки. Он простоял здесь всю ночь. Обстоятельства не терпят... Гитлер пригласил японского посла и официально объявил: 22 июня Германия без объявления войны совершит нападение на Россию. В тот же день на Дальнем Востоке против СССР должна выступить Япония. Посол ничего не мог сказать определенного, не посоветовавшись со своим правительством.

Не заходя в квартиру, Зорге помчался к Максу. Радиограммы, радиограммы...

«Военный атташе Шолл заявил: следует ожидать со стороны немцев фланговых и обходных маневров и стремления окружить и изолировать отдельные группы. Война начнется 22 июня 1941 года».

«Однажды в радиограмме содержалось до 2000 групп. Я передал сначала первую половину, а на следующий день — вторую, ибо передавать все сразу было бы тяжело и долго».

Макс не подозревал о том, что на карте командира радиодивизиона особого назначения его дом уже обведен красным кружком; засечку производили несколько раз. В красные треугольники на карте попали квартиры Вукелича и Зорге. Организация еще держалась каким-то

чудом, продолжала действовать. Даже осторожный Одзаки пренебрег всеми правилами, целую ночь торчал у дома Зорге чуть ли не на виду у полиции. Все понимали: организация вступила в новую, возможно последнюю, фазу своего существования. Из оставшегося времени нужно выжать все, не думая о последствиях.

С нетерпением ждал Зорге ответа из Центра. Но Центр молчал. Все радиограммы приняты... Но приняты ли они во внимание Советским правительством?.. Самое тягостное в жизни человека — ожидание. Шли дни. Давно отцвела сакура. Макс переезжал с квартиры на квартиру, передавал все новые предупреждения о надвигающейся катастрофе. Потом часами лежал, прижимаясь сердцем к пузырю со льдом. Центр молчал.

Что там происходит? Почему молчат?.. Какие еще нужны доказательства? Если бы можно было сесть на самолет и устремиться туда!.. Перегорали радиолампы, казалось, эфир накалился от страстного стремления этих людей предупредить, защитить...

Научные занятия, журналистика, музыка, искусство — все утратило смысл, все было по ту сторону войны. Сейчас разведчики как бы подводили итог восьми годам изнурительной работы, кипения в «адовом котле». Неужели их усилия не будут оценены по достоинству?.. 25 мая... 1 июня... 5 июня... 10 июня... Отт изучает походы Наполеона на Россию. А там, у западных границ Советского Союза, немецкие войска изготовились к прыжку. Застыли танковые армии; на наблюдательных пунктах генералы, вооруженные биноклями, разглядывают советскую территорию.

А Центр молчит. 12 июня... Или, может быть, там уже перебрасывают армии, вся гигантская военная машина приведена в действие?.. Дорог каждый день!

И Центр отозвался.

Трясущимися руками взял Рихард радиограмму. Сосредоточился, раскрыл ежегодник, служивший кодом. Макс наблюдал за выражением лица друга. Внезапно Зорге побледнел, вскочил, схватился за голову: «Они не верят, они сомневаются!.. Ты слышишь, Макс? Сомневаются... Кто сомневается? Теперь с меня хватит...»

Он опустился на стул. Глаза потухли. Впервые он ощутил бесконечную усталость, вспомнил, что ему сорок шесть лет. Те, кто составлял радиограмму, по-видимому, были чуткими товарищами: они пытались всячески смяг-

чить выражения. Но разве возможно замаскировать смысл? Тон недоверия перекочевал в радиограмму. Почему, почему ему не доверяют? Где «старик» Берзин? Он-то должен знать, что Рихард не способен на ложь. Одиннадцать лет жизни отдано военной разведке...

Разведчик скрипел зубами от собственного бессилия. Неужели все напрасно? Ведь должны же там располагать сведениями из других источников? Или в самом деле возможно передислоцировать 150 дивизий на восточные границы таким образом, чтобы этого не заметил никто? В немецком клубе в Токио фашистские молодчики во все горло кричат о войне против большевистской России, вся японская дипломатия занята тем, каким образом уклониться от прямого ответа Гитлеру. Отт и Шолл подсовывают Зорге все новые и новые документы, свидетельствующие о подготовке агрессии. Заговорила пресса Англии и Америки. Вукелич и шведская журналистка Лундквист, которой Рихард часто помогает в работе, каждый день приносят сведения, добытые через агентства.

Зорге диктует Максу:

«Повторяю: 9 армий из 150 немецких дивизий совершат нападение на советскую границу 22 июня! Рамзай».

Радиограмму с последним предупреждением Клаузен передал 17 июня. А 22 июня фашистская Германия без объявления войны, поправ договорные обязательства, напала на Советский Союз. «План Барбаросса» вступил в действие.

Рихард вновь диктует Клаузену:

«Выражаем наши наилучшие пожелания на трудные времена. Мы все здесь будем упорно выполнять нашу работу».

Пароксизм прошел, Зорге вновь был собран, деятелен. Он не верил в победу фашистов.

«У Рихарда была очень большая сила воли. Нервным его нельзя было назвать. Мы все нервничали, когда казалось, что война развивалась не в нашу пользу. При этом он ходил по комнате и говорил мне:

«Ты знаешь, Макс, нам отсюда уже не выбраться... Теперь остается только успешно работать до конца, если не произойдут какие-нибудь решающие изменения, для того чтобы мы все-таки победили!»

Все как-то вдруг ощутили, что над организацией сгустились тучи. В дом Клаузена стал наведываться полицейский Аояма. Вел себя развязно, сидел часами, словно

на дежурстве, болтал всякую чепуху, заглядывал в раздвижные шкафы, где хранилась постель. Весь вид его как бы говорил: я-то знаю, что здесь не все чисто! Передачи приходилось вести на квартирах Бранко или Зорге.

У Вукелича 22 марта 1941 года родился сын Хироси. Иосико была на вершине счастья и не понимала, почему тяжелая печаль легла на лицо мужа. «Я коммунист... а в Европе война. Немцы захватили Югославию. Безоговорочная капитуляция. Правительство удрало в Египет...» Она пыталась успокоить, хоть и понимала, что это невозможно. Мыслями он был там, на своей далекой родине, в неведомой Югославии. Он тревожился за судьбы своего народа, за участь своих родственников и старой матери...

В эти дни, когда фашистские полчища рвались к Москве, Рихард всецело был поглощен одной мыслью: выступит ли Япония против Советского Союза? Кого мог успокоить в такой международной обстановке пакт о нейтралитете? Вероломное нападение Германии показало, чего стоят подобные пакты для империалистов. На политику правящих кругов Японии за последние месяцы все большее влияние оказывают различные шовинистические группировки. Генерал Тодзио, военный министр, метит в премьеры. Закоренелый враг СССР... Гитлеровские посланцы все время побуждают Японию к действию. Недавно сюда пожаловал специальный посланник Улах. Зорге выяснил: Улах имеет секретное задание Гитлера изучить возможности Японии для выступления против СССР. Японо-американские переговоры, начавшиеся еще в прошлом году, затягиваются.

Принц Коноэ создал «Ассоциацию помощи трону», куда вошел Сайондзи. На императорской конференции 2 июля обсуждался вопрос: должна ли Япония немедленно напасть на Советский Союз? Конференция проходила в обстановке глубочайшей секретности. Одзаки нервничал. К трону его не пустили, хоть и считалось, что он помогает трону.

Еще не опустели залы императорского дворца, а Сайондзи принес весть: принято решение об отсрочке нападения на СССР!

Одзаки немедленно обо всем сообщил Зорге.

На запрос Гитлера, почему Япония медлит с выступлением, Отт по совету Зорге телеграфировал: «В японской армии все еще помнят Халхин-Гол. В настоящее время

Япония предпочитает воздержаться от нападения на Россию до более благоприятных времен; что же касается Англии и США, то вопрос, возможно, будет решен положительно: взоры Японии устремлены на Юго-Восточную Азию и на владения США и Англии в Тихом океане».

Фашистские орды стремительно катились к Москве. Захвачены Литва, Латвия, Западная Белоруссия, Западная Украина. В августе фашисты подошли к Ленинграду, захватили Киев, Смоленск. Началось наступление на Москву.

Вероятность нападения Японии на дальневосточные границы вынуждала советское командование держать в Сибири и на Дальнем Востоке хорошо снаряженные дивизии, артполки и танковые бригады. Если бы не существовало угрозы!..

В эти напряженные дни эксперт Одзаки настойчиво доказывал принцу Коноэ: Советский Союз не собирается нападать на Японию, и, даже если последняя вторгнется в Сибирь, он будет просто обороняться. Война с русскими явится близоруким и ошибочным шагом, так как империя не получит от нее каких-либо существенных политических или экономических выгод, если не считать неосвоенных просторов Восточной Сибири. Великобритания и Соединенные Штаты будут только рады, если Япония ввяжется в войну, и не упустят возможности нанести свой мощный удар после того, как ее запасы нефти и стали истощатся в борьбе с русскими. Зачем спешить? Если Гитлер одержит победу, что маловероятно, так как германское командование недооценивает возможностей Красной Армии, то Сибирь и Дальний Восток и так достанутся Японии, причем для этого ей не придется шевельнуть даже пальцем.

Премьер соглашался с доводами, обещал на первой же аудиенции изложить их императору.

Германский посол приходил в ярость от своего бессилия уговорить японцев. Он обращался за советами к мудрому Зорге, но тот лишь пожимал плечами. По-видимому, разумнее всего не торопить принца Коноэ. Грубым нажимом ничего не сделаешь.

Посол доказывал, что отказ японцев воевать с Россией бьет прежде всего по нему, Эйгену Отту: в Берлине им сильно недовольны и вообще могут отозвать в фатерланд, как отозвали многих. И не только отозвать — отправить на фронт, в самое пекло. Говорят, немецкая армия несет

огромные потери, даже генералы считают, что блицкриг провалился...

Да, за последний год Эйгену не везло. Словно чья-то невидимая, властная рука холодно, расчетливо подводила посла к краху. Почему японцы не хотят ввязываться в военный конфликт с Россией? Потери германской армии на первом же этапе войны колоссальны, и этого, к сожалению, не скроешь...

Специальный посланник Гитлера Улах был занят изучением возможностей Японии для выступления против СССР. Этим же вопросом занимались Зорге и Одзаки. У специального посланника дело не клеилось: ведь приходилось пользоваться официальными и полуофициальными данными, как правило маскирующими подлинную картину. Улах был плохим экономистом. Простым бухгалтерским подсчетом он пытался установить истину. Кроме того, он в основном изучал возможности японской армии, игнорируя такую скучную вещь, как хозяйственная структура страны. Увы, он не был диалектиком и меньше всего стремился к объективности. Фюреру нужен вывод: Япония в состоянии вести войну с Россией. Это требуется подтвердить фактами. Сделай Улах другой вывод, он сразу же попал бы в немилость. А так как он это знал, то и старался представить все в выгодном для себя свете.

Зорге и Одзаки интересовала истина. Только истина. Как бы горька она ни была. Они вели кропотливую работу. Наконец-то исполнилась мечта Рихарда: он занялся изучением тяжелой промышленности. Это пригодится и для книги. Но сейчас он меньше всего думал о книге. Речь шла о жизни и смерти Советского государства. Так ли уж сильна Япония, как кричит о том печать и как доказывает вся разветвленная сеть японской пропаганды? Есть ли смысл держать огромную армию в Приморье и в Сибири? Нельзя ли высвободить дивизии с Дальнего Востока и бросить их под Москву?

Решением этих труднейших вопросов и была занята организация Зорге. Они располагали такими материалами, какие Улаху и не снились. У них имелся почти десятилетний опыт изучения экономики Японии, огромная эрудиция помогала легко оперировать фактами, производить глубокий анализ, давать безошибочную оценку. Они располагали данными концернов. С начала 1940 года отдел информации ЮМЖД, где Одзаки чувствовал себя хозяи-

ном, регулярно обменивался данными с отделом информации компании «Мицуи Буссан Кайся», представляющей тяжелую промышленность; Мияги поддерживал тесную связь с крупными промышленниками Хоккайдо — Тагути, Угэндой и другими. Организация Зорге имела данные о новых капиталовложениях в военную промышленность, о запасах каменного угля и нефти, выплавке стали, меди, свинца, цинка, производстве алюминия, о зависимости от иностранных источников снабжения, продовольственных ресурсах, транспорте, государственном бюджете; а в общем — о военном потенциале страны.

Разведчики анализировали, суммировали факты, и перед мысленным взором проявлялись, словно на негативной пленке, контуры хозяйственной структуры Японии.

То была увлекательная работа, и Рихард страшился, что не успеет закончить ее до ареста. Шпики не отступают ни на шаг, приходится изощряться, чтобы хоть на время избавиться от них.

Цифры... Выкладки... Где следует искать самое уязвимое место вот в этой хозяйственной структуре? Может быть, государственный бюджет? Да, государственный бюджет подобен барометру. Он показывает: в Японии не все благополучно с финансами — страна переживает большое финансовое напряжение, государственный долг только в связи с принудительными займами у населения превысил двенадцать миллиардов иен, безраздельно царит инфляция. Очень плохо с продовольствием. Наиболее слабое место в экономике — зависимость от иностранных источников снабжения.

И как ни удивительно, самое уязвимое место, оказывается,— горючее! Да, да, не финансы, не продовольствие, не машиностроение, а горючее. Запасы нефти у промышленности всего лишь на полгода. Флот, авиация, танки обеспечены горючим весьма скудно и непригодны для ведения затяжной войны. А то, что война с Советским Союзом будет носить затяжной характер, видно на примере Германии. На «молниеносное» отторжение Приморья и Сибири рассчитывать не приходится. Современная война требует грандиозного расхода сырья, топлива, материалов.

Вывод таков: производственные и природные ресурсы Японии явно недостаточны для ведения длительной, напряженной войны; военный потенциал империи не идет ни в какое сравнение с военным потенциалом СССР, даже если Советскому Союзу придется воевать на два фронта.

Одзаки спешно представляет премьеру Коноэ обстоятельный доклад, излагает его суть. «Вы становитесь адвокатом России»,— говорит принц. «Я адвокат Японии»,— отвечает Одзаки. Доклад эксперта произвел громадное впечатление на премьер-министра. Он срочно созвал кабинет. Как всегда, сражались две группировки. Но у сторонников войны с Советским Союзом отсутствовали убедительные аргументы. Да и что, кроме крикливых воинственных фраз, они могли противопоставить железной логике фактов доклада Зорге и Одзаки? В конце концов пришли к компромиссному решению. 30 июля Зорге радировал:

«Япония решила сохранять строгий нейтралитет».

Это была победа, она воодушевляла.

Одзаки прав: обстоятельства, конкретные исторические условия в большинстве случаев выше пожеланий отдельных личностей, как бы агрессивно они ни были настроены.

6 сентября Зорге заверяет Центр: если Красная Армия сохранит боеспособность, нападения Японии вообще не последует. Намечается проведение нескольких мобилизаций, но цель их — пополнить Квантунскую армию для дальнейших действий в Китае. Япония занята подготовкой к продвижению на юг и к войне на Тихом океане. Что же касается СССР, то *«все это означает, что войны в текущем году не будет...»*. Япония на Дальнем Востоке не выступит!

И последняя радиограмма:

«После 15 сентября 1941 года Советский Дальний Восток можно считать гарантированным от угрозы нападения со стороны Японии. Рамзай».

Зорге взял на себя огромную ответственность. Теперь ему должны поверить, не могли не поверить... Он живо представлял, как из глубин Сибири движутся на фронт эшелоны. Туда, к Москве...

Он сделал все, что было в человеческих силах.

Эшелоны шли на запад день и ночь, полки и танковые бригады вливались в соединения, обороняющие Москву.

Он сделал намного больше, чем было в человеческих силах.

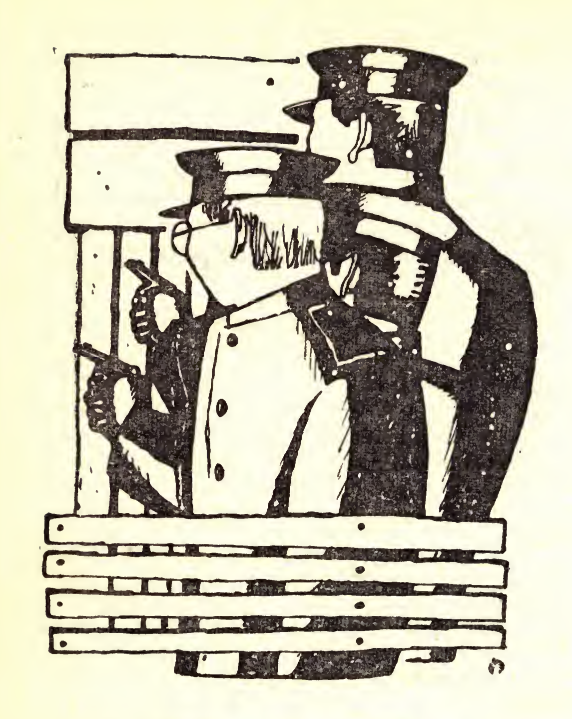
Организация выполнила свою задачу. И сейчас, когда все было завершено, она имела право позаботиться о собственной безопасности.

Зорге не мог прекратить деятельность организации, не получив разрешения Центра. Он составил обстоятель-

ную радиограмму, в заключительной части которой говорилось:

«Дальнейшее пребывание в Японии бесполезно. Поэтому жду указаний: возвращаться ли на Родину или выехать в Германию для новой работы? Рамзай».

Он еще надеялся поработать в Берлине, в самом логове врага. Но надеждам не суждено было осуществиться. Клаузен даже не успел передать последнюю радиограмму.

8

КОНЕЦ ОПЕРАЦИИ «РАМЗАЙ»

Как японской контрразведке удалось раскрыть организацию Зорге? Существует много версий по этому поводу. Тут и утерянные якобы членами организации документы, и проверка японскими агентами сведений, поступающих в разные страны, и прямое предательство, и особая проницательность контрразведчиков, и многое другое.

Версии остаются версиями, если они ничем не подкреплены.

За девять лет существования организации ни один документ не был утерян. Если бы японская агентура имела доступ в Центр, где сходились все сообщения «Рамзая», то организация не просуществовала бы и месяца. Попытки обвинить в предательстве лиц, не имевших отношения к организации и даже не подозревавших о ней, лишены основания. Трудно апеллировать к особой проницательности контрразведки, которая целых девять лет не могла напасть на след «Рамзая». В основе подобных версий проскальзывает утверждение, что организацию погубила простая случайность: где-то что-то не было проду-

мано до конца. Потому-то, дескать, арест для Зорге явился неожиданностью.

Факты свидетельствуют о другом: случайность тут не имела места.

Зорге решил прекратить деятельность в Японии. Почему? Ведь война Германии против Советского Союза была в полном разгаре, в посольство в Токио продолжали поступать из Берлина важные документы, характеризующие состояние фашистской армии; в самой Японии в диктаторы рвался профашистски и антисоветски настроенный генерал Тодзио, и никто не сомневался, что в самое ближайшее время он придет к власти; японо-американские переговоры продолжались, и кто мог наверное сказать, к чему это приведет? Не изменится ли круто внешнеполитический курс Японии?

«Нет, не изменится»,— утверждал Зорге.

Существование группы «Рамзай» в Японии дальше невозможно. В самый ответственный момент для судеб человечества она как бы приняла огонь на себя, сознательно пошла на самопожертвование. Она уже раскрыта, о чем свидетельствует хотя бы визит начальника японской контрразведки в германское посольство. Большая часть радиопередач перехвачена, нет сомнения — рация запеленгована. Слишком уж интенсивно велась работа в последние шестнадцать месяцев. То, чего контрразведка не смогла сделать за девять лет, она сделала за эти шестнадцать месяцев. Ей ясно одно: происходит стремительная утечка информации. В какую страну?

В Советский Союз? Но Япония в данный момент не собирается воевать с Советским Союзом, и подобная спешка радиооператора в таком случае труднообъяснима. Германия и Италия после заключения трехстороннего пакта отпадают.

Поскольку переговоры ведутся с Америкой, то больше всего заинтересованы в секретной информации американцы. Американская агентура ведет двустороннюю связь с Филиппинами или с военно-морской базой, расположенной на одном из островков. Но как американские агенты могли оказаться в Японии? Они из числа японцев, вернувшихся из США! В момент резкого обострения японо-американских отношений, то есть с приходом в июле 1940 года Коноэ к власти, агентура активизировалась.

Японской контрразведкой были составлены подробные

списки «американцев», куда попал Мияги, а также многие его друзья, рассеянные по Хонсю. За каждым установили самый бдительный надзор. Первой вызвала подозрение некая Китабаяси из города Канагава, префектуры Вакаяма, шестидесятилетняя портниха, вернувшаяся из Америки в 1936 году. До начала 1940 года она проживала в Токио, но потом неизвестно почему переехала в префектуру Вакаяма. Оказывается, из США к ней пожаловал муж Есисабуро! Что могло задержать мужа на целых четыре года в США? Уж не подбросили ли ей помощника? На Китабаяси и раньше поступали доносы: она проявляет излишнее любопытство в разговорах с заказчицами. В Токио она считалась модной портнихой, в числе ее клиентов были жены генералов и других высокопоставленных лиц. Тайная полиция заинтересовалась прошлым Китабаяси Томо. Выяснилось, что одно время она состояла в обществе пролетарского искусства в Лос-Анджелесе и чуть ли не в компартии. А потом вдруг заделалась адвентисткой седьмого дня, стала верить в пришествие Христа. Все это наводило на размышления. Конечно же, Китабаяси связана с американской разведкой! Во всяком случае, это следует проверить. Были опрошены адвентисты. К Китабаяси иногда приезжает из Токио некто Мияги, ее бывший квартирант в Лос-Анджелесе. Очень приятный человек лет сорока. Болен чахоткой...

Китабаяси Томо и ее мужа Есисабуро арестовали 28 сентября 1941 года. Томо и не собиралась отрицать, что хорошо знает художника Мияги. Разве есть что-нибудь предосудительное в знакомстве с собственным квартирантом?.. За домом Мияги установили наблюдение. Каждый шаг художника фиксировался. А он даже не догадывался ни о чем. Продолжал встречаться с Одзаки. Разумеется, он соблюдал необходимые меры предосторожности. Но сейчас любой его поступок, даже самый незначительный, казался полиции подозрительным. От Мияги ниточка вела к Одзаки, от эксперта — к Зорге, от Зорге — к Максу и Вукеличу. Двенадцать дней тайная полиция прослеживала, с кем общается художник.

Контрразведка, конечно же, в первую голову занялась активным изучением всех иностранцев; за иностранцами шли все вернувшиеся в разные сроки в Японию из-за границы, потом близкие знакомые всех этих лиц. А так как Мияги общался со многими, то в список попали главным образом те, кто никакого отношения к организации не

имел. Одзаки хоть и попал в список, но его кандидатура вызвала у контрразведки глубокие сомнения: друг принца Коноэ, член «группы завтрака». Правда, за экспертом установили строгий надзор, но арестовывать его пока не решались.

Однако от наблюдательного Мияги не ускользнуло, что за ним установлена слежка. Кто-то побывал в квартире в его отсутствие, рылся в бумагах. Художник кинулся к тайникам: секретное донесение, подготовленное для Зорге, исчезло! Все погибло... Бежать, скрыться, предупредить...

Когда в дверь требовательно постучали, Мияги не отозвался, а перешел в комнатку, служившую мастерской. Здесь лежали атрибуты древнего самурайского убранства, кривые мечи, кинжалы, сабля катана. Мияги схватил кинжал и стал ждать. Сейчас его схватят, будут истязать... Не все ли равно, когда умереть: на несколько месяцев раньше или позже?

В мастерской появились рассвирепевшие полицейские. Мияги, не раздумывая больше, сделал по древнему обычаю харакири — символ глубокого презрения к врагу.

Он был еще жив, и его увезли в больницу при полицейском управлении. А в квартире устроили засаду. В больнице Мияги удалось доползти до открытого окна и прыгнуть с третьего этажа. За ним прыгнули два полицейских: один из них разбился насмерть, другой покалечился; и лишь Мияги отделался ушибами. Смерть не принимала его.

15 октября к дому Одзаки подкатила полицейская машина. Еще неделю назад было установлено, что эксперт тайно общается с иностранным журналистом Рихардом Зорге. Арест Одзаки произвели не без прямого указания генерала Тодзио. Генерал шел к единоличной власти и дал приказ тайной полиции собирать данные, компрометирующие принца Коноэ. Так он надеялся быстрее свалить своего противника. Причастность друга принца Одзаки к иностранной, возможно американской, разведке ляжет черным пятном на весь кабинет Коноэ.

Военный министр генерал Тодзио стоял во главе наиболее агрессивных кругов, мечтающих немедленно развязать войну против США. А Коноэ медлил, вел бесконечные переговоры. Начальник контрразведки доложил генералу Тодзио: в Японии существует подпольная агентурная сеть некой иностранной державы. В нее входят: Од-

заки, немецкий журналист Зорге, коммерсант Клаузен, корреспондент агентства Гавас Вукелич и, возможно, художник Мияги; кроме того, задержан ряд подозрительных лиц, по-видимому связанных с организацией. Передачи ведутся из квартир Зорге, Вукелича, Клаузена.

У военного министра не было времени выяснить, заблуждается ли начальник контрразведки или не заблуждается, он приказал арестовать иностранцев. Если эти лица окажутся немецкими агентами, тоже большой беды нет: лишний повод уличить Гитлера в коварстве и мотивировать свой отказ от выступления против России.

...Теперь, когда дела в Японии были закончены, Зорге обдумывал, как эвакуировать группу на материк, подальше от японской полиции. Все сразу покинуть страну они не могли. Это вызвало бы подозрение, и их могли схватить на пароходе или же в порту. Зорге мог бы срочно вылететь якобы в Германию. Но он не имел права исчезать первым. Вукелича могло отозвать агентство Гавас. Свободному коммерсанту Клаузену оставалось сослаться на какой-нибудь выгодный контракт, требующий поездки на континент. Конечно, на подготовку всех этих мероприятий требовалось время. И случилось так, что в самый ответственный момент Рихарда подкосила болезнь.

Разведчик лежал, погруженный в забытье. Иногда приходила японка Исии Ханако, приносила лекарства. Ее игра на гитаре-семисене успокаивала Рихарда. С этой молодой японкой Рихард познакомился несколько лет назад. Тогда он отмечал день своего рождения в баре-ресторане «Золото Рейна». Ханако пела перед гостями. То был ресторан высокого класса, содержал его немец-эмигрант Кетель. Сюда брали только талантливых артистов. Тоненькая, грациозная Ханако казалась символическим воплощением этой удивительной страны Японии. На ней было светло-серое кимоно, перехваченное голубым поясом с огромными бантами. Пучок серебряных цветов дрожал в ее черных волосах. Грустная островная мелодия навевала воспоминания. Зорге поддался очарованию голоса Ханако. Он понял: перед ним истинный талант. Потом они встретились.

«Где вы учились?» — спросил Рихард.

«На курсах медсестер,— ответила она.— Работала в больнице».

«Вам нужно учиться».

«К сожалению, у меня нет такой возможности. Ведь

я должна сама зарабатывать себе на хлеб. Мне ведь уже двадцать три...»

«Я хотел бы вам помочь... Можно нанять учителя. Только вы должны уйти из ресторана и учиться всерьез».

Они сделались большими друзьями. Когда обнаглевшие полицейские стали по пятам ходить за Рихардом и за всеми его знакомыми, он предложил Исии уехать в Шанхай.

«Ричард (так она его называла), я никуда не поеду. Вы сделали для меня слишком много, чтобы я могла оставить вас в самое тяжелое для вас время... Вам сейчас, как никогда, нужна помощь друзей».

Исии, по-видимому, догадывалась, чем занимается Зорге, почему за ним следит полиция, и помогала ему в работе: сторожила дом, когда Клаузен вел передачи отсюда.

В тот день, когда Рихард заболел, Макс взял его маленькую японскую машину и поехал за лекарствами. Но с Максом всегда что-нибудь да случалось. Так и на этот раз. Неожиданно рулевая штанга отделилась. Макс потерял управление. Машина перевернулась. Подошел полицейский, помог поставить машину на колеса, записал фамилию Макса. Этому маленькому происшествию Клаузен не придал значения. Лекарство он все-таки доставил.

15 октября Клаузен застал Рихарда сильно взволнованным. Оказывается, Мияги и Одзаки не пришли на условленную встречу. За все годы такого еще не случалось. Мияги должен был прийти тринадцатого, а Одзаки — сегодня. Встреча с Одзаки планировалась в здании ЮМЖД в ресторане «Азия». Если бы не явился один из них, тогда задержку можно было бы объяснить непредвиденными обстоятельствами. А тут — оба... Ну, а если они арестованы?

Удачи слишком долго сопутствовали организации, и трудно было поверить, что все может закончиться вот так... Необходимо выяснить, почему задерживаются Одзаки и Мияги. В панику, конечно, вдаваться не следует. Нужно послать запрос в Центр. Пора свертывать работу. Ну, а если все-таки прикажут остаться, что ж... Он посмотрел долгим взглядом на Макса и сказал:

«Война... Мы, видно, застрянем здесь. Как бы там ни было, теперь мы должны во что бы то ни стало сделать все от нас зависящее, чтобы принести как можно больше пользы...»

Два дня спустя Клаузен вечером снова отправился к больному другу. Здесь уже сидел Бранко. Он принес по-

вости о свержении кабинета Коноэ. Тодзио стал премьер-министром, министром иностранных дел и военным министром. Един в трех лицах. Завтра в Токио грандиозное празднество — день рождения императора.

По-видимому, между Зорге и Вукеличем состоялся большой разговор. Оба находились в подавленном состоянии. Одзаки и Мияги так и не явились... Значит, арестованы.

«Знаешь, Макс, уже началось, очередь за нами...» — сказал Зорге.

Макс сегодня же или, в крайнем случае, завтра должен передать последнюю радиограмму. Передатчик и все прочее зарыть в саду. Пора готовиться к внезапному отъезду. Рихард утром поставит Отта в известность о своем намерении выехать в Германию. Бранко придется на время оставить семью...

Клаузен возвращался домой с тягостным чувством. За каждым углом чудились полицейские. И когда чуть ли не у самого дома ему повстречался сотрудник специального высшего отделения столичной полиции Аояма, Макс вздрогнул. Было часов двенадцать ночи. До сеанса оставалось всего полчаса. Клаузен решил, что благоразумнее сейчас не развертывать радиостанцию. Полицейский мог, конечно, повстречаться совершенно случайно. И все-таки...

Это был последний вечер организации.

18 октября 1941 года в 8 часов утра организация Зорге перестала существовать.

Налет на квартиры Зорге, Клаузена, Вукелича полиция произвела одновременно. Полиция учла и то обстоятельство, что по случаю национального праздника утром все находились у себя на квартирах, а не в учреждениях. Когда ворвались токко кэйсацу, Рихард Зорге не потерял самообладания. Он был уже одет. Его обыскали. Он лишь иронически улыбнулся. Он понял: все кончено. Предъявлять претензии к токко кэйсацу, исполняющему приказ начальника, бессмысленно. Они знали, зачем пришли сюда, и делали только то, что должны делать.

«Во время моего ареста в моем доме находилось от 800 до 1000 томов книг. По-видимому, они немало озадачили полицию. Большая часть из них была посвящена Японии».

Обыск в квартире токко кэйсацу производили с большими предосторожностями: боялись адской машины. Через несколько минут Зорге был в инспекции полиции.

Клаузена решили заманить в инспекцию хитростью. «Ко мне пришли два незнакомых японца в штатском и предложили пройти в полицейский участок, чтобы уладить небольшое дело, связанное с автомобильной катастрофой, в которую я попал, наехав на японского мотоциклиста. Они сказали, что уладят это дело прямо в инспекции. У меня действительно был несчастный случай, но я не знал, что наехал на кого-то. Я не мог сказать ничего определенного, так как узнал обо всем только сейчас. Дело выглядело совсем безобидно. Они оба были любезны со мной».

Как только Макса увели, японская любезность мгновенно улетучилась: в дом ворвалась целая орава полицейских, одетых в защищающие от пуль рубашки.

«Я собиралась подняться по лестнице, но в этот момент группа полицейских вломилась в дверь,— вспоминает Анна.— Один из них, как обезьяна, бросился ко мне, поймал меня за руку и вместе с подскочившими другими полицейскими вцепился в меня, не давая мне двинуться. Все другие с большими предосторожностями приступили к обыску. Сначала они боялись прикасаться к предметам, трясли меня за плечи и принуждали сказать, нет ли в доме адской машины. В квартиру набилось до двадцати полицейских во главе с прокурором Иосикавой. Этот прокурор, подпрыгивая, тряс кулаками, тыкал их мне в лицо и приговаривал: «Говори правду, коммунистка, я тебе покажу...» Ключами они открывали шкафы, чемоданы и вот открыли сундук, в котором был спрятан аппарат и все другие вещи и части к нему, лампы к передатчику, шифрованные и незашифрованные радиограммы и какая-то книжечка на японском языке, фотоаппарат и американские деньги. Когда они обнаружили этот сундук, то двинулись к нему, но один из полицейских что-то скомандовал, и все замерли, из желтых стали зелеными, потеряли дар речи. Они долго молча смотрели друг на друга, даже мои руки отпустили. Я повернулась спиной к шкафу, где в маленьком выдвижном ящике были фильмы, еще не обнаруженные полицейскими... Они поискали еще, забрали все, что нашли, и удалились. Со мной осталось четыре шакала охранять меня, квартиру и особенно телефон. Вообще же они устроили засаду и оставили меня как приманку... Полицейский у двери в коридор заснул мертвецким сном, и внизу, слышу, никто не шевелится. Тогда я вышла в ванную комнату, а оттуда перебралась в комна-

ту, где были спрятаны фильмы, 8 штук, какая-то бумага, написанная Рихардом и принесенная накануне вечером Максом. Я взяла это все и принесла в ванную комнату. Бумагу я разорвала на мелкие клочки и спустила в унитаз, а фильмы засунула в газовую колонку... Через 13 дней такой жизни полицейские оставили меня одну. Я достала из газовой колонки фильмы и сожгла их в камине. В квартире производили обыск целый месяц. Группы полицейских с фотоаппаратом снимали все подряд. Специалисты рассматривали в лупу все предметы, каждую бумажку, искали оттиски пальцев посторонних людей...»

При аресте Вукелича присутствовала его жена Йосико. Когда в дверь постучали, Бранко сказал: «Око, посмотри, кого там принесло в такую рань». Сам он пил кофе. «Я открыла дверь и увидела полицейских. Бранко продолжал спокойно пить кофе. Он лишь надел очки, чтобы получше разглядеть непрошеных гостей. Полицейский заговорил с ним по-японски. Из этого я сделала заключение, что ему о Бранко известно все. Бранко и в эту тяжелую минуту не покинуло чувство юмора, так присущее ему: он предложил полицейскому кофе. Тот отказался и дал распоряжение производить обыск. Потом Бранко простился со мной, поцеловал семимесячного Хироси. Бранко увели. Полицейские продолжали обыск. Они обнаружили радиостанцию, но назначения ее не поняли. Я сказала, что это принадлежности фотолаборатории. Когда они ушли, я выбросила радиостанцию в мусорную яму».

Анну Клаузен арестовали утром 17 ноября.

Аресты продолжались вплоть до июня 1942 года.

По делу организации Зорге было привлечено много японцев, в их числе граф Сайондзи Кинкадзу. Большинство из них не имело отношения к организации и даже не подозревало о ее существовании. Это были художники, друзья Мияги по Лос-Анджелесу, студенты, заказчики, комиссионеры и даже один владелец фабрики. Они никогда не слышали имени Зорге; Мияги и Одзаки никогда не давали им никаких заданий да и не могли давать, потому что организацию прежде всего интересовали происки Германии в отношении Советского Союза и Японии, попытки германской дипломатии сделать Японию союзницей в войне против СССР. Но почти все арестованные были убежденными антифашистами, противниками войны —

и этого было достаточно для полиции, чтобы зачислить их в организацию.

В Японии много политических тюрем: Итигая, Акита, Тиба, Косуги, Мияги, Тоётама, Сакал, Нара, Точиги, Абасири, Футю...— всех не перечесть. Какая из них хуже? Есть ужасная тюрьма Абасири на Хоккайдо, где чаще всего умирают от крупозного воспаления легких. В тюрьме Тиба неизменно заболевают пиореей и теряют зубы; в тюрьме Мияги лысеют; в тюрьме Сакал страдают язвой желудка, так как здесь кормят неразмолотым ячменем. В Точиги умирают от туберкулеза. Во всех тюрьмах применяют средневековые пытки. Самая жестокая из них — сакуи, что значит — корсет. Это особо изготовленный корсет для сдавливания тела. После пыток сакуи в грудной полости происходит кровоизлияние, и человек умирает.

Но есть каторжная тюрьма за высокой бетонной стеной, похожая сразу на все тюрьмы Японии,— Сугамо. Из Сугамо редко кто выходит живым. Здесь содержатся «особо опасные». Узенькая бетонная камера, душная, грязная, где черно от изобилия блох, крошечное оконце под самым потолком. Двор разделен на восемь секторов. Сюда выводят на прогулку.

Рихарда Зорге и его товарищей поместили в тюрьму Сугамо. Так как до суда было еще далеко, это считалось превентивным заключением.

Зорге не оставил нам воспоминаний о годах, проведенных в Сугамо. Но какие существовали порядки в японских тюрьмах и полицейских «свинарниках», мы знаем из рассказов Макса, Анны и других. Анна Клаузен рассказывает: «Со двора по темной мокрой лестнице спустили меня в подвал. Там было темно, только у самой двери горела маленькая лампочка. Ничего не было видно. Только через несколько минут я увидела, что в яме по обеим сторонам у стенок — черные клетки, а в них плотно друг к другу сидели на полу люди. На каменном полу была вода. Полицейские сорвали с меня одежду, вплоть до белья, сорвали с ног туфли, чулки. Один из полицейских запустил свои лапы в мои волосы и, визжа, растрепал их, остальные хохотали, словно шакалы. Меня затолкали в одиночную камеру и бросили вслед только белье. Я осмотрелась. По стенкам текла вода. Соломенная циновка была мокрая. Несло невероятной вонью. В каменном полу в дальнем углу была дыра — параша. Когда меня закрыли, я долго

стояла без движения. Наконец обессилела и опустилась на колени.

Поздно вечером меня, босую, по грязной мокрой лестнице повели в контору. Идти я не могла и чувствовала, что серьезно заболела. В конторе сидело девять полицейских. Один из них был врач, который, осмотрев меня, сказал: «Ничего не выйдет». Тогда меня снова стащили в яму, только бросили на этот раз какую-то подстилку. Я легла и, задыхаясь, потеряла сознание. Это они, видимо, обнаружили. Врач сделал мне шесть уколов, и вновь потащили меня в контору, больную и разбитую.

Группа жандармов во главе с прокурором Иосикавой приступила к допросу. Прокурор бил кулаками по столу, размахивал руками и кричал: «Ты, коммунистка, хитрая, я тебя знаю! Но я заставлю тебя говорить». Я молчала, не могла отвечать. И не мудрено: мне три дня не давали пить и есть. Ничего не добившись, они посадили меня в машину и отвезли в тюрьму. Закрыли в камере на втором этаже. Сразу же пришел врач... Врач сказал, что у меня нервное потрясение. Я мучительно страдала месяцев семь...»

Макс дополняет рассказ жены: «...Следствие продолжалось около года... Затем дело было передано судебному следователю. Нас каждый день возили в здание суда на автобусе вместе с японскими заключенными. При этом нам надевали на голову остроконечную соломенную шляпу с прорезями для глаз, так как шляпа надвигалась до подбородка...»

Японская контрразведка наконец-то поняла, что имеет дело не с американскими агентами, а с коммунистами, с советскими разведчиками, и ярость ее от того возросла еще больше. В Сугамо придерживались старого девиза японской полиции: «Не оставлять в живых коммунистов, но и не убивать их».

Следствие подвигалось медленно. Все члены организации вели себя с большим достоинством. Да, они знали, что помогают Советскому Союзу. Делали это сознательно, добровольно, так как именно там духовная родина всех, кто борется за свободу собственной страны, кто ненавидит войну. «Лекарством от всех социальных болезней является коммунизм!» — упрямо повторял художник Мияги. Его вылечили. Но лишь затем, чтобы каждый раз при допросах подвергать все новым и новым пыткам. А он с холодным упорством обреченного на смерть человека отвечал на все пытки: «Я пришел к выводу о необходимости принять

участие в работе, когда осознал историческую важность задания, поскольку мы помогали избежать войны между Японией и Россией. Я знал, что буду повешен...» «Единственно важная информация, которую я надеялся получить заранее,— это точное время возможного нападения Японии на Россию,— заявил Одзаки.— Я защищал Советский Союз!.. За время моего деятельного общения с Зорге в Японии от меня часто требовали информации, которая имела непосредственное отношение к обороне Советского Союза. Поэтому я догадывался, что эти сведения использовались непосредственно Советским Союзом. Но это не изменило моих взглядов».

Подобные заявления приводили в неистовство следователей. Им приходилось иметь дело не просто с группой агентов, «почтовых ящиков», а с глубоко идейной организацией, беззаветно преданной общему делу, лишенной всяких шовинистических предрассудков. Эту силу нельзя было сломить пытками, издевательствами, унижением человеческого достоинства. Они были непреклонны и не отрекались от своих взглядов.

Вукелич открыто презирал своих мучителей. Он заявил, что его убеждения являются его личным делом и отрекаться от них он не намерен. Пусть не усердствуют, отвечать на вопросы он все равно не будет.

Макс выработал свою систему: говорить только о себе. Он понимал, к чему стремится тайная полиция: выявить всех лиц, причастных к организации. На первом этапе это было главным. Он, Клаузен, никого не знает. Он технический исполнитель, его специальность — радиосвязь; к остальному он никакого отношения не имел. Одзаки, Мияги? Нет, таких фамилий он не слыхал. Вукелич? Откуда Максу знать, чем занимаются журналисты? Он, Клаузен, простой человек, а Вукелич к нему хорошо относился. Никаких радиопередач из дома Вукелича Макс никогда не вел.

А вот как вела себя на допросах Анна: «На допросы меня выводили всегда две стражницы под руки, так как ноги мои не действовали. Сняли с меня 42 допроса в помещении все той же тюрьмы. Допросы иногда продолжались по семь часов подряд и были мучительны... Я старалась отпираться, где только можно, не называла людей, с которыми была связана по работе, и отвечала незнанием... Мне показывали снимки нескольких людей, я не признала ни одного, ссылаясь на плохое зрение и плохую память

на лица. Как-то переводчик вышел из терпения и сказал: «Мне с вами, коммунисткой, церемониться надоело. Если бы я имел власть, я бы задушил вас всех своими собственными руками». Я ответила, что ему этого не сделать, коротки руки, ибо коммунистов в Японии так много, что с ними не так легко справиться...»

Организация перестала существовать как функционирующая единица, но боевой дух ее людей не был сломлен, и его не удалось сломить до конца.

Самое пристальное внимание следователей было приковано к фигуре руководителя организации, ее идейного вдохновителя Рихарда Зорге. Они сразу же разгадали, что имеют дело с личностью необыкновенной, и с чисто профессиональной точки зрения не могли не восхищаться им. Целых девять лет на глазах сонма полицейских и контрразведчиков он объединял вокруг себя большую группу людей, сумел спаять их в безукоризненный, четко действующий механизм, в коллектив, не знающий ни страха, ни усталости, жертвующий личным благополучием во имя великого дела. Он даже приближенных японского императора и приближенных Гитлера заставил работать на себя! Какой дерзостью, какой неизмеримой отвагой нужно обладать, чтобы в самом гнезде врагов творить поистине чудеса!..

Ничего подобного в истории разведки всего мира еще не встречалось.

Зорге вел себя спокойно. Не жаловался на изощренные пытки, на дурное обращение, не предъявлял претензий. Лишь однажды попросил не надевать наручники. Наконец-то и у этого железного человека нашлось уязвимое место! Ему отказали в резкой форме. Он не настаивал.

Тюремщики чувствовали к нему невольное уважение.

Он часами сидел на циновке в глубокой задумчивости, и дежурные у дверей не решались окликать его. Зорге вовсе не напоминал человека, который проиграл все и теперь должен смириться. Нет. Собственная участь ему наперед была известна. На снисхождение врагов он не мог рассчитывать, да и не рассчитывал.

Он думал не о себе. Он думал о том, как спасти своих товарищей, как смягчить их участь, снять с них ответственность перед шатким японским законом. Эту ответственность он целиком возьмет на себя. Он будет умалять значение каждого, сводить его к нулю, если нужно, чернить за бездеятельность и саботаж. Сейчас речь идет не

о заслугах каждого перед организацией, не о славе, а о спасении жизней. Спасти Вукелича, Мияги. Одзаки выгородить труднее — милитаристы ничего не простят ему, они жаждут расправы над ним. Конечно же, Тодзио каждый день справляется о ходе следствия, торопит. Следствие нужно затянуть на максимальный срок, отодвинуть виселицу. Возможно резкое изменение международной обстановки, если дела у Советского Союза пойдут хорошо. А теперь они должны измениться в лучшую сторону...

В шесть утра на голову Зорге надевали густую сетку, закрывавшую лицо, и в машине под большим конвоем везли на допрос. Стараясь затянуть время, Зорге первый месяц вообще не отвечал. Правда, он с большим вниманием выслушивал следователей: хотел знать, что уже известно им. Начинались пытки. На все изуверства Зорге отвечал холодной улыбкой. Он никогда не боялся боли, многие годы приучал себя быть нечувствительным к ней. Его могли исколоть, растерзать, но не смогли бы выдавить из него ни единого звука. Ведь он немало времени потратил на то, чтобы изучить все разновидности японских пыток, и они его не устрашили.

А так как в застенках пытки применялись чаще всего к коммунистам, Зорге собрал огромный изобличающий материал. Он знал все японские тюрьмы наперечет, знал особенности каждой, так как глубоко интересовался жизнью своих собратьев, японских коммунистов, а они бо́льшую часть жизни проводили именно в тюрьмах. Здесь были свои бессмертные герои: коммунисты Сеити Итикава, Ватанабэ Масаносукэ, Гоитиро Кокуре, Ивата. Прокурор Тодзава, замучивший не один десяток коммунистов, откровенно хвастал: «Ребята из полиции находятся у меня в повиновении и работают по моим указаниям; симпатичные ребята. Не могу же я их каждый раз предавать суду только за то, что они убили коммуниста».

Эти «симпатичные ребята» выворачивали руки Зорге, вгоняли иглы под ногти, до хруста сжимали запястья в бамбуковых тисках. Но даже они пришли в изумление: Зорге молчал.

Весть о необыкновенном мужестве «хромого» быстро распространилась среди надзирателей и вселила в них боязливую веру во что-то сверхъестественное, исходящее от этого человека. Зорге стал легендой. Даже тут он сумел вызвать к себе расположение, завоевать симпатии.

Неожиданно он заговорил. Нет, не телесные пытки за-

ставили его заговорить. Во время следствия ему показали пространную выписку из карточки гестапо, присланную из Германии и заверенную всеми подписями и печатями. Скрупулезно перечислялись все коммунистические «грехи» Зорге, особо указывалось на его близкую связь с известными деятелями Коминтерна. «Вы агент Коминтерна!» — закричал следователь. «Я гражданин Советского Союза и помогал своей Родине, Красной Армии. Коминтерн к этому делу не имеет никакого отношения»,— ответил Зорге.

И следователи снова и снова убеждались, что имеют дело с незаурядным человеком, искуснейшим дипломатом. Да, Зорге и не думал отрицать, что работает на Советский Союз, на Красную Армию. В этом не было нужды. Тем более что токко кэйсацу пытались приплести к этому делу Коминтерн, обосновать существование некой всемирной разведывательной организации Коминтерна и тем самым лишний раз оправдать заключение Японией «антикоминтерновского пакта». Организация Зорге сыграла свою роль, выполнила долг до конца, помогла советскому народу в его кровопролитной борьбе. Остальное уже не имеет значения. Даже на будущее. Что могут дать японской контрразведке частные штрихи деятельности организации, которая уже не существует? Даже опытом этой организации империалисты не смогут воспользоваться, ибо в капиталистическом мире иное представление об идеалах. Организация была единственным в своем роде оригинальным творением, и повторить ее нельзя, ибо повторение — уже шаблон, а шаблон в разведке неизбежно ведет к провалу.

Глупцов из токко кэйсацу интересуют всякого рода сыскные мелочи, они до сих пор не могут уяснить, что же произошло, какого масштаба явление перед ними. Они слишком увязли в своей шпиономании, ибо сами привыкли охотиться за грошовыми истинами. Разведывательная организация представляется им не творческим коллективом умов, а некой административной единицей с шефом во главе, с набором шпионских аксессуаров: воздушных пистолетов, адских машин, яда, банкнотов иностранного государства, инструментов для взламывания сейфов и, конечно же, передатчика, изготовленного институтом разведывательного управления. А оказывается, главный инструмент разведчика, раскрывающий сейфы с государственными тайнами,— ум. Способность к аналитическому мышлению. Способность самому становиться источником

информации. Способность быть незаменимым в среде тех людей, которые хранят государственные тайны. Способность быть патриотом до конца.

Следователям казалось, что они допрашивают Зорге. А на самом деле он использовал эти допросы для того, чтобы внушить, навязать представителям судебных органов свои мысли, повернуть ход их мышления в нужном для организации направлении. Следователи имели дело с самым коварным материалом — человеческим разумом, изощренным умом мыслителя.

Он был страшен в своем невозмутимом спокойствии. Словно он уже был по ту сторону жизни и теперь, отрешившись от себя, вел последнюю, глубоко логичную игру. Он и тут, на краю гибели, хотел оставаться хозяином положения.

Удалось ли ему это? Да, удалось.

«Рихард и я,— говорил Клаузен,— все время старались придавать работе моей жены как можно меньше значения. Мы говорили, что Анни всегда была против нас, что она делала все против своей воли, только постольку, поскольку является моей женой...»

Клаузена Зорге перед следователями старался обвинить в саботаже, в обуржуазивании. Дескать, он увлекался коммерцией, разбогател, и это притупило его энтузиазм.

Зорге всякий раз выступал в роли страстного обличителя Макса, и в это в конце концов поверили. Даже американская разведка, занимавшаяся после войны изучением дела организации Зорге, впала в заблуждение, увидев конфликт там, где его не было и в помине: «Полиция поняла, что благосостояние Клаузена притупило его энтузиазм в деле Советского Союза. Его все возрастающее разочарование, а теперь больное сердце, которое приковало его к постели с апреля по август 1940 года, вызывали его нежелание отправлять радиосообщения, которые Зорге подготавливал для него во все возрастающем количестве». Как известно, все было совсем наоборот. Только с середины 1939 года по день ареста Макс передал в эфир сто шесть тысяч групп цифрового текста, свыше двух тысяч радиограмм, то есть в среднем шестьсот радиограмм в год, или по две радиограммы в день. Более интенсивный радиообмен в условиях конспирации трудно себе представить.

Вот уж воистину для американской разведки сильнее кошки зверя нет: там, где речь идет о частной собствен-

ности, все отодвигается на задний план. По-видимому, Зорге хорошо знал природу мышления деятелей японского суда и тайной полиции: ведь в капиталистическом мире она повсюду одинакова...

В этой трагической ситуации имелись и свои комичные стороны. Пока Зорге и Макс всячески старались принизить роль Анны, доказывая, что она в прошлом была чуть ли не белогвардейкой и до сих пор люто ненавидит Советскую власть, Анна расписывала инспектору Накамуре прелести жизни в Краснокутской МТС. «Когда же я рассказала про жизнь в Краснокутской МТС, где все имели собственных коров, овец, где все было дешево, а мы жили хорошо, инспектор Накамура вскочил с места и закричал, что я вру, и перешел на другую тему. Позже они спрашивали меня, рассказывала ли я кому-нибудь из японцев подобные сказки раньше. Я им ответила, что не рассказывала, но японский народ все равно будет еще слышать правду о жизни в СССР, помимо меня».

По поводу участия в организации Бранко и Мияги Рихард заявил:

«В то время как я находил свою работу в качестве журналиста скучной и утомительной, потому что моей настоящей работой была разведка, Вукелич тратил все больше и больше усилий на свою корреспондентскую работу и передавал мне без всякого разбора все, что он слышал. Всю оценку он возлагал на меня... Данные, которые доставлял Вукелич, не были ни секретными, ни важными, он доставал только те новости, которые были известны каждому корреспонденту. То же самое можно сказать о Мияги, который не имел возможности узнавать государственные тайны...»

Так как на защиту рассчитывать не приходилось, Зорге тщательно готовился к суду. Он еще надеялся помериться силами с японскими судьями, защитить Одзаки, во всяком случае, попытаться смягчить приговор. Что касается себя — он готов был на все, решил не уступать врагу ни в чем до конца. Он хорошо знал, что по жестоким японским законам каждый член организации заслуживал смертного приговора. И все-таки он хотел спасти всех...

А как реагировали на арест Зорге в германском посольстве? Когда Отт и Мейзингер узнали об аресте, они пришли в негодование: опять эти японцы со своей шпиономанией что-то напутали! Рихард — разведчик некой иностранной державы? В то время как германская армия

задыхается на полях России, японцы издеваются над гражданами «третьего рейха»... Новому премьеру Тодзио это так не пройдет. Отт и Мейзингер потребовали немедленно освободить Зорге (послу нужно было в спешном порядке составлять отчет, а он остался без консультанта). Гестаповец был шокирован действиями японской полиции. Ведь могли бы обратиться предварительно к нему, Мейзингеру, и он объяснил бы, что Рихард — чистокровный ариец, убежденный нацист, друг Геббельса и Гиммлера... Нет, идиотизм токкока не имеет предела.

Японцы, однако, стояли на своем: раскрыта разведывательная организация во главе с Зорге, Клаузеном, Вукеличем. Освободить Зорге или хотя бы допустить к нему посла наотрез отказались.

Пришлось сообщить обо всем в Берлин. Перед этим посол и гестаповец устроили бурное совещание. Решили на всякий случай отречься от Зорге, чтобы собственная репутация не пострадала.

Нет, Эйген Отт не мог поверить в подобный кошмар. Лучший друг Рихард, которому он доверял все тайны...

Из гестапо незамедлительно пришел ответ. Да, Зорге коммунист, связан с Советским Союзом!.. Дальше шел обстоятельный рассказ о подпольной деятельности в Германии, о связях Зорге с русскими коммунистами. Милый Рихард — коммунистический деятель большого масштаба, по матери — русский, а вовсе не чистокровный ариец, как думали Отт и Мейзингер! Мейзингер в спешном порядке передал материалы японской контрразведке. И только после этого у него состоялся разговор с глазу на глаз с послом. Условились не выдавать друг друга. Но в посольстве нашлись люди, которые доложили в Берлин обо всем: о близкой дружбе Отта с Зорге, об исключительном доверии, оказанном советскому разведчику сотрудниками посольства и особенно послом.

Морской атташе Венеккер был напуган не на шутку: ведь все знали о его приятельских отношениях с Зорге. Гибель карьеры, гибель всего... Очутившись у себя на квартире, Венеккер заперся на все замки, открыл чемодан Рихарда. Нет, он не собирался изучать бумаги советского разведчика; он зажег газ и старательно уничтожил на огне все триста страниц рукописной книги Зорге, посвященной истории Японии. Чемодан Венеккер выбросил.

Неожиданно Отту разрешили свидание с Зорге. Посол

хотел отказаться, но Мейзингер посоветовал «довести игру до конца».

С некоторым страхом Эйген Отт ступил на территорию тюрьмы Сугамо. Как встретит его Зорге, который внезапно из друга превратился в самого заклятого врага? Ведь совсем недавно, когда Рихард заболел, он несколько дней лежал в доме Отта, и тут за этим советским разведчиком, ярым антифашистом ухаживали жена посла и девушка из посольства. Отт даже хотел устроить его в иокогамскую больницу, но Зорге не согласился — он дорожил временем.

О дальнейшем рассказывает Макс Клаузен:

«После того как меня освободили, я имел случай встретиться с Венеккером. Венеккер говорил о посещении Рихарда Оттом в тюрьме. Рихард вышел к нему, усмехнулся и сказал: «Это последний раз, когда я вижу посла Отта». Потом повернулся и ушел в камеру».

Риббентроп, поняв, что произошел крупнейший провал, еще до выяснения всех обстоятельств сместил Отта и назначил послом уже известного нам доктора Генриха Штаммера. Отту было приказано срочно явиться в Берлин. Разжалованный Отт знал, что его ждет в фатерланде: трибунал, каторга, а возможно — смерть.

Он добрался до Пекина, сменил документы, растворился в азиатских просторах. В Германию вернулся только после войны, когда ему уже ничто не угрожало.

Но Мейзингер не ушел от расплаты. Правда, его покарала не рука гестапо. Осенью 1945 года Мейзингера под конвоем доставили в Польшу, и тут «палач Варшавы» после народного суда был казнен.

9

ПОКА ПУЛЬСИРУЕТ КРОВЬ...

Предварительное следствие по делу организации Зорге затянулось почти на два года.

Правительство Гитлера потребовало выдачи Зорге и Клаузена, но японцы остались непреклонны. «Прокурор Ио сказал мне,— вспоминает Макс,— что они, японцы, отказались сделать это. С некоторой гордостью он заявил: «Мы отвергаем это требование, поскольку сами решаем свои дела... Мы никому не позволим оказывать на нас влияние».

Первоначально следствие по делу Зорге вел отдел безопасности, потом оно было передано отделу контроля за иностранцами. Японскими членами организации занимался только отдел службы безопасности.

За два года, как и предвидел Рихард, многое случилось.

Развязав войну на Тихом океане, Япония вовлекла в нее США, Англию, Индонезию, Канаду, Австралию, Индию, Новую Зеландию, Китай, Южно-Африканский Союз, Мексику и много других стран. Теперь уж Японии было не до нападения на Советский Союз. Предвидения Зорге и Одзаки сбылись. Гитлеровский «план Барбаросса»

потерпел полный и окончательный провал. Надзиратели тюрьмы Сугамо почему-то часто собирались у дверей камеры Зорге и громко обсуждали международные события. Словно их радовало, что Германия очутилась на пороге краха: началось общее стратегическое наступление Красной Армии от Великих Лук до Азовского моря, уничтожена половина всех гитлеровских сил, находившихся на советско-германском фронте. Зорге думал, что во всех этих победах есть заслуга и его организации.

Изменилось отношение к Вукеличу, Клаузенам. Так как Макс снова сильно заболел, его поместили в тюремный госпиталь, одели в красное кимоно. Макс скоро поправился, но врач не торопился его выписывать. «Этот врач, высокий, широкоплечий и красивый японец, делал все, чтобы поправить мое здоровье. Он держал меня в тюремной больнице два года, несмотря на то, что я давно поправился». Вукелича оставили в покое, хоть он по-прежнему отказывался давать какие-либо конкретные показания. С Анной даже стали учтивы: «Судья сказал, что моему защитнику дано право защищать меня и что он сам как судья постарается облегчить мое положение. Он говорил, что я не самостоятельно работала в организации, что такой страшный человек, как Зорге, увлек меня, как и многих хороших людей, и подчинил своей власти. Судья спрашивал меня, желаю ли я видеть мужа и Бранко. Я ответила «да»...»

Мужественное поведение Зорге во время следствия также в большой мере повлияло на судейских чиновников. Клаузен в связи с этим вспоминает: «После моего освобождения из тюрьмы адвокат Асанума сказал мне, что Рихард вел себя очень смело. Он меньше всего заботился о сохранении своей жизни, а просил смягчить приговор другим членам организации и все брал на свой счет. Я уверен, что Рихард до самой смерти вел себя так, как всегда. Я очень горжусь тем, что он считал меня одним из лучших друзей. Он говорил мне: «В этом мире, зараженном нацизмом, у меня есть ты; с тобой я могу говорить без неприятного чувства».

Ярость полицейские вымещали на японских членах организации. Мияги замучили пытками, он больше не поднимался с постели. 2 августа 1943 года во время суда он умер. Ему было сорок лет.

Заключенным выдали чернила, бумагу, разрешили писать. О чем? О чем угодно. Пусть каждый изложит на

бумаге свои политические взгляды, как они складывались. Японских психологов в полицейских мундирах интересовала загадка организации Зорге. Откуда берутся люди такой твердости характера? Каковы побудительные причины их беспрецедентных действий? Нельзя ли все это взять на вооружение?

Клаузен отказался писать. В феврале он отморозил руки и ноги, не мог есть без помощи надзирателя, не мог передвигаться. Боль была настолько нестерпимой, хуже всяких пыток, что Макс даже подумывал о самоубийстве. Надзиратель Араи приходил ночью и утешал: «Крепись! Красная Армия разбила Гитлера на Волге и погнала дальше. Скоро ему, контрами, смерть...» Араи сожалел, что Макс не может писать, все легче, когда занят чем-нибудь. Зорге, Вукелич и Одзаки вызов приняли, они до конца оставались журналистами и, понимая, что смерть уже пододвинулась вплотную, решили оставить живым свое политическое завещание. Во всяком случае, жандармам тут нечем будет поживиться.

Зорге писал на немецком языке. Свое повествование он начинает вопросом: «Почему я стал коммунистом?»

Партийный билет № 0049927... Когда Зорге уже не будет, останется партбилет, сохранится навечно в партийных архивах. У Рихарда хорошая память. Профсоюзный билет № 148990. Когда состоял в КПГ, номер партийного билета был 08678...

Номер партийного билета — это его пароль. Пароль врагам не сообщают, его хранят в своем сердце.

Он вдумчиво прослеживает события своей жизни, рассказывает о своих теоретических работах.

И постепенно перед нами вырисовывается облик человека, беззаветно преданного идеям коммунизма, рыцаря без страха и упрека, борца за мир, великого патриота Советского Союза, пожертвовавшего для Родины всем. Он дрался в окружении, но победил. Его приход сначала в КПГ, а затем в Компартию Советского Союза не случайность, а логический результат глубоких размышлений над судьбами мира. В главе записок «Мое изучение Японии» он анализирует свою деятельность в Японии, указывает, какое значение для разведывательной работы имело кропотливое изучение экономики, истории, культуры страны.

«Я усердно изучал древнюю историю Японии (она и по сей день вызывает у меня интерес)...»

В последних словах весь Зорге — ученый, исследователь, мыслитель. Даже на краю смерти он в состоянии думать о древней истории Японии, жалеть, что какие-то книги остались непрочитанными, незаконспектированными. Да, ему так и не удалось закончить книгу о Японии, успел написать всего триста страниц...

Записки Бранко Вукелича предельно лаконичны: всего пятнадцать страниц. Он также рассказывает, как политические события в Югославии и во всем мире привели его в ряды коммунистической партии, почему он согласился перейти на секретную работу. «Цель нашей организации — защищать Советский Союз от иностранного вмешательства». Очень тепло отзывается он о Зорге как о чутком, отзывчивом товарище и друге, истинном коммунисте.

Ни Зорге, ни Вукелич, ни Одзаки, ни другие члены организации в своих записках не выдают никаких секретов — это завещания, рассказ о своей духовной жизни.

Уже находясь в камере смертников, Одзаки написал: «Ведь если вдуматься, я счастливый человек. Всегда и повсюду я сталкивался с проявлениями людской любви. Оглядываясь на прожитую жизнь, я думаю: ее освещала любовь, которая была как звезды, что сияют сейчас над землей; и дружба, сверкавшая среди них звездой первой величины...» Свои записки Одзаки облек в форму писем своей жене. (Позднее они были изданы под заглавием «Любовь, подобная падающей звезде».)

Он рассказывает о фактах своей жизни, о несправедливостях мира, которые побудили его избрать дорогу революционера-профессионала. В записках излагаются не только взгляды Одзаки на проблемы внутренней и внешней политики страны, но и даются оценки внутриполитического и международного положения Японии накануне и в годы второй мировой войны. Он рекомендует правительству использовать советское посредничество в китайском вопросе, ратует за широкое сотрудничество Японии и СССР.

Заседания Токийского районного суда проходили в августе — сентябре 1943 года. «Заседания суда по делам Зорге, Вукелича, меня, Отто и других проходили отдельно»,— свидетельствует Клаузен. Судьи в черных, с сиреневой расшивкой накидках, в высоких головных уборах меланхолично выслушивали Зорге. Что бы он там ни говорил, его участь уже была решена. Он был опасный, самый

опасный... Таким пощады нет. Закрытое заседание не отличалось многолюдностью: коллегия из семи человек, стража, начальник контрразведки — вот и все.

Как построил защиту Зорге?

Прежде всего он вновь приложил все усилия, чтобы защитить своих товарищей. Приводил доводы, оправдывающие Макса, Анну, Бранко. Начал он так:

«Японские законы являются предметом обсуждения как в широком смысле, так и в отношении каждой буквы текста. Хотя утечка информации, откровенно говоря, может быть наказана по закону, но на практике японская специальная система не налагает ответственности за сохранение тайны. Мне кажется, что при составлении обвинительного акта недостаточно внимания было уделено нашей деятельности и характеру информации, которую мы получали...»

Он обвинял японское правосудие в недомыслии, обвинял всю японскую систему, считал японские законы несовершенными. Нет, за всю долголетнюю службу японским судьям еще не приходилось слышать ничего подобного.

Он был последователен, логичен, знал экспансивный характер японцев, тонко провоцировал на дискуссию.

И дискуссия с подсудимым завязалась. Сначала в виде грубых окриков; потом Зорге стали объяснять сущность японского законодательства. Постепенно из обвиняемого он превратился в грозного обвинителя.

На каком основании арестованы Вукелич, Клаузены? Разве они нанесли какой-нибудь вред японскому государству? Разве японские журналисты, аккредитованные в Москве, не занимаются тем же, чем занимался Бранко? Разве есть какие-нибудь документы, уличающие Вукелича? Он состоял в организации? Состоять — это еще не значит быть активным. Разве формальная принадлежность к этой или иной организации является достаточным поводом для привлечения к ответственности? Ведь он, Зорге, состоял также в нацистской партии. Почему его не привлекают за это? Или фашистская партия в Японии узаконена?

«То, что можно назвать политической информацией, добывал Одзаки или я.

Я добывал информацию из немецкого посольства, но здесь опять-таки я считаю, что очень немногая информация, если такая была, может быть определена как «государственная тайна».

Ее сообщали мне охотно. Чтобы получить ее, я не применял никакой стратегии, за которую я мог бы быть наказан.

Я никогда не прибегал ни к обману, ни к насилию. Посол Отт и военные руководители просили меня помочь им писать донесения, в особенности Отт, который относился ко мне с большим доверием и просил меня прочитывать все его донесения, прежде чем отправлять их в Германию. Что касается меня, то я верил этой информации, так как она составлялась и оценивалась компетентными военным и морским атташе для использования генеральным штабом Германии.

Я полагаю, что японское правительство, представляя сведения в германское посольство, знало, что некоторые из них утекут.

Одзаки доставал большинство своих новостей из «группы завтрака». Но «группа завтрака» не являлась официальной организацией. Такие сведения, которыми обменивались в этой группе, могли обсуждаться и в других подобных группах, которых в настоящее время много в Токио. Даже такие сведения, которые Одзаки считал важными и секретными, на самом деле не являлись таковыми, так как он добывал их косвенным путем, после того как они уйдут из своего секретного источника...»

Меланхолия исчезла. Судьи были в растерянности. Никто из них не мог привести ни одного разумного довода против защиты Зорге. Заседание пришлось прервать «для дополнительного изучения вопроса».

Так повторялось несколько раз. Зорге по памяти называл параграфы японского права, приводил выдержки. Его обостренный ум уверенно шел сквозь лабиринт процессуального крючкотворства, заводил судей в тупик. Может быть, некоторые из них впервые поняли, до какой степени несовершенны и уязвимы японские законы. Оказалось, голыми руками Зорге не взять. Оставалось одно: заткнуть ему рот, ибо в противном случае суду не предвиделось конца.

Зорге объявили, что состоится последнее заседание суда. Теперь от него добивались, признает ли он себя виновным.

«Нет, не признаю! — заявил он.— Ни один из японских законов нами нарушен не был. Я уже объяснял мотивы своих поступков. Они являются логичным следствием всей моей жизни. Вы хотите доказать, что вся моя

жизнь стояла и стоит вне закона. Какого закона? Октябрьская революция указала мне путь, которым должно идти международное рабочее движение. Я тогда принял решение поддерживать мировое коммунистическое движение не только теоретически и идеологически, но и действенно, практически в нем участвовать. Все, что я предпринимал в жизни, тот путь, которым я шел, был обусловлен тем решением, которое я принял двадцать пять лет назад. Происходящая германо-советская война еще больше укрепила меня в правильности того коммунистического пути, который я избрал. Я об этом заявляю с полным учетом того, что со мной произошло за двадцать пять лет моей борьбы, в частности и с учетом того, что со мной произошло 18 октября 1941 года...»

29 сентября 1943 года Токийский районный суд вынес приговор Рихарду Зорге: смерть! Это был последний довод японского правосудия.

Одзаки также приговорили к смертной казни.

И все-таки доводы Зорге возымели свое действие: смерть обошла остальных членов организации.

Когда обвинение потребовало для Анны Клаузен семи лет заключения и принудительного труда, она возмутилась и потребовала пересмотра дела. «Когда я узнала, что мне присуждают семь лет без зачета предварительного заключения, то сказала суду, что это несправедливо. Переводчик Уэда заявил, что и этого мало, что я заслужила быть повешенной, а еще проявляю недовольство». Дело все-таки пересмотрели, срок сократили до трех лет.

Бранко Вукелича и Макса Клаузена обрекли на пожизненное заключение.

И за все время пребывания в тюрьме Клаузену лишь однажды, в конце лета 1944 года, удалось повидать Зорге. Макса под конвоем вели в кабинет адвоката Асанумы. И вдруг из кабинета вывели Рихарда. Макс закричал: «Выше голову, Рихард, Красная Армия победила!» «Рихард улыбнулся мне. Его лицо осветилось счастьем. Но тут ко мне подскочил тюремный чиновник и так двинул в бок, что я растянулся на полу... На суде я потребовал приговорить меня к смертной казни — я хотел умереть вместе с Зорге. Думаю, что это самое лучшее, что я мог в тот момент сделать в честь антифашизма...»

Приговор не сломил волю Зорге и Одзаки. Они подали апелляцию в верховный суд. И снова в апелляции Зорге

защищает не столько себя, сколько своих друзей. Верховный суд не торопился с ответом.

Апелляция Зорге была отклонена в январе, а Одзаки — в апреле 1944 года. Их перевели в глухие камеры смертников. Ни тому, ни другому не назвали день казни. Им предстояло прожить в гнетущем ожидании почти год. Каждую минуту мог войти начальник тюрьмы Ичидзима и объявить, что по приказу министра юстиции сегодня в таком-то часу состоится казнь.

Оба любили жизнь и даже на краю гибели умели пользоваться ее радостями. Зорге прислушивался к голосам надзирателей, жадно ловил известия о ходе войны. Сопоставляя отрывочные фразы, он приходил к выводу, что победа советского народа близка. Он и жил только надеждой на эту победу.

Одзаки писал свою последнюю книгу — исповедь «Любовь, подобная падающей звезде»: «...Сейчас я ожидаю смерти... Я испытываю счастье при мысли, что родился и умру здесь, у себя на родине... Здесь, в тюрьме, моя любовь к семье вспыхнула с внезапной силой и стала источником мучительных переживаний. Первое время я просто не мог читать письма жены и смотреть на фотографии дочери, вложенные в них... Видимо, профессиональному революционеру нельзя иметь семью...

Учительница моей дочери Йоко специально зашла сказать ей, чтобы она не стыдилась отца и продолжала ходить в школу. Я хорошо знаю и из писем и из других источников, что мои родные считают, будто я совершил что-то нехорошее и непонятное и что это была великая жестокость с моей стороны — не только не думать о себе, но и погубить счастье жены и дочери. Возможно, по-своему они правы. Но я зато ясно видел недалекое будущее, и я был им настолько захвачен, что меня на все не хватало, у меня не оставалось времени, чтобы думать о себе и о своей семье. Вернее сказать, я не считал это необходимым.

Я был вполне убежден, что, целиком посвятив себя служению вопросам, какие ставит передо мною наше время, я служу высшим интересам — и своим, и своей семьи.

Я хочу снова повторить: «Откройте шире глаза, вглядитесь в нашу эпоху!»

Кто сумеет правильно понять веления времени, тот уже не будет больше ни сочувствовать людям, ни вздыхать о несчастьях своей семьи. Моя работа давала мне

возможность увидеть наиближайшее будущее, понять его, и это было самым близким, самым родным моему сердцу.

Пусть меня этим и вспоминают. Это будет хорошим надгробным словом для меня, и это я прошу передать всем».

С далекого Тайваня приехал старый отец Ходзуми. В дороге пароход был торпедирован американской подводной лодкой, и старик шесть часов должен был держаться на воде. Его подобрали и доставили в Токио. Об этой встрече Ходзуми рассказал в письме к жене:

«Наконец я смог увидеться с отцом. С чувством обреченности, с каким являются перед верховным судилищем, я предстал перед отцом. Я удивился, что могу держаться спокойно, но при взгляде на отца меня охватило сильное душевное волнение, которое я не мог побороть. Я просил у отца прощения за причиненное горе и пожелал ему здоровья и долгих лет жизни. С глубоким волнением я выслушал все его наставления. Я хорошо понимал смысл его слов, что ради жены и ребенка важно прожить хоть один лишний день.

Думается, что это наша последняя встреча, я внимательно разглядывал его. Он показался мне довольно бодрым, и это успокоило меня. Я порадовался, что ему идет мое пальто и мой галстук. Волосы у отца уже совсем седые, но слышит он еще чудесно. Я редко встречал людей с таким прекрасным слухом. Я вспоминаю, как китайцы на Тайване не раз хвалили его слух и говорили по этому поводу, что «хороший слух — порука здоровью и долголетию». Я проводил взглядом согнутую фигуру отца, сопровождаемого надзирателями, пока он не исчез за дверями». Старый журналист не осуждал сына, не упрекал его. Их встреча была наполнена бесконечной тоской и печалью перед неотвратимым. Одзаки передал с отцом копии тех писем, которые он писал из тюрьмы жене и дочери. Эти письма должны уцелеть, стать достоянием всех...

Рихард Зорге не дожил до Дня Победы Советского Союза над фашистской Германией всего полгода.

Те, кто видел его в последние месяцы без сетки на лице, свидетельствуют: он мало изменился со дня ареста. Все тот же спокойный взгляд голубых глаз, все то же несколько скорбное выражение рта и те же скупые жесты, уверенная походка, чувство собственного превосходства над судьями и полицейскими чиновниками. С надзирателями он был по-интеллигентски вежлив, хотя и не без

суровости. Его имя произносили шепотом. Вести из внешнего мира почти не доходили. Однако у Зорге появился доброжелатель: переводчик. И до суда, и во время суда, и после вынесения приговора этот симпатичный молодой человек с доброжелательной улыбкой на губах всегда находил удобную минуту, чтобы скороговоркой передать Рихарду обо всем, что творится на белом свете. Зорге продолжал притворяться не знающим японского языка. За последние годы у него сильно обострился слух. Где-то за тюремной стеной, может быть в парке или в сквере, висел репродуктор. Днем его заглушали звуки города, но в ранний час Зорге, лежа на циновке, прислушивался к бормотанию репродуктора и улавливал все.

Пока пульсирует кровь, пока мысль не угасла, его интересует ход событий там, в большом мире, куда он уже не вернется никогда, никогда... Теперь он часто думал о своей жене Кате. Вспоминал все их короткие встречи, споры об искусстве и литературе. Тогда, в первые дни их знакомства, вышла в свет книга испанского писателя Бласко Ибаньеса «Солнце мертвых». Катя повторяла вслед за писателем: «Слава — солнце мертвых. Все люди, чьи имена хранит история, знаменитые при жизни и после смерти или безвестные при жизни и превозносимые тогда, когда они уже не могли слышать похвал,— все они продолжают свое нематериальное бытие под лучами этого солнца, которое светит только тем, у кого уже нет глаз, могущих видеть его сияние». Сейчас можно было горько улыбнуться: Зорге никогда не заботился о личной славе; он прямо-таки не понимал честолюбцев. И он слишком ценил прелесть обыкновенного, горячего солнца живых, чтобы думать о могильно-холодном солнце мертвых. Он верил не в славу, а в силу великих идей и любил повторять слова Гёте о том, что когда встречаются идеи с характером, то возникают явления, которые изумляют мир в течение тысячелетий... Бедная Катя... Хотя бы одну-единственную весточку от нее! Это скрасило бы последние дни... Не мог знать Рихард, что Кати больше нет в живых: 4 августа 1943 года, в эвакуации, в Красноярске, она погибла в результате несчастного случая — от ожогов. Но об этом Рихард так и не узнал.

Его мать Нина Семеновна доживет до 1952 года. Его старший брат Герман умрет в 1948 году. Средний брат Вильгельм пропал без вести. О сводных сестрах Рихарда

Эмме и Амалии не известно ничего. Где они? Живы? Умерли?

В канун больших революционных праздников «Рамзай» всегда посылал поздравления товарищам в Москву. Вдали от Родины он с нетерпением ждал этих праздников, ибо они знаменовали какой-то новый рубеж в истории Советского государства. 1 Мая и 7 ноября собирались обычно у Клаузенов — тут же готов был вкусный русский обед; вспоминали годы, прожитые в Советском Союзе, и та, прошлая, жизнь как бы придвигалась.

Приходится только удивляться садистской изощренности японской контрразведки и министра юстиции: именно день 7 ноября они избрали для казни Зорге и Одзаки.

В это утро 7 ноября 1944 года Зорге чувствовал себя бодро, он не подозревал, что до смерти остались считанные минуты.

Вначале палачи решили расправиться с Одзаки.

В девять часов в камере Одзаки появились стражники. Начальник тюрьмы Ичидзима ради соблюдения формальности спросил у осужденного фамилию, возраст и бывший адрес. Потом объявил, что по приказу министра юстиции сегодня, сейчас, состоится казнь Одзаки. Ичидзима был опытным тюремщиком. Он знал, как некоторые смертники принимают страшную весть: обезумев, просят отсрочить казнь хотя бы на несколько минут. Как поведет себя этот «опасный коммунист»? Ведь умирают только один раз, будь ты императором или коммунистом...

Одзаки даже не изменился в лице. Он спокойно взял почтовую открытку, написал: «Я не трус и не боюсь смерти». Попросил передать письмо жене. Затем переоделся в чистый костюм и твердо сказал: «Я готов». Палачи надели наручники.

Его повели через тюремный двор к месту, где находилась железобетонная комната с высокими стенами. Когда Одзаки вошел в этот мрачный железобетонный мешок, он очутился перед золоченым алтарем Будды. Буддийский священник предложил смертнику чаю, сакэ, но Одзаки не принял «угощения».

«Жизнь и смерть — это одно и то же для того, кто достиг высшего блаженства. Высшее блаженство может быть достигнуто, если положиться на милосердие Будды...» — произнес священник. Это был ритуал.

Одзаки поблагодарил всех и еще раз повторил: «Я готов».

Он обошел алтарь и оказался в пустой комнате, без окон, с виселицей в центре. Под ногами находился люк. На глаза Одзаки надели черные очки. «Я умираю за народ!» — крикнул он.

В 9.33 люк раскрылся.

Одзаки Ходзуми не стало. Ему не было и сорока пяти лет.

«Как огни, гаснут люди, и нет ничего от них, как от огней, только пепел печали...»

...Когда начальник тюрьмы в сопровождении палачей вошел в камеру, Рихард Зорге понял, что час настал.

«Сегодня ваш праздник,— сказал Ичидзима.— Надеюсь, вы умрете спокойно». Он потрогал кадык. Палачи рассмеялись. Но под суровым взглядом Зорге они мгновенно притихли. Ичидзима спросил, не добавит ли Зорге еще что-либо к своему завещанию.

«Мое завещание останется таким, каким я его написал!»

Тогда начальник тюрьмы спросил: «Имеете ли вы что-нибудь еще сказать?»

«Да, имею. Вы правы, господин начальник тюрьмы: сегодня у меня праздник. Великий праздник — двадцать седьмая годовщина Октябрьской социалистической революции. Я хочу добавить несколько слов к своему завещанию. Передайте живым: Зорге умер со словами: «Да здравствует Советский Союз, да здравствует Красная Армия!»

После этого Зорге повернулся к тюремному священнику и сказал:

«Я благодарю вас за вашу любезность. Ваши услуги не понадобятся. Я готов».

Твердой походкой он прошел через тюремный двор. Очутившись в железобетонном мешке, не остановился перед алтарем, а направился прямо в камеру смерти, встал на крышку люка.

О чем он думал в последнюю минуту жизни?

Он заботился только об одном: своей выдержкой, спокойствием омрачить торжество врага. Он сам надел петлю на шею.

В 10.20 люк раскрылся.

Позже Макс Клаузен вспоминал: «Я хотел бы сказать еще несколько слов об одном японском товарище, который

сидел вместе со мной. Я не помню точно его фамилии — кажется, это был Судзуки. Во всяком случае, через тюремщика, который время от времени беседовал со мной на протяжении всего заключения и сообщал мне военные новости, я имел возможность встретиться с ним... Он рассказал мне, что Рихард был повешен 7 ноября 1944 года, что перед казнью он держался очень мужественно и воскликнул по-японски: «Да здравствует Красная Армия, да здравствует Советский Союз!»

Из протокола медицинской экспертизы известно: у Зорге было могучее сердце — оно билось еще целых 8 минут после того, как разведчика сняли с виселицы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Бранко Вукелич находился в Сугамо до июля 1944 года. Неожиданно Иосико разрешили свидание с мужем. Она взяла трехлетнего Хироси и отправилась в тюрьму. Свидание продолжалось всего несколько минут. Их разделяла решетка. Бранко протянул руки к сыну. Стражник отвернулся. Разговаривать приходилось громко, обязательно на японском. Вид Бранко был ужасен. Он почти совсем ослеп, остались кожа да кости. Но держался с присущей ему веселостью, острил и делал вид неунывающего человека. Иосико понимала, какие вести его интересуют больше всего. Сказала по-английски: «Советские войска подходят к границам Германии».

Время истекло. Это была их последняя встреча. Вскоре Бранко Вукелича сослали на каторгу в Абасири (северная часть острова Хоккайдо). Хоккайдо — суровый край. В то время, когда в окрестностях Сидзуоки расцветают чайные кусты и камелии, на Хоккайдо свирепствует вьюга. Зимой здесь бывали сорокаградусные морозы. Нет в Японии более мрачной тюрьмы, чем Абасири. В начале весны в здешних местах неделями стоят густые туманы, наступает сильное похолодание. Осенью рано выпадает снег, зимой морозы достигают двадцати градусов. Заключенные спят на оледенелых циновках. Потому-то с приходом зимы в Абасири умирают сотнями от крупозного воспаления легких.

Как известно, Вукелич в совершенстве владел разговорным японским языком, но письма жене и сыну писал на английском, так как запомнить несколько тысяч иероглифов он не мог. Тюремные цензоры переводили его письма на японский и только после этого отправляли адресату. Потому-то Иосико получала весточки от мужа с большим запозданием. Бранко скоро догадался, почему задерживаются письма, и всерьез занялся иероглифами, катаканой, хираганой.

Бранко пережил Зорге и Одзаки всего лишь на два месяца. В Абасири он не избежал участи многих: заболел крупозным воспалением легких.

Почувствовав, что смерть близка, он в конце декабря 1944 года отправил жене в Токио свое последнее письмо.

Вот его содержание:

«Извини, что это письмо задержано. Это произошло потому, что пришлось отложить его на 4-е воскресенье. Я получил письмо нашего мальчика, и, конечно, оно доставило мне большую радость. Ты, конечно, представляешь себе, как я восхищаюсь и вместе с этим беспокоюсь о твоей напряженной жизни. Прошу тебя: хорошенько позаботься о себе ради меня, ведь я так люблю тебя. Как ты писала, от моральных сил зависит многое. Мне очень нравятся твои родители. Пожалуйста, будь к ним добра. Теперь для начала позволь мне ответить на твои вопросы. 1) Серебро необходимо возвратить. Его оставляли нам на сохранение. 2) Почтовый бювар я получил, но пользоваться им мне пока не разрешают. 3) Я хорошо разбираю и читаю твои письма, но, поскольку время на них ограничено, пиши как можно четче и яснее (теперешний стиль и почерк меня вполне устраивают). Я хочу, чтобы ты описала когда-нибудь в одном из своих писем твой полный день, с утра до вечера, в присущем тебе интересном стиле. 4) Отвечай мне в письмах на все мои вопросы. Если что-нибудь не разберешь в моем письме — спрашивай. 5) Мне кажется, ты очень хорошо справляешься с воспитанием нашего сына в таких трудных условиях. Его привычка разговаривать с самим собой, должно быть, является результатом непостоянства окружающей среды — перемены места жительства, отсутствие знакомых людей и т. п. Отсутствие практики — это, должно быть, результат отсутствия юных друзей. Так или иначе, но это плохие привычки, но я надеюсь, что ты придумаешь, как исправить их. Что касается его способностей, то я считаю, как и все родители, что он талантлив. На фотографии он выглядит таким, каких я рисовал, когда был ребенком, но намного лучше и интереснее, чем его папа. Что же касается почерка, то я ведь начал писать первые буквы значительно позже. Может быть, здесь сыграла свою роль кровь Ямасаки, но я больше всего отношу это за счет твоего отличного воспитания. Я, например, воспитывался большей частью по принципу «оставьте его в покое», подобно маленькому домашнему животному, поскольку этот метод воспитания считали в наше время наилучшим методом. Даже тогда, когда мои родители заметили, что у меня плохой почерк, они реагировали на это очень просто: «Его почерк станет лучше после того, как он повзрослеет. Зачем надоедать ему с этим сейчас?» Может быть, я еще не совсем повзрослел? А может быть, это является

результатом пренебрежения начальным воспитанием, недостаточно настойчивым исправлением плохих привычек и т. п. Кстати, относительно слишком мягкого характера нашего сына. Пока в нем не проявляется отсутствие интереса или нелюбовь к работе, тебе не о чем особенно беспокоиться. Главное — привей ему привычку выполнять какую-нибудь работу, не вторгаясь, однако, в священный мир детских игр. 6) Что касается моей матери, то при отсутствии у тебя препятствий к этому пошли ей рождественские поздравления. Однако не торопись с этим, посмотрим, может быть, я получу разрешение послать поздравление сам, хотя я опасаюсь, что в этом случае оно может слишком запоздать. Жизнь сейчас такова, что для моей старой больной мамы, наверное, лучше было бы умереть, чем продолжать жить. Но если весточка от меня придет к ней вовремя, я уверен, это будет для нее большим утешением. Когда ты заботишься о своих родителях, вспомни об этих моих чувствах. Мне хотелось бы позаботиться о твоих родителях даже больше, чем о своих, но я вынужден был разочаровать их всем этим, что они, должно быть, называют божьим наказанием. 7) В отношении моего здоровья не беспокойся так сильно. В течение последнего месяца рецидивов не было, и я быстро поправляюсь. Кроме того, я переношу холод гораздо лучше, чем ожидал. (Вот только мой почерк становится от него хуже, чем обычно.) Мы вполне можем рассчитывать на встречу в будущем году. Печка, которую я так долго ждал, наконец установлена; с ее появлением я сразу же вообразил себе картину: «Мы вдвоем. Жарится сакияки. Ребенок спит. В печке огонек... тепло так же, как сейчас...» Это было в действительности осенью. 8) Ты должна больше писать мне о своем здоровье. Тебе тоже нужно сходить к врачу. Пожалуйста, пришли мне свою фотографию и фото нашего ребенка. Может быть, мне разрешат посмотреть на них. И конечно, напиши мне письмо. Извини, что я не могу преподнести тебе никакого новогоднего подарка. Я посылаю лишь свои благодарности. Исторически этот новый год должен быть самым важным и самым трудным для Японии так же, как и для всего мира и для нашего ни в чем не повинного маленького сына. Мысли о вас придают мне сил. Пожалуйста, расскажи нашему маленькому мальчику, как я был рад его письму. Позаботься о своем здоровье; я постараюсь быть бодрым.

Ваш папа.

СПАСИБО ТЕБЕ ЗА ПИСЬМО, ХИРОСИ. ПАПА ОЧЕНЬ ЛЮБИТ ХИРОСИ. ПРИСЫЛАЙ МНЕ ПИСЬМА ЕЩЕ.

ПАПА».

(Внизу примечание, сделанное рукой Иосико Ямасаки: «Это письмо было написано, по-видимому, в последнее воскресенье декабря 1944 года, но отправлено властями 8 января 1945 года, когда он уже лежал при смерти от воспаления легких».)

Мы читаем эти строки и как бы разговариваем с живым Бранко. Вот таким он и был: глубоко человечным, мягким, со всегдашней доброй улыбкой. Сколько тут сдержанного чувства, желания не причинить боль любимой, сколько надежд, которым не суждено сбыться...

13 января 1945 года в сорокалетнем возрасте Бранко Вукелич скончался. После перенесенных мучений он весил всего тридцать два килограмма. Узнав о смерти мужа, Иосико поспешила на Хоккайдо. Но ей не показали даже места погребения. О, здесь умирает слишком много, могилу каждого не запомнишь...

Судьба Макса Клаузена и Анны сложилась несколько по-другому. После окончательного приговора в 1944 году Макса перевели в отделение для уголовников, где находились также японские коммунисты. «Через тюремного слу-
13 жителя они передавали мне японскую газету на английском языке и многое другое. При чтении этой газеты нужно было соблюдать осторожность, потому что время от времени в глазок подсматривал тюремщик. Из этой газеты я узнавал, что происходило в мире и как решается война. Кроме того, я читал тюремную газету на японском языке. Из нее я узнал, что Красная Армия все время наступает и теснит фашистов все дальше на запад».

Да, чтобы читать тюремную газету, Макс усиленно занимался японской письменностью и добился поразительных успехов. Иероглифы и катакана для него перестали быть загадкой. Книг заключенным не давали, но Макс сумел припрятать словарь японского языка.

10 марта 1945 года Токио подвергся налету американской авиации. Половина города сгорела дотла, тюремщики, забыв о своих обязанностях, отсиживались в бомбоубежищах. Много тюрем вместе с заключенными сгорело в тот день. Налеты продолжались до 26 марта. Последний отряд американских бомбардировщиков сбросил бомбы непода-

леку от тюрьмы Сугамо. Загорелись деревянные постройки. «Горящие куски дерева разлетались по ветру и попадали в мою камеру, отчего сразу воспламенилась циновка. Дверь моей камеры была заперта, в то время как камеры других заключенных были открыты, с тем чтобы при необходимости они могли выскочить. Мне все время приходилось заниматься предотвращением пожара...» — пишет Макс.

На следующий день Клаузена отвезли в тюрьму Акита.

Анне Клаузен приходилось еще хуже. Два месяца спустя после вынесения приговора ее перевели из Сугамо в тюрьму Точиги. Здесь заключенные размещались в землянках, которые при дожде заливало. В коридорах ставили насосы, и заключенные выкачивали воду. В тюрьме насчитывалось более шестисот женщин, из них двести семьдесят политических. Заключенных по семнадцать часов в сутки заставляли изготовлять боеприпасы для армии. Кормили плохо. Смерть от недоедания, туберкулеза и других болезней считалась обычным явлением. «Меня содержали очень строго, совершенно изолировали от других, на прогулку выводили раз в месяц и в такое место, где другие не бывали». Во время налетов американской авиации заключенных сковывали общей цепью и выводили во двор, Анну оставляли в камере. 13 июля ее перевели в барак № 3 — барак смерти. Тут держали в кандалах. «Моя камера была рядом с той, в которую складывали трупы. В проеме между камерами висела лампочка, в эту дыру из трупной камеры в мою проникало страшное зловоние разлагающихся трупов. В середине августа в ней лежали трупы по десять дней и больше. Пищи давали так мало, что трудно представить. Это были кукуруза, гаолян и еще какое-то месиво. От голода я не могла стоять на ногах».

Но советские разведчики стойко перенесли все мучения и лишения.

После разгрома Красной Армией Квантунской армии и капитуляции Японии Клаузенов освободили. Они обратились в советское посольство. Так как у Макса врачи обнаружили опухоль в печени, он попросил служащих из посольства устроить его в больницу. Через несколько часов Клаузенов отвезли на аэродром. Во Владивостоке Максу сделали операцию.

А потом их ждала Москва...

Макс всегда считал, что вся его деятельность направлена не только на защиту Советского Союза, но также на

уничтожение фашизма и на построение социализма в самой Германии. Там, в Токио, он дрался за новую, социалистическую Германию. Подводя итог своей разведывательной деятельности, он мог гордо сказать: «Я стал разведчиком потому, что ненавидел фашизм и милитаризм и горячо любил свою родную Германию. Моя работа для СССР всегда являлась для меня также борьбой за светлое будущее любимой Германии».

В 1946 году Клаузены переехали на родину Макса — в ГДР. Здесь оба вступили в Социалистическую единую партию Германии. Вскоре Макс стал инструктором по кадрам кепеникских судоверфей в Берлине. Он неоднократно завоевывал почетное звание активиста. Для них настала та мирная жизнь, о которой они так страстно мечтали многие годы.

Советское правительство высоко оценило подвиг боевых соратников отважного разведчика Рихарда Зорге: 19 января 1965 года Макс Клаузен награжден орденом Красного Знамени, Анна Клаузен — орденом Красной Звезды. Узнав о награде, Макс Клаузен сказал:

«Дорогие друзья! С чувством радости и гордости мы узнали, что за нашу деятельность в Токио в составе разведывательной организации доктора Рихарда Зорге Советское правительство наградило нас боевыми орденами. Нам выпала высокая честь вместе с незабвенным Рихардом бороться против фашизма, против войны. Мы счастливы, что и наша работа явилась посильным вкладом в дело победы».

Министр государственной безопасности ГДР вручил Максу и Анне золотые медали за заслуги перед Народной армией.

29 января 1965 года Председатель Президиума Верховного Совета СССР передал жене и сыну Бранко Вукелича — Иосико Ямасаки и Хироси Ямасаки орден Отечественной войны 1-й степени — посмертную награду героя.

Авторы этой книги имели возможность встретиться с Иосико и Хироси Ямасаки. Тоненькая, небольшого роста женщина, скромно одетая, глуховатым голосом неторопливо рассказывала о живом Бранко. Живет она в Токио, работает переводчицей в пресс-секции чехословацкого посольства.

Что рассказала нам Иосико Ямасаки?

«У меня хранятся 159 писем, которые прислал мне Бранко из тюрьмы. Я вышла замуж 26 января 1940 года

и прожила с Бранко всего двадцать месяцев. После его смерти мое горе было так велико, что я хотела покончить с собой. Но затем, чтобы выполнить его желание, полностью отдалась воспитанию нашего единственного сына. Пусть будет таким же, как отец: честным, искренним, душевным, умным, храбрым.

Дело Зорге в Японии стали оценивать правильно, когда поняли, за что он боролся. Слезы радости выступают на глазах, когда вспоминаю слова мужа: «Мы боремся за мир. Сейчас стремимся к тому, чтобы не было войны между Японией и СССР». Я без колебания поклялась, что во всем буду следовать за ним. Вы спрашиваете, какой день в моей жизни самый счастливый? Я хорошо помню тот день. Бранко вернулся вечером и сказал: «Наш брак признали официально. Наши советские друзья поздравляют нас!..» Когда фашисты напали на Югославию, Бранко рвался на родину. Он хотел участвовать в партизанской борьбе».

Хироси учился на родине отца — в Югославии, в аспирантуре при Белградском университете. До аспирантуры он занимался на экономическом отделении юридического факультета Токийского университета. У Хироси есть югославское имя: в Белграде его зовут Лавославом. Мать и сын навещают родных Бранко Вукелича.

...После казни Рихард Зорге тайно был похоронен на токийском кладбище Тама. Кладбище знаменито тем, что здесь покоятся останки сотен бойцов-антифашистов. Дом, в котором проживал Зорге, полиция сожгла: пусть ничто не напоминает о советском разведчике! После войны друзьям Зорге пришлось провести тщательные розыски, чтобы найти его тело. Останки героя обнаружили в одной из братских могил. «Рамзая» опознали по вставным золотым зубам и огромным ботинкам; имелись и другие приметы: например, всем было известно, что у Зорге одна нога короче другой — следствие давнего тяжелого ранения.

В 1956 году, то есть двенадцать лет спустя после казни, над могилой Зорге друзья установили памятник — гранитную плиту с надписью:

«РИХАРД ЗОРГЕ
1895—1944».

На другой стороне плиты были высечены слова:

«Здесь покоится герой, который отдал свою жизнь в битве против войны, за мир во всем мире. Родился в Баку

в 1895 году, приехал в Японию в 1933 году, был арестован в 1941 году, казнен 7 ноября 1944 года».

А совсем недавно на токийском кладбище Тама состоялась церемония возложения на могилу Рихарда Зорге нового надгробного камня. На черном квадратном граните высечены Звезда Героя Советского Союза и надписи на трех языках: по-русски, по-немецки и по-японски: «Герой Советского Союза Рихард Зорге», даты его рождения и смерти.

Надгробный камень установлен по инициативе японского комитета памяти Рихарда Зорге.

В июне 1965 года мы встречались также с другом Зорге японкой Исии Ханако. В Японии широко известны ее книги «Человек — Зорге» и «Все о встречах с человеком по имени Зорге».

Когда потребовались деньги на сооружение памятника над могилой Зорге, Исии внесла в общий фонд свой гонорар, полученный за книги.

Исии Ханако живет в Токио. Ее давней мечтой было увидеть родину Зорге — Советский Союз. Эта мечта исполнилась. Да, она увидела Москву. В глубокой печали и задумчивости шла она по улице имени Зорге. Ее друг стал как бы неотъемлемой частицей великого города — и в этом торжество его благородного дела.

«Зорге был человеком особого душевного благородства,— сказала Исии Ханако.— Он всегда проявлял заботу о других и мало заботился о себе. Он хотел мира для всех людей. Я это знаю, знаю...»

Исии не только артистка, певица, но и талантливый скульптор. Своими руками она изваяла бюст Рихарда Зорге. Этот бюст стоит в ее квартире.

Исии мечтает воздвигнуть со временем над могилой своего друга большой памятник.

На могиле советского разведчика всегда цветы: их приносят простые люди Японии, студенты, друзья Зорге. Память о нем не умирает в Японии.

Рядом с могилой Зорге — обелиск с именами Одзаки, Вукелича, Мияги. На могилу Одзаки Ходзуми часто приходит жена Одзаки — Эйко. Иногда из Иокогамы приезжает его дочь Йоко — преподаватель иокогамского института.

Беспримерный подвиг советских разведчиков изумил мир. Но о самом подвиге узнали не сразу. В Японии о судебном процессе по делу организации Зорге не писали,

только краткое упоминание было сделано в печати в мае 1942 года. В сообщении японская контрразведка пыталась связать членов организации с Японской компартией, с Коминтерном, дабы лишний раз в глазах общественности оправдать свое участие в преступном «антикоминтерновском пакте». Однако материалы следствия целиком изобличают миф о причастности организации к Коминтерну, о ее связях с Японской компартией. Подлинники некоторых документов, относящихся к процессу, исчезли во время пожара в министерстве юстиции в 1944 году. Все важнейшие документы, связанные с делом организации, в 1945 году прибрала к рукам американская разведка.

Американская секретная служба штаба дальневосточного командования, завладев материалами, в течение ряда лет кропотливо их изучала, надеясь разгадать тайну советской разведки, понять побудительные мотивы действий Зорге и его товарищей.

Разгадать тайну не удалось. Орешек оказался не по зубам. Оставалось лишь лицемерно восхищаться: «Вероятно, никогда в истории не существовало столь смелой и столь успешной организации...»

Деятелей империалистических разведок, привыкших опираться на морально разложившихся перерожденцев, убийц и диверсантов, поставило в тупик бескорыстие Зорге и его товарищей, их мужество и самоотверженность. Американская разведка, содержащая на службе, по сообщению хорошо осведомленного журнала «Ньюсуик», сто тысяч человек, построена на подкупе, вероломстве, интригах. Здесь все продается и покупается, здесь тоже каждый старается сделать свой бизнес. Ни для кого не секрет, что американское правительство расходует в общей сложности на разведку и подрывную деятельность против стран социалистического лагеря три миллиарда долларов в год. В этот же диверсионный фонд щедро течет золотой поток от фирм Дюпона, Меллона и других. Создатель Центрального разведывательного управления Гарри Трумэн в свое время цинично признал, что ЦРУ «в глазах многих превратилось в символ коварства и таинственных интриг за границей».

Зорге и его соратники никогда не прибегали к насилию, шантажу, подкупу, диверсиям и другим черным приемам разведок империалистических держав. Врагам социалистического государства они противопоставили апа-

литический ум, творчество, изобретательность, твердую дисциплину и безукоризненную конспирацию.

Во главе организации стоял не рыцарь плаща и кинжала, а мыслитель, человек, беспредельно преданный Коммунистической партии и Родине, борец с фашизмом, бесстрашный борец за мир во всем мире, подлинный гуманист, отличный дипломат и тонкий политик, общественный деятель большого масштаба. Потому-то Рихард Зорге стал символом мужества и бескорыстного служения своему народу, прогрессивному человечеству всего мира.

Организация Зорге вела смертельную борьбу с поджигателями войны, она защищала социалистическое государство. В этом величие ее подвига. Зорге собрал вокруг себя истинных гуманистов, испытанных бойцов против фашизма и милитаризма. Дело защиты Советского Союза стало также делом японских патриотов. Нет, не за деньги и награды рисковали они своими жизнями. Даже американцы вынуждены были признать: «Это успешное достижение практически ничего не стоило Советскому Союзу. Они даже пытались сократить свои расходы и в 1940 году приказали, чтобы часть доходов от Клаузена шла в организацию... Одзаки, например, никогда не получал ни гроша для себя и фактически терпел убытки. Конечно, та информация, которую Зорге отправил после 22 июня 1941 года, помогла сэкономить Советскому Союзу много миллионов долларов. Так как это имело большое влияние на развертывание советских войск и, следовательно, на приостановление немцев в самый критический момент войны, то их общая стоимость неисчислима». А Макартур, не скрывая своего удивления, сказал, что столько денег, сколько получал Зорге, имеет в Америке его шофер.

Как видим, все подсчитано с бухгалтерской скрупулезностью. Разумеется, Клаузену никто не приказывал отчислять скромные доходы от мастерской в фонд организации. В том не было необходимости. А если бы потребовалось, Клаузен, не задумываясь, отдал бы все, вплоть до жизни. И Одзаки меньше всего размышлял над тем, какие он терпит убытки, ставя под угрозу собственную жизнь и благополучие горячо любимой семьи.

Не деньги, а более могучая сила руководила всеми их помыслами и действиями: идеи марксизма-ленинизма, высокий интернациональный долг. Этого-то как раз и не понять никогда представителям империалистических разведок.

Буржуазные историографы и писатели, фальсификаторы всех мастей, узнав о подвиге Рихарда Зорге, сразу же подняли сенсационную шумиху. Беспрецедентный случай в истории разведок всего мира! Померк ореол душителя народов Ближнего Востока и Африки Лоуренса, закатилась звезда Мата Хари... За короткий срок книжный рынок был наводнен сенсационно-детективными книжонками, брошюрками, в которых до неузнаваемости искажался образ Зорге.

Фальсификаторов меньше всего интересовала истина. Одни из них историю Зорге решили использовать в целях антикоммунистической пропаганды. Отважный советский разведчик наделялся чертами, совершенно не присущими ему, представлялся этаким хладнокровным злодеем, бесшабашным гулякой и донжуаном, шантажом и насилием, подкупами заставляющим работать на себя. Был пущен в ход весь нехитрый набор бульварно-детективной литературы: нагромождение ужасов, любовных похождений, взламывание сейфов, похищения и предательство.

Более изощренные поняли, что на эту неумную приманку никого не поймаешь. Они пошли по другому пути: нужно всячески принизить роль советского народа в Великой Отечественной войне, выставить Зорге героем-одиночкой, чуть ли не спасителем Советского Союза, гиперболизировать его подвиг. Фальсификаторы этого толка не скупились на похвалы Зорге, называя его разведчиком века, разведчиком-идеалистом, разведчиком-фанатиком.

Похвала в устах врага всегда дурно пахнет.

Сам Рихард Зорге более скромно оценивал заслуги организации перед Советским государством. Великолепный диалектик, истинный коммунист, он хорошо понимал, что историю вершат не личности, а народы. Своевременная информация, предупреждение могут повлиять на течение войны, сократить жертвы, но исход войны в конечном итоге решают организованная сила народа, моральный и военный потенциал страны. Информация, которую посылал в Центр Зорге, носила действенный характер: благодаря этой информации Советское правительство всегда было в курсе того, как развиваются германо-японские отношения, с какой стороны Советскому Союзу грозит наибольшая опасность. Трудно перечислить все сделанное организацией Зорге в этом направлении. Но Зорге отдавал себе отчет в том, что сведения, добытые им, являются лишь некой долей в общей копилке советской разведки.

Велика или мала эта доля, он не мог судить; он работал не ради славы и считал себя рядовым тружеником военной разведки.

Подвиг Рихарда Зорге и его товарищей не нуждается в преувеличении, он значителен сам по себе.

Очутившись в стране, в которой он никогда до этого не был, Зорге, несмотря на крайнюю подозрительность японской полиции к иностранцам, в условиях беспрестанной слежки, а также контроля со стороны гестаповцев, обосновавшихся в германском посольстве, сумел развернуть успешную разведывательную деятельность, создать разветвленную организацию, заставить работать на нее «мозговые тресты» Японии и Германии, охватить все области жизни этих стран. И хотя территориально организация находилась в Японии, острие ее деятельности было направлено против фашистской Германии. Информация о Японии носила превентивный характер: Зорге следил, как развиваются германо-японские отношения и существует ли в связи с этим опасность нападения милитаристской Японии на дальневосточные границы Советского Союза.

Прогрессивные люди Японии отлично разобрались во всем, дали справедливую, объективную оценку деятельности организации Зорге. Современный японский историк Фудзивара Акира пишет: «В обстановке международной политики того времени Зорге и его товарищи решали наиболее трудную задачу — как практически осуществить борьбу за мир, и с высоким героизмом отдались деятельности, которую рассматривали как самую важную для интересов человечества» (японский исторический журнал «Рэкисигаку Кэнкю» № 4 за 1963 год).

В Японии интерес к подвигу Зорге и его соратников велик и не затухает с годами. В Токио в 1962 году был выпущен трехтомник, заключающий основные материалы судебного процесса над организацией Зорге; дальний родственник Одзаки по линии отца — Одзаки Хоцуки написал книгу, посвященную героям; в журналах и газетах печатаются воспоминания жены Вукелича Иосико Ямасаки и людей, близко знавших Одзаки и Мияги; огромными тиражами переиздаются посмертная книга Одзаки Ходзуми «Любовь, подобная падающей звезде» и записки Исии Ханако.

Организация Зорге внесла свой посильный вклад в общее дело разгрома врага всего человечества — германского фашизма.

Потому-то во всех уголках земного шара не угасает с годами интерес к личности Зорге и его делам.

Кто вы, доктор Зорге?..

Рихард Зорге сам ответил на этот вопрос. Ответ предельно лаконичен: «Я коммунист!» Этим, по сути, сказано все. На пороге смерти отважный разведчик, как нам уже известно, торопился ответить именно на один-единственный вопрос: «Почему я стал коммунистом?» Самое главное, самое важное, что он хотел донести до нас, до всех людей доброй воли: Зорге был и остался до последнего мгновения коммунистом! Он умер за великую идею. Его воспитала Коммунистическая партия, он был сыном партии и все свои дела оценивал как задание партии. Да, он пожертвовал всем: личным счастьем, всеми радостями спокойного бытия, карьерой ученого и самой жизнью. Но он знал более высокое счастье: служение своей Родине!

«Правда», посвящая страницы памяти Зорге, 6 ноября 1964 года писала: «Только через двадцать лет сложились условия, позволяющие рассказать правду о Зорге. По достоинству оценены его выдающиеся заслуги перед Родиной, его мужество и геройство. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 ноября 1964 года товарищу Рихарду Зорге посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Люди доброй воли с великой благодарностью вспоминают коммуниста-интернационалиста, пламенного антифашиста и борца за мир — советского разведчика Рихарда Зорге».

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РИХАРДА ЗОРГЕ

1895, 4 октября — В деревне Сабунчи (Азербайджан) родился Р. Зорге.
1898 — Переезд семьи Зорге в Германию.
1901 — Поступает в реальное училище под Берлином.
1911 — Смерть отца.
1914 — Р. Зорге, не сдав выпускные экзамены в школе, уходит добровольцем на фронт мировой войны.
1915 — Первое ранение. Поступает на медицинский факультет Берлинского университета. Уходит на Восточный фронт.
1916 — Второе ранение. Занятия в Берлинском университете. Возвращается на фронт. Получает третье ранение.
1918 — Увольняется из армии, переводится в Кильский университет на политический факультет. Вступает в НСДП. Создает и руководит социалистической студенческой организацией.
3—4 ноября — Принимает участие в восстании матросов в Киле.
1919 — Студент Гамбургского университета. 15 октября вступает в КПГ. Советник гамбургской коммунистической газеты. Август — заканчивает высшее образование.
1920 — Преподаватель Высшей технической школы в Аахене. Ведет партийную работу среди шахтеров. Участвует в подавлении капповского путча. Чернорабочий в угольном бассейне Аахена. Работает инструктором и пропагандистом в Ремшайде.
1921 — Редактор коммунистической газеты «Бергише арбайтерштимме» в Золингене.
1922 — 1923 — Работает в частном институте во Франкфурте-на-Майне. Преподает на партийных курсах. Выход в свет брошюры «Роза Люксембург и накопление капитала».
1924 — Депутат IX съезда КПГ. В конце декабря — отъезд в Советский Союз.
1925 — 1929 — Работает в Институте марксизма-ленинизма референтом информационного отдела, политическим и ученым секретарем в орготделе. В марте 1925 года Хамовнический районный комитет принял Р. Зорге в Коммунистическую партию Советского Союза. Появляются в печати работы Р. Зорге, посвященные империализму: «Экономические статьи Версальского мирного договора», «План Дауэса и его последствия», «Германский империализм» (1927) и др.

1930, январь — весна 1933 — Работа в Китае. Знакомство с Одзаки Ходзуми.

1933, 6 сентября — Р. Зорге прибыл в Токио. Создание организации.

1935, июль — 16 августа — Поездка в СССР и пребывание в Москве.

1936, 26 февраля — Путч «молодого офицерства» в Токио, попытка государственного переворота. Ноябрь — Зорге сообщает в Центр о заключении между Германией и Японией «антикоминтерновского пакта».

(«Антикоминтерновский пакт» подписан 25 ноября 1936 г.)

1937, июнь — Приход к власти Коноэ. Ориентация на так называемую «малую войну» в Китае. 7 июля — Начало японского вторжения в Китай. 21 августа — Заключение договора о ненападении между СССР и Китаем.

1938, 12 мая — Зорге попал в мотоциклетную катастрофу. 20 июля — август — Военные действия у озера Хасан.

1939, 28 мая — август — Военные действия у реки Халхин-Гол.

1940, 27 сентября — Заключение тройственного пакта о военном союзе между Японией, Германией и Италией. 18 ноября — Зорге предупреждает Центр о готовящейся агрессии со стороны Германии. 28 декабря — Сообщает об агрессивных намерениях Гитлера и о количестве немецких дивизий на границе с Советским Союзом.

1941, март — Сообщает о гитлеровских планах вторжения в Советский Союз. 21 мая — Сообщает о количестве армий и дивизий, сосредоточенных Германией против Советского Союза. 30 мая — Указывает сроки нападения Германии на СССР. 6 сентября — Заверяет Советское правительство в том, что нападения Японии на Советский Союз не будет. 18 октября — Арест Зорге и других членов организации.

1943, 29 сентября — Токийский районный суд вынес смертный приговор Рихарду Зорге.

1944, 7 ноября — Казнь Зорге.

1964, 5 ноября — Указом Президиума Верховного Совета СССР Рихарду Зорге посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Рихард Зорге, Как я стал коммунистом. «Комсомольская правда», 3 марта 1965.

М. Колесников, Таким был Рихард Зорге. М., Военное издательство, 1965.

М. Колесников, Ян Карлович Берзин. В сборнике «Солдаты невидимых сражений». М., Военное издательство, 1968.

Мария Колесникова, Михаил Колесников, Друзья и соратники Зорге. Политуправление погранвойск КГБ при Совете Министров СССР. М., 1966.

Я. Горев, Я знал Зорге. «Комсомольская правда», 8 октября — 1 ноября 1964.

С. Голяков, В. Понизовский, Рихард Зорге. Издательство «Молодая гвардия», библиотечка «Честь, отвага, мужество», 1965.

Юр. Корольков, Человек, для которого не было тайн. М., Издательство политической литературы, 1965.

И. Дементьев, Н. Агаянц, Е. Яковлев, Товарищ Зорге. М., издательство «Советская Россия», 1965.

Н. Румянцева, Фридрих Зорге. Издательство «Мысль», 1966.

Ходзукі Одзакі. Справа Зорге. Переклад з японської. Львів, видавництво «Каменяр», 1968.

Дело Зорге. Серия «Исторические материалы» (материалы судебного процесса над группой Зорге в 1941—1942 гг. в трех томах). На японском языке. Токио. Мисудзу себо, 1962.

Чарльз Уайтон, Величайшие разведчики мира. На английском языке. Лондон, «Одэмз пресс лимитед», 1962.

Ральф де Толедано, Разведчики, простофили и дипломаты. На английском языке. Нью-Йорк, «Дуэлл Слоун «ПИЭРС», 1962.

Юлиус Мазер, Герхард Штухлик, Хорст Пенерт, Доктор Зорге радирует из Токио. На немецком языке. Берлин, Немецкое военное издательство, 1966.

СОДЕРЖАНИЕ

Колесникова Мария Васильевна,
Колесников Михаил Сергеевич,

РИХАРД ЗОРГЕ. М., «Молодая гвардия», 1971. 304 с., с илл. («Жизнь замечательных людей». Серия биографий. Вып. 12 (500).) 9(С)2

Редактор *Ю. Василькова*
Серийная обложка *Ю. Арндта*
Оформление *А. Дерявского*
Художественный редактор *А. Степанова*
Технический редактор *Ю. Бойко*
Корректоры *Б. Шагалова, А. Долидзе*

Сдано в набор 10/XII 1970 г. Подписано к печати 20/IX 1971 г. А 01302. Формат $84 \times 108^{1}/_{32}$. Бумага № 2. Печ. л. 9,5 (усл. 15,96)+17 вкл. Уч.-изд. л. 18. Тираж 150 000 экз. Цена 78 коп. Т.П. 1971 г. № 386. Заказ № 2222.

Набрано и сматрицировано в Киевском полиграфическом комбинате, Довженко, 3. Заказ 1—276. Отпечатано в типографии издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», Москва, А-30, Сущевская, 21.

ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ!

Вы прочитали пятисотую книгу серии «Жизнь замечательных людей». Выпуск пятисотого номера — это своеобразный юбилей. Свои отзывы и пожелания об этой книге, а также о других книгах серии и перспективах ее деятельности просим присылать по адресу: Москва, А-30, Сущевская, 21, издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».

Редакция серии «ЖЗЛ»

78 коп.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

ЖЗЛ
РИХАРД ЗОРГЕ
М. Колесникова
М. Колесников